

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO

Review of International
Relations

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Scopus, Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, директор по научным коммуникациям МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, независимый исследователь (Россия).

Вайц Р. – старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризона (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, независимый исследователь (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН, заведующий кафедрой международной безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий Лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по развитию МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Рогов С.М. – академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (Russia).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Science and Research of MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief (Russia).

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Doctor of Political Science, independent researcher (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, independent researcher.

Kokoshin A.A. – Head of International Security Department, Lomonosov Moscow State University Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for Strategic Development MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa R. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Doctor of Sciences (Politics), Professor of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Захарова Е.А., Гошина А.В.,
Кузнецов Д.А., Уруева М.С., Учаев Е.И., корректор – Кубышкина Е.В.,
вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО
МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 20,79 усл. п.л. Заказ № 1689.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание • 17(5) • 2024

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Международная политическая экономика

- 7 Буторина О.В. – Франция в экономической системе Европейского союза: непохожий второй
- 45 Сапир Е.В., Васильченко А.Д. – Циклическая модель инклюзивного роста Европейского союза
- 80 Моисеева Д.Э., Кулинич А.Д. – Новая архитектура регулирования прямых иностранных инвестиций в Европейском союзе
- 100 Semenov A., Baščarević I. – Unraveling Incongruence: The EU Proposal in the Belgrade-Pristina Dialogue
- 120 Афонасьева А.В. – Капитал китайской диаспоры в глобальной экономике

История идей и их влияние на практику международных отношений

- 161 Коктыш К.Е., Сергеев В.М., Игитян А.А. – Долгая жизнь органической метафоры Руссо: опыт деконструкции концептов американской политики в Европе и Евразии
- 185 Медоваров М.В. – Истоки идеи «цивилизационной» многополярности в русской религиозной мысли XIX – первой половины XX веков
- 208 Бережнов А. И. – Северная Африка во внешней политике Екатерины II

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

- 228 Ковальчук Ю.А. – Роль суеверий в управлении современным бизнесом

Table of Contents • 17(5) • 2024

RESEARCH ARTICLES

International Political Economy

- 7 Butorina O.V. – France in the EU Economic System: The Peerless Second
- 45 Sapir E.V., Vasilchenko A.D. – Cyclical Inclusive Growth Model of the European Union
- 80 Moiseeva D.E., Kulinich A.D. – New Architecture of Foreign Direct Investment Regulation in the European Union
- 100 Semenov A., Baščarević I. – Unraveling Incongruence: The EU Proposal in the Belgrade-Pristina Dialogue
- 120 Afonaseva A.V. – Assessing the Global Capital of the Chinese Diaspora

The History of Ideas and Their Impact on the Practice of International Relations

- 161 Koktysh K.E., Sergeev V.M., Igityan A.A. – The Cognitive Trap of Rousseau's «Organic Metaphor» and the Construction of U.S. Policy in Europe and Eurasia

- 185 Medovarov M.M. – The Origins of the Idea of Civilizational Multipolarity in Russian Religious Thought (from 19th to First Half of 20th Century)
- 208 Berezhnov A.I. – North Africa in the Foreign Policy of Catherine II

BOOK REVIEWS

- 228 Kovalchuk J.A. – Superstition and Its Role in Modern Business Management

Франция в экономической системе Европейского союза: непохожий второй

О.В. Буторина

Институт Европы РАН

Франция и Германия традиционно играют ведущую роль в выработке экономической политики Европейского союза. Немецкий ордолиберализм и французский дирижизм составляют двуединый концептуальный стержень европейской экономической интеграции. Выход Великобритании из ЕС изменил конфигурацию ядра объединения, четвёрка крупнейших государств-членов превратилась в тройку. Происходящее на этом фоне усиление роли Германии, с одной стороны, повышает статус франко-германского тандема, а с другой, делает положение Франции в объединении всё более зависимым от её реального экономического веса.

Цель статьи – проследить, как меняется положение Франции в экономической системе Европейского союза, вскрыть важнейшие долгосрочные тенденции и на их основе сделать прогноз о потенциальном изменении баланса сил в системе экономического управления группировки. Для этого сначала изучается кадровое присутствие представителей Франции в высших органах экономического управления ЕС в исторической ретроспективе, суммируется вклад французской школы общественной мысли в развитие экономической и валютной политики Сообщества. Далее с опорой на данные международной статистики проводится сравнительный анализ важнейших макроэкономических показателей Франции и её партнёров по Евросоюзу: динамики ВВП, населения и душевых доходов, а также состояния торгового баланса и расходов на НИОКР.

Исследование показало, что традиционно Франция была представлена в высших эшелонах экономического управления Европейской комиссии больше, чем любая другая страна ЕС. Франция является второй экономикой Евросоюза и останется таковой в ближайшие десятилетия. Однако её доля в совокупном ВВП ЕС постепенно снижается, тогда как доля в населении, наоборот, растёт. По величине доходов на душу населения Франция находится на 10-м месте в ЕС и имеет ощутимые проблемы в части международной конкурентоспособности. При сохранении нынешней динамики к концу текущего десятилетия некоторые важные макроэкономические показатели Франции опустятся ниже средних по ЕС, что затруднит её причисление к странам ядра. Это увеличит асимметрию франко-германского тандема и осложнит задачу экономического управления Евросоюзом.

Ключевые слова: Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Европейская комиссия, экономическая политика, демография, конкурентоспособность, международная торговля, расходы на НИОКР

УДК: 339.92:061.1EU(44+430)

Поступила в редакцию: 30.07.2024

Принята к публикации: 13.09.2024

На протяжении всей истории Европейского союза Германия и Франция – как страны-основательницы – играют роль идейного и организационного двигателя интеграции. В январе 2019 г. в немецком городе Ахен канцлер Германии А. Меркель и президент Франции Э. Макрон подписали договор о сотрудничестве и интеграции. Согласно его букве, тесное франко-германское сотрудничество является средством дальнейшего продвижения Европейского союза по пути социальной и экономической конвергенции, усиления экономического и валютного союза, завершения внутреннего рынка и повышения конкурентоспособности. При этом исследователи обоснованно отмечают присущие тандему разногласия, в частности относительно путей реализации «зелёной сделки» (Громыко 2022; Белов 2023).

Основной исследовательский вопрос данной статьи: как меняется положение Франции в экономической системе ЕС, какие здесь существуют устойчивые тенденции и как они могут повлиять на баланс сил в системе экономического управления группировки?

Имеющуюся на эту тему научную литературу можно разделить на три тематических блока.

Подходу Франции к европейской интеграции посвящены работы отечественных авторов Е.О. Обичкиной, С.М. Фёдорова, Ю.И. Рубинского и А.А. Синдеева. В них в основном исследуются вопросы политики, безопасности и в меньшей степени – экономики (Обичкина 2007; Фёдоров 2018; Фёдоров 2021; Рубинский и Синдеев 2021; Тимофеев и Хорольская 2021; Михайлов 2023). Зарубежные авторы изучают роль Франции в развитии европейской экономической интеграции, её идейный и практический вклад в реализацию конкретных проектов и разрешение кризисов (Lovering 2023; Warlouzot 2019; Schild 2020; Schramm and Krotz 2023).

Социально-экономическая политика Франции, состояние её экономики и отдельных отраслей рассматриваются в ряде работ российских исследователей (Трофимова 2015; Лапина 2020; Белов 2019; Зимаков 2019; Клинова 2024). Работы зарубежных исследователей посвящены вопросам структурных реформ во Франции и проблеме конкурентоспособности национальной промышленности (Sapir 2015; Burton and Kizior 2021; Giordano and Zollino 2016; Giordano and Zollino 2016).

О влиянии процессов, происходящих в мировой и европейской экономике, на экономическую политику Франции размышляют как российские, так и зарубежные исследователи. Первые рассматривают вопросы рыночной стратегии компаний и реакции на экзогенные шоки (Конина 2022; Миркин 2020; Ревенко и Ревенко 2021). Вторые более пристально изучают возникшие в последнее время внутри экономической системы ЕС диспропорции и искажения (Hein 2019; Covi 2020; Garcia Calvo and Coulter 2022).

Данное исследование выполнено на теоретической базе международной политической экономии, одна из центральных идей которой состоит в том, что международные экономические отношения неотделимы от субъектов, которые их регулируют и контролируют. Автор исходит из предпосылки, что возникающие в международной политике властные отношения зависят от реального экономического потенциала актора. То есть возможности Франции влиять на процесс реформирования системы экономического управления ЕС рано или поздно будут реагировать на изменение её экономического веса в ЕС, тогда как солидные институциональные и дипломатические ресурсы страны могут только отсрочить или смягчить появление такого отклика.

Для достижения поставленных целей был проведён сравнительный анализ показателей международной статистики баз данных UNCTADstat и Eurostat. Для выявления долгосрочных тенденций и ключевых соотношений выстроены длинные ряды и произведены расчёты. Нижней хронологической границей в большинстве случаев выбрана первая половина 1990-х гг., откуда берут начало статистические ряды международных организаций после объединения Германии. Интерпретация полученных количественных результатов проведена с привлечением выводов, полученных другими авторами при помощи качественных и количественных методов.

Статья состоит из четырёх тематических разделов. В первом разделе представлен обзор кадрового присутствия граждан Франции в высших органах экономического управления Евросоюза на протяжении его истории. Показан идейный и организационный вклад Франции в формирование экономической политики ЕС, отмечено историческое и актуальное значение французского дирижизма. Второй раздел посвящён анализу показателей ВВП Франции с выделением долгосрочных тенденций и обоснованием питающих их причин. Третий раздел включает сравнительное исследование демографической динамики во Франции и её влияния на показатели благосостояния. Для корректной интерпретации результатов исследована общая картина конвергенции и дивергенции стран ЕС по душевым доходам, выявлены и математически обоснованы значимые тенденции. Предметом четвёртого раздела является международная конкурентоспособность французской экономики. Исследованы динамика важнейших показателей участия Франции в мировой товарной торговле, движение сальдо внешней торговли в его абсолютном и относительном выражении, а также валовые и душевые расходы на НИОКР в сравнении с соответствующими показателями других стран ЕС.

В заключении сформулированы основные полученные по итогам исследования выводы. Сделан прогноз движения показателей, определяющих место Франции в экономической системе ЕС; обозначены связанные с предстоящими изменениями риски для франко-германского тандема, а также для всей системы управления Европейским союзом.

У руля экономической политики ЕС

Стоя у истоков западноевропейской интеграции, Франция в лице её государственных и общественных деятелей, мыслителей и учёных, а также многочисленных служащих международных организаций и учреждений сыграла ключевую роль в формировании экономической стратегии Европейских сообществ, а затем и современного Европейского союза.

Путь к созданию Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) начался с декларации, оглашённой в мае 1950 г. министром иностранных дел Франции Робером Шуманом. Автором концепции явился Жан Монне, общественный деятель и руководитель программы послевоенного восстановления французской экономики. Именно Монне, которого теперь называют отцом-основателем европейской интеграции, предложил начать процесс объединения с экономической сферы, что отвечало насущным потребностям участвующих стран и не затрагивало наиболее чувствительные для национального суверенитета сферы, такие как национальная безопасность, оборона и внешняя политика.

Франция была единственной из трёх крупных стран – основательниц Европейских сообществ (наряду с Германией и Италией), прошлое которой не было отягощено фашизмом. Этот факт в значительной мере определил то важное место, которое она заняла в экономической системе ЕЭС, а потом и Европейского союза. Можно предположить, что изначальное недоверие участников группировки к Германии стало основанием для негласной, но весьма устойчивой практики назначения граждан Франции на ключевые экономические посты в органах исполнительной власти ЕС. При этом в Германии после войны успешно развивалась школа социального рыночного хозяйства, а Италия дала миру бухгалтерский учёт и заложила основы финансовой науки.

Жан Монне возглавлял первый состав высшего руководящего органа ЕОУС, а по истечении трёхлетнего мандата передал пост соотечественнику Рене Майеру. Представители Франции возглавляли все три комиссии Евратома до июля 1967 г., когда руководящие органы трёх объединений (ЕОУС, Евратома и ЕЭС) были слиты воедино.

В первых составах Комиссии ЕЭС на протяжении 16 лет (1957–1973 гг.) французы в лице Робера Маржолена и Раймона Барра возглавляли её наиважнейший экономический и финансовый блок, одновременно занимая посты вице-председателя. Маржолену принадлежит авторство двух первых меморандумов о создании в ЕЭС полномасштабного экономического союза и общего фонда золотовалютных резервов. Барр разработал первый официально утверждённый план построения европейского валютного союза, которому было суждено рухнуть под обломками Бреттон-Вудской валютной системы. До практи-

ческой реализации дожил единственный, но важный элемент – механизм коллективного плавания европейских валют. Его конструкция легла в основу заработавшей с 1973 г. «валютной змеи» (Seidel, Dyson and Maes 2016: 52–53).

В 1973–1977 гг. Комиссию ЕЭС возглавлял Франсуа-Ксавье Ортоли, в прошлом министр экономики и финансов Франции и генеральный комиссар по планированию. В следующих двух составах Комиссии он являлся вице-председателем и одновременно ведал вопросами экономики, финансов, кредита и инвестиций, оставаясь в этой должности до конца 1984 г.

Главной заслугой Ортоли стало превращение «валютной змеи», которая действовала вне институциональных рамок ЕЭС и управлялась из швейцарского Базеля, в полноценный инструмент валютной политики Сообщества. Результатом этой работы стало создание в марте 1979 г. Европейской валютной системы (ЕВС) на основе договорённостей, достигнутых в декабре 1978 г. на встрече президента Франции Валери Жискар д'Эстена и канцлера Германии Гельмута Шмидта. ЕВС обладала собственной расчётной единицей ЭКЮ (название дал Ортоли) и гораздо более изощрёнными, по сравнению со «змеёй», инструментами стабилизации валютных курсов. Ортоли многое сделал для того, чтобы расширить сферу обращения ЭКЮ и создать условия для её эмиссии коммерческими банками (James 2012: 95, 130–131, 201).

С января 1985 г. Комиссию возглавил Жак Делор, взявшийся оживить застывавший интеграционный процесс посредством увязывания интересов правительств и крупного бизнеса. За десять лет пребывания у власти ему удалось реализовать грандиозную программу Единого внутреннего рынка (с четырьмя свободами) и добиться заключения договора о Европейском союзе, который легитимизировал поэтапный план строительства Экономического и валютного союза с единой валютой. Как председатель Комиссии Делор оставил за собой вопросы денежно-кредитной и валютной политики, курировавший экономическое досье член Комиссии от Германии получил его без финансовой составляющей.

В Комиссии Жака Сантера (1995–1999) сферой экономической и финансовой политики управлял француз Ив-Тибо де Силги. В следующей по хронологии Комиссии Романо Проди (1999–2004) французы Паскаль Лами и Мишель Барнье отвечали за вопросы торговли и региональной политики соответственно. Тот же Барнье во второй Комиссии Баррозо (2009–2014) ведал вопросами внутреннего рынка. В Комиссии Юнкера (2014–2019) экономическое и финансовое досье находилось в руках француза Пьера Московиси. В ныне действующей Комиссии Урсулы фон дер Ляйен французский топ-менеджер и государственный деятель Тьерри Бретон ведал вопросами внутреннего рынка.

Таким образом, 60 лет из всей 65-летней истории Европейского союза (если вести отсчёт от создания ЕЭС) представители Франции находились на вершине управления его экономической политикой. Они либо возглавляли Комиссию, как

Делор и Ортоли, либо руководили её важнейшим экономическим и финансовым досье, а в отдельные годы курировали вопросы внутреннего рынка или торговли. Только в течение первого срока председательства Баррозу (2004–2009) француз Жак Барро, будучи вице-председателем, не имел экономического досье, он курировал вопросы транспорта, безопасности, свободы и правосудия.

Более точный подсчёт даёт следующие результаты. С января 1958 г. по конец текущего 2024 г. (когда истекает мандат нынешней Комиссии фон дер Ляйен) представители Франции и Германии возглавляли Комиссию по 14 лет, а представитель Италии – пять лет¹. При этом во главе экономического и финансового направления французы находились в течение 31,5 года, немцы – восемь лет, а итальянец – пять лет. За это же время политику в области внутреннего рынка французы курировали около 10 лет, немцы – 14 лет, итальянцы – неполные 13 лет².

По неписаному, но незыблемому правилу, Франция вместе с тремя другими крупнейшими странами еврозоны – Германией, Италией и Испанией – всегда имеет своего представителя³ в исполнительной дирекции Европейского центрального банка (ЕЦБ). По истечении восьмилетнего мандата одного француза на его место приходит другой. Отдельного упоминания заслуживает тот факт, что за 25 лет существования ЕЦБ половину этого времени он возглавляется гражданами Франции. Первым главой в течение ½ стандартного срока (а именно четыре года) был голландец Вим Дуйзенберг, в 2003–2011 гг. президентское кресло занимал француз Жан-Клод Трише, далее его сменил итальянец Марио Драги, а с 2019 г. на очередной восьмилетний срок заступила Кристин Лагард.

Представленные факты позволяют утверждать, что кадровое присутствие французов в высших эшелонах экономической власти ЕС остаётся на протяжении десятилетий непропорционально высоким. Количественно оно явно превосходит представительство Германии и тем более Италии, что трудно связать с экономическим весом Франции или результатами её хозяйственной политики. Такое доминирование, по-видимому, является данью традиции и уходит корнями в историю. После Второй мировой войны положение ФРГ долгое время оставалось принижённым, а стремление её партнёров ограничить экспансию немецкого бизнеса имело всем понятные основания. В 1990-е годы в контексте объединения Германии эти опасения вернулись на политическую сцену в новом измерении.

¹ Имеются в виду одна комиссия Ф.-К. Ортоли и три комиссии Ж. Делора (Франция); две комиссии В. Хальштейна и одна У. фон дер Ляйен (Германия); а также одна комиссия Р. Проди (Италия).

² Подсчёт на основе данных: List of European Commissioners by member state. Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_European_Commissioners_by_member_state (accessed 14.10.2024)

³ Официально члены дирекции не являются представителями того или иного государства, а, согласно мандату, руководствуются в своей деятельности исключительно общими интересами еврозоны.

Другое объяснение следует связать с богатыми традициями французского социально-гуманитарного знания и дипломатии. Здесь уместно вспомнить, что составленная Франсуа Кенэ в 1758 г. экономическая таблица произвела большое впечатление на Адама Смита и сыграла роль пролога в процессе становления политической экономии как науки (Холопов 2008: 95–104). Поскольку с начала XVIII в. французский являлся языком международного общения, он стал основным рабочим языком руководящих органов ЕОУС и ЕЭС с момента их учреждения. Значение английского поднялось во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг., особенно после вступления в ЕЭС Великобритании и Ирландии. Французский язык доминировал в деятельности Комитета управляющих центральными банками стран ЕЭС, который вырабатывал основные решения в сфере валютного сотрудничества. С даты основания комитета в мае 1964 г. повестки дня заседаний составлялись только по-французски, с марта 1975 г. их стали печатать и по-английски. Но стенограммы и протоколы заседаний ещё несколько лет оформлялись по-французски. Хотя Европейская комиссия имеет три официальных рабочих языка – французский, английский и немецкий – последний никогда не имел сколько-нибудь широкого применения в её документообороте. Аналогичным образом немецкий мало используется в работе Европейского центрального банка, расположенного во Франкфурте-на-Майне.

Франция внесла крупный вклад в формирование идейной базы экономической политики ЕС. Немецкий ордолиберализм и французский дирижизм, по общему признанию, составляют двуединый концептуальный стержень европейской экономической интеграции. Причём, если в начале столетия казалось, что дирижизм всё больше становится историческим реликтом, то после мирового экономического кризиса и кризиса еврозоны его актуальность резко повысилась. Было признано, что опыт французского дирижизма не только повлиял на отдельные направления общей политики ЕС (например, научно-техническую), но и способствовал становлению концепта социального рыночного хозяйства (Warloutzet 2019).

Внимательный взгляд на практику управления еврозоной показал, что, хотя все основополагающие принципы ЭВС изложены в терминах ордолиберализма (бюджетная дисциплина, приоритет ценовой стабильности и высокая степень независимости ЕЦБ), их применение остаётся весьма гибким. Оно всегда осуществлялось в режиме межгосударственной координации, а не принудительного исполнения правил. На деле французское индикативное планирование сыграло важную, пусть и неявную, роль в превращении главных межгосударственных договорённостей в долгосрочные механизмы управления (Lovering 2023).

Когда же в пандемию COVID-19 от правительств потребовались решительные действия сначала для борьбы с распространением инфекции и оказания массовой медицинской помощи населению, а затем – для поддержания жизнеспособности экономики, французский опыт планирования окончательно вернулся на политическую сцену. Причём это касалось не только Европы.

В общем случае наименьшие людские и материальные потери от пандемии понесли страны, которые быстро ввели максимум ограничений и обеспечили высокую дисциплину населения. Напротив, англо-саксонская и шведская либеральные модели дали высокий уровень потерь, особенно среди уязвимых групп населения (Миркин 2020).

Одной из реакций французских властей на пандемию стало возрождение в сентябре 2020 г. Высшей комиссии по планированию. Сегодня актуальность планирования возрастает на фоне объявленного Евросоюзом двойного перехода – климатического и энергетического. По наблюдению одного из наиболее авторитетных французских экономистов Жака Сапира, многие исследователи и эксперты склоняются к мысли, что реализовать каждую из этих целей возможно только в рамках планирования. Французский опыт может быть ценным ещё и потому, что французы научились поддерживать прозрачность и демократичность соответствующих процедур, снижая риск свойственных планированию ошибок и злоупотреблений (Сапир 2022).

Французский след отчётливо виден в современной конструкции экономической системы ЕС в виде её протекционистской, крайне дорогостоящей и плохо поддающейся реформированию Общей сельскохозяйственной политики. Именно Франция настояла на том, чтобы аграрная политика стала краеугольным камнем объединения и включила в себя механизмы гарантирования доходов фермерских хозяйств. Без этого французы не соглашались создавать общий рынок сельскохозяйственных товаров (Harst, Dumoulin 2014; Josling and Swinbank 2013, Verdun and Tovias 2013).

Франция с самого начала решительно препятствовала развитию наднациональных функций институтов Сообществ. Выдвинутая де Голлем идея «Европы отечеств» предполагала высокую степень независимости национальных правительств, чем противостояла федералистской по своей сути идее Соединённых Штатов Европы. В первой половине 1960-х гг., когда интеграция развивалась особенно динамично (что создавало базу для федерализации), Франция с целью давления на партнёров игнорировала заседания общих органов Сообществ. Возникший на этой почве «кризис пустого кресла» был урегулирован в 1966 г. Заключённый тогда «люксембургский компромисс» на долгие годы отсрочил переход Совета ЕС от единогласного принятия решений к голосованию квалифицированным большинством.

Полученный опыт наложил глубокий отпечаток на механизмы экономической политики Евросоюза. Более полувека спустя, уже в первой четверти XXI в., он во многом объясняет трудности на пути становления банковского союза и объединённого рынка капиталов стран еврозоны. Дух голлистской «Европы отечеств» с её приматом национальных интересов пропитывает современную налоговую политику ЕС, где национальные ставки корпоративных налогов сильно разнятся, а малейшее движение в сторону их гармонизации наталкивается на активное сопротивление.

Вопреки устоявшемуся мнению, будто главным поборником валютного союза в ЕС была Германия, на самом деле в течение многих десятилетий идею настойчиво продвигала Франция. Сказанное не отменяет того, что Германия стала главным бенефициаром валютного союза, избавившись от непосильного давления валютных рынков на немецкую марку и притягивая к себе инвестиции со всего Евросоюза.

Французский экономист и государственный деятель Жак Рюэфф первым заговорил о системном изъёме Бреттон-Вудской валютной системы. Он показал, что существовавший во всём мире высокий спрос на американскую валюту позволял Соединённым Штатам покрывать дефицит платёжного баланса за счёт увеличения краткосрочной внешней долларовой задолженности. Феномен, получивший название «дефицита без слёз», поощрял экспорт капиталов из США и приводил к импорту инфляции странами, куда эти капиталы направлялись, то есть Западной Европой (Rueff and Hirsch 1965; Rueff 1971; Цит. по: Смыслов 1979: 290–291).

Данное положение составило идейную пару так называемому парадоксу Триффина, согласно которому золотодевизный стандарт не может поддерживаться долгое время, поскольку он создаёт в мировой экономике неразрешимое противоречие. Высокий внешний спрос на доллары стимулирует их эмиссию, а она не позволяет поддерживать фиксированный курс доллара к золоту. Оба этих представления органично вписались во внешнеполитическое кредо де Голля, который стремился избавить свою страну и Европу в целом от диктата доллара.

На французской почве вскрытые Триффиным и Рюэффом пороки Бреттон-Вудской системы дали обильные интеллектуальные всходы и способствовали оформлению взгляда «монетаристов» на цели и методы европейской валютной интеграции. Сторонники данного подхода – во главе с Францией – уже с 1960-х гг. настаивали на объединении резервов центральных банков стран ЕЭС и учреждении европейского валютного фонда с перспективой введения единой валюты. Для Франции с её относительно слабым французским франком такая замена была способом избавиться от давления валютного фактора на экономическую политику. Противоположный стан «экономистов» возглавила Германия. Наибольшей ценностью для неё была ценовая стабильность. Предпосылками валютного союза «экономисты» объявляли жёсткую бюджетную дисциплину и тесную координацию макроэкономической политики государств-членов (Буторина 2019). Созданная в рамках Европейской валютной системы расчётная единица именовалась ЭКЮ, аббревиатура совпадала с названием имевшей широкое хождение в средние века французской золотой и серебряной монеты.

Уточним, что деление на «монетаристов» и «экономистов» применительно к валютному сотрудничеству в ЕЭС – часть узкоспециального жаргона. Термины не имеют ничего общего с общепринятым значением рассматриваемых слов и поэтому заключаются в кавычки. Несколько упрощая, можно сказать, что при

создании Европейского валютного союза «монетаристы» ставили во главу угла его денежную, или монетарную, составляющую. Они добивались введения общей валюты, но считали необязательным координацию национальных макроэкономических курсов. «Экономисты», наоборот, считали, что сначала надо обеспечить подлинную экономическую конвергенцию государств-членов и создать механизмы эффективной координации их макроэкономической политики, а уже потом ставить вопрос о единой валюте (Danescu 2012).

Два названных течения практически полностью определяют современное наполнение Экономического и валютного союза (ЭВС), а также заложенный в нём потенциал сотрудничества и противоречий. В настоящее время, когда Пакт стабильности и роста фактически мёртв, а маастрихтские критерии стали архаикой, французский упор на валютную (а не на экономическую) составляющую ЭВС при определяющей роли наднационального института представляется куда более практичным, чем это было до мирового финансового кризиса и пандемии COVID-19.

Исследователи обоснованно отмечают ведущую роль Германии и Франции в дискуссии о будущем Европейского валютного союза и всей системы экономического управления в ЕС. Как правило, эти две страны формулируют совместные позиции, которые потом определяют повестку дня дальнейших переговоров. Вклад других стран, в том числе Центральной и Восточной Европы, оказывается менее заметным. Так, в январе 2018 г. авторитетная группа французских и немецких экономистов обнародовала доклад о путях реформирования ЭВС (Bènassy-Quère et al. 2018). В июне того же года по итогам встречи канцлера Германии А. Меркель и президента Франции Э. Макрона была принята мезебергская декларация – своего рода европейская программа тандема на ближайшие 5–10 лет. Документ предлагал создать бюджет еврозоны, реформировать механизмы выделения финансовой помощи государствам-членам, а также дополнить Общую сельскохозяйственную политику ЕС мерами обеспечения продовольственной безопасности (Фёдоров 2018; Blesse, Havlik and Heinemann 2021; Micossi and Peirce 2020; Schild 2020).

Несмотря на солидный идейный, организационный и кадровый вклад в экономическую политику ЕС, Франция с большой долей скепсиса восприняла перспективу объединения Германии. Не случайно при создании ЭВС Франция в лице президента Ф. Миттерана стремилась прочнее связать Германию обязательствами перед партнёрами и таким образом создать противовес её возросшей экономической мощи (Обичкина 2007). Свершившееся в 2004–2007 гг. расширение Евросоюза на восток окончательно сместило баланс сил внутри объединения в пользу Германии.

Вторая экономика Евросоюза

Франция является второй по величине национальной экономикой Европейского союза и была таковой на протяжении большей части его истории. Страна сохранила за собой эту позицию и после того, как в 1973 г. к ЕЭС присоединилась Великобритания, которая, как и Италия, превосходили Францию по численности населения.

Италия догоняла Францию по объёму ВВП со второй половины 1970-х гг. до начала 1990-х. Но после резкого обесценения итальянской лиры в 1992–1993 гг. в ходе кризиса Европейской валютной системы этот тренд пресёкся и больше не возобновлялся. Великобритания же с конца 1990-х гг. стала превосходить Францию по размеру национальной экономики. Если бы не Брекзит, Франция сильно рисковала переместиться со второй на третью строку в списке крупнейших экономик Евросоюза, особенно в свете быстрого роста населения Британии (Рис. 1).

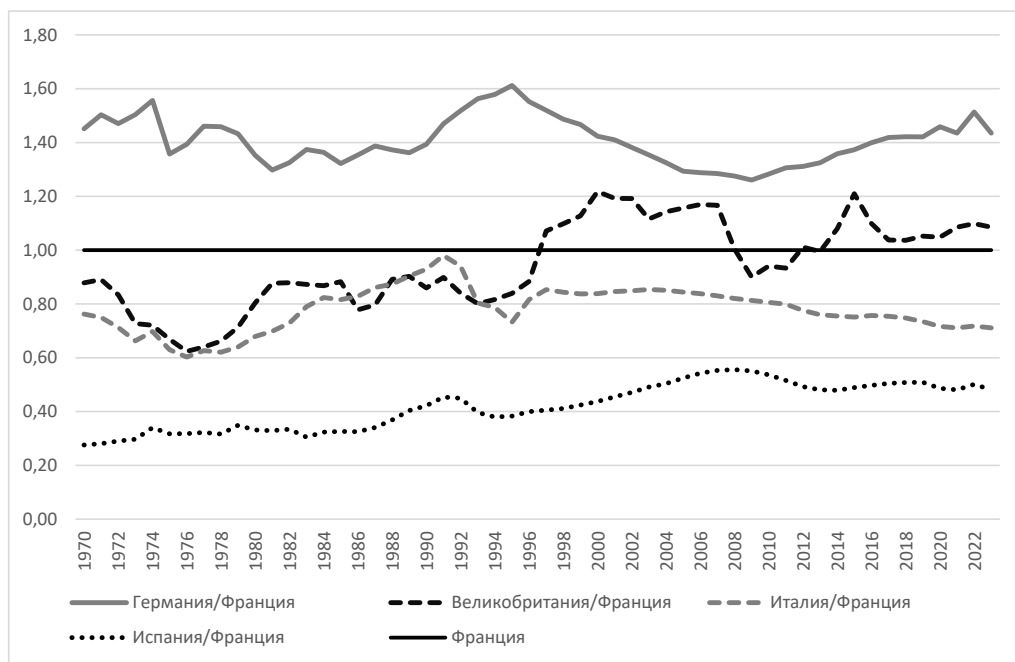

Рисунок 1. Соотношение ВВП Франции и крупнейших стран Европы в 1970–2022 гг., Франция = 1,00.

Figure 1. Proportion of the largest European economies' GDP from 1970 to 2022, France = 1,00.

Источник: составлено на основе данных в текущих ценах базы UNCTADstat: Output and income/gross domestic product, US dollars at current prices.

Объединение Германии увеличило её ВВП с 1400 млрд долл. в 1989 г. до 1770 млрд долл. в 1990 г., или на 26%. Данный факт, а также бурный рост немецкой экономики в первое после объединения пятилетие (на фоне беспрецедентных финансовых вливаний в восточные земли) решительно изменили соотношение сил в пользу Германии. В 1995 г. немецкий ВВП превышал французский в 1,6 раза.

Оценивая указанную пропорцию в период до 1999 г. (до введения евро), следует принимать во внимание движение обменных курсов. Французский франк всегда был менее стабильной валютой, чем западногерманская марка. Для франка были характерны волны удорожания по отношению к большинству других свободно конвертируемых валют, которые завершались пересмотром центральных курсов Европейской валютной системы (а ещё раньше – выходом из «валютной змеи»), то есть официальной девальвацией.

Использованная в Рис. 1 официальная статистика ЮНКТАД составлена на основе официальных курсов национальных валют к доллару США. Поэтому в периоды, когда французский франк был фактически переоценён (например, на рубеже 1970–1980-х гг.), отношение французского ВВП к немецкому быстро увеличивалось. Достигнув по итогам 1981 г. локального максимума, показатель двинулся вниз вследствие серии девальваций франка с октября 1981 г. по март 1983 г. Аналогичные скачки происходили в соотношении ВВП Франции и Нидерландов. С этой точки зрения, статистические данные в евро (которые используются для составления Рис. 2) лучше подходят для межстрановых сравнений.

Со второй половины 1990-х гг. на протяжении двух десятилетий французская экономика догоняла немецкую, что объяснялось не столько высокими темпами роста у первой, сколько низкими у второй: Германия на этом историческом отрезке являлась «больным человеком Европы». После глобального финансового кризиса 2008 г. тенденция переломилась. На протяжении большей части 2010-х гг. Германия демонстрировала более высокие темпы роста, чем Франция. Как следствие, разница между абсолютными величинами ВВП двух стран увеличилась с 510 млрд евро в 2009 г. до 1300 млрд евро в 2022 г., то есть в 2,5 раза. По итогам 2023 г. ВВП Германии был больше французского на 46%, данное соотношение находилось примерно посередине характерного для последних 50 лет коридора значений⁴.

В отношениях с южными соседями по ЕС Франция занимает устойчиво сильные позиции. Отставание итальянской экономики началось с середины 2000-х гг. и усилилось после глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. Наблюдавшийся со времени вступления Испании в ЕС в 1986 г. длинный цикл её опережающего развития прервался в 2008 г., и пока признаки возвращения

⁴ До объединения Германии при расчёте использована сумма показателей ФРГ и ГДР.

на прежнюю траекторию просматриваются слабо. Хозяйственные и социальные потрясения в Греции привели к тому, что если в 2009 г. французский ВВП был больше греческого в восемь раз, то в 2023 г. – уже в тринадцать.

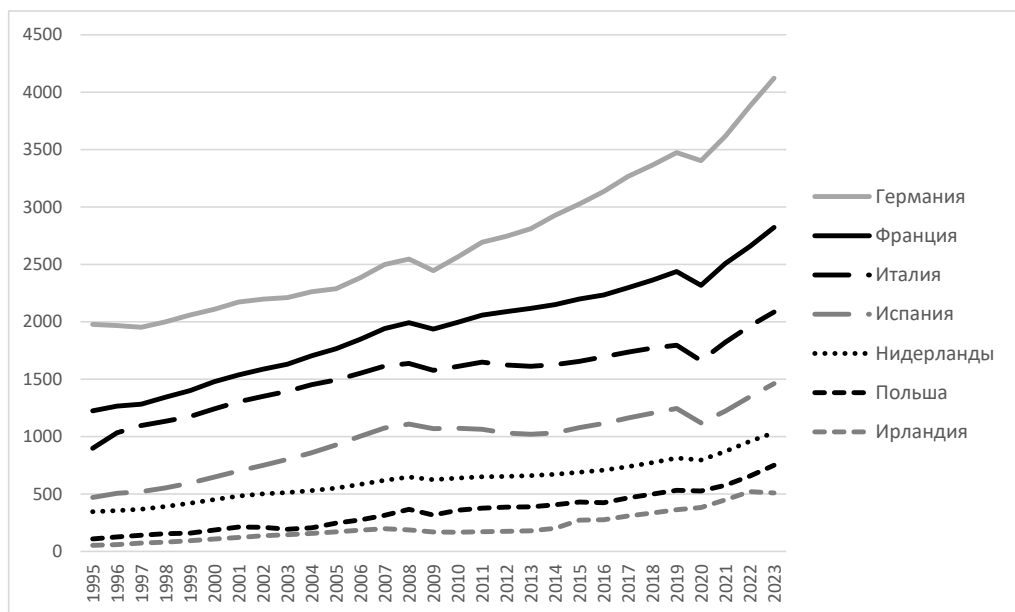

Рисунок 2. ВВП некоторых стран ЕС в текущих ценах в 1995–2023 гг., млрд евро.

Figure 2. GDP of EU countries at current prices from 1995 to 2023, in billion euros

Источник: Eurostat – Table GDP and main components (output, expenditure and income).

Несмотря на успехи на южном направлении, доля Франции в общем ВВП ЕС-27 медленно, но неуклонно снижается. С 1995 г. по 2023 г. она уменьшилась с 19,3% до 16,6%. Весь нисходящий тренд можно разделить на три периода. Первый (1995–2008 гг.), когда ежегодно страна теряла по 0,1 процентных пункта в год. На втором отрезке (2009–2014 гг.) произошла стабилизация доли Франции в общесоюзном ВВП, что было связано с глобальным кризисом, кризисом еврозоны и медленным восстановлением во многих странах-партнёрах. Характерно, что в это время доля страны в ВВП еврозоны (в её современной композиции из 20 государств) даже увеличилась. Но как только в 2014 г. большинство государств ЕС вступили в фазу роста, доля Франции начала снижаться ещё быстрее. В условиях наблюдавшегося в 2023 г. общего замедления европейской хозяйственной деятельности процесс приостановился (Табл. 1).

Долгосрочной причиной снижения доли Франции в совокупном ВВП Евросоюза является ускоренное развитие хозяйств Польши, Ирландии, Чехии и Румынии, а также в меньшей степени Венгрии, Словакии, Болгарии и трёх стран Балтии. Вместе с вернувшейся к ритмичному росту Германией они теснят позиции французской экономики. Здесь важно отметить различие между Францией

и некоторыми другими «старыми» западноевропейскими экономиками, лишёнными, как и она, динамических преимуществ формирующихся рынков. Нидерланды, Бельгия, Австрия, Швеция и Финляндии на протяжении десятилетий удерживают свои доли в ВВП Евросоюза, даже если делать расчёт с начала 1990-х гг. – за десятилетие до восточного расширения ЕС. Однако Франция вместе с Италией и Испанией год за годом уступает своё место новым государствам-членам, а также Ирландии и Германии, уверенно набравшей ускорение после окончания глобального финансового кризиса.

Таблица 1. Доли отдельных стран в ВВП ЕС-27 в 1993–2023 гг., %
Table 1. Percentage share of the European Union's GDP from 1995 to 2003, by member state

TIME	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023
Германия	31,2	26,8	23,9	23,4	24,8	25,3	24,7	24,4	24,3
Франция	19,3	18,8	18,5	18,2	18,0	17,2	17,1	16,6	16,6
Италия	14,2	15,8	15,6	14,7	13,6	12,3	12,4	12,2	12,3
Испания	7,4	8,2	9,7	9,8	8,8	8,3	8,3	8,5	8,6
Нидерланды	5,5	5,7	5,8	5,8	5,6	5,9	5,9	6,0	6,1
Польша	1,7	2,4	2,6	3,3	3,5	3,9	3,9	4,1	4,4
Швеция	3,2	3,6	3,3	3,4	3,7	3,6	3,7	3,5	3,2
Бельгия	3,5	3,3	3,2	3,3	3,4	3,4	3,5	3,5	3,5
Ирландия	0,8	1,4	1,8	1,5	2,2	2,8	3,0	3,2	3,0
Австрия	2,9	2,7	2,7	2,7	2,8	2,8	2,8	2,8	2,8
Дания	2,2	2,3	2,2	2,2	2,2	2,3	2,3	2,4	2,2
Финляндия	1,6	1,7	1,7	1,7	1,7	1,8	1,7	1,7	1,6
Чехия	0,7	0,9	1,2	1,4	1,4	1,6	1,6	1,7	1,9
Румыния	0,5	0,5	0,8	1,2	1,3	1,6	1,7	1,8	1,9
Прочие страны	5,2	5,9	7,0	7,5	6,9	7,2	7,3	7,6	7,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: рассчитано по данным Eurostat – Table GDP and main components (output, expenditure and income).

В чём причины такого положения? Первая коренится в истории и связана с традиционно высокой ролью французского государства в экономике, его приверженностью кейнсианским рецептам. Вторая причина возникла сравнительно недавно как результат накопившейся внутри еврозоны структурной асимметрии.

Франция позже других западноевропейских стран отозвалась на неолиберальный сдвиг 1980-х гг. Проведённая в 1982 г. правительством социалистов национализация ухудшила состояние государственных финансов и привела к нарушению макроэкономического равновесия. Вскоре её сменила кампания по приватизации, первый этап которой прошёл в 1986–1988 гг., а второй начался в 1993 г. в связи с планами создания в ЕС единого внутреннего рынка. Хотя дерегулирование рынков, включая финансовые, и переход к фискальной

дисциплине были в основном завершены к концу 1990-х гг., французский вариант либерализма отличался умеренностью и сохранял черты традиционной для страны социально-экономической модели (Хрусталёва 2004; Somai 2019: 156).

Мировой финансовый кризис обернулся для Франции затяжной стагнацией, которая была отмечена хроническим дефицитом госбюджета и быстрым нарастанием государственного долга. Высокий уровень налогов и обязательных отчислений в кассы социального страхования, по которым Франция лидирует среди стран ОЭСР, стимулировали утечку капиталов и производств за рубеж. Это, в свою очередь, усилило процесс деиндустриализации и усугубило наиболее острую социальную проблему страны – безработицу (Рубинский 2018: 248–249).

После кризиса в стране развернулась дискуссия о путях экономического и промышленного возрождения. Однако выбранные президентом Н. Саркози, а затем продолженные Ф. Олландом инструменты макроэкономического управления свидетельствовали об отступлении от реализованной в 1990-е гг. политики либерализма и возврате к дирижизму (Garcia Calvo and Coulter 2022). Значительная часть французского общества, привыкшая полагаться на гарантии «государства-хранителя» (фр. – *Etat-Providence*) была не готова принять применённые в других европейских странах неолиберальные антикризисные меры, что стало одним из триггеров охватившего страну в 2018–2019 гг. движения «жёлтых жилетов» (Обичкина 2019).

Как до мирового финансового кризиса, так и после него главным источником роста французской экономики выступает внутренний спрос, прежде всего, частное и государственное потребление. Если до кризиса такая ситуация была характерна для всей еврозоны, то позже многие страны перешли к экспортоориентированной модели роста. Однако французская хозяйственная модель почти не претерпела изменений. Следствием этого стало возникновение крупного отрицательного сальдо торгового баланса и дефицита по текущим операциям (Hein 2019).

Второй причиной, как уж отмечалось, стал «аутоиммунный» механизм накопления структурных диспропорций внутри зоны евро. Введение в 1999 г. единой европейской валюты должно было содействовать ещё большей конвергенции национальных хозяйств и финансовых рынков стран - участниц Экономического и валютного союза (ЭВС). По замыслам, формирование столь крупного экономического пространства могло усиливать эффект масштаба и за счёт этого поощрять экономический рост и занятость. Однако введение единой валюты наряду со многими преимуществами дезактивировало ранее действовавшие автоматические стабилизаторы экономики. Одним из главных среди них был валютный риск. Ранее он затруднял накопление долгов относительно слабыми экономиками: нерезиденты опасались девальвации их валют и не давали ссуды в национальных деньгах, а резиденты по тем же соображениям неохотно

брали кредиты в иностранных, более устойчивых, денежных единицах. Когда в результате введения евро валютный риск исчез, шлюзы открылись, и страны с ранее слабыми валютами (Франция, Испания, Италия, Греция) начали стремительно наращивать частные и государственные заимствования.

Просчёты в архитектуре ЭВС выявились при первом серьёзном испытании – в ходе мирового финансового кризиса 2008 г. К этому времени внутри еврозоны уже образовались две группы стран: первая с устойчивым профицитом торгового баланса (Австрия, Бельгия, Германия и Нидерланды) и вторая – с хроническим дефицитом торгового баланса (Италия, Испания, Португалия и Франция). Таким образом, возникли основания преобразовать ранее существовавшее в экономической литературе деление стран ОЭСР на группы в зависимости от главного драйвера экономического роста на первые, где двигателем выступает заработная плата, и на вторые, где двигателем является прибыль (англ. – *wage-led growth*, *profit-led growth*). Предложенное деление, уточним, выполнялось при помощи эконометрического анализа на выборке из 18 стран ОЭСР в период 1980–2013 гг. (Stockhammer and Wildauer 2016).

В новой классификации, уже внутри еврозоны, страны были разделены на те, где рост зависит от динамики долга и от динамики экспорта (англ. – *debt-led growth*, *export-led growth*). Поскольку механизмы формирования спроса, потоков международной торговли и заимствований тесно взаимосвязаны, возникают условия для формирования радикально отличных моделей роста. Со временем экспортоориентированные экономики всё больше выигрывают от нарастающей задолженности ориентированных на внутренний спрос (и, соответственно, на импорт) партнёров по еврозоне. Постепенно асимметрия выгод не только усиливается, но и становится самоподдерживающей, то есть воспроизводит себя. Как следствие, пути экономического развития ядра и периферии еврозоны всё больше расходятся (Covi 2020). Франция в этом механизме асимметричного распределения выгод оказалась на нижней ступеньке иерархии – вне круга победителей.

Если на протяжении 2004–2019 гг. отношение государственного долга к ВВП во Франции составляло 85%, то в 2020 г. оно поднялось до 115%. В последующие три года данное соотношение несколько снизилось – до 111% по итогам 2023 г. Однако, согласно прогнозам Европейской комиссии, позитивная тенденция не получит продолжения в среднесрочной перспективе. Как ожидается, в 2025 г. размер государственного долга увеличится до 114% ВВП вследствие постоянного и значительного (свыше 5% ВВП) дефицита госбюджета, растущих процентных платежей и вялого экономического роста. Отрицательным останется в середине текущего десятилетия сальдо торгового баланса и баланса по текущим операциям. Для сравнения: в Германии отношение госдолга к ВВП снизилось с 70% ВВП в 2004–2019 гг. до 64% по итогам 2023 г. К концу 2025 г. оно, как

ожидается, сократится ещё на полтора процентных пункта. При этом традиционно положительное сальдо баланса по текущим операциям составит в 2024–2025 гг. около 7% ВВП⁵.

Месту Франции как второй экономики Евросоюза в обозримом будущем ничто не может угрожать, поскольку Италия развивается медленнее, а Великобритания покинула интеграционную группировку. При этом доля Франции в совокупном ВВП объединения, скорее всего, будет и дальше снижаться на фоне опережающего роста Нидерландов, Ирландии, а также стран Центральной и Восточной Европы. Чем более динамичный рост покажет в ближайшие годы немецкая экономика, тем сложнее будет Франции угнаться за северным соседом, тем больше асимметрии и внутреннего напряжения будет накапливаться внутри франко-германского тандема. При том что после ухода Великобритании альтернативы ему не существует в принципе.

Медленное развитие французской экономики усугубляет проблему одинокого лидерства Германии в Евросоюзе. Следует ожидать, что в этой обстановке на Берлин ляжет основной груз институционального реформирования еврозоны. В целом же Германия обречена в ближайшие годы и, вероятно, десятилетия исполнять роль «гегемона поневоле», то есть возглавлять объединение без необходимой опоры на партнёров (Schoeller 2020; Newman 2015).

Демография и уровень жизни

Согласно данным Евростата, в 2023 г. общая численность населения Франции составляла 68,2 млн чел., в Германии проживало 84,4 млн чел., в Италии – 59,0 млн чел. Для Франции характерны высокие, по европейским меркам, темпы роста населения. Так, если общее население 27 стран Евросоюза за период с 1993 г. по 2023 г. увеличилось на 6%, то во Франции – на 15%. Быстрее население росло только в католической Ирландии, а также в Испании и Швеции⁶. Тем временем в ряде стран – а именно в Польше, Румынии, Болгарии, Венгрии, Латвии, Литве, Эстонии и Греции – происходила абсолютная убыль. Соответственно, за указанные 28 лет доля Франции в совокупном населении Евросоюза увеличилась с 13,9% до 15,1%. Следует особо выделить, что высокая демографическая динамика присуща Франции на протяжении всего послевоенного периода.

Во второй половине XX в. по темпам роста населения она опережала Германию, Великобританию и Италию вдвое или даже втрое. Если в середине XX в. Италия превосходила Францию по численности населения, то теперь две страны – основательницы ЕС поменялись местами (Рис. 3.)

⁵ European Commission. European Economic Forecast. Institutional paper 286, May 2024, pp. 89, 95.

⁶ Из выборки исключены Люксембург, Кипр и Мальта с населением менее 1 млн чел.

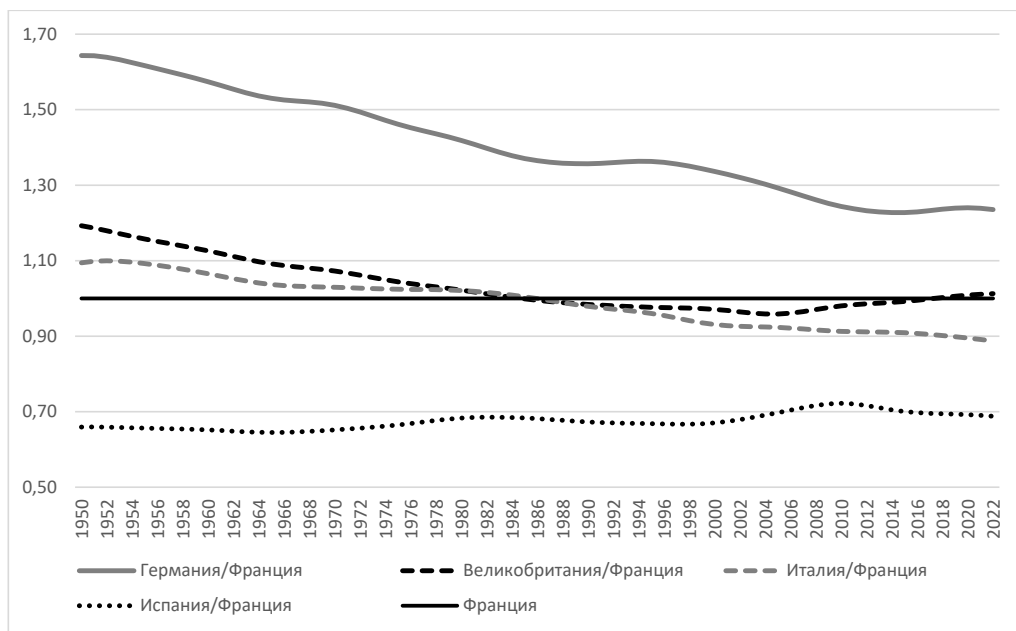

Рисунок 3. Соотношение численности населения Франции и других крупнейших стран Европы в 1950–2023 гг.

Figure 3. Proportion of the largest European countries' population from 1950 to 2023, France = 1,00

Источник: составлено на основе данных UNCTADstat: Table – Total and urban population, annual

Франция выделяется среди соседних государств повышенной долей молодых людей в общей численности населения и нетипичным для региона Южной Европы репродуктивным поведением. Люди в возрасте до 20 лет составляли в 2022 г. 23% всего населения Франции, тогда как в Германии и Испании на эту группу приходилось по 19%, а в Италии и Португалии – по 18%. Французские мужчины раньше вступают в брак и становятся отцами, чем их сверстники в других государствах ЕС. Так, в 2020 г. доля детей, родившихся у отцов в возрасте до 29 лет включительно, составляла в Греции 12%, в Испании и Италии – 14%, в Германии – 20%, а во Франции – 24%⁷. Причём обнаруженная разница не объясняется повышенной пропорцией молодых людей в общей численности французского населения⁸.

⁷ 2022 Demographic Yearbook, 73-rd issue. United Nations 2023. Table 7 – Population by age, sex and urban/rural residence, pp. 259–266; Table 11 – Live births and live birth rates by age of father: latest available year, pp. 409–411.

⁸ Для проверки тезиса о более раннем отцовстве во Франции была вычислена доля мужчин в детородном возрасте 20–29 лет в названных странах. Во Франции в 2022 г. она составляла 11,7%, в Греции – 10,6%, в Италии – 10,7%, в Испании – 10,9%, а в Германии – 12,0%. То есть, разница в возрастной структуре не объясняет разницу в статистике рождений. Расчёт по данным: 2022 Demographic Yearbook, 73-rd issue. Table 7. Population by age, sex and urban/rural residence, pp. 257–269.

Есть основания полагать, что эти различия обусловлены культурными факторами. В настоящее время во Франции проживает 9 млн мигрантов (лиц, родившихся в других государствах), на которых приходится 13,2% всей численности населения страны⁹. Причём самую многочисленную группу среди них составляют выходцы из Северной Африки. Тогда как, например, в Италию и Испанию мигранты прибывают в основном из других регионов Европы и Латинской Америки¹⁰.

В общем виде графики удельного веса Франции в населении ЕС и в его совокупном ВВП движутся в разных направлениях. Первый идёт вверх, а второй – вниз. Итог этих «ножниц» очевиден: по уровню душевых доходов Франция постепенно теряет позиции.

Если по размеру экономики Франция прочно занимает второе место, то по уровню благосостояния, то есть по душевому ВВП, она находится на десятом месте среди государств - членов Евросоюза. Гораздо выше располагаются Люксембург (хотя его уровень ввиду малых размеров страны и выраженной хозяйственной специфики трудно сравнивать с показателями других государств-членов), а также бурно развивающаяся Ирландия, чей ВВП удвоился после окончания кризиса еврозоны. Впереди также находятся Дания, Нидерланды, Австрия, Швеция, Бельгия, Финляндия, и Германия. Такая очерёдность и, соответственно, десятое место Франции в списке наиболее состоятельных государств Евросоюза, остаются неизменными на протяжении всего XXI в.¹¹. Последняя перестановка произошла в самом конце 1990-х гг., когда Францию обошли Финляндия и Ирландия.

Анализируя место Франции среди всех стран Евросоюза по уровню душевых доходов, следует сначала обрисовать общее состояние этого распределения и обозначить происходящие в нём долгосрочные тенденции. Первой важной и устойчивой характеристикой данного распределения является то, что наибольшая часть государств-членов (17 из 27) имеют показатель ниже средне-взвешенной величины. Как следствие, статистическая медиана находится ниже среднего значения (Табл. 2). Если в первой десятке душевой ВВП составлял в 2023 г. от 41 тыс. евро во Франции до 119 тыс. евро в Люксембурге, то во второй группе из 17 стран он находился в интервале от 15 тыс. евро в Болгарии до 35 тыс. евро в Италии.

Две выделенные группы демонстрировали разную динамику: в первой происходили центробежные, а во второй – центростремительные процессы. Относительно богатая группа постепенно расслаивалась, в первую очередь за счёт

⁹ Подсчитано по: Eurostat, Table - Population on 1 January by age group, sex and country of birth.

¹⁰ World migration report, 2022, pp. 89, 202.

¹¹ С той только разницей, что в последние годы Австрия, Нидерланды и Бельгия перемещались вверх в списке лидеров, а Швеция и Финляндия, наоборот, смещались вниз.

растяжения верхнего края вследствие быстрого роста душевых доходов в Люксембурге и Ирландии. Расслоение захватило и оставшиеся восемь государств, хотя и в гораздо меньшей степени. Общий коэффициент вариации (без учёта Люксембурга) повысился с 11% в 2000 г. до 32% в 2022 г. Без Ирландии показатели составили 12% и 15% соответственно.

Во второй группе из 17 менее обеспеченных стран происходило обратное: там наблюдался выраженный и неуклонный процесс консолидации. Коэффициент вариации понизился с 70% в 2000 г. до 26% в 2022 г.¹² Как следствие, группа стала даже более сплочённой, чем первая десятка. Сближение происходило и снизу, и сверху, то есть его питали как положительные, так и негативные тренды. После 2010 г. быстрый рост душевых доходов происходил в Румынии, Болгарии, Латвии, Литве, Эстонии, Польше, а также в меньшей степени в Венгрии и Чехии. Тем временем Италия, Испания и Португалия медленно восстанавливались после мирового финансового кризиса 2008 г. Сильно пострадавшие от кризиса суверенных долгов еврозоны Греция и Кипр столкнулись с продолжительным снижением душевых доходов. В этой группе сначала мировой финансовый кризис, а затем кризис еврозоны положил конец существовавшему ранее расщеплению на три части, где первая была представлена одной Италией, средняя – Испанией, Кипром, Грецией, Португалией, Словенией и Мальтой, а нижняя включала остальные 10 стран Центральной и Восточной Европы.

Поскольку Франция занимает последнюю строчку среди стран первой группы, правомерен вопрос: происходит ли в ЕС общая конвергенция, приближается ли вторая группа к первой? В абсолютном выражении разрыв между среднеарифметическими показателями душевого ВВП в первой группе (без учёта Люксембурга) и во второй группе увеличился с 19,5 тыс. евро в 2000 г. до 32 тыс. евро в 2023 г. Хотя относительная величина этого разрыва¹³ уменьшилась с 53% до 39%. То есть относительное отставание второй группы медленно сокращается, но абсолютное значение разрыва увеличивается.

Таблица 2. ВВП на душу населения в странах ЕС-27 в 1995–2023 гг., евро

Table 2. GDP per capita in the European Union from 1995 to 2023, in euros

	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2023
ЕС-27	14 900	18 370	22 010	24 900	27 500	30 050	37 610
Медиана	9 910	13 230	18 130	20 150	21 170	23 630	31 235
Люксембург	39 020	52 680	65 100	83 650	95 070	102 350	118 770
Ирландия	14 680	28 520	40 940	36 710	56 120	75 350	96 290
Дания	27 040	33 350	39 280	43 840	48 050	53 410	63 290
Нидерланды	22 380	28 380	33 760	38 470	40 730	45 670	57 840
Австрия	23 190	26 660	30 890	35 390	39 890	42 720	52 370
Швеция	23 150	32 140	34 970	39 950	46 480	46 420	51 000
Бельгия	21 730	25 010	29 590	33 330	36 960	39 910	49 720

¹² Рассчитано по данным Евростат. Table -Main GDP aggregates per capita [nama_10_pc].

¹³ Рассчитано стандартным методом путём деления разности величин на их сумму.

	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2023
Финляндия	20 100	26 360	31 390	35 080	38 570	43 040	49 280
Германия	24 320	25 890	28 130	31 940	37 050	40 930	48 770
Франция	20 570	24 280	27 960	30 690	33 020	34 080	41 330
Италия	15 800	21 800	25 680	26 940	27 480	27 950	35 350
Испания	11 840	15 970	21 240	23 040	23 230	23 630	30 320
Франция/Германия	0,85	0,94	0,99	0,96	0,89	0,83	0,85
Франция/Бельгия	0,95	0,97	0,95	0,92	0,89	0,85	0,83
Франция/Италия	1,30	1,11	1,09	1,14	1,20	1,22	1,17
Франция/Испания	1,74	1,52	1,32	1,33	1,42	1,44	1,36
Франция – ЕС-27	5 670	5 910	5 950	5 790	5 520	4 030	3 720
Франция/ЕС-27	1,38	1,32	1,27	1,23	1,20	1,13	1,09

Примечание. Последние две строки отражают соотношение между ВВП на душу населения во Франции и в среднем по ЕС. Данные в предпоследней строке представляют собой разность показателей Франции и ЕС-27. Данные в последней строке представляют собой частное от деления показателя Франции на показатель ЕС-27.

Источник: данные и расчёт по Eurostat, Table – Main GDP aggregates per capita. [nata_10_pc]

Франция очень медленно отклоняется вниз от показателей благосостояния в странах-партнёрах по ядру ЕС. Её положение облегчается тем, что на предпоследней строчке первой десятки находится Германия – крупнейшая экономика Евросоюза. Если от Бельгии Франция отставала по размеру душевого ВВП с конца 1990-х гг., то отставание от Германии началось после мирового финансового кризиса. Во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. показатели двух стран, наоборот, сближались. Сложившиеся пропорции и долгосрочные тенденции позволяют утверждать, что в ближайшие 10, а, вероятно и 20 лет, десятое место Франции в рейтинге наиболее обеспеченных стран ЕС сохранится. Идущая следом за ней Италия возглавляет список стран второй группы, причём её отставание от Франции значительно увеличилось после мирового финансового кризиса. Преодолеть его в обозримой перспективе не смогут ни Италия, ни следующие за ней Мальта, Кипр, Испания и Словения.

Определяющим для позиционирования Франции в ЕС является то, что её показатели благосостояния сейчас находятся выше среднего значения и значительно выше соответствующей медианы. Однако внимательный взгляд на цифры помогает уловитьстораживающие сигналы. Дело в том, что отрыв Франции от средневзвешенного ВВП на душу населения во всём Евросоюзе постепенно сокращается – как в абсолютном, так и в относительном измерении (см. последние две строки Табл. 2). Причём после 2020 г. показатели стали сближаться особенно быстро. Согласно простой экстраполяции, при сохранении динамики 1995–2015 гг. французский ВВП на душу населения сравняется с общим для ЕС в 2040 г. Если же возобладает динамика 2015–2023 гг., то это произойдёт до 2030 г., то есть буквально через несколько лет.

Подобный сдвиг имел бы большое психологическое значение: в такой ситуации Францию уже будет трудно причислить к ядру объединения. Воспрепятствовать этому по существу дела может решительное повышение национальных темпов роста. Избежать неприятной перемены чисто статистически позволило бы новое расширение ЕС, когда его членами стали бы страны с низкими показателями душевых доходов.

Кластерный анализ показывает, что если в 1960–1969 гг. по показателям валового национального дохода на душу населения и стоимости произведённой промышленной продукции Франция относилась к полупериферии ЕС (в составе 28 стран), то во все последующие периоды она принадлежала к странам ядра. Вместе с тем сама конфигурация ядра в 2010–2018 гг. изменилась: из довольно сплочённого и чётко очерченного оно превратилось в более растянутое с размытой нижней границей. При этом Франция наряду с теперь уже вышедшей из Евросоюза Британией находилась в нижней части распределения (Weissenbacher 2020: 240–243).

Данное положение не противоречит высказанному ранее тезису о том, что внутри еврозоны (а не всего Евросоюза) Франция в силу сложившейся экономической модели оказалась на периферии. Её потери от ухудшения баланса по текущим операциям стали своего рода зеркальным отражением выгод, получаемых Германией и Нидерландами. Парадокс заключается в том, что именно французские политические элиты начиная с конца 1950-х гг. добивались создания европейского валютного союза, видя в нём способ раз и навсегда справиться со слабостью французского франка.

Авторитетный французский экономист Жак Сапир относит рост населения к структурным факторам, которые создают дополнительную нагрузку на национальную экономику. В периоды, когда реальный ВВП находится в состоянии стагнации, рост населения при неизменных механизмах распределения приводит к механическому снижению душевых доходов. Поскольку общество всегда сопротивляется попыткам правительства сократить расходы на социальные нужды, результатом становится повышение сборов и налогов. Таким образом власти борются с дефицитом государственного бюджета и с дефицитом торгового баланса. Особо следует отметить, что вследствие мирового экономического кризиса французы в 2009–2010 гг. впервые за всю послевоенную историю столкнулись с абсолютным снижением ВВП на душу населения (Sapir 2015). Правда, в последнее время французские власти действуют жёстче, примером чему стал пенсионный кризис 2023 г. Хотя против повышения пенсионного возраста выступили и парламент, и семь основных профсоюзных объединений, президент Э. Макрон директивно провёл реформу (Лункин 2023: 190).

Второе крупное падение душевых доходов произошло на фоне пандемии COVID-19. По итогам 2020 г. французский ВВП сократился на 7,5%, а душевой ВВП – на 7,9%. Снижение оказалось более выраженным, чем в среднем по Евросоюзу, для которого аналогичные показатели составили 5,6% и 5,7%

соответственно. Хотя сокращение душевого ВВП во Франции в 2020 г. не было исключением для крупных стран Западной Европы, ещё хуже дела обстояли в Италии, Испании и Великобритании. Докризисный уровень доходов на душу населения, то есть его абсолютную величину в 2019 г., Франция смогла преодолеть только в 2023 г. – одновременно с Испанией. Италия и Британия сумели перейти рубеж годом раньше¹⁴.

Международная конкурентоспособность

Модернизация национального хозяйства и поддержание международной конкурентоспособности – главные задачи экономической политики французского государства на протяжении многих десятилетий. До начала ХХI в. к ним добавлялась ещё одна хроническая проблема – обеспечение стабильности отечественной денежной единицы. Попытки проводить политику сильного франка, которая способствовала бы притоку капиталов в страну (и препятствовала их оттоку), а также позволяла бы компаниям закупать по эффективным для себя ценам иностранное оборудование, предпринимались и в 1930-х гг. в ответ на события Великой депрессии, и в 1980-х гг. – на фоне резко возросшей нестабильности доллара. До введения евро во Франции сложился своего рода порочный круг: повторяющийся дефицит платёжного баланса приводил к ослаблению национальной валюты и росту инфляции, ответные девальвации на время стимулировали экспорт и улучшали платёжный баланс, но усложняли модернизационную задачу.

После того, как с января 1999 г. в оборот была введена единая европейская валюта, ожидалось, что проблема исчезнет *per se*. Её внешняя часть, которая являлась следствием накопившихся в экономике диспропорций, действительно осталась в прошлом. Банк Франции больше не страдает от давления финансовых рынков на курс франка. Но глубинная внутренняя часть, а именно несбалансированность внешних расчётов, сохранилась и даже усилилась. В отсутствие тревожных сигналов с валютного рынка власти не считали нужным вовремя приступить к корректирующим мероприятиям.

За последние полвека доля Франции в мировой торговле выраженно уменьшилась (Табл. 3). Сам этот факт не должен вызывать повышенного внимания, поскольку в этот период происходило общее снижение доли ЕС (в его нынешнем составе 27 стран) в мировой торговле. Процесс особенно усилился после того, как в 2000-е гг. начался подъём Китая и других быстрорастущих стран Азии, чьи товары стали вытеснять продукцию европейских производителей с внешних рынков.

¹⁴ Данные и расчёт по: European Commission, European Economic Forecast, Autumn 2023. European Economy, Institutional Paper 258, p. 171.

Таблица 3. Франция в мировой торговле товарами в 1970–2023 гг.

Table 3. France in the international merchandise trade from 1970 to 2023

	1970	1980	1990	2000	2010	2015	2020	2021	2022	2023
Доля в мировом экспорте, %	5,7	5,7	6,2	5,1	3,4	3,1	2,8	2,6	2,5	2,7
Доля в мировом импорте, %	5,9	6,6	6,7	5,1	4,0	3,4	3,3	3,2	3,2	3,2
Доля в совокупном экспорте ЕС-27, %	14,1	15,7	15,8	15,1	11,0	10,3	8,9	8,8	8,6	9,0
Доля в совокупном импорте ЕС-27, %	14,2	16,5	17,2	15,6	12,9	12,4	11,3	11,0	11,0	11,2
Сальдо торгового баланса, млрд долл.	–1,4	–21,1	–23,5	–11,3	–87,3	–64,5	–92,7	–130,1	–200,4	–137,4
Отношение сальдо к импорту, %	–7,1	–15,4	–9,8	–3,4	–14,3	–11,3	–15,9	–18,2	–24,5	–17,5

Источник: данные и расчет по UNCTADstat: International merchandise trade/ Tables Trade value and volumes; Trade Balance, percentage of imports

Более внимательный взгляд на происходящее позволяет обозначить два пункта уязвимости Франции, которые нехарактерны для Евросоюза в целом. Первый – более заметное снижение доли Франции в мировом экспорте, нежели в мировом импорте. Если в 2000 г. два показателя имели одинаковую величину, то с 2020 г. между ними наблюдается зазор в размере 0,5–0,7 процентных пункта. При этом абсолютные и относительные величины дефицита торгового баланса Франции нарастали год от года. Вторая особенность – снижение доли Франции в совокупном товарообороте всех стран Евросоюза, особенно в экспорте. Иными словами, Франция утрачивала позиции на внешних рынках быстрее, чем её партнёры по ЕС. На протяжении XXI в. её удельный вес в совокупном экспорте объединения уменьшился с 15,1% в 2000 г. до 9,0% 2023 г. (Табл. 3).

Вспыхнувшая в 2020 г. пандемия COVID-19 привела к резкому падению французского экспорта. В долларовом выражении всего за один год поставки уменьшились на 14%, что явилось наихудшим показателем среди стран ЕС¹⁵ и более чем вдвое превысило среднее для объединения шестипроцентное сокращение. В том же году Германия, Италия и Испания испытали семипроцентное снижение товарного экспорта, а такие страны, как Польша, Ирландия, Эстония и Хорватия сумели нарастить отгрузки товаров за границу.

Елисейский дворец поспешил на помощь экспортёрам и уже в 2020 г. внедрил серию льгот, включая преференциальные режимы страхования. Обнародованный осенью того же года план восстановления французской экономики включал в качестве составной части План возобновления экспорта (фр. – Plan de relance des exportations). Введённые им экстренные меры продолжали действовать

¹⁵ За исключением Люксембурга.

до середины 2022 г. (Ревенко, Ревенко 2021). Эти усилия достигли цели. Уже по итогам 2021 г. провал в объёмах экспорта был преодолён, и стоимость зарубежных поставок превысила уровень докризисного 2019 г.

К концу 2023 г. стоимость вывезенных из Франции товаров достигла 649 млрд долл., что на 14% превышает показатель 2019 г. Масштаб этого достижения, однако, не стоит переоценивать. В целом по ЕС стоимость экспортных поставок в 2023 г. превысила уровень 2019 г. на 24%¹⁶. Иными словами, французский экспорт показал меньшую устойчивость к внешнему шоку, чем экспорт из других стран ЕС.

Наглядную картину долгосрочного изменения позиций Франции в мировой товарной торговле даёт сравнение относительных величин её торгового баланса с аналогичными показателями всего Евросоюза и отдельных его государств-членов. На Рис. 3. хорошо видно, что в течение 1993–2023 гг. Франция перешла от нулевого или умеренного положительного сальдо торгового баланса к устойчивому и всё более нарастающему отрицательному сальдо.

Особенно быстро относительная величина дефицита нарастала с 2004 г. по 2011 г. Для всего ЕС основную часть исследуемого 30-летнего периода показатель находился в зоне положительных значений. В Германии отношение профицита торгового баланса к импорту в отдельные годы доходило до 25% и даже превышало этот уровень, в Нидерландах указанное соотношение, как правило, держалось выше 10-процентной отметки.

Интересен пример Италии, которая, как и Франция, сильно пострадала от мирового финансового кризиса 2008 г., а затем – от долгового кризиса еврозоны. Однако, в отличие от Франции, Италия только в течение восьми лет (2004–2012) имела негативное сальдо торгового баланса, тогда как с 2010 г. его состояние начало быстро улучшаться. Возникший у Италии в 2022 г. дефицит был быстро купирован, и по итогам 2023 г. страна вернулась к традиционному для неё положительному сальдо. Это тем более неожиданно, что Франция заметно опережает Италию по показателям расходов на науку и технологическое развитие.

Ещё более контрастным выглядит сравнение с Польшей. Пережив глубокий трансформационный шок, страна в конце 1990-х гг. имела колоссальный дефицит торгового баланса – до 40% от стоимости импорта. Но буквально за считанные годы страна добилась нулевого сальдо. Ухудшение показателя вследствие мирового финансового кризиса последовательно преодолевалось, и с середины 2010-х гг. поставки польских товаров за рубеж устойчиво превышают по стоимости ввоз импортных товаров (за исключением кризисного 2022 г.). Причём результат получен в условиях, когда по абсолютным и душевым расходам на ИОКР Польша значительно уступает Франции.

¹⁶ Данные и расчёт по: UNCTADstat, Table – Merchandise: Total trade and share, annual

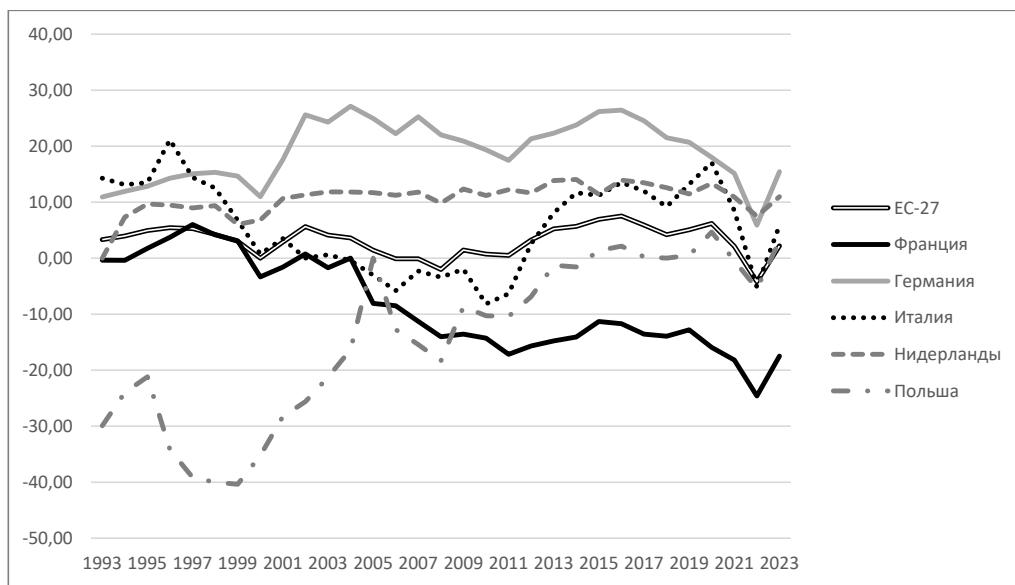

Рисунок 3. Отношение сальдо торгового баланса к стоимости импорта стран ЕС в 1993–2023 гг., %

Figure 3. Trade balance of EU countries from 1993 to 2023, percentage of imports

Источник: UNCTADstat: Table – Trade Balance, percentage of imports

Комплексное исследование причин, по которым торговый баланс Франции показывает в последние два десятилетия негативную динамику и находится в худшем состоянии, чем у стран ЕС в целом, не входит в задачу данной статьи. Поэтому автор считает возможным ограничиться изложением гипотез, проверка которых стала предметом других исследований. Согласно первой гипотезе, Франция проигрывает от колебаний курса евро к доллару и другим ключевым валютам. Согласно второй гипотезе, на конкурентоспособности её экспорта негативно сказываются ценовые и неценовые факторы.

В первом случае авторы исходили из предположения об асимметричном влиянии курса доллара, фунта стерлингов и иных третьих валют на динамику международной торговли отдельных государств еврозоны. Причиной такой асимметрии может быть неодинаковое географическое распределение и товарное наполнение экспортно-импортных потоков. Как следствие, изменение эффективного курса евро может по-разному отражаться на торговом балансе. Проведённое исследование подтвердило факт неравномерного воздействия курсовой динамики евро на торговлю стран – участниц валютного союза. Выяснилось, что удешевление евро улучшает состояние торгового баланса Франции, а также Германии, Ирландии, Италии, Нидерландов и Португалии. Удорожание евро ухудшает состояние торгового баланса Финляндии, Ирландии, Италии и Португалии. Только Германия выигрывает и от понижения, и от повышения курса

единой валюты. То есть, Франция вместе с Нидерландами находится на второй строчке в списке бенефициаров: они выигрывают от удешевления единой валюты и не проигрывают от её удорожания (Bahmani-Oskooee and Mohammadian 2019). Иными словами, динамика эффективного курса евро не может быть причиной ухудшения торгового баланса Франции.

Исследование роли ценовых и неценовых факторов, влияющих на конкурентоспособность товарного экспорта и импорта четырёх крупнейших стран еврозоны (Германии, Франции, Италии и Испании), выявило, что для Франции статистически значимым является только показатель удельных затрат на рабочую силу (англ. – unit labour costs). Обнаружить значимого влияния неценовых факторов в период 1993–2012 гг. не удалось. Их авторы исследования измеряли при помощи индекса совокупной факторной производительности (англ. – total factor productivity), который позволяет судить об общей эффективности национальной экономической системы, включая эффективность инноваций и качество деловой среды (Giordano and Zollino 2016).

Эксперты Европейской комиссии трактуют ситуацию иначе. Они констатируют, что по уровню неценовой конкурентоспособности (то есть, качества) продукции Франция занимает 11-е место среди 37 стран ОЭСР. При этом её рейтинг снижался, особенно после мирового финансового кризиса 2008 г. Тенденция объясняется ухудшением конкурентных позиций товаров среднего и ниже среднего качества, тогда как некоторые наиболее дорогие виды продукции, наоборот, улучшили свои позиции. Франция добилась впечатляющих результатов в отдельных отраслях специализации: в аэрокосмической промышленности, в производстве косметических товаров, напитков (в т. ч. вин и коньяков) и предметов роскоши. Но она показывает средние результаты в таких секторах, как машиностроение, электрическое оборудование, производство средств транспорта (включая автомобилестроение) и фармацевтика, на которые приходится подавляющая часть мировой торговли. Для возвращения утраченных конкурентных преимуществ эксперты рекомендуют сместить упор в инновационной активности с государственного сектора на частный, что повысило бы эффективность компаний и улучшило общий деловой климат (Burton and Kizior 2021).

Уровень конкурентоспособности национальной промышленности обычно напрямую зависит от общего уровня научно-технологического развития страны. Одним из основных его показателей являются затраты на НИОКР. Как и в рейтинге крупнейших экономик Евросоюза, здесь Франции стабильно принадлежит второе место после лидирующей Германии. В 2022 г. общие расходы на НИОКР составили во Франции 57 млрд евро, или 16% от общей для 27 стран ЕС суммы. Однако, если по объёму ВВП Германия превосходит Францию в 1,4 раза, то по расходам на НИОКР – в 2,1 раза (с общей суммой 121 млрд евро в 2022 г.). Аналогичным образом отставание Италии и Испании

от Франции оказывается в данной сфере гораздо более выраженным, чем по объёму ВВП. Согласно статистике Евростат, в 2022 г. Италия потратила на НИОКР 26 млрд евро, а Испания – 19 млрд евро. Причём Испанию обгоняли Нидерланды с показателем 22 млрд евро, а вровень с ней шла Швеция (также с показателем 19 млрд евро)¹⁷.

Как видно, в рассматриваемом аспекте второе место Франции имеет все основания сохраниться как минимум до второй половины XXI в., то есть ещё дольше, чем её второе место по размеру ВВП. Однако существует другой разрез, в котором позиции Франции выглядят далеко не столь убедительно. Речь идёт об удельных расходах на НИОКР в расчёте на душу населения. Этот показатель в последнее время стал замещать в международной статистике такой ранее широко распространённый показатель, как доля расходов на НИОКР в ВВП – видимо, ввиду малой размерности и сложно отслеживаемой динамики последнего.

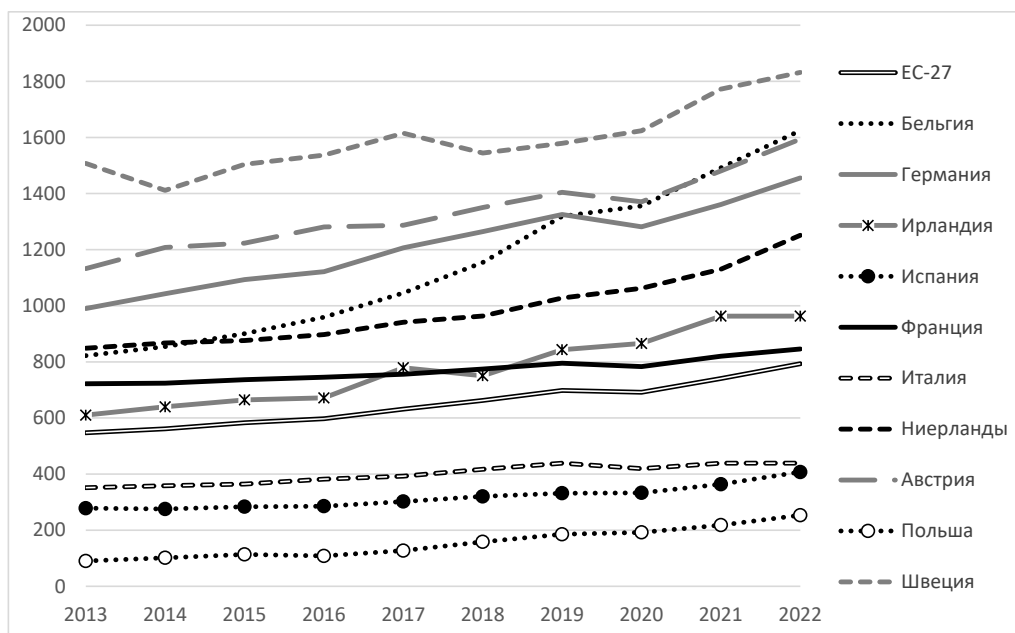

Рисунок 4. Расходы на НИОКР в расчёте на душу населения в странах ЕС в 2013–2022 гг., евро.

Figure 4. Gross domestic expenditure on research and development in EU countries from 2013 to 2022, euro per inhabitant

Источник: Eurostat, Table - GERD by sector of performance [rd_e_gerdtot]

¹⁷ Данные и расчёт по: Eurostat, GERD by sector of performance, last updated 31.01.2024.

По душевым расходам на НИОКР страны Евросоюза чётко делятся на две неравные по численности группы. Медианный показатель составлял 440 евро в 2022 г. и находился значительно ниже средней для всего объединения суммы в размере 790 евро. К первой группе с высоким уровнем душевых расходов относились (в порядке убывания) Дания, Швеция, Бельгия, Австрия, Германия, Финляндия, Люксембург, Ирландия и Франция – всего девять стран из 27. Остальные 18 государств располагались в этой табели о рангах в нижней трети распределения с показателями от до 70 евро в Румынии до 570 евро в Словении. К той же группе относились Италия и Испания. Франция замыкала девятку передовиков, среди которых с ранее предпоследнего места в 2017 г. её оттеснила Ирландия (Рис. 4).

Особенностью положения Франции является то, что её душевые доходы на НИОКР растут медленнее, чем в любой другой стране ЕС, за исключением Люксембурга. Так, средний для ЕС показатель увеличился в период с 2016 г. по 2022 г. на 33%, в том числе в Бельгии – на 70%, в Нидерландах, Испании и Ирландии – на 40%, в Германии и Финляндии – на 30%. Во Франции прирост составил только 14%, то есть был вдвое ниже средневзвешенного по Евросоюзу. Хотя многие страны Центральной, Восточной и Южной Европы значительно отстают от Франции по размеру душевых расходов на НИОКР и не имеют в ближайшие полтора-два десятилетия шансов догнать её, многие из них демонстрируют весьма энергичную динамику. Так, за исследованный промежуток времени душевые расходы на НИОКР увеличились в Польше, Латвии, Литве, Эстонии и Хорватии в 2–3 раза, а в Португалии, Греции, Чехии, Венгрии, Румынии и Болгарии – в 1,7–1,8 раза.

При сохранении текущей динамики душевые расходы на НИОКР во Франции опустятся ниже среднего по всем странам Евросоюза уже по итогам 2024 г. Складывающаяся ситуация аналогична той, которая рассматривалась применительно к ВВП на душу населения. С той только разницей, что психологически чувствительный для Парижа рубеж в научно-технической сфере будет пройден несколькими годами раньше, чем в сфере доходов.

Заключение

Присутствие французов в высших эшелонах экономической власти Евросоюза было на протяжении его истории непропорционально высоким. На протяжении 14 лет граждане Франции возглавляли Комиссию и свыше 30 лет руководили её экономическим и финансовым направлением –кратно больше, чем представители любой другой страны, включая близких по численности населения Германию и Италию. Франция внесла решающий вклад в формирование идейной базы и институционального устройства экономической политики

Евросоюза. Французский дирижизм и немецкий ордолиберализм образуют двуединый концептуальный стержень современной европейской экономической интеграции. Причём в последнее время по итогам мирового финансового кризиса и пандемии, а также в контексте начатого двойного перехода, дирижизм возвращает себе актуальность и практическую значимость.

Многие десятилетия Франция мостила дорогу к европейскому валютному союзу, доказывая примат валютного сотрудничества над экономическим. В настоящее время Германия и Франция играют ведущую роль в определении будущего еврозоны, Банковского и Финансового союзов, как и всей системы экономического управления ЕС.

Франция остаётся второй по размеру ВВП экономикой Евросоюза после Германии. Однако так было не всегда. С конца 1990-х гг. в долларовом исчислении Великобритания (за исключением нескольких лет) превосходила Францию по величине ВВП. Теперь, после выхода Великобритании из ЕС, второму месту Франции ничто не угрожает, оно наверняка сохранится в течение двух-трёх предстоящих десятилетий.

Вместе с тем доля Франции в совокупном ВВП Евросоюза неуклонно снижается, в 2023 г. она составляла менее 17%, по сравнению с 24% у Германии. Основная причина состоит в традиционно невысоких темпах роста французской экономики. Доля Франции стабилизируется в периоды низкой хозяйственной конъюнктуры, но как только европейская экономика вступает в фазу оживления и подъёма, отставание снова нарастает. Его также питает сформировавшиеся внутри еврозоны две разные модели роста, одна – за счёт экспорта, другая – за счёт потребления и накопления долгов.

На протяжении всего послевоенного периода Франция демонстрирует высокие, по европейским меркам, темпы роста населения. Её доля в общей численности населения ЕС неуклонно растёт. По уровню душевых доходов Франция занимает только 10-е место среди 27 государств – членов Евросоюза. Поскольку следующая за ней Италия развивается ещё медленнее, а динамичные государства Центральной и Восточной Европы находятся на гораздо более низком уровне, в ближайшие 10–20 лет ни одна из стран ЕС не сможет догнать Францию по данному показателю. Однако уже в 2030–2035 г. абсолютный показатель её душевого дохода имеет реальный шанс оказаться ниже средневзвешенной для всего Евросоюза величины. Отсюда встанет вопрос, насколько правомерно относить Францию к ядру объединения.

Франция постепенно утрачивает позиции в глобальной торговле, причём её доля в мировом экспорте сокращается быстрее, чем у других государств – членов ЕС. В отличие от большинства партнёров, Франция с начала XXI в. имеет постоянный и возрастающий дефицит в торговле товарами, что свидетельствует о недостаточной конкурентоспособности её продукции на внешних рынках. По абсолютной величине расходов на НИОКР Франция стабильно занимает

второе место в ЕС после Германии. Но её расходы на НИОКР в расчёте на душу населения растут медленнее, чем у 25 других участников объединения. Как следствие, их величина уже в 2024 г. может опуститься ниже средневзвешенного значения для всего ЕС.

В целом положение Франции в экономической системе Евросоюза характеризуется нарастающим дуализмом. С одной стороны, её идейный и организационный вклад в формирование и развитие экономической политики ЕС настолько велик, что заменить его не может ни одна другая страна. Германия остро нуждается в более или менее равноценном партнёре, который мог бы разделять с ней миссию визионера и бремя политического лидера в условиях перестройки глобального миропорядка. Сложившийся за десятилетия франко-германский тандем является критически важной частью политической культуры Евросоюза, двигателем его громоздкой бюрократической машины. Германия едва ли сможет и захочет принимать стратегические решения без учёта другого, отличного по своей природе мнения. Особенно теперь, когда критерии бюджетной дисциплины, на введении которых она настаивала при подготовке Маастрихтского договора, показали свою практическую неприменимость. Аналогичным образом не вполне функциональным оказался взятый из ордолиберализма принцип независимости центрального банка. ЕЦБ негласно отступил от него, когда вслед за ФРС и Банком Англии втянулся в политику количественного смягчения. Сегодня экономисты ставят под сомнение одностороннюю ориентацию ЕЦБ на поддержание стабильности цен – без оглядки на динамику занятости. Практически бесполезным оказался внедрённый с подачи Германии и тоже уходящий корнями в философию социального рыночного хозяйства принцип регулирования денежной массы с помощью количественного норматива МЗ.

Страны Центральной и Восточной Европы, на поддержку которых в текущих делах часто опирается Германия, по понятным причинам не могут быть источником нового экономического мировоззрения. Экономические школы Нидерландов и стран Северной Европы слишком близки к немецкой, чтобы создавать необходимое между полюсами напряжение. Из остальных государств – членов ЕС, пожалуй, только североитальянская экономическая школа и испанская школа менеджмента способны выполнять отдельные функции противовеса в диалоге с немецким истеблишментом.

С другой стороны, Франция, оставаясь второй экономикой Евросоюза, всё больше количественно и качественно отдаляется от ядра объединения, особенно от его наиболее успешной части. На некоторых треках страна зримо движется вниз. Высока вероятность, что в ближайшие годы Франция оторвётся от ядра ЕС и надолго займёт срединное положение между двумя сильно удалёнными друг от друга группами стран – ядром и периферией. Причём из-за того, что теперь в ЕС отсутствует полупериферия, положение Франции станет весьма особенным. Вследствие выраженной специфики Франции будет всё труднее

составлять пару не только Германии, но и любому другому партнёру по ЕС. Такая ситуация усилила бы асимметрию франко-германского тандема и увеличила риски, связанные с управляемостью объединения.

Аналогичным образом остающиеся в ядре страны – Нидерланды, Бельгия, Австрия, Ирландия, Швеция, Дания, Финляндия и Люксембург – не смогут составить пару Германии просто по причине своих размеров. В этом смысле существенное ослабление Италии и Испании после кризисов 2008–2011 гг., а также выход Великобритании изменили к худшему прежнюю конструкцию неформального управления интеграционным процессом, где главные идеи и решения вырабатывались крупными странами. Переход к подлинной многосторонности в системе управления ЕС, о котором говорила Урсула фон дер Ляйен при вступлении в должность в конце 2019 г., потребует от нового состава Комиссии больших усилий. При этом любое неосторожное движение Франции в сторону выхода из ЕС, пусть чисто спекулятивное, могло бы поставить Евросоюз на грань распада – с самыми непредсказуемыми и тяжёлыми последствиями для Европы и всего мира.

Об авторе:

Ольга Витальевна Буторина – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3.
E-mail: butorina@ieras.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития №075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

UDC 339.92:061.1EU(44+430)

Received: July 30, 2024

Accepted: September 13, 2024

France in the EU Economic System: The Peerless Second

 Olga V. Butorina[DOI 10.24833/2071-8160-2024-5-98-7-44](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-5-98-7-44)

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

Abstract: France and Germany have historically played pivotal roles in formulating and advancing the economic policy of the European Union. The conceptual frameworks of German ordoliberalism and French dirigisme underpin the dual foundations of European economic integration. The United Kingdom's departure from the EU has reconfigured the composition of the Union's core, amplifying Germany's significance. This shift simultaneously elevates the Franco-German partnership while rendering France's position within the Union increasingly contingent upon its tangible economic strength. This article seeks to examine the evolving role of France within the EU's economic architecture, identify critical long-term trends, and forecast possible realignments in the balance of power within EU economic governance. The analysis includes an overview of France's intellectual and executive contributions to European economic and monetary policies, followed by a comparative assessment of international statistical data, emphasizing GDP dynamics, demographic trends, per capita income, trade balance, and R&D investment.

The findings reveal that, despite being the EU's second-largest economy, France has exerted a disproportionate influence on the Union's economic governance, surpassing that of any other member state. French representation in the upper echelons of EU economic and financial policymaking has been unmatched. In the contemporary geopolitical landscape, French dirigisme is experiencing a resurgence of relevance.

Nevertheless, France's share of the EU's overall GDP has been progressively declining, even as its demographic contribution to the Union has grown. With respect to per capita income, France ranks 10th among EU member states, marking the lowest position among the core economies. The aftermath of the global financial crisis and the eurozone debt crisis has led to a significant erosion of France's international competitiveness. Should these trends persist, projections indicate that France's GDP per capita will fall below the EU average by the end of the decade, potentially signaling a shift from core to semi-peripheral status. This development would exacerbate the asymmetry within the Franco-German axis, complicating efforts to recalibrate EU economic governance and policy direction.

Keywords: France, Germany, Italy, European Union, European Commission, economic policy, demography, competitiveness, international trade, R&D expenditures

About the author:

Olga V. Butorina – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Deputy Director for Research at the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Mokhovaya st. 11-3, Moscow, Russia, 125009. E-mail: butorina@ieras.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements: This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 “Global and regional centers of power in the emerging world order”.

References:

- Bahmani-Oskooee M., Mohammadian A. 2019. Who Benefits from Euro Depreciation in the Euro Zone? *Empirica*. №3. P. 577–595. DOI: 10.1007/s10663-018-9408-8
- Bénassy-Quéré A. et al. 2018. Reconciling Risk Sharing with Market Discipline: a Constructive Approach to Euro Area reform. *CEPR Policy Insight*. №91.
- Blesse S., Havlik A. and Heinemann F. 2021. Euro Area Reform Preferences of Central and Eastern European Economic Experts. *Empirica*. №48. P. 155–179. DOI: 10.1007/s10663-020-09474-6
- Burton J. and Kizior M. 2021. Can We Evaluate the Non-Price Competitiveness of French Products Based on Export Data? *European Economy, Economic Brief*. №64. March. DOI: 10.2765/423473
- Covi G. 2020. Trade Imbalances within the Euro Area: Two Regions, Two Demand Regimes. *Empirica*. 48(1). P. 181–221. DOI: 10.1007/s10663-020-09477-3
- Danescu E.R. 2012. Economists v. Monetarists – Agreements and Clashes in the Drafting of the Werner Report, in: *A rereading of the Werner Report of 8 October 1970 in the light of the Pierre Werner family archives*. Sanem: CVCE.
- Garcia Calvo A. and Coulter S. 2022. Crisis, What Crisis? Industrial Strategies and Path Dependencies in Four European Countries after the Crash. *Journal of Economic Policy Reform*. 25(3). P. 191–210. DOI: 10.1080/17487870.2020.1785297
- Giordano C. and Zollino F. 2016. Shedding Light on Price- and Non-Price-Competitiveness Determinants of Foreign Trade in the Four Largest Euro-area Countries. *Review of International Economics*. 24(3). P. 604–634. DOI: 10.1111/roie.12225
- Harst van der J. 2014. The Common Agricultural Policy: A Leading Field of Action, in: Dumoulin M. (ed.) *The European Commission 1958–72. History and Memories of an Institution*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. P. 317–338. DOI: 10.2792/35424
- Hein E. 2019. Financialisation and Tendencies towards Stagnation: the Role of Macroeconomic Regime Changes in the Course of and after the Financial and Economic Crisis of 2007–09. *Cambridge Journal of Economics*. №43. P. 975–999. DOI: 10.1093/cje/bez022
- James H. 2012. *Making the European Monetary Union. The Role of the Committee of Central Bank Governors and the Origins of the European Central Bank*. The Belknap Press of Harvard University Press. Cambridge, London.
- Josling T.E. and Swinbank A. 2013. EU Agricultural Policies and European Integration: A Thematic Review of the Literature. Verdun, Amy and Tovia Alfred (Eds.) *Mapping European Economic Integration*. Palgrave Macmillan. P. 18–37.
- Lovering J.A. 2023. Indicative Planning and France’s Backstage Contribution to Eurozone Governance, *Journal of Common Market Studies*. №4. April. P. 1–17. DOI: 10.1111/jcms.13480
- Micossi S. and Peirce F. 2020. Overcoming the Gridlock in EMU Decision-Making. *CEPS Policy Insights*. №3.
- Newman A. 2015. The Reluctant Leader: Germany’s Euro Experience and the Long Shadow of Reunification. In: Matthijs M. and Blyth M. (Eds.) *The Future of the Euro*. Oxford: Oxford University Press. P. 117–135.
- Rueff J. 1971. *Le Pêché monétaire de l’Occident*. Paris: Plon.

Rueff J., Hirsch F. 1965 *The Role and the Rule of Gold. An Argument*. Princeton, New Jersey: University Press.

Sapir J. 2015. The French Economy in 2014: from Short-Term Crisis to Structural Crisis. *Studies on Russian Economic Development*. 26(2). P. 168–177. DOI: 10.1134/S1075700715020112

Schild J. 2020. EMU's Asymmetries and Asymmetries in German and French Influence on EMU Governance Reforms. *Journal of European Integration*. 42(3). P. 449–464. DOI: 10.1080/07036337.2020.1730351

Schoeller M.G. 2020. Germany, the Problem of Leadership, and Institution-Building in EMU Reform. *Journal of Economic Policy Reform*. 23(3). P. 309–324. DOI: 10.1080/17487870.2018.1541410

Schramm L., Krotz U. 2023. Leadership in European Crisis Politics: France, Germany, and the Difficult Quest for Regional Stabilization and Integration. *Journal of European Public Policy*. №31. P. 1153–1178. DOI: 10.1080/13501763.2023.2169742

Seidel K. 2016. Robert Marjolin. Securing the Common Market through Economic and Monetary Union. Dyson, K. and Maes, I. (eds.) *Architects of the Euro. Intellectuals in the Making of European Monetary Union*. Oxford University Press. P. 51–74.

Somai M. 2019. Economic Patriotism and Liberalism in Present-Day France: Changing Role of the State in French Economy. In: Geröcs, T., Szanyi, M. (eds.) *Market Liberalism and Economic Patriotism in the Capitalist World-System*. International Political Economy Series. Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-05186-0_8

Stockhammer E., Wildauer R. 2016. Debt-Driven Growth? Wealth, Distribution and Demand in OECD Countries. *Cambridge Journal of Economics*. 40(6). P. 1609–1634.

Warloutet L. 2019. The EEC/EU as an Evolving Compromise between French Dirigism and German Ordoliberalism (1957–1995). *Journal of Common Market Studies*. 57(1). P. 77–93. DOI: 10.1111/jcms.12817

Weissenbacher R. 2020. *The Core-Periphery Divide in the European Union. A Dependency Perspective*. Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-28211-0

Belov V.B. 2019. Aktual'nye vyzovy i zadachi hozjajstvenno-politicheskogo tandema Germanii i Francii [Current Challenges and Tasks of the Economic and Political Tandem of Germany and France]. *Sovremennaya Evropa*. 2(88). P. 27–39. DOI: 10.15211/soveurope220192738 (In Russian)

Butorina O.V. 2019. Evro kak instrument integracii: itogi 20 let [The Euro as an Integration Tool: 20-Year Results]. *Sovremennaya Evropa*. 1(87). P. 14–26. DOI: 10.15211/soveurope120191426 (In Russian)

Zimakov A.V. (2019). Jenergetika Francii v poiske optimal'noj modeli [French Energy Sector in Search of an Optimal Model]. *MGIMO Review of International Relations*. 12(5). P. 156–171. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-5-68-156-171 (In Russian)

Konina N.Yu. (2022). Osobennosti rynochnogo polozhenija evropejskih TNK v sovremennyh uslovijah [Contemporary Specific Features of the Market Position of European Multinationals]. *Sovremennaya Evropa*. 5(112). P. 78–91. (In Russian). DOI: 10.31857/S0201708322050060

Gromyko A.A. 2022. O problemah i perspektivah razvitiya Evropejskogo sojuza [On the Problems and Prospects for the Development of the European Union]. *Problemy nacional'noj strategii*. №4. P. 71–83. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_4_71 (In Russian)

Klinova M.V. 2024. Jekonomika kosmosa: global'nyj kontekst i opyt Francii [The Space Economy: Global Context and the French Experience]. *World Economy and International Relations*. №2. P. 16–26. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-2-16-26 (In Russian)

Lapina N.Yu. (2020). Est' li shans vozrodit' francuzskuju promyshlennost'? [Is there a Chance to Revive French Industry?] *World Economy and International Relations*. №10. P. 103–111. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-10-103-111 (In Russian)

Lunkin R.N. 2023. Prioritety Evropejskoj social'noj modeli (ESM): real'nost' i perspektivy [Priorities of the European Social Model (ESM): Reality and Prospects.]. Al.A. Gromyko (Ed.) *Europe in a Global Reconfiguration*; Institut Evropy RAN. Moscow: Ves' Mir. P. 172–191. (In Russian).

Mirkin Ya.M. 2020. Transformacija jekonomicheskoy i finansovoy struktur mira: vozdeystvie rastushhih shokov katastrof [Transformation of the World's Economic and Financial Structures: the Impact of Growing Catastrophe Shocks]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo*. №4. P. 97–116. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-5 (In Russian)

Mihajlov D.Ju. 2023. Nikolja Sarkozi i krizis Evrozony: federalizacija bjudzhetno-finansovogo sektora ES [Nicolas Sarkozy and the Eurozone Crisis: Federalization of the EU's Budgetary and Financial Sector]. *Sovremennaya Evropa*. №5. P. 72–83. DOI: 10.31857/S0201708323050066 (In Russian)

Obichkina E.O. 2007. Francuzskij podhod k evropejskoj integracii: Evropa kak «poljus sily» [The French Approach to European Integration: Europe as a “Pole of Power”]. Rubinskij Ju.I. (Ed.) *France in Search of New Ways*. Moscow: Ves' Mir. P. 476–524. (In Russian)

Obichkina E.O. 2019. Social'no-politicheskij krizis vo Francii: «zheltye zhilet» i zavershenie «pervoj fazy» pravlenija Je.Makrona [Socio-political Crisis in France: “Yellow Vests” and the End of the “First Phase” of E. Macron's Rule] *MGIMO Review of International Relations*. 2(65). P. 101–135. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-2-65-101-135 (In Russian)

Revenko L.S., Revenko N.S. 2021. Adaptacija gosudarstvennoj podderzhki jeksporta Francii k uslovijam pandemii [Adapting French Government Support for Exporters to the Pandemic]. *Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik*. №10. P. 49–65. DOI: 10.24412/2072-8042-2021-10-49-65 (In Russian)

Roginko S.A. 2023. Klimaticheskaja povestka ES i proschjoty jenergeticheskogo perehoda [The EU Climate Agenda and the Miscalculations of the Energy Transition]. Al.A. Gromyko (Ed.) *Europe in a Global Reconfiguration*, Institut Evropy RAN. Moscow: «Ves' Mir». P. 355–374. (In Russian)

Rubinskij Yu.I. 2018. Primety Vremeni: v 3-h t. T. 3. *Francija na novyh rubezhah* [Signs of the Times: in 3 Volumes, Vol. 3: France on New Frontiers.] Moscow: IE RAN. 384 p. (In Russian)

Rubinskij Yu.I., Sindeev A.A. 2024. Poisk novoj strategii franko-germanskogo tandema: vnutripoliticheskie faktory [The Search for a New Strategy for the Franco-German Tandem: Domestic Political Factors]. *Sovremennaya Evropa*. 1(122). P. 24–38. DOI: 10.31857/S0201708324010029 (In Russian)

Sapir J. 2022. Stanet li planovaja jekonomika nashim budushhim? [Will a Planned Economy be our Future?]. *Problemy prognozirovaniya*. №6. P. 6–26. DOI: 10.47711/0868-6351-195-6-26 (In Russian)

Smyslov D.V. 1979. *Krizis sovremennoj valjutnoj sistemy kapitalizma i burzhuaznaja politicheskaja jekonomija* [The Crisis of the Modern Capitalist Monetary System and the Bourgeois Political Economy]. Moscow: Nauka. 424 p. (In Russian)

Timofeev P.P., Horol'skaja M.V. 2021. Pandemiya COVID-19 kak vyzov franko-germanskomu tandemu [The COVID-19 Pandemic as a Challenge to the Franco-German Tandem]. *World Economy and International Relations*. №8. P. 72–80. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-72-80 (In Russian)

Trofiimova O.E. 2015. Jevoljucija francuzskoj modeli social'nogo gosudarstva [The Evolution of the French Model of the Welfare State]. *World Economy and International Relations*. №5. P. 29–40. (In Russian)

Holopov A.V. 2008. *Istorija jekonomicheskikh uchenij* [History of Economic Thought]. Moscow: Jeksmo. 448 p. (In Russian).

Fjodorov S.M. 2018. «Plan Makrona» dlja Evropy: novyj start evropejskogo projekta v XXI veke? [The Macron Plan for Europe: A New Start for the European Project in the 21st Century?] *Sovremennaya Evropa*. №6. P. 30–39. DOI: 10.15211/soveurope620183039 (In Russian)

Fjodorov S.M. 2021. «Evropejskij proekt» Makrona: chetyre goda spustja (francuzskie plany i realii Evrosojuzha) [Macron's "European Project": Four Years Later (French Plans and the Realities of the European Union)]. *Sovremennaya Evropa*. 5(105). P. 68–78. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520216878> (In Russian).

Hrustaljova N. 2004. Francija na ishode stoletija: smena modeli regulirovanija jekonomiki [France at the End of the Century: Changing the Model of Economic Regulation]. *World Economy and International Relations*. №6. P. 61–70. (In Russian).

Литература на русском языке:

Белов В.Б. 2019. Актуальные вызовы и задачи хозяйственно-политического тандема Германии и Франции. *Современная Европа*. 2(88). С. 27–39. DOI: 10.15211/soveurope220192738

Буторина О.В. 2019. Евро как инструмент интеграции: итоги 20 лет. *Современная Европа*. 1(87). С. 14–26. DOI: 10.15211/soveurope120191426

Зимаков А.В. 2019. Энергетика Франции в поиске оптимальной модели. *Вестник МГИМО-Университета*. 12(5). С. 156–171. DOI 10.24833/2071-8160-2019-5-68-156-171

Конина Н.Ю. 2022. Особенности рыночного положения европейских ТНК в современных условиях. *Современная Европа*. 5(112). С. 78–91. DOI: 10.31857/S0201708322050060

Громыко А.А. (2022). О проблемах и перспективах развития Европейского союза. *Проблемы национальной стратегии*. №4. С. 71–83. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_4_71

Клинова М.В. 2024. Экономика космоса: глобальный контекст и опыт Франции. *Мировая экономика и международные отношения*. 68(2). С. 16–26. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-2-16-26

Лапина Н.Ю. 2020. Есть ли шанс возродить французскую промышленность? *Мировая экономика и международные отношения*. 64(10). С. 103–111. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-10-103-111

Лункин Р.Н. 2023. Приоритеты Европейской социальной модели (ЕСМ): реальность и перспективы. *Европа в глобальной пересборке*. Отв. ред. Ал.А. Громыко; Институт Европы РАН. Москва: «Весь Мир». С. 172–191.

Миркин Я.М. 2020. Трансформация экономической и финансовой структур мира: воздействие растущих шоков катастроф. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 13(4). С. 97–116. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-5

Михайлов Д.Ю. 2023. Николя Саркози и кризис Еврозоны: федерализация бюджетно-финансового сектора ЕС. *Современная Европа*. 5(119). С. 72–83. DOI: 10.31857/S0201708323050066

Обичкина Е.О. 2007. Французский подход к европейской интеграции: Европа как «полюс силы». Рубинский Ю.И. (ред.) *Франция в поиске новых путей*. Москва: Весь Мир. С. 476–524.

Обичкина Е.О. 2019. Социально-политический кризис во Франции: «жёлтые жилеты» и завершение «первой фазы» правления Э. Макрона. *Вестник МГИМО-Университета*. 2(65). С. 101–135. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-2-65-101-135

Ревенко Л.С., Ревенко Н.С. 2021. Адаптация государственной поддержки экспорта Франции к условиям пандемии. *Российский внешнеэкономический вестник*. №10. С. 49–65. DOI: 10.24412/2072-8042-2021-10-49-65

Рогинко С.А. 2023. Климатическая повестка ЕС и просчёты энергетического перехода. *Европа в глобальной пересборке*. Отв. ред. Ал.А. Громыко; Институт Европы РАН. Москва: «Весь Мир». С. 355–374.

Рубинский Ю.И. 2018. *Приметы Времени*: в 3-х т. Т. 3. Франция на новых рубежах. Москва: ИЕ РАН. 384 с.

Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. 2024. Поиск новой стратегии франко-германского тандема: внутриполитические факторы. *Современная Европа*. 1(122). С. 24–38. DOI: 10.31857/S0201708324010029

Сапир Ж. 2022. Станет ли плановая экономика нашим будущим? *Проблемы прогнозирования*. №6. С. 6–26. DOI: 10.47711/0868-6351-195-6-26

Смыслов Д.В. 1979. *Кризис современной валютной системы капитализма и буржуазная политическая экономия*. Москва: Издательство «Наука». 424 с.

Тимофеев П.П., Хорольская М.В. 2021. Пандемия COVID-19 как вызов франко-германскому тандему. *Мировая экономика и международные отношения*. 65(8). С. 72–80. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-72-80

Трофимова О.Е. 2015. Эволюция французской модели социального государства. *Мировая экономика и международные отношения*. №5. С. 29–40.

Холопов А.В. 2008. *История экономических учений*. Москва: «Эксмо». 448 с.

Фёдоров С.М. 2018. «План Макрона» для Европы: новый старт европейского проекта в XXI веке? *Современная Европа*. №6. С. 30–39. DOI: 10.15211/soveurope620183039

Фёдоров С.М. 2021. «Европейский проект» Макрона: четыре года спустя (французские планы и реалии Евросоюза). *Современная Европа*. 5(105). С. 68–78. DOI: 10.15211/soveurope520216878

Хрусталёва Н. 2004. Франция на исходе столетия: смена модели регулирования экономики. *Мировая экономика и международные отношения*. №6. С. 61–70.

Циклическая модель инклюзивного роста Европейского союза

Е.В. Сапир¹, А.Д. Васильченко²

¹ Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

² Институт Европы Российской академии наук

Исследование посвящено определению ключевых характеристик и особенностей инклюзивного роста Европейского союза на современном этапе. В настоящее время ЕС как интеграционное объединение сталкивается с рядом внутренних вызовов, связанных с расхождением экономических интересов стран-участниц и неравномерным распределением выгод и издержек от «двойного перехода» в условиях снижения конкурентоспособности европейской экономики на мировой арене. Стратегическим ответом на эти вызовы стало формирование в ЕС экономики умного, устойчивого и инклюзивного роста.

Целью данного исследования является выявление основных черт современной модели инклюзивного роста Европейского союза, а также её сущности и внутренних противоречий. Исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: можно ли считать современный экономический рост в ЕС инклюзивным, и какого уровня зрелости он достиг?

Методология исследования включает качественный и количественный анализ. Качественный анализ связан с разработкой системы категорий и типологизацией инклюзивного роста в контексте современной европейской модели. Количественный анализ основан на сравнении экономического и социального положения стран ЕС с использованием многомерных индексов развития и благосостояния: Индекса инклюзивного роста ЮНКТАД, Индекса человеческого развития ООН, Индекса благополучия Института Legatum и Индекса счастья Оксфордского университета.

Были проанализированы результаты реализации стратегии «Европа 2020», определившей ориентиры инклюзивного роста до 2020 года. Установлено, что наибольших успехов в достижении комплексного инклюзивного роста добились страны Северной и Континентальной Европы, наименьших — страны Центрально-Восточной Европы. Выявлены следующие противоречия в реализации инклюзивного роста в ЕС: конфликт интересов настоящего и будущих поколений при реализации зелёного курса, расхождение интересов малых и крупных экономик Евросоюза, а также новый прогрессивный тренд, заключающийся в одновременном сокращении неравенства в обществе и ускорении экономического роста ЕС. Полученные выводы позволили определить характерные черты модели инклюзивного роста ЕС как воспроизводимого цикла возникновения социально-экономических противоречий и их разрешения на уровне Союза. Результаты

УДК 338.2:330.59(4-67EU)

Поступила в редакцию: 20.06.2024

Принята к публикации: 31.07.2024

анализа модели инклюзивного роста Европейского союза могут быть адаптированы и использованы для развития поддержки инклюзивного роста в ЕАЭС, а также для определения приоритетов и механизмов государственной социально-экономической политики стран – участниц Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: инклюзивный рост, Евросоюз, человеческий капитал, социально-экономические противоречия, Индекс инклюзивного роста ЮНКТАД, Индекс человеческого развития ПРООН, Индекс счастья Оксфордского университета, Индекс благополучия Института Легатум

Европейский союз как интеграционное объединение в XXI в. сталкивается с рядом новых вызовов, связанных как с расширением его состава, так и с усилением неравномерности социально-экономического развития стран объединения. Всё более отличимым становится разрыв в уровне экономического развития стран Севера и Юга Европы; страны – основатели ЕС опережают по темпам интеграции вновь принятые государства, а реализация стратегии «двойного перехода» приводит к неравномерному распределению благ и возможностей между странами и общественными группами.

Между тем европейский опыт показывает, что развитая система интеграционных институтов помогает разрешать возникающие противоречия моделей развития отдельных стран-участниц, позволяя достигать единых стандартов благополучия и качества жизни, установленных для всех членов Евросоюза. В частности, стратегии ЕС и программы развития определяют измеримые ориентиры экономического и социального прогресса и координируют взаимодействие бизнеса, общества и государства в достижении единых целей, поставленных на уровне объединения в целом.

В то же время важно понимать, транслируются ли экономические достижения национального и общеевропейского масштаба на уровень отдельного гражданина, влекут ли повышение благосостояния, обеспечение стабильности и достижение гармонии каждого человека? Иными словами, является ли экономический рост в Европейском союзе инклюзивным?

На сегодняшний день в научной литературе отсутствует единое определение инклюзивного роста. Кроме того, в недостаточной степени разработана проблема частных моделей инклюзивного роста в регионах и интеграционных объединениях мира.

Целью настоящего исследования является определение основных черт модели инклюзивного роста Европейского союза на современном этапе, её сущности и внутренних противоречий. Для достижения цели исследования проводится критический анализ существующих подходов к определению инклюзивного роста, предлагается синтезирующая аналитическая рамка, а также производится компаративная количественная оценка основных параметров инклюзивного

роста стран – участниц ЕС. На заключительном этапе, основываясь на полученных результатах анализа, предлагается теоретическая интерпретация актуальной модели инклюзивного роста Евросоюза и определяется роль и место институтов ЕС в поддержке роста.

Концептуализируя «инклюзивный рост»: критика предшествующих подходов

Проблема «инклюзивного роста» возникла перед исследователями и политиками сравнительно недавно, но стала предметом одной из наиболее острых научных и общественных дискуссий последних лет (Sachs 2005; Stiglitz 2012; White 2012). Критике подвергаются как собственно подходы к определению научной категории, её наполнение конкретными элементами и характеризующими их показателями, так и пути и последствия её практической реализации в отдельных странах¹. На сегодняшний день существует множество трактовок сущности инклюзивного роста (Ianchovichina, Lundstrom 2009; Kjølner-Hansen, Lindbjerg Sperling 2020). При этом сама аналитическая концепция хотя и активно обсуждается, но пока сохраняет черты эфемерности, а апеллирование к инклюзивному росту в ряде научных работ и программных документах зачастую не столько преследует цели самостоятельного научного анализа, сколько оказывается своего рода приложением к рассмотрению иных тем политически актуальной и социально значимой мировой общественной повестки (Che Sulaiman et al. 2021; Raniery, Almeida Ramos 2013).

В отсутствие единого определения, будь то телеологического или функционального, введение в научный оборот категории «инклюзивный рост» производится чаще всего посредством указания на составляющие его части и аспекты. В большинстве трудов одним из компонентов инклюзивного роста называется *сокращение неравенства* (Ostry et al. 2019). В частности, речь идёт о сокращении диспропорций в получаемых доходах, а также выравнивании возможностей доступа к благам всех людей в обществе вне зависимости от расовой, гендерной или религиозной принадлежности. Известный исследователь инклюзивного роста М. Спенс подчёркивает необходимость ограничения неравенства по доходам и доступу к общественным благам «разумными пределами» (Спенс 2013). При инклюзивном росте создание равных возможностей для всех групп населения должно приводить к улучшению материальных условий и повышению

¹ Corrigan G. 2017. Lessons from Norway, the World's Most Inclusive Economy. *World Economic Forum*. 12 April. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/04/lessons-from-norway-the-world-s-most-inclusive-economy/> (accessed 08.10.2024); Manyika, J., Pinkus, G., Ramaswamy, S., Woetzel, J., Nyquist, S., Sohoni, A. 2016. The US Economy: An Agenda for Inclusive Growth. *McKinsey Global Institute*. URL: <https://www.mckinsey.com/~/media/mckinsey/featured%20insights/employment%20and%20growth/can%20the%20us%20economy%20return%20to%20dynamic%20and%20inclusive%20growth/mgi-us-economic-agenda-briefing-paper-november-2016.ashx> (accessed 08.10.2024)

качества жизни². Эксперты Всемирного экономического форума (Samans et al. 2017) интерпретируют понятие «инклюзивный рост» как транслирование роста реального ВВП в повышение качества жизни путём создания соответствующих возможностей для всех групп населения.

Вторым аспектом инклюзивного роста в литературе признаётся *вовлечённость людей в социально-экономический прогресс*. Инклюзивный рост, как считают Че Сулайман и соавторы, есть «участие и разделение выгод» (Che Sulaiman et al. 2021). По мнению Г. Раунияр и Р. Канбур, условием инклюзивного роста является равноправный вклад в общественный прогресс всех членов общества (Rauniyar, Kanbur 2009). Специалисты Азиатского банка развития в своей методологии рассматривают инклюзивный рост отдельно с точки зрения как самого *процесса*, так и его *результатов*. Инклюзивный рост как процесс, по мнению авторов, предполагает вклад как можно большего числа людей, обладающих разнообразными способностями и талантами, в экономический рост страны на недискриминационной основе. Инклюзивный рост с точки зрения его результатов подразумевает повышение благосостояния максимально широкого круга людей в обществе, особенно из числа наименее обеспеченных его представителей (Klasen 2010, McKinley 2010). «Вовлечённость экономических субъектов в создание и распределение готового продукта» есть также базис инклюзивного экономического роста отдельных территорий (Бурганов 2022). Инклюзивный рост с точки зрения «вовлечённости» людей в социально-экономический прогресс предполагает наличие в экономике «инклюзивных институтов» (Бурганов и др. 2022; Пахомова и др. 2016), которые гарантируют возможность участвовать в экономическом развитии и претендовать на его выгоды «инклюзивным экономическим субъектам» (Нестерова и др. 2022), получающим «инклюзивное образование» и достигающим высокой степени личностного самоопределения и мотивации.

Ещё одной составляющей инклюзивного роста исследователи считают *укрепление человеческого потенциала*. Вовлечение людей в общественный прогресс, в том числе рост социальной активности общества, транслируется в улучшение качества жизни индивидов (Нечитайло и др. 2019). По Спенсу, инклюзивный рост характеризуется одновременным повышением показателей масштаба экономики и человеческого капитала (Спенс 2013). Казакова в своей работе видит развитие человеческого капитала (human development) одним из подходов к оценке социального благополучия, равноправным по отношению к подходу с точки зрения возможностей (capability approach) (Казакова 2016).

² The Productivity-Inclusiveness Nexus. OECD. 21 Sept 2018. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/the-productivity-inclusiveness-nexus_9789264292932-en (accessed 08.10.2024)

Исследователями подчёркивается и такой аспект инклюзивного роста, как *борьба с бедностью и создание рабочих мест* (Levitas 2005). Так, инклюзивный рост часто понимается как экономический рост, улучшающий положение наименее обеспеченных слоёв населения (pro-poor growth) (Mamman, Sohag 2023; Mamman 2023). Специалисты Всемирного банка также указывают на то, что инклюзивный рост в первую очередь должен приводить к увеличению масштаба экономики и расширению занятости, тогда как эффективное перераспределение ресурсов представляется им вторичным следствием.

Наконец, ещё одним компонентом инклюзивного роста является его роль одновременно как **программы и конечной цели государственной политики** (Wandel 2016). Достижение инклюзивного роста с позиции как возможностей, так и человеческого капитала ставит перед государством такие приоритеты, как поддержка групп населения, в недостаточной степени участвующих в социально-экономических процессах; развитие территорий и инфраструктуры; укрепление деловой среды; а также разработка и внедрение новых перераспределительных механизмов, учитывающих интересы меньшинства без ущерба для интересов большинства (Пахомова и др. 2016; Rauniyar, Kanbur 2009; Андриевская 2015). Эксперты ЮНКТАД рассматривают инклюзивный рост в контексте Повестки человеческого развития на период до 2030 г., в рамках которой основой инклюзивного и устойчивого развития является укрепление производственного потенциала³. В частности, как отмечают эксперты, категория «инклюзивный рост» нашла отражение в ЦУР 8: содействие поступательному, инклюзивному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех.

Приведённые выше аспекты инклюзивного роста представляют собой общие направления роста благополучия в стране. Тем не менее, на наш взгляд, они в недостаточной степени раскрывают содержание категории «инклюзия» как включения, вовлечения, сопричастия и соучастия (Mascherini et al. 2015). Кроме того, сущность «роста» в рамках данной концепции также не однозначна. Для реализации таких приоритетов, как ликвидация бедности, сокращение неравенства или укрепление человеческого капитала, увеличение масштаба экономики или повышение значений отдельных макроэкономических агрегатов не является обязательным условием.

По нашему мнению, инклюзивный рост необходимо рассматривать как форму социально-экономического прогресса, при которой отдельные индивиды получают возможность самореализоваться в существующей структуре общественных отношений, ощущая собственную значимость и «включённость» в процессы на макроуровне. То есть инклюзивный рост в своей «развитой»

³ Stark Contrasts in Inclusive Growth – Progress towards equal Opportunities Needed Everywhere. 2023. *UNCTAD SDG Pulse*. URL: <https://sdgpulse.unctad.org/inclusive-growth/> (accessed 08.10.2024)

стадии должен иметь *субъект-центричный* характер и отражать индивидуальные представления о формате персональной вовлечённости в хозяйственную и культурную жизнь общества. Таким образом, на наш взгляд, именно структура межличностных отношений и индивидуальных оценок качества жизни должны быть столпами развитого инклюзивного роста. «Социально-неравное отношение к естественно-неравным людям» – так Мамедов определил опорную характеристику «инклюзивной цивилизации», указывая на необходимость дифференцированного отношения к людям, признавая и поощряя (*embracing*) их индивидуальные черты и особенности.

Структура межличностных отношений во многом определяется такими характеристиками, как *доверие и ответственность* (Новиков, Виткина 2018). Задачей инклюзивной экономики, как считает Е.В. Воеводина, является создание условий, при которых «агенты рынка труда будут ориентированы на доверие, ощущая свою защищённость и ответственность» (Воеводина 2023). Говоря про ответственность, важно заметить её *интертемпоральный характер*: при инклюзивной форме социально-экономического прогресса индивиды, а также их коллективы ощущают ответственность за судьбу потомков, что может, в частности, выражаться в бережливом отношении к окружающей среде и стремлении сократить негативный эффект сегодняшней хозяйственной деятельности на физическое самочувствие, а также ресурсный потенциал будущих поколений.

Тем не менее инклюзивный рост может и должен иметь выражение на уровне всей национальной экономики (Jacobs, Mazzucato 2016). С точки зрения *рынка труда* в инклюзивной экономике должна сокращаться доля людей, не участвующих в хозяйственных отношениях (*i*) по естественным причинам, (*ii*) вследствие невостребованности индивидуальности и особенностей личности в существующей структуре общественных отношений, а также (*iii*) по причине расхождения предлагаемых рынком содержания и уровня оплаты труда субъективным ожиданиям и индивидуальным представлениям граждан. С точки зрения *производства благ* инклюзивная экономика максимизирует функцию общественной полезности, дисконтированную с учётом платы за снижение загрязнения окружающей среды, возобновление ресурсов, а также создание избыточных резервов как «страхового обеспечения» будущего роста душевых доходов и обновления вещной и невестной инфраструктуры. Наконец, с точки зрения *распределения благ* экономика инклюзивного роста обеспечивает межсубъектный переток добавленной стоимости в пропорции, позволяющей (1) *индивидам* – воспроизводить трудовые ресурсы, всё более полно удовлетворять растущие потребности и финансировать расходы иждивенцев, (2) *бизнесу* – возобновлять и модернизировать фонды, повышать инновационный риск-аппетит и поощрять акционеров, (3) *государству* – развивать «связующую» инфраструктуру, «вводить в рынок» традиционно не рыночные сектора

экономики и финансировать расходы на повышение благосостояния и личностный рост индивидов (пособия, программы подготовки кадров, субсидирование ипотеки и т. п.).

Разработанные в литературе принципы и подходы к пониманию инклюзивного роста в большинстве своём отражают фундаментальные основания и черты «зрелого», сложившегося феномена инклюзивного роста, не детализируя эволюцию категории и не проводя её дифференциацию по уровням развития. По нашему мнению, становление модели инклюзивного роста в стране / группе стран, переход экономики от начального этапа к зрелому инклюзивному росту осуществляются постепенно и поступательно: прогресс на каждой последующей стадии опирается на достижения предшествующих этапов (таблица 1).

Таблица 1. Типология инклюзивного роста по уровням развития

Table 1. Typology of inclusive growth depending on advancement level

Признак	Уровень развития инклюзивного роста			
	Начальный	Промежуточный	Продвинутый	Зрелый
Сущность «инклюзии»	Участие большинства в хозяйственных отношениях	Включённость большинства в процессы экономической модернизации	Участие всех граждан в распределении выгод от всей экономики	Доступ каждого гражданина к условиям благополучия, процветания и свободного развития
Содержание «роста»	Повышение общего материального благополучия	Укрепление человеческого капитала	Прогресс качества жизни всех граждан, дифференцированное отношение к различным социальным группам	Сопричастность каждого гражданина к социально-экономическому прогрессу и культурной жизни общества
Ожидаемые результаты	Ликвидация бедности, создание рабочих мест, сокращение неравенства в доходах	Рост продолжительности жизни, снижение младенческой смертности, обновление инфраструктуры	Сокращение неравенства возможностей, укрепление позиций меньшинства в принятии жизненно важных решений	Сокращение числа людей, не считающих себя счастливыми, рост числа граждан, оценивающих качество жизни как стабильно высокое и непрерывно растущее
Субъект-центричность	Низкая	Средняя	Выше средней	Высокая: Человек и его жизнь в центре национальной экономической политики
Прямая государственная поддержка	Высокая	Относительно высокая	Средняя	Относительно низкая
Базовый метод оценки	Статистический анализ ВВП (простой индексный)	Статистический анализ ВВП (интегральный индексный)	Качественные многомерные индексы	Тематический анализ, контент-анализ (интервью, работа с фокус-группами)

Источник: составлено авторами

Модель инклюзивного роста Евросоюза: становление и основные принципы

Впервые прямое и непосредственное внимание проблеме инклюзивного роста в Евросоюзе на официальном уровне было уделено в Стратегии «Европа 2020» (далее – Стратегия)⁴, в которой инклюзивный рост был определён как *инструмент для формирования экономики с высокой занятостью, обеспечивающей социальную и территориальную сплочённость Европы*. В качестве основы такого инклюзивного роста авторы Стратегии выделили развитие, в первую очередь, занятости и профессиональных навыков, а также борьбу с бедностью. При этом в документе инклюзивный рост рассматривался наряду и в совокупности с «умным ростом» (развитие инноваций, совершенствование системы образования, продвижение цифрового общества) и «устойчивым ростом» (защита климата, содействие энергопереходу, обеспечение промышленной конкурентоспособности). По справедливому замечанию Н.Б. Кондратьевой, такой комплексный подход совмещает стремление следовать передовым технологическим и экономическим мировым трендам с традиционной поддержкой уязвимых слоёв европейского общества (Кондратьева 2019).

Стратегия «Европа 2020» была принята в 2010 г. как реакция на последствия мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. В ней были обозначены следующие ожидаемые результаты инклюзивного роста на 2020 г.:

- решение проблемы сокращения численности рабочей силы на фоне старения населения Европы. Целевой показатель 2020 г. – достижение уровня занятости населения в возрасте от 20 до 64 лет в 75%;
- формирование устойчивой системы «обучения на протяжении жизни» в интересах обеспечения высококвалифицированной занятости. Цель №1 – снижение числа учащихся, не окончивших обучение, до 10%. Цель №2 – получение высшего образования не менее чем 40% молодых людей в возрасте 30–34 лет;
- обеспечение условий жизни, при которых доходы граждан полностью покрывают их базовые потребности. Цель – снизить число людей, подверженных риску бедности и социальной эксклюзии, на 20 млн человек, при этом сократив долю европейцев, проживающих за национальной чертой бедности, до 25%.

Отметим, что Стратегия определила институциональный контур поддержки инклюзивного роста на уровне Евросоюза (Silander 2024). Программа ЕС по развитию новых компетенций и созданию рабочих мест была призвана поддержать модернизацию рынков труда, облегчить трудовую мобильность

⁴ Europe 2020. A Strategy for Smart, Sustainable, and Inclusive Growth. Communication from the Commission. Brussels, 03.03.2010.

и содействовать снижению разрыва между предложением труда в Евросоюзе и спросом на него. Деятельность Европейской платформы по противодействию бедности направлена на обеспечение равного распределения выгод от экономического роста, а также достойной жизни и активного участия в общественной жизни европейцев, испытывающих финансовые трудности или «социальную эксклюзию».

В последующих документах ЕС инклюзивный рост упоминался исключительно в контексте текущей деятельности Союза. В Регламенте ЕС №1301/2013 сказано, что Европейский фонд регионального развития также должен содействовать стратегии устойчивого, умного и инклюзивного роста Евросоюза. В частности, приоритетная поддержка должна оказываться проектам в сфере повышения энергоэффективности и безопасности поставок сырья⁵. Регламент ЕС №1316/2015 также определил соответствие Стратегии «Европа 2020» в качестве основного критерия предоставления финансирования инновационным проектам со стороны Европейского фонда стратегических инвестиций⁶. Поддержка инклюзивного роста Евросоюза указана в Регламенте ЕС №2024/1263 в качестве приоритета эффективной координации экономической политики стран-участниц Союза⁷.

В более широком контексте составляющие инклюзивного роста в соответствии с определением, приведённым в Стратегии «Европа 2020», прописаны в двадцати принципах Европейской опоры социальных прав, выступающей в качестве ориентира политики Союза в отношении улучшений условий труда и социальной поддержки граждан (таблица 2).

⁵ Regulation (EU) No 1301/2013 of the European Parliament and of the Council of 17 December 2013 on the European Regional Development Fund and on specific provisions concerning the Investment for growth and jobs goal and repealing Regulation (EC) No 1080/2006. *EUR-Lex*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32013R1301&qid=1716030082384> (accessed 08.10.2024)

⁶ Regulation (EU) 2015/1017 of the European Parliament and of the Council of 25 June 2015 on the European Fund for Strategic Investments, the European Investment Advisory Hub and the European Investment Project Portal and amending Regulations (EU) No 1291/2013 and (EU) No 1316/2013 – the European Fund for Strategic Investments. *EUR-Lex*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32015R1017&qid=1716030082384> (accessed 08.10.2024)

⁷ Regulation (EU) 2024/1263 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2024 on the effective coordination of economic policies and on multilateral budgetary surveillance and repealing Council Regulation (EC) No 1466/97. *EUR-Lex*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024R1263&qid=1716030082384> (accessed 08.10.2024).

Таблица 2. Принципы инклюзивного роста, установленные в Европейской опоре социальных прав

Table 2. Inclusive growth mainstays specified in The European Pillars of Social Rights

Раздел документа	Принцип инклюзивного роста	Основные программы поддержки Евросоюза
Равенство возможностей и доступ на рынок труда	Равные возможности для социальных групп	Европейская стратегия гендерного равенства; Директива ЕС о прозрачности оплаты труда
	Поддержка выхода на рынок труда	Программа ALMA (поддержка незанятой молодёжи, не обладающей достаточными образованием и навыками)
Социальная защита и инклюзия	Вовлечение людей с ограниченными возможностями	Стратегия ЕС по защите прав людей с ограниченными возможностями на период 2021–2030 гг.; Пакет услуг ЕС по содействию занятости людей с ограниченными возможностями (создание условий труда, борьба со стереотипами, обеспечение программ реабилитации по запросу)
	Обеспечение доступа к жизненно важным услугам	Мониторинг барьеров для доступа к жизненно важным услугам ⁸ ; Рекомендации Еврокомиссии по обеспечению населения энергоресурсами ⁹

Источник: составлено автором на основе *The European Pillars of Social Rights in 20 Principles*. European Commission, Official Website. URL: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=1606&langId=en> (accessed 08.10.2024)

Прогресс в реализации стратегии инклюзивного роста Евросоюза

Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. обнажил ряд проблем экономики объединения. В частности, предыдущая модель развития ЕС вступила в противоречие с потребностями экономического прогресса и не смогла обеспечить, как выразился президент Еврокомиссии Ж. Баррозу, «возвращения экономики Евросоюза на нормальную траекторию развития и сокращения дефицита её роста»¹⁰. Эксперты Еврокомиссии смогли интерпретировать запрос общества на устранение последствий кризиса и бизнеса на повышение международной конкурентоспособности, сформулировав следующие приоритеты: повышение вовлечённости населения в рынок труда, повышение квалификации рабочей силы, борьба с бедностью, поддержка экономики знаний и цифрового общества, повышение энергоэффективности и конкурентоспособности производства. В противовес Лиссабонской стратегии, реализация которой не достигла

⁸ Commission publishes recommendations to tackle energy poverty across the EU. *European Commission, Official Website*. URL: https://energy.ec.europa.eu/news/commission-publishes-recommendations-tackle-energy-poverty-across-eu-2023-10-23_en (accessed 08.10.2024).
⁹ Commission Recommendation (EU) 2023/2407 of 20 October 2023 on energy poverty. *EUR-lex*. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L_202302407 (accessed 08.10.2024).
¹⁰ Europe 2020: Commission proposes new economic strategy for Europe. Press Release. *European Commission*. 03.03.2010. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_10_225 (accessed 08.10.2024)

ожидаемых результатов по причине её перегруженности конкретными целями (Leon, Nica 2011), в принятой стратегии «Европа 2020» число задач существенно сократилось, а одной из них и был собственно инклюзивный рост. Помимо Программы ЕС по развитию новых компетенций и Европейской платформы по противодействию бедности, в рамках Европейского социально-экономического комитета также был создан и начал активную деятельность Руководящий комитет Стратегии «Европа 2020», призванный обеспечить вовлечение национальных органов и гражданского общества в процесс реализации Стратегии. И хотя количественно оценить влияние Стратегии «Европа 2020» на инклюзивный рост ЕС сегодня не представляется возможным в силу отсутствия достоверных методик, можно сформулировать основные результаты этого роста за десятилетие после 2010 г.

Сразу оговоримся, что в рамках реализации Стратегии «Европа 2020» проблема нехватки рабочей силы в Евросоюзе не была решена в первоначально намеченные сроки: в 2020 г. занятость населения в возрасте от 20 до 64 лет составила лишь 71,7%. Однако к 2023 г. показатель вырос уже до 75,3%, достигнув требуемой величины¹¹. Цель снижения числа молодых людей, не окончивших обучение, была достигнута: уже в 2020 г. их процент в общей численности населения Евросоюза в возрасте 18–24 лет составил 10,0%, в 2023 снизился до 9,5%¹². Кроме того, в 2020 г. 41,2% молодёжи в возрасте 30–34 лет имели высшее образование; к 2023 г. показатель вырос до 43,9%. Евросоюз также демонстрирует прогресс в сокращении числа людей, подверженных риску бедности и социальной эксклюзии. За период 2015–2020 гг. их число снизилось с 119,6 до 92,2 млн чел. (-27,4 млн), что свидетельствует о существенном превышении цели, заявленной в Стратегии. В целом – и это подтверждают многие исследователи (Stec, Grzebyk 2018, Darvas, Wolff 2016) – существенный прогресс Евросоюза в инклюзивном росте с точки зрения его характеристик в рамках Стратегии «Европа 2020» был достигнут.

Евросоюз также демонстрирует прогресс в выравнивании распределения экономических выгод. Согласно исследованиям, за период 2007–2017 гг. наименее обеспеченные группы населения, проживающие в большей части в менее развитых государствах Союза, «улавливали» всё больший позитивный эффект от экономического роста в ЕС¹³. Одновременно с этим, выражаясь в терминах «социальной сплочённости», в Евросоюзе наблюдается «разобщённость» между

¹¹ Employment and activity by sex and age – annual data. *Eurostat Official Website*. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/lfsi_emp_a/default/table?lang=en&category=labour.employ.lfsi.lfsi_emp (accessed 08.10.2024)

¹² Early leavers from education and training by sex and labor status. *Eurostat Official Website*. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/edat_lfse_14/default/table?lang=en (accessed 08.10.2024)

¹³ Employment and Social Developments in Europe 2020. DG Employment and Social Affairs. 2020. *European Commission*. URL: <https://www.europeansources.info/record/employment-and-social-developments-in-europe-2020/> (accessed 08.10.2024)

группами государств в уровне социальной поддержки. Страны Южной и Восточной Европы характеризуются существенно меньшей социальной защитой беднейших слоёв населения по сравнению с группой северных стран, в которых перераспределение доходов находится на значительно более высоком уровне. В целом, экономика Средиземноморского региона в наименьшей степени среди стран Евросоюза удаётся решить проблему безработицы и высокой доли населения, проживающей за чертой бедности (Bughin et al. 2018). Таким образом, Евросоюзу, определённо удалось достичь успехов в направлениях повышения инклюзивного роста объединения.

Между тем в страновом разрезе прогресс не выглядит столь же однозначным. Как было отмечено ранее, хотя цели стратегии в отношении занятости и борьбы с бедностью были достигнуты, неоднородность социально-экономического прогресса в разрезе отдельных национальных экономик и групп стран усилилась. Результаты мониторингов и аналитики, в том числе со стороны исследователей института Брейгель (Demertzis et al. 2019), проливают свет на проблемы инклюзивного роста Евросоюза. В период реализации Стратегии регионы стран Центральной и Восточной Европы продемонстрировали существенную конвергенцию по уровню душевых доходов по отношению к наиболее обеспеченным регионам стран ЕС, тогда как регионы Юга Европы и частично Франции – значимую дивергенцию. Однако, как замечают эксперты Европейского банка реконструкции и развития¹⁴, большую часть выигрыша за счёт конвергенции регионов стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) присваивали наиболее обеспеченные слои населения данных экономик. Таким образом, применительно к странам ЦВЕ, обострилось противоречие между экономическим ростом и социально-экономическим равенством, причём на региональном уровне.

Ещё одно противоречие родилось в период реализации Стратегии на фоне ускоренной цифровизации экономики Евросоюза и повышения степени её участия в процессах экономической глобализации. Так, в подобных условиях большая часть выгод доставалась, в первую очередь, молодому и мобильному населению крупных городов. Особенно остро данная проблема стоит для стран Юга Европы, в которых медианный возраст населения значимо выше, чем в остальных странах Европы. Более того, в этих странах указанная проблема накладывается на высокий уровень имущественного расслоения населения, что в совокупности повышает риски социальной напряжённости и протестной активности. Сущность противоречия заключается в неравенстве доступа к благам глобализации 2010-х гг. и их распределения между группами населения стран ЕС, отличных по возрасту и степени урбанизации.

¹⁴ Transition for all: Equal opportunities in an unequal world: Transition Report 2016–17. *European Bank for Reconstruction and Development*. URL: <https://2016.tr-ebrd.com/> (accessed 08.10.2024)

Многомерная оценка инклюзивного роста в Евросоюзе на современном этапе

В настоящей работе многомерная количественная оценка инклюзивного роста, в первую очередь, базируется на Индексе инклюзивного роста ЮНКТАД¹⁵. Значения Индекса инклюзивного роста ЮНКТАД¹⁶ для стран Европы приведены на рисунке 1. Можно заметить, что наибольшее значение индекса характерно для Ирландии, Дании и Люксембурга. Также из рисунка видно, что высокое значение ИИР характерно для стран Северной и Центральной Европы. Наиболее низкие значения ИИР имеют страны Восточной и Южной Европы.

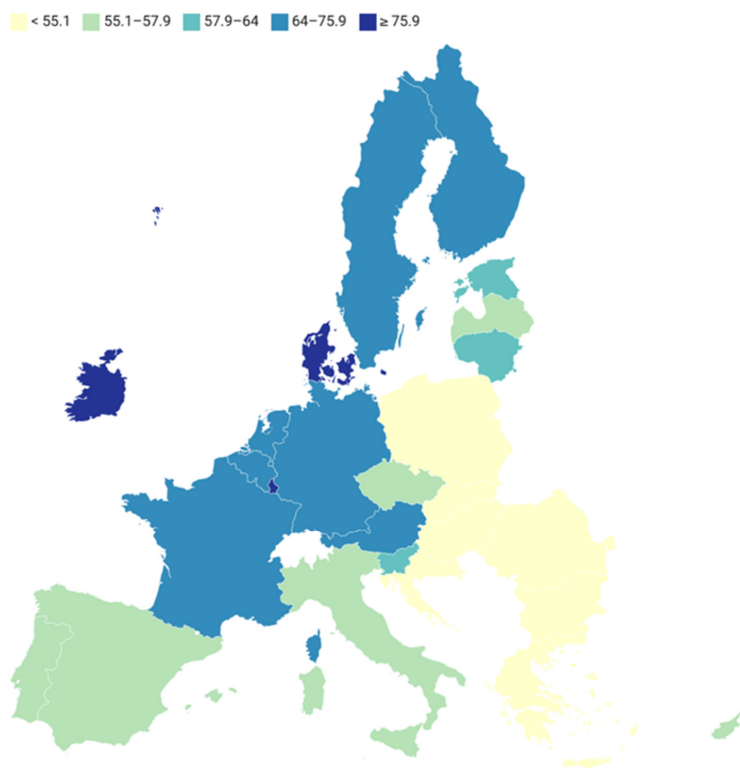

Рис. 1. Значение Индекса инклюзивного роста для стран ЕС-27

Fig. 1. The values of UNCTAD Inclusive Growth Index for the EU-27 member states

Источник: составлено авторами на основе UNCTAD Stat (2023). Inclusive Growth Index. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.InclusiveGrowth> (accessed 08.10.2024)

¹⁵ Индекс охватывает 27 показателей инклюзивного роста, сгруппированных по категориям «Экономика», «Равенство», «Условия жизни» и «Окружающая среда». Показатель рассчитан для 129 стран по данным за 2021 г.

¹⁶ Inclusive Growth Index. 2023. UNCTAD Stat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.InclusiveGrowth> (accessed 08.10.2024)

Анализируя данные ЮНКТАД, можно также выявить страны-лидеры по отдельным категориям показателей (таблица 3). Люксембург является лидером в категориях «Экономика» и «Окружающая среда». В целом, перечень стран-лидеров по всем категориям довольно схожий. Исключение составляют только Литва и Латвия, занимающие высокие позиции в категории «Окружающая среда».

Таблица 3. Страны-лидеры ЕС по значению индекса по отдельным категориям
Table 3. Leaders in the Inclusive Growth Index by category among EU member states

Экономика		Условия жизни	
Страны-лидеры	Значение индекса по категории	Страны-лидеры	Значение индекса по категории
Люксембург	100,0	Бельгия	100,0
Ирландия	76,8	Швеция	98,7
Швеция	55,6	Финляндия	97,7
Дания	54,8	Дания	97,2
Нидерланды	53,5	Нидерланды	95,3
Финляндия	51,9	Германия	94,1
Бельгия	49,9	Франция	93,8
Равенство		Окружающая среда	
Страны-лидеры	Значение индекса по категории	Страны-лидеры	Значение индекса по категории
Финляндия	100,0	Люксембург	100,0
Швеция	97,0	Дания	64,8
Дания	96,0	Ирландия	63,6
Нидерланды	92,4	Литва	55,3
Австрия	89,9	Латвия	54,3
Франция	87,4	Швеция	51,9
Бельгия	86,4	Франция	50,2

Источник: составлено авторами на основе UNCTAD Stat (2023). *Inclusive Growth Index*. URL <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.InclusiveGrowth> (accessed 08.10.2024)

Достаточно ожидаемая картина наблюдается при сравнении значений индекса по категориям «Равенство» и «Условия жизни» для стран Евросоюза (рисунок 2)¹⁷. Несмотря на определённый разброс относительно линии тренда, для стран ЕС можно отметить устойчивую тенденцию положительной взаимосвязи между показателями условий жизни и равенства в распределении доходов, участия в рынке труда и т. п. Исключением является Греция, у которой значение индекса «Условий жизни» нетипично велико для соответствующего относительно низкого значения индекса «Равенство», а также Хорватия, которая демонстрирует

¹⁷ На данном и последующих рисунках (графиках) диаметр круга для каждой страны пропорционален логарифму соответствующего номинального ВВП страны.

обратную картину. Кроме того, Люксембург и Ирландия, имеющие нетипичные значения по совокупному индексу, вписываются в общий тренд по данным двум субиндексам.

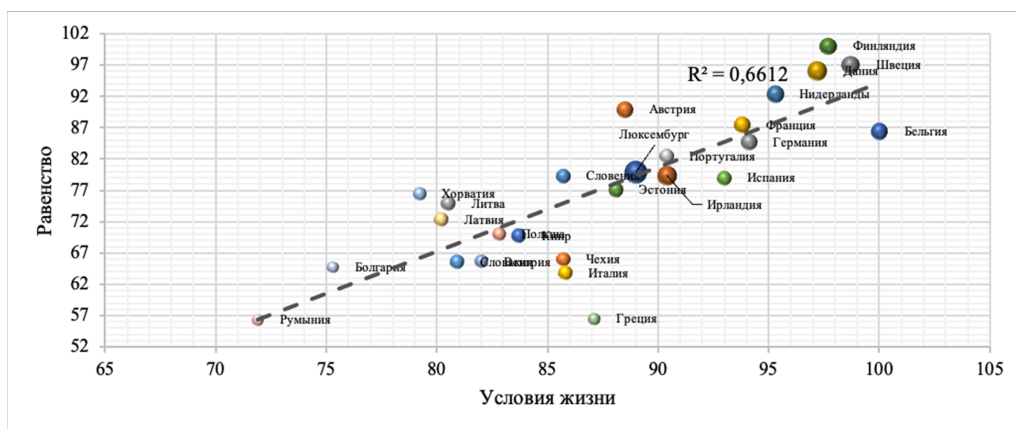

Рис. 2. Сравнение значений индекса по категориям «Равенство» и «Условия жизни» для стран ЕС-27

Fig. 2. Comparison of the Index values by the 'Equality' and 'Living conditions' categories for the EU-27 member states

Источник: составлено авторами на основе UNCTAD Stat (2023). Inclusive Growth Index. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.InclusiveGrowth> (accessed 08.10.2024)

Сопоставляя значения Индекса по категориям «Равенство» и «Экономика», можно заметить, что для всех стран ЕС-27, за исключением Ирландии и Люксембурга, наблюдается положительная корреляция между значениями Индекса по выделенным категориям (рисунок 3). Между тем, в условно «нижней» части значений по категориям (т. е., до значений Франции и Германии) взаимосвязь между показателями довольно слабая. Характерно, что Ирландия и Люксембург имеют столь высокие значения по категории «Экономика», обладая сравнительно средними значениями по категории «Равенство». Учитывая существенную специализацию упомянутых экономик в секторе услуг, можно предположить, что основная доля доходов в этих странах приходится именно на высокооплачиваемых специалистов сферы услуг, которые и обеспечивают лидирующие позиции стран в экономическом измерении.

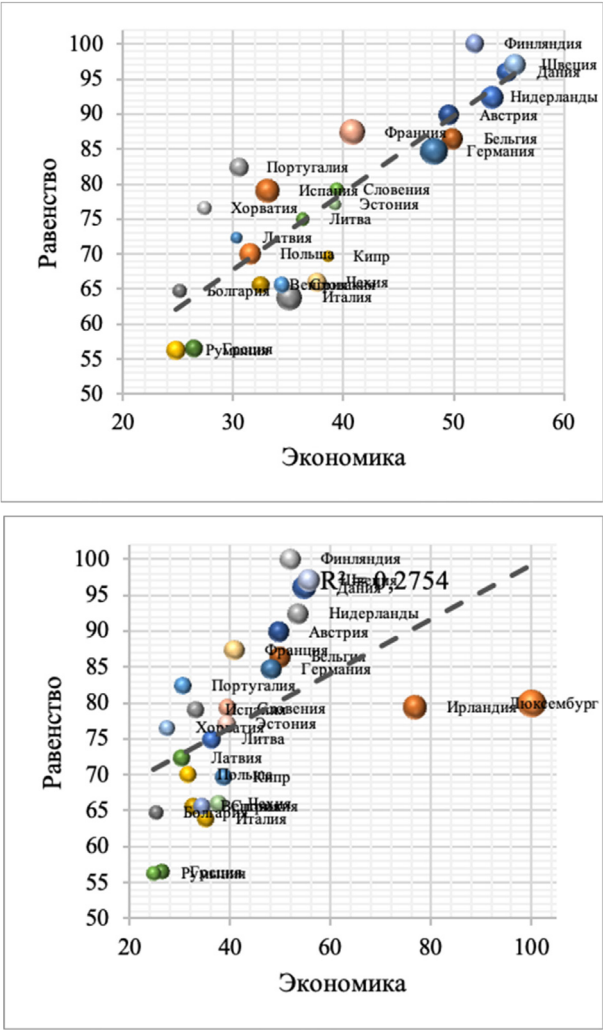

Рис. 3. Сравнение значений индекса по категориям «Равенство» и «Экономика» для стран ЕС-27 (с Ирландией и Люксембургом и без них)

Fig. 3. Comparison of the Index values by the 'Equality' and 'Economy' categories for the EU-27 member states (with and without Ireland and Luxembourg)

Источник: составлено авторами на основе UNCTAD Stat (2023). Inclusive Growth Index. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.InclusiveGrowth> (accessed 08.10.2024)

Можно отметить, что в Евросоюзе существует высокая стратификация стран по уровню инклюзивного роста. Лидерами являются страны Северной и континентальной Европы, за ними следуют (вопреки результатам, полученным специалистами McKinsey) страны средиземноморского региона, а в числе «аутсайдеров» оказались страны Центральной и Восточной Европы. Бельгия

смогла стать лидером по уровню жизни среди стран Европы, не достигнув такого уровня социально-экономического равенства, как страны Северной Европы. Аналогично Греция, в которой общественное неравенство продолжает оставаться существенной проблемой, по условиям жизни находится на уровне Словении и Эстонии. Австрия, в свою очередь, демонстрируя высокую степень социально-экономического равенства в стране, не достигает соответствующего прогресса в улучшении условий жизни. В группе стран – локомотивов Евросоюза наблюдаются пропорционально высокий уровень социально-экономического равенства. В то же время в странах «периферии» Союза связь между общественным неравенством и экономическим развитием не наблюдается.

Человеческое развитие, благополучие и счастье: признаки «зрелого» инклюзивного роста в Евросоюзе

В попытке выявить черты «зрелого» инклюзивного роста Евросоюза было проведено сравнение значений Индекса инклюзивного роста ЮНКТАД с другими интегральными индикаторами развития. В качестве таковых рассматривались следующие: Индекс человеческого развития (далее – ИЧР), Расширенный индекс человеческого развития (далее – РИЧР), Индекс благополучия Института Легатум (далее – ИБЛ) и Индекс счастья (далее – ИС).

Несмотря на то, что Индекс человеческого развития отражает степень развития собственно человеческого потенциала страны, по нашему мнению, его значения свидетельствуют об успешности комплексной социально-экономической политики страны и отражают инклюзивный рост с точки зрения его результатов.

ИЧР был предложен в 1990 г. специалистами Программы развития ООН. В основе индикатора лежит оценка таких показателей, как ожидаемая продолжительность жизни, уровень образования и валовой национальный доход на душу населения по ППС.

На рисунке 4 представлено сравнение значений ИИР и ИЧР для стран ЕС-27 за 2021 г. В целом, для большинства стран ЕС характерна прямая зависимость между показателями. Явное исключение составляет Люксембург, для которого регистрируется нетипично высокое значение инклюзивного роста при имеющемся уровне человеческого развития. Примечательна ситуация для группы стран Центральной и Южной Европы, выделенной на графике замкнутой линией синего цвета. При сравнительно высокой степени развития человеческого потенциала указанные страны не в полной мере реализуют потенциал инклюзивного роста, что подтверждается сравнительно низкими значениями ИИР при средних и выше значениях ИЧР.

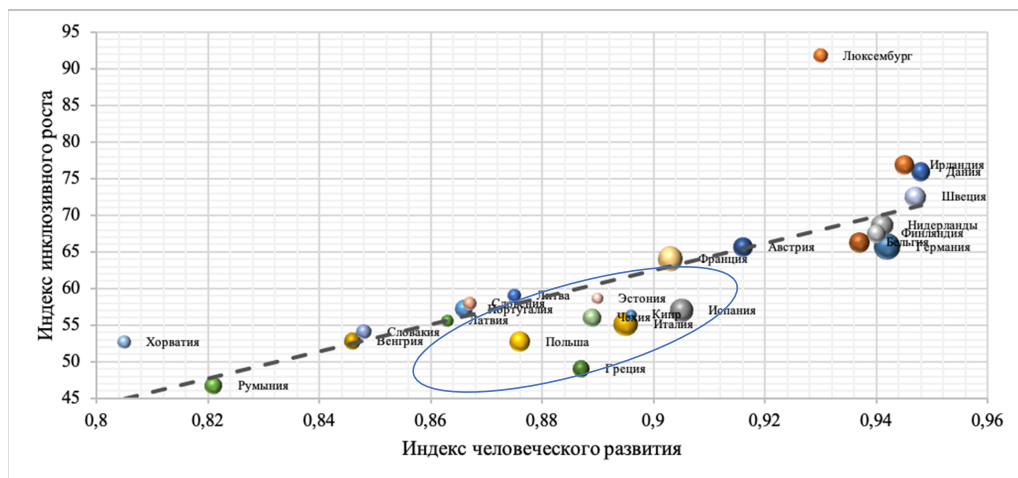

Рис. 4. Сравнение значений Индекса инклюзивного роста и Индекса человеческого развития для стран ЕС-27

Fig. 4. Comparison of the values of UNCTAD Inclusive Growth Index and UN Human Development Index for the EU-27 member states

Источник: составлено авторами на основе UNCTAD Stat (2023). Inclusive Growth Index. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.InclusiveGrowth> (accessed 08.10.2024); United Nations (2023). Human Development Index. Human Development Reports. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (accessed 08.10.2024)

Расширенный индекс человеческого развития (РИЧР)¹⁸, кроме оценки трёх составляющих классического ИЧР, учитывает также уровень гражданских и политических свобод в стране на основе индекса демократии, публикуемого проектом Varieties of Democracy¹⁹ Гётеборгского университета (Швеция) (рисунок 5). Обращает на себя внимание, что в РИЧР Германия вышла в лидеры среди стран ЕС-27. Наиболее значимым является изменение позиций Ирландии. На основе сравнения двух показателей можно сделать вывод о том, что, несмотря на высокий уровень инклюзивного роста в стране, Ирландия в недостаточной степени реализует потенциал укрепления гражданских и политических свобод в стране. Примечательно, что для стран Южной и Восточной Европы регистрируются схожие значения по обоим индексам. Это может свидетельствовать о том, что при средних значениях человеческого потенциала (средний уровень РИЧР), даже с учётом высокого уровня развития демократических институтов

¹⁸ Augmented Human Development Index. 2021. *Our World in Data*. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/augmented-human-development-index> (accessed 08.10.2024)

¹⁹ Department of Political Science, University of Gothenburg, Sweden. 2023. *V-Dem (Varieties of Democracy)*. URL: <https://www.v-dem.net/about/v-dem-project/> (accessed 08.10.2024)

и свобод, указанные страны Евросоюза ощущают некий «потолок» инклюзивного развития и достигают только определённого, относительно невысокого уровня инклюзивного роста.

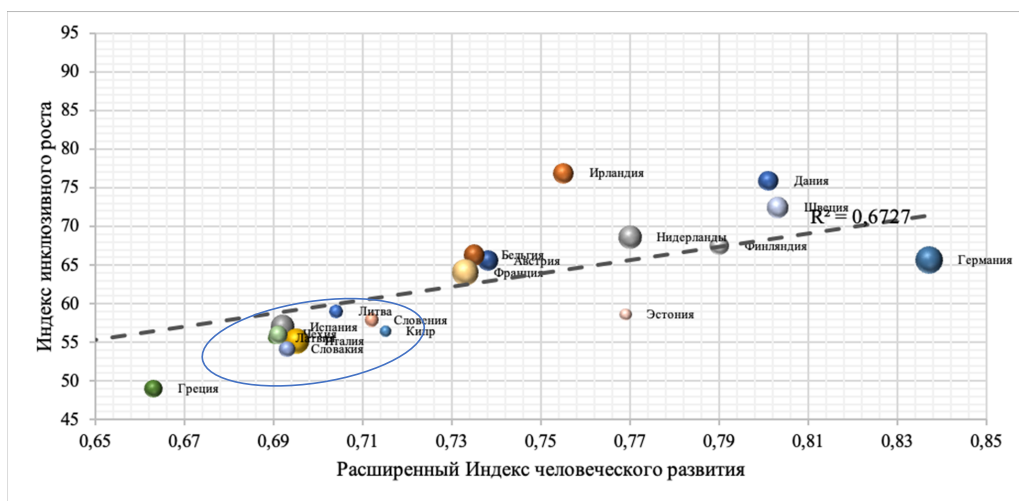

Рис. 5. Сравнение значений Индекса инклюзивного роста и Расширенного индекса человеческого развития для стран ЕС-27

Fig. 5. Comparison of the values of UNCTAD Inclusive Growth Index and UN Augmented Human Development Index

Источник: составлено авторами на основе UNCTAD Stat (2023). Inclusive Growth Index. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.InclusiveGrowth> (accessed 08.10.2024); Augmented Human Development Index. (2021). Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/augmented-human-development-index> (accessed 08.10.2024)

Менее распространённым, но вместе с тем методологически строгим и многообразным индикатором благополучия и инклюзивного роста страны является Индекс благополучия, разработанный Институтом Легатум (ИБЛ)²⁰. По мнению авторов индекса, благополучие есть результат деятельности государства, направленной на развитие общества, который «работает в интересах каждого», то есть общества, которое является инклюзивным и в котором действует строгий общественный договор, гарантирующий фундаментальные свободы и безопасность граждан. В действительности методология расчёта этого индекса схожа с методикой Индекса инклюзивного роста ЮНКТАД: основу его построения составляют три группы показателей, характеризующих инклюзивное общество, открытую экономику и человеческий потенциал соответственно.

²⁰ The Legatum Centre for National Prosperity. 2023. *Legatum Prosperity Index*. URL: <https://www.prosperity.com/> (accessed 08.10.2024)

Однако в отличие от Индекса инклюзивного роста, большинство показателей ИБЛ являются относительными. Ввиду упомянутой специфики, можно предположить, что присвоение оценок отдельным показателям в Индексе благополучия носит более субъективный характер, чем в Индексе инклюзивного роста.

На рисунке 6 приведено сравнение значений обоих индексов для стран ЕС-27. Можно заметить, что для большинства стран Евросоюза характерна сильная положительная корреляция между ними, в то время как Ирландия и Люксембург явно «выбиваются» по значению Индекса инклюзивного роста. Одним из возможных объяснений такому отклонению может являться различие в методиках оценки, в частности, Индекс инклюзивного роста использует показатели ВВП на душу населения, экспортной / импортной квоты и т. п. Кроме того, Люксембург занимает только невысокое 36-е место в ИБЛ по показателям образования, которые в этом индексе рассматриваются более пристально, чем в Индексе инклюзивного роста. Ирландия в нём же занимает 23-е место по показателям здравоохранения и 24-е место по показателям рыночной инфраструктуры. Подобные группы индикаторов также не представлены в Индексе инклюзивного роста ЮНКТАД.

В целом благодаря большому многообразию Индекс благополучия Института Легатум позволяет точнее определить уязвимые сферы социально-экономической жизни страны, а, следовательно, и более точно определить степень благополучия её населения. К примеру, Литва занимает 129-е место в мире по показателям общественного капитала, которые отражают степень развития общественных связей, коммуникаций и толерантности. Одновременно с этим, учитывая тесную корреляцию между значениями двух индексов для стран ЕС-27, стоит отметить заслугу авторов Индекса инклюзивного роста ЮНКТАД, которым удалось меньшим числом показателей обнаружить и доказать схожие тенденции, что выявляются более сложным и трудоёмким для расчета Индексом благополучия.

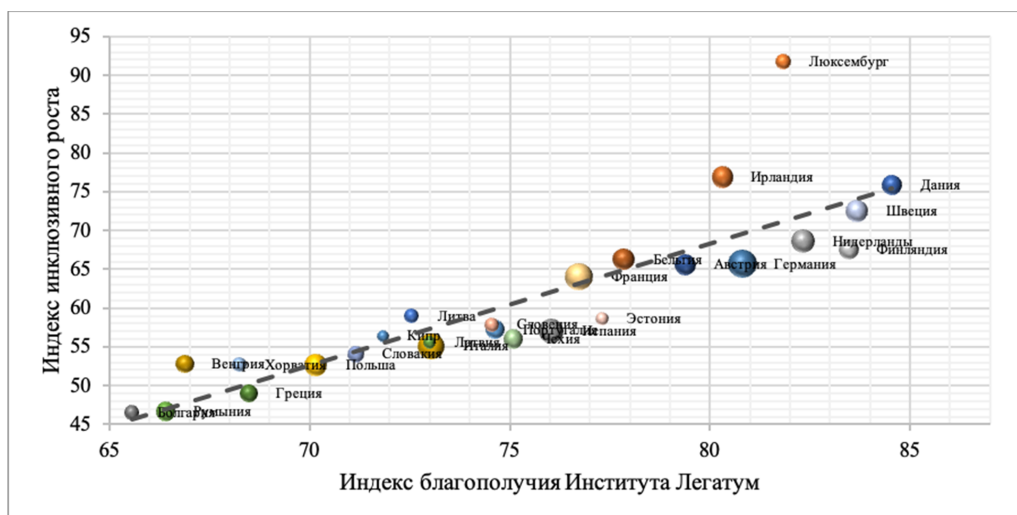

Рис. 6. Сравнение значений индекса инклюзивного роста и индекса благополучия Института Легатум для стран ЕС-27

Fig. 6. Comparison of the values of UNCTAD Inclusive Growth Index and Legatum Prosperity Index for the EU-27 member states

Источник: составлено авторами на основе UNCTAD Stat (2023). Inclusive Growth Index. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.InclusiveGrowth> (accessed 08.10.2024); Legatum Prosperity Index (2023). The Legatum Centre for National Prosperity. URL: <https://www.prosperity.com/> (accessed 08.10.2024)

Важным индикатором общественного благополучия, комфортности жизни людей и степени удовлетворения населения от проводимых правительством страны социально-экономических преобразований является Индекс счастья, публикуемый в рамках доклада World Happiness Report²¹. Расчёт Индекса счастья опирается на оценку шести групп индикаторов, а именно: ВВП на душу населения, социальная поддержка, ожидаемая продолжительность ментально и физически здоровой жизни, свобода принятия определяющих решений, благотворительность и восприятие коррупции. При этом, за исключением первого индикатора, оценка значений других показателей опирается на субъективное восприятие и производится опросным методом, в рамках которого респонденты отвечают на вопросы, выставяя оценку от 1 до 10, где 10 – наилучшая оценка. К примеру, для оценки надёжности и уверенности в социальной поддержке эксперты доклада адресуют респондентам следующий вопрос: «Оказавшись в беде, сможете ли Вы рассчитывать на помощь близких или друзей в любой момент времени или нет?»

²¹ Sustainable Development Solutions Network. 2023. *World Happiness Report*. URL: <https://worldhappiness.report/> (accessed 08.10.2024).

На рисунке 7 представлено сравнение Индекса инклюзивного роста ЮНКТАД и Индекса счастья для стран Евросоюза. По всей выборке наблюдается устойчивая положительная корреляция между двумя индексами. Несмотря на значительный прогресс в части инклюзивного роста, население стран Люксембурга и Ирландии, согласно Индексу счастья, не ощущает себя счастливым в той же мере, как страны Северной Европы. Также можно заметить, что наименее счастливыми себя считают представители стран Юга Европы. И в первом, и во втором случае наблюдается взаимосвязь с прогрессом в инклюзивном росте страны. Любопытным представляется положение Румынии, жители которой считают себя намного более счастливыми, чем представители стран, для которых регистрируется такое же низкое значение ИИР. Таким образом, можно сделать важный вывод о том, что качество социально-экономической среды является определяющим для «ощущения счастья» среди граждан стран Евросоюза. При этом наиболее значимым параметром представляется фактор социально-экономического равенства в стране (рисунок 8). Следовательно, работа в направлении достижения полного равенства в обществе также входит в число приоритетов национальных правительств стран – членов ЕС-27 с точки зрения повышения степени удовлетворённости населения текущими социально-экономическими условиями в стране.

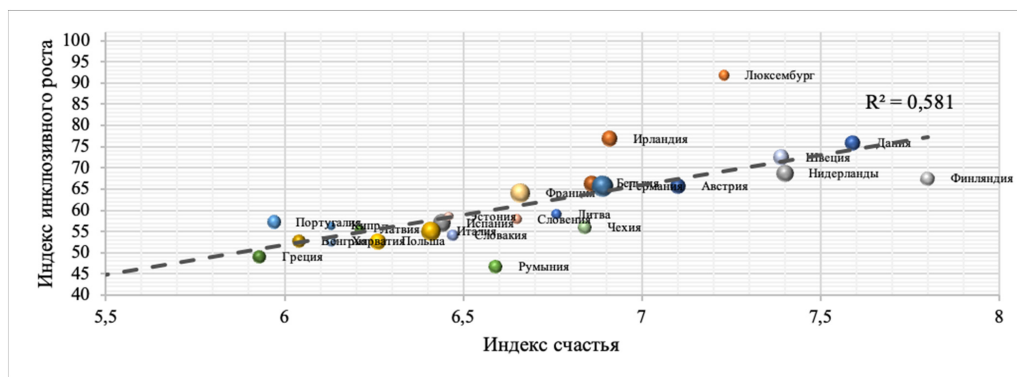

Рис. 7. Сравнение значений Индекса инклюзивного роста ЮНКТАД и Индекса счастья для стран ЕС-27

Fig. 7. Comparison of the values of UNCTAD Inclusive Growth Index and World Happiness Index for the EU-27 member states

Источник: составлено авторами на основе UNCTAD Stat (2023). Inclusive Growth Index. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.InclusiveGrowth> (accessed 08.10.2024); World Happiness Report (2023). Sustainable Development Solutions Network. URL: <https://worldhappiness.report/> (accessed 08.10.2024)

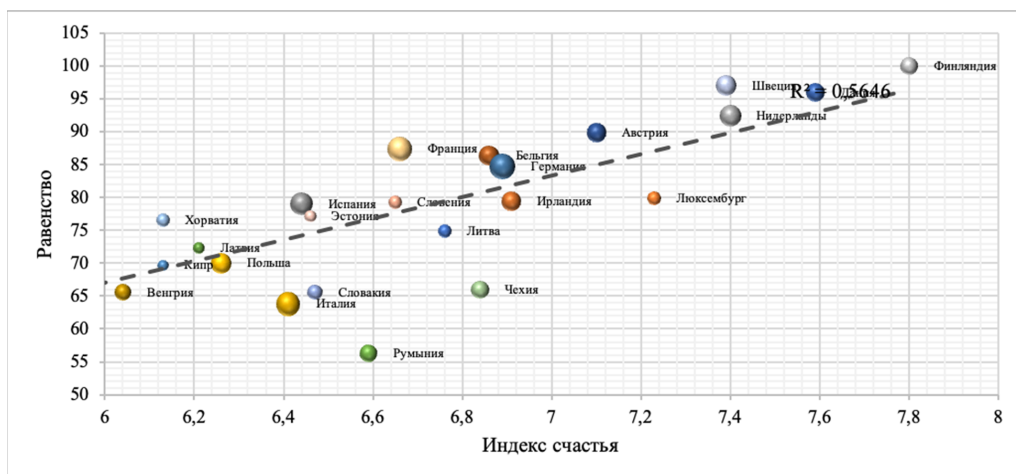

Рис. 8. Сравнение значений Индекса инклюзивного роста ЮНКТАД по категории «Равенство» и Индекса счастья для стран ЕС-27

Fig. 8. Comparison of the values of UNCTAD Inclusive Growth Index by the 'Equality' category and World Happiness Index for the EU-27 member states

Источник: составлено авторами на основе UNCTAD Stat (2023). Inclusive Growth Index. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.InclusiveGrowth> (accessed 08.10.2024); World Happiness Report (2023). Sustainable Development Solutions Network. URL: <https://worldhappiness.report/> (accessed 08.10.2024)

По итогам количественных сравнений можно заключить, что распределение стран Евросоюза по уровню инклюзивного роста имеет более равномерный вид, чем распределение по степени человеческого развития. Страны Северной Европы, Бенилюкс и Германия имеют схожие значения Индекса человеческого развития при различном уровне инклюзивного роста, что свидетельствует о наличии некоторых скрытых механизмов, выравнивающих степень развития человеческого капитала стран «ядра» Европейского союза. Степень развития общественной безопасности, защиты личных прав и свобод в странах ЕС также находится в прямой зависимости от уровня инклюзивного роста. В то же время, несмотря на видимую позитивную взаимосвязь между Индексом инклюзивного роста и Индексом счастья, имеется ряд примечательных особенностей. Так, Франция, Германия, Австрия, Нидерланды и Финляндия, отличающиеся схожим уровнем инклюзивного роста, имеют существенные различия в характеристике субъективного уровня счастья населения стран. Разрыв по Индексу счастья между Финляндией и Францией по абсолютным значениям эквивалентен разрыву между Нидерландами и странами Юга Европы, традиционно испытывающими экономические трудности. В то же время для всех стран Евросоюза коэффициент вариации Индекса инклюзивного роста ЮНКТАД в два раза превосходит аналогичный показатель Индекса

счастья, из чего с очевидностью следует, что при наличии значимого разрыва в уровнях инклюзивного роста страны объединения гораздо ближе между собой по субъективной оценке счастья их населением. В странах ЕС фактор социально-экономического равенства / неравенства граждан слабо влияет на то, насколько счастливыми себя эти граждане чувствуют. Так, жители Франции и Румынии схожим образом оценивают уровень своего субъективного счастья, несмотря на то что во Франции общественное неравенство существенно ниже, чем в Румынии.

Проблемы количественной оценки инклюзивного роста в Евросоюзе

Оценка инклюзивного роста с помощью количественных показателей вне зависимости от степени их охвата и наполнения частными индикаторами сопряжена с рядом объективных проблем, обусловленных попыткой связать воедино разнородные показатели и сгладить индивидуальные особенности отдельных стран. Несмотря на все достоинства Индекса инклюзивного роста ЮНКТАД, к числу которых можно отнести понятную методику расчёта, объективное присвоение весов с помощью метода главных компонент и возможность получить значение индекса для большинства стран мира, необходимо отметить его методологические недостатки.

Во-первых, сам по себе метод главных компонент не позволяет в полной мере учесть специфику всех используемых индикаторов. Наибольший вес в конечном индексе получают показатели, нормированные значения которых имеют наибольшую дисперсию. К примеру, если у выборки стран наблюдается большой размах значений ВВП на душу населения, то этот показатель будет иметь больший вес в конечном индексе, а остальные показатели инклюзивного роста будут иметь меньшее значение в конечном индексе (рисунок 9).

Во-вторых, как и в иных интегральных индексах, величина итогового показателя находится в прямой зависимости от включённых в его расчёт показателей. С одной стороны, упомянутая проблема может быть решена включением в расчёт индекса как можно большего числа исходных переменных. С другой стороны, в таком случае интерпретация индекса станет практически невозможной.

В-третьих, Индекс инклюзивного роста ЮНКТАД включает в себя довольно противоречивые показатели. Например, в категории «Экономика» в качестве одного из параметров используется показатель экспортной / импортной квоты как отношение стоимостной величины совокупного экспорта / импорта страны к номинальному ВВП. При этом может сложиться ситуация, когда экспортная / импортная квота страны высокая, однако основным товаром в экспорте является сырьё, а в импорте – готовая высокотехнологичная продукция. Описанная ситуация характерна для сравнительно менее развитых экономик мира с отсталой структурой экспорта, однако подобные страны получают дополнительные «очки» в Индексе инклюзивного роста ЮНКТАД.

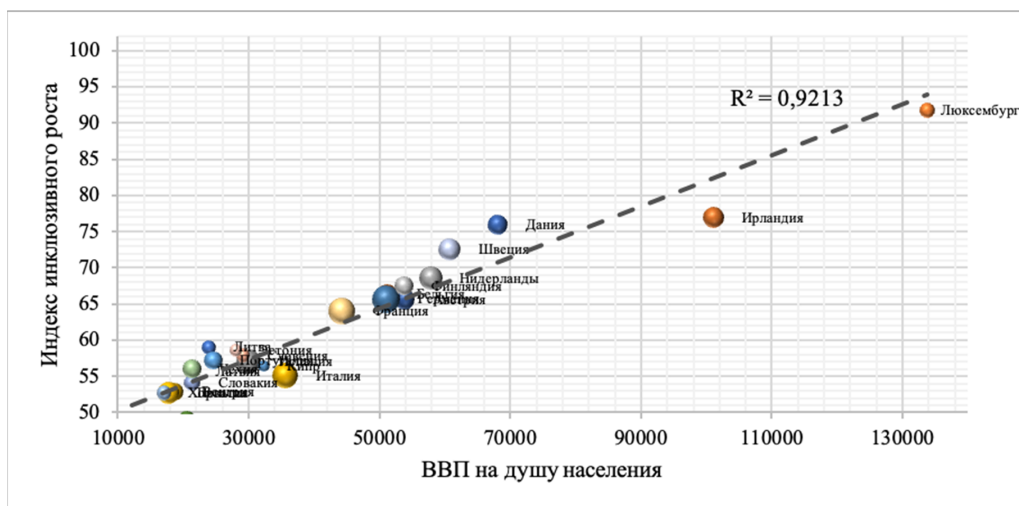

Рис. 9. Сравнение значений Индекса инклюзивного роста и ВВП на душу населения для стран ЕС-27

Fig. 9. Comparison of the values of UNCTAD Inclusive Growth Index and per capita GDP for the EU-27 member states

Источник: составлено авторами на основе UNCTAD Stat (2023). Inclusive Growth Index. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.InclusiveGrowth> accessed 08.10.2024)

Тем не менее, на наш взгляд, более значимым методологическим недостатком или, скорее, особенностью Индекса инклюзивного роста ЮНКТАД, который вызывает противоречия в интерпретации полученных значений, является его выраженная избирательность в отношении малых экономик. Пятёрка лидеров по значению индекса среди всех стран мира включает в себя Люксембург, Швейцарию и Лихтенштейн, Ирландию, Сингапур и Данию. Более того, например, Люксембург имеет настолько большой отрыв от остальных стран мира по категории «Окружающая среда», что следующая за ним Дания имеет значение лишь 64,8. Как отмечают эксперты банка Credit Suisse²², малые экономики имеют ряд объективных преимуществ перед крупными странами, к которым можно отнести более однородную структуру населения, что позволяет проводить политику в духе «one-size-fits-all» и снижает риски социальной напряжённости, экономическую открытость и более высокую степень специализации. К примеру, Люксембург имеет выраженную специализацию в секторе финансовых

²² The reasons behind the success of small countries. 2023. Credit Suisse. URL: <https://www.credit-suisse.com/about-us-news/en/articles/news-and-expertise/does-size-matter-the-economy-of-small-countries-202305.html> (accessed 08.10.2024).

услуг, а Ирландия – в сфере телекоммуникационных услуг. Однако, как отмечают эксперты, эти же преимущества повышают подверженность малых экономик негативным внешним шокам, например таким, как колебания биржевых цен.

Актуальная и перспективная модели инклюзивного роста в Евросоюзе

Характерной чертой Европейского союза можно считать высокую степень неоднородности стран – участниц объединения как с точки зрения географии и природно-климатических особенностей, так и по уровню социально-экономического развития, степени интегрированности в рамках ЕС и т. п. Эта гетерогенность прослеживается и в оценках инклюзивного роста стран Евросоюза, что, на наш взгляд, сопряжено с наличием внутренних противоречий объединения в целом. Подобные противоречия возникают, в том числе, в следующих парах:

- Экономически развитый Северо-Запад Европы vs сравнительно экономически отсталый Юго-Восток Европы;
- «Ядро» европейской интеграции (страны-основатели) vs «периферия» ЕС (страны-последователи);
- Страны «внутреннего счастья» (счастье «для себя») vs страны «внешнего счастья» (счастье «для других»);
- Равенство доходов и возможностей vs экономический рост;
- Малые экономики vs остальные экономики;
- Интересы настоящего поколения vs интересы будущих поколений.

Различие смыслов инклюзивности для Севера и Юга Европы заключается, прежде всего, в том, что развитые экономики Северо-Запада заинтересованы в повышении участия общества и бизнеса в пропорциональном распределении выгод экономического роста и выработке принципов равноправного перехода к новому технологическому укладу, тогда как перед странами Юго-Востока Европы до сих пор остро стоит задача повышения вовлечённости местных общественных структур в процессы экономической модернизации в рамках догоняющего развития. С точки зрения региональной интеграции наблюдается всё более острое расхождение интересов стран – основателей Евросоюза и стран-последователей, присоединившихся к ЕС в процессе расширения Союза. В частности, страны «ядра» объединения по многим направлениям готовы и в ограниченном масштабе реализуют программы координации и интеграции экономической политики (пример – би- и мультилатеральные соглашения в области промышленных стратегий в рамках Индустрии 4.0 и курса на стратегическую автономию экономики ЕС), тогда как страны «периферии» Евросоюза по-прежнему стремятся выйти на достаточный уровень промышленной и технологической интеграции с развитыми экономиками Союза.

Ещё одной осью противоречий в инклюзивном росте Евросоюза является несоизмеримость целей и внутренних установок развития малых и всех прочих экономик Союза. Малые экономики (такие как Люксембург, Мальта, Ирландия и т. д.), как правило, имеют узкоспециализированную структуру экономики, которая зависит от внешних источников роста, обслуживая экономические интересы третьих стран (в том числе их МНК, финансовых корпораций и т. п.) за счёт предоставления особых правовых, институциональных, инвестиционных и прочих режимов. Структура фактически проживающего в данных странах населения может существенно отличаться от формальной структуры резидентов. В подобных условиях стандартные направления повышения инклюзивного роста представляются менее актуальными. Социальные, экономические и даже географические диспропорции малых экономик по сравнению с остальными странами приводят также к большим погрешностям в процессе оценки инклюзивного роста ЕС, что препятствует выработке гармоничной политики на уровне Союза.

Помимо упомянутых, более явных, противоречий, в ЕС наблюдаются и другие конфликты интересов в контексте инклюзивного роста. Так, для большинства стран – членов объединения остро стоит проблема совмещения сокращения социально-экономического неравенства и ускорения экономического роста в классическом смысле. Решение первой задачи предполагает, помимо прочего, поддержку наименее материально обеспеченных слоёв населения и помощь людям, не обладающим доступом к базовым услугам. Это, в свою очередь, сопряжено с повышением социальных субсидий, финансированием программ поддержки и работу по борьбе со стереотипами в общественном сознании, что в совокупности отвлекает ресурсы от финансирования высокопроизводительных и перспективных секторов экономики, снижая потенциал экономического роста в кратко- и среднесрочной перспективе.

Характерной чертой инклюзивного роста в странах ЕС является конфликт приоритетов настоящего и будущих поколений. В первую очередь это проявляется в реализации мероприятий зелёного курса Евросоюза, где возникает противоречие интересов бизнеса и общества. Бизнес по своему устройству заинтересован в максимизации сегодняшней прибыли, повышении конкурентоспособности в краткосрочном периоде, тогда как европейское общество всё больше ратует за учёт интересов будущих поколений в части заботы о окружающей среде, в которой им предстоит жить. В этих условиях бизнесу приходится учитывать запрос местного общества, чтобы сохранить лояльность клиентов в пределах ЕС, однако он также вынужден сохранять позиции на мировых рынках, где усиливают позиции игроки, которые сегодня не «обременены» эквивалентной потребностью учитывать соображения охраны окружающей среды.

Более тонким противоречием инклюзивного роста в Евросоюзе можно считать несовпадение приоритетов стран «внутреннего счастья» и стран «внешнего счастья». Это противоречие выявляется при сравнении значений Индекса

инклюзивного роста ЮНКТАД и Индекса счастья. Страны «внутреннего счастья» (в ЕС – страны Северной Европы) конвертируют высокий потенциал инклюзивного роста в повышение удовлетворённости жизнью собственного населения, тогда как страны «внешнего счастья» (в ЕС – страны континентальной Европы) транслируют инклюзивный рост в повышение удовлетворённости жизнью граждан третьих стран (пример: открытая миграционная и образовательная политика для третьих стран). Это, в числе прочего, означает, что Евросоюзу приходится балансировать между поощрением обращённости социальной политики стран-членов «вовне» и «внутри себя».

В условиях устойчивых и вновь возникающих противоречий задачам Европейского союза как института поддержки инклюзивного роста объединения в целом является их разрешение при сохранении и уважении национальной идентичности стран-членов и поддержании многообразия форм и структур общественных отношений. Органы ЕС вынуждены выполнять функции медиатора конфликтов интересов инклюзивного роста отдельных стран, не допуская эксклюзии социально-экономических интересов ни одного государства. С этих теоретических позиций может быть предложена следующая циклическая модель воспроизводства инклюзивного роста в Евросоюзе с точки зрения роли и участия институтов ЕС (рисунок 10).

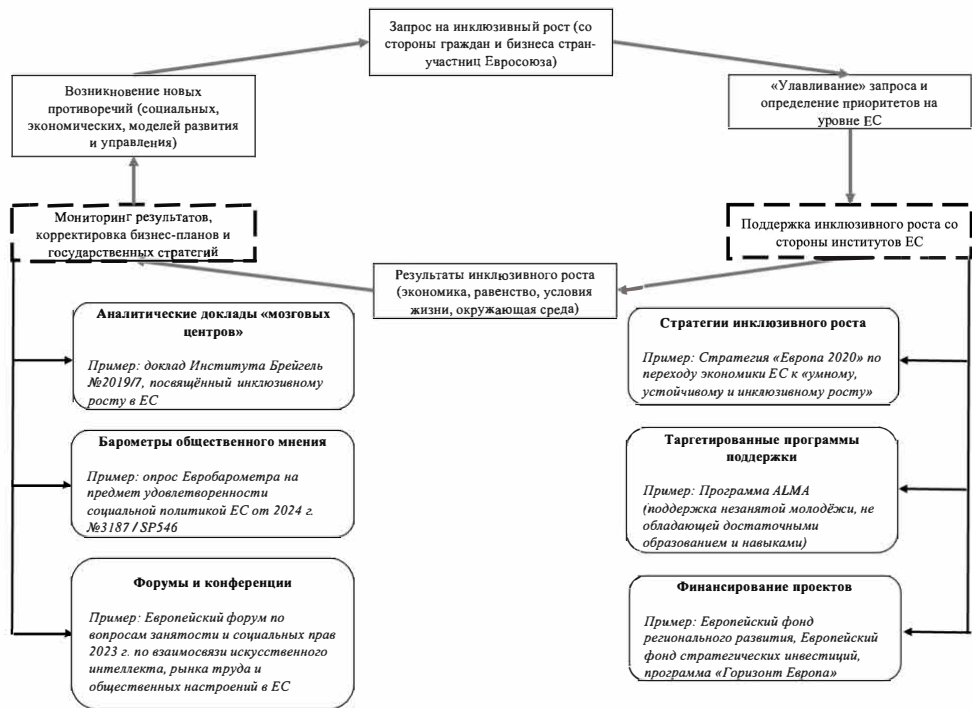

Рис. 10. Актуальная циклическая модель инклюзивного роста в Евросоюзе
Fig. 10. Contemporary cyclical inclusive growth model of the European Union
Источник: составлено авторами

Возникающие противоречия на уровне экономик, социальных групп или базовых моделей развития стран-участниц формируют соответствующий запрос на инклюзивный рост, который выражается интересами общества и бизнеса (Saha, Ciarli 2018). Возникший запрос впоследствии улавливается институтами гражданского общества, консультационными советами, а также академическим и экспертным сообществом, благодаря чему конкретизируются приоритеты инклюзивного роста на уровне ЕС. На основе приоритетов институты Евросоюза разрабатывают мероприятия по поддержке инклюзивного роста, в том числе принимают стратегии, создают специализированные фонды и программы содействия инклюзивному росту, проводят структурные реформы. В результате реализации соответствующих мероприятий на уровне Союза проявляются ожидаемые, а возможно, и непредвиденные результаты инклюзивного роста, которые становятся достоянием общественности за счёт оперативного мониторинга со стороны ЕС, его статистических и экспертных бюро. На основе опубликованных данных и барометрических оценок государственные органы и бизнес-лидеры корректируют текущие стратегии, в результате чего баланс интересов отдельных сообществ, социальных групп и целых стран меняется, порождая всё новые достижения и новые противоречия, которые, в свою очередь, формируют запрос на инклюзивный рост более высокого уровня.

Резюмируя, выразим предположение о том, что на период реализации Стратегии «Европа 2020» наложился цикл фазового перехода между стадиями инклюзивного роста Евросоюза. Обращаясь к типологии инклюзивного роста (таблица 1), можно отметить смену сущности требуемой «инклюзии» с вовлечённости в процессы экономической модернизации на участие в распределении выгод, что соответствует переходу с промежуточной на продвинутую стадию инклюзивного роста. Соответствующий переход прослеживается и с точки зрения содержания «роста» и его ожидаемых результатов. При этом явного сокращения государственной поддержки инклюзивного роста в Евросоюзе не отмечается. Напротив, происходит всё большее включение людей в предпочтительные системы межличностных отношений и всё более выраженная передача функций их координации на уровень общественных объединений и профессиональных и гражданских коллективов.

Заключение

В результате проведённого исследования было выявлено, что экономический рост в Европейском союзе является инклюзивным, современное его состояние достигает продвинутого уровня зрелости – третьего из четырёх установленных в исследовании; характеризуется высоким уровнем участия граждан в распределении выгод роста, дифференцированным отношением к различным социальным группам, а также сокращением общественного неравенства и укреплением позиций меньшинства в принятии решений.

Современная модель инклюзивного роста Европейского союза имеет циклический характер и позволяет воспроизводить инклюзивный рост на всё более высоком уровне. Важную роль в модели выполняют институты объединения, обеспечивающие выработку стратегий, координацию таргетированных программ поддержки инклюзивного роста, а также финансирующие общественные и деловые проекты ЕС.

В то же время европейская модель инклюзивного роста реализуется через формирование и разрешений внутренних противоречий, связанных, в том числе, с конфликтом интересов настоящего и будущего поколений в реализации зелёного курса и расхождением экономических интересов малых и более крупных экономик Союза. Эволюционный процесс перехода от элементарной к более сложной системе противоречий и составляет суть модели инклюзивного роста ЕС.

В перспективе Европейский союз ожидает ещё один цикл инклюзивного роста, венцом которого при благоприятном стечении обстоятельств может стать приближение к его зрелой стадии с характерными для неё высокой субъект-центричностью, фокусом на развитие и реализацию личности и относительно низкой степенью государственной поддержки. В то же время траектория инклюзивного роста будет зависеть не только от внутренних факторов, но и от условий внешней среды, которые могут заставить пересмотреть текущие приоритеты.

Об авторах:

Елена Владимировна Сапир – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой экономики и статистики ЯрГУ им. П.Г. Демидова. 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, д.14. Email: sapir@uniyar.ac.ru

Александр Дмитриевич Васильченко – младший научный сотрудник Института Европы РАН. 125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. Email: vasilchenko@instituteofeurope.ru

UDC 338.2:330.59(4-67EU)

Received: June 20, 2024

Accepted: July 31, 2024

Cyclical Inclusive Growth Model of the European Union

 E.V. Sapir¹, A.D. Vasilchenko²
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-5-98-45-79](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-5-98-45-79)

¹ P.G. Demidov Yaroslavl State University

² The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences

Abstract: This article analyzes the distinctive features of the contemporary cyclical inclusive growth model within the European Union (EU). As an integration entity, the EU contends with a series of internal challenges that impede its development, arising from the divergent economic interests of member states and the uneven distribution of the costs and benefits of the 'twin transition' in the context of Europe's declining global competitiveness. Exploring the nuances of inclusive growth in the EU, particularly the role of citizen participation in societal progress, offers a valuable framework for understanding the social and economic contradictions both within and between member states. The study commences with a critical review of existing definitions of inclusive growth, laying the groundwork for an in-depth analysis of the EU model.

The research employs quantitative methods to compare EU member states using the UNCTAD Inclusive Growth Index and additional indicators of social and economic development and well-being. It also evaluates the outcomes of the 'Europe 2020' strategy, which aimed to establish inclusive growth targets for the EU by 2020. The findings reveal that the highest levels of inclusive growth are concentrated in northern and continental European countries, whereas Central and Eastern Europe (CEE) exhibit significantly lower levels. The analysis further uncovers key contradictions, such as the tension between reducing socio-economic inequality and promoting economic growth, the generational conflict over the 'green economy,' and the misalignment of interests between smaller and larger EU economies.

Despite the initiatives under the 'Europe 2020' strategy, the study observes a shift in the priorities of EU citizens concerning inclusive growth. The research identifies fundamental characteristics of the EU's inclusive growth model, marked by a cycle of emerging and resolving social and economic contradictions at the Union level. A notable aspect of this model is the increasing complexity and multiplicity of contradictions, alongside a growing emphasis on subjective well-being and the fulfillment of intangible individual needs. The insights derived from this analysis have practical implications for developing inclusive growth support measures within the Eurasian Economic Union (EAEU) and can aid in defining priorities and mechanisms for the social and economic policies of EAEU member states.

Keywords: inclusive growth, European Union, human capital, social and economic contradictions, UNCTAD Inclusive Growth Index, UNDP Human Development Index, Oxford Happiness Index, Legatum Index of Prosperity

About the authors:

Elena V. Sapir – Dr. of Economic Sciences, Professor, Head of the World Economy and Statistics Department, P.G. Demidov Yaroslavl State University. 14, Sovetskaya str., Yaroslavl, 150003.
E-mail: sapir@uniyar.ac.ru

Alexander D. Vasilchenko – Junior Researcher, the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 11-3, Mokhovaya str., Moscow, 125009. Email: vasilchenko@instituteofeurope.ru

References:

- Barnat N. et al. 2019. *Inclusive Growth of the Eurasian Economic Union Member States: Assessments and Opportunities*. Eurasian Economic Commission. UNCTAD, EEC. DOI: 10.13140/RG.2.2.30267.36649
- Bughin J. et al. 2018. *Testing the Resilience of Europe's Inclusive Growth Model*. McKinsey Global Institute.
- Che Sulaiman N.F., Ab-Hamid M.F., Ridzuan A.R. 2021. Inclusive Growth: Comprehensive Dimension of Income Distribution. *Ekonomika Regiona*. 17(1). P. 301–317. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-23
- Darvas Z., Wolff G.B. 2016. *An Anatomy of Inclusive Growth in Europe*. Brussels, Bruegel. 114 p.
- Demertzis M., Sapir A., Wolff G. B. 2019. *Promoting Sustainable and Inclusive Growth and Convergence in the European Union*. Bruegel Policy Contribution. №7. Bruegel, Brussels.
- Ianchovichina, E., Lundstrom, S. 2009. *Inclusive Growth Analytics: Framework and Application*. Policy Research Working Paper. №4851. Washington, DC, World Bank, 40.
- Jacobs M., Mazzucato M. (eds.). 2016. *Rethinking Capitalism: Economics and Policy for Sustainable and Inclusive Growth*. Wiley-Blackwell. 224 p.
- Kjøller-Hansen A.O., Lindbjerg Sperling L. 2020. Measuring Inclusive Growth Experiences: Five Criteria for Productive Employment. *Review of Development Economics*. №4. P. 1413–1429. DOI: 10.1111/rode.12689
- Klasen S. 2010. *Measuring and Monitoring Inclusive Growth: Multiple Definition, Open Questions and Some Constructive Proposals*. Manila: Asian Development Bank.
- Levitas R. 2005. *The Inclusive Society? Social Exclusion and New Labour*, second edition. London: Palgrave Macmillan. 223 p. DOI: 10.1057/9780230511552.
- Mamman S. O. 2023. Response of Inclusive Growth to Development Aid in Africa and the Role of ICT Diffusion. *Journal of Applied Economic Research*. 22(4). P. 770–788. DOI: 10.15826/vestnik.2023.22.4.031.
- Mamman S.O., Sohag K. 2023. Inclusive Growth and Structural Transformation: The Role of Innovation and Digitalisation Spillover. *Economy of regions*. 19(3). P. 598–611. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-3-1
- Mascherini M., Ludwinek A., Ledermaier S. 2015. *Social Inclusion of Young People*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. DOI: 10.2806/588575.
- McKinley T. 2010. *Inclusive Growth Criteria and Indicators: An Inclusive Growth Index for Diagnosis of Country Progress*. ADB Sustainable Development Working Paper Series. Asian Development Bank. June. №14.
- Ostry J.D., Loungani P., Berg A. 2019. *Confronting Inequality: How Societies Can Choose Inclusive Growth*. Foreword by J.E. Stiglitz. New York: Columbia University Press. 192 p. DOI: 10.7312/ostr17468
- Ranieri R., Almeida Ramos R. 2013. *Inclusive Growth: Building up a Concept*. Working Paper. №104. Brasilia: International Policy Centre for Inclusive Growth (IPCIG).
- Rauniar G., Kanbur R. 2009. *Inclusive Growth and Inclusive Development: A Review and Synthesis of Asian Development Bank Literature*. Occasional Paper №8. ADB, Independent Evaluation Department.

Sachs J. D. 2005. Can Extreme Poverty Be Eliminated? *Scientific American*. 3(293). P. 56–65. DOI: 10.1038/scientificamerican0905-56

Saha A., Ciarli, T. 2018. *Innovation, Structural Change, and Inclusion. A Cross Country PVAR Analysis*. SWPS 201-01. 62 p. DOI: 10.2139/ssrn.3107748

Samans R., Blanke J., Hanouz M.D., Corrigan G. 2017. *The Inclusive Growth and Development Report 2017*. Geneva: World Economic Forum.

Silander D. 2024. Europe 2020: The EU Commission and Political Entrepreneurship. *International Studies*. 29(1). P. 103–118. DOI: 10.18778/1641-4233.29.07.

Stec M., Grzebyk M. 2018. The Implementation of the Strategy Europe 2020 Objectives in European Union Countries: the Concept Analysis and Statistical Evaluation. *Quality & Quantity*. 52(1). P. 119–133. DOI: 10.1007/s11135-016-0454-7

Stiglitz J. 2012. *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future*. New York: W.W. Norton & Company. 523 p.

Wandel J. 2016. The Role of Government and Markets in the Strategy “Europe 2020” of the European Union: a Robust Political Economy Analysis. *International Journal of Management and Economic*. 49(1). P. 7–33. DOI: 10.1515/ijme-2016-0002/

White W.R. 2012. Policy Debate: How Do You Make Growth More Inclusive? L. de Mello, M.A. Dutz (eds.). *Promoting Inclusive Growth: Challenges and Policies*, Paris, OECD Publishing. P. 279–283.

Andrievskaya V.B. 2015. Effektivnost' gosudarstvennogo upravleniya kak neobhodimaya predposylka inklyuzivnogo rosta ekonomiki [Public Administration Efficiency as a Necessary Pre-requisite for Inclusive Economic Growth]. *Idey i idealy*. 1(23). P. 90–101. DOI: 10.17212/2075-0862-2015-1.2-90-101 (In Russian)

Burganov R.T. 2022. Ocenka vliyaniya cifrovoj transformacii na formirovanie inklyuzivnoj modeli ekonomicheskogo rosta regiona [Assessing the Impact of Digital Transformation on the Formation of an Inclusive Model of Regional Economic Growth]. *Modern Economy Success*. №5. P. 92–101. (In Russian)

Burganov R.T., El'shin L.A., Sharapov A.R. 2022. Konceptiya inklyuzivnogo rosta kak mekhanizm obespecheniya ustojchivogo razvitiya nacional'noj ekonomiki [The Concept of Inclusive Growth as a Mechanism for Ensuring Sustainable Development of the National Economy]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*. 12(10). P. 2623–2639. DOI: 10.18334/epp.12.10.116352 (In Russian)

Kazakova A.A. 2016. Inklyuzivnyj rost: problema sociologicheskoy konceptualizacii [Inclusive Growth: The Problem of Sociological Conceptualization]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. №4. P. 33–36. (In Russian)

Kondratyeva N.B. 2019. Konceptii i indikatory inklyuzivnogo rosta Evropejskogo Soyuz: dvadcat' let spustya [Concepts and Indicators of Inclusive Growth of the European Union: Twenty Years Later]. *Vestnik Universiteta mirovyh civilizacij*. 10(25). P. 49–53. (In Russian)

Mamedov O.Yu. 2017. Ekonomika inklyuzivnoj civilizacii [Economy of an Inclusive Civilization]. *Terra Economicus*. 15(3). P. 6–18. DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-3-6-18 (In Russian)

Nechitajlo I.S., Kalamkovich M., Nazarkin P.A. 2019. Inklyuzivnyj rost kak faktor narashchivaniya chelovecheskogo kapitala obshchestva: mezhdisciplinarnyj analiz nekotoryh bar'erov inklyuzivnoj praktiki [Inclusive Growth as a Factor in Increasing the Human Capital of Society: an Interdisciplinary Analysis of Some Barriers to Inclusive Practice]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*. 11(6). P. 190–202. DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-6-190-202 (In Russian)

Nesterova O.A., Sanfirova O.V., Petrova T.A. 2022. Inklyuzivnyy sub'ekt v kontekste ekonomicheskogo rosta [Inclusive Subject in the Context of Economic Growth]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*. 12(1). P. 209–221. DOI: 10.18334/vinec.12.1.114265 (In Russian)

Novikov A.I., Vitkina M.K. 2018. Inklyuzivnaya ekonomika i social'naya otvetstvennost' v regionah mira: dilemma ili obshchestvennoe soglasie [Inclusive Economy and Social Responsibility in the Regions of the World: Dilemma or Public Consent]. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyy nauchnyy zhurnal*. 2(54). P. 1–11. (In Russian)

Pahomova N.V., Rihter K.K., Malyshev G.B. 2016. Inklyuzivnyy ustojchivyy rost i strategiya novoy industrializatsii: institucional'nye ramki dlya soglasovaniya [Inclusive Sustainable Growth and the Strategy of New Industrialization: Institutional Framework for Coordination]. *Ekonomika i upravlenie*. 1(123). P. 29–37. (In Russian)

Spens M. 2013. *Sleduyushchaya konvergentsiya. Budushchee ekonomicheskogo rosta v mire, zhivushchem na raznykh skorostyakh* [The Next Convergence. The Future of Economic Growth in a World Living at Different Speeds]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. 336 p. (In Russian)

Voevodina E.V. 2023. Doverie kak bazovyy princip inklyuzivnoy ekonomiki: analiz konceptual'nykh i metodicheskikh podhodov [Trust as a Basic Principle of an Inclusive Economy: Analysis of Conceptual and Methodological Approaches]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 3(181). P. 38–43. DOI: 10.24158/tipor.2023.3.5 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Андреевская В.Б. 2015. Эффективность государственного управления как необходимая предпосылка инклюзивного роста экономики. *Идеи и идеалы*. 1(23). С. 90–101. DOI: 10.17212/2075-0862-2015-1.2-90-101

Бурганов Р.Т. 2022. Оценка влияния цифровой трансформации на формирование инклюзивной модели экономического роста региона. *Modern Economy Success*. №5. С. 92–101.

Бурганов Р.Т., Ельшин Л.А., Шарапов А.Р. 2022. Концепция инклюзивного роста как механизм обеспечения устойчивого развития национальной экономики. *Экономика, предпринимательство и право*. 12(10). С. 2623–2639. DOI: 10.18334/ep.12.10.116352

Воеводина Е.В. 2023. Доверие как базовый принцип инклюзивной экономики: анализ концептуальных и методических подходов. *Теория и практика общественного развития*. 3(181). С. 38–43. DOI: 10.24158/tipor.2023.3.5

Казакова А.А. 2016. Инклюзивный рост: проблема социологической концептуализации. *Теория и практика общественного развития*. №4. С. 33–36.

Кондратьева Н.Б. 2019. Концепции и индикаторы инклюзивного роста Европейского союза: двадцать лет спустя. *Вестник Университета мировых цивилизаций*. 10(25). С. 49–53.

Мамедов О.Ю. 2017. Экономика инклюзивной цивилизации. *Terra Economicus*. 15(3). С. 6–18. DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-3-6-18

Нестерова О.А., Санфирова О.В., Петрова Т.А. 2022. Инклюзивный субъект в контексте экономического роста. *Вопросы инновационной экономики*. 12(1). С. 209–221. DOI: 10.18334/vinec.12.1.114265

Нечитайло И.С., Каламкович М., Назаркин П.А. 2019. Инклюзивный рост как фактор наращивания человеческого капитала общества: междисциплинарный анализ некоторых барьеров инклюзивной практики. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 11(6). С. 190–202. DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-6-190-202

Новиков А.И., Виткина М.К. 2018. Инклюзивная экономика и социальная ответственность в регионах мира: дилемма или общественное согласие. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2(54). С. 1–11.

Пахомова Н.В., Рихтер К.К., Малышков Г.Б. 2016. Инклюзивный устойчивый рост и стратегия новой индустриализации: институциональные рамки для согласования. *Экономика и управление*. 1(123). С. 29–37.

Спенс М. 2013. *Следующая конвергенция. Будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях*. Москва: Изд-во Института Гайдара. 336 с.

Новая архитектура регулирования прямых иностранных инвестиций в Европейском союзе

Д.Э. Моисеева, А.Д. Кулинич

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН)

Статья посвящена актуальным тенденциям в области финансового управления в Европейском союзе (ЕС), а именно – регулированию прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Введение наднациональных механизмов проверки ПИИ в ЕС в 2019 г. не только знаменует собой распространение метода многоуровневого управления, продвигаемого Европейской комиссией, но и меняет конфигурацию ЕС как мирового участника инвестиционных транзакций, затрагивая напрямую огромное количество стейкхолдеров. Исследование преследует цель зафиксировать новую институциональную архитектуру регулирования ПИИ в ЕС, которое с принятием Регламента ЕС 2019/452 осуществляется в формате многоуровневого управления. Для этого необходимо ответить на исследовательский вопрос о причинах, по которым ЕС изменил свой подход к регулированию ПИИ от неолиберального и свободного движения капиталов (негативная интеграция) на введение общих европейских правил мониторинга (позитивная интеграция). В качестве теоретико-методологической основы использована концепция многоуровневого управления и теория секьюритизации Копенгагенской школы международных отношений. Исследование выполнено в русле неоинституционализма, что позволяет анализировать, как институты (в данном случае – Европейская комиссия) осуществляют артикуляцию коллективных интересов в политике, и конструктивизма, в рамках которого Комиссия рассматривается как агент, создающий и продвигающий дискурс секьюритизации. В результате исследования было установлено, что через секьюритизацию китайских ПИИ Комиссия добивалась легитимации своих инициатив по введению наднационального регулирования. Принятый Регламент ЕС 2019/452 по своему типу является «законодательством начального уровня» (*entry-level legislation*), а значит, предполагает в будущем внесение поправок через включённый в него механизм ревизии и, как следствие, расширение компетенций Комиссии в данной сфере. Подтверждением этому стало опубликованное в январе 2024 г. предложение Комиссии о фактическом ужесточении Регламента. Приведены данные в пользу того, что изменение подхода ЕС в области инвестиций от неолиберального к протекционистскому отражает глобальную тенденцию, поскольку другие центры силы (США и Китай) также располагают инструментами

УДК 339.727.22:061.1EU

Поступила в редакцию: 19.08.2024 г.

Принята к публикации: 07.10.2024 г.

по мониторингу ПИИ. Проанализированы события-триггеры, которые способствовали геополитическому переосмыслению подхода ЕС к иностранным инвестициям: от открытости к осознанию возможных угроз коллективной безопасности и общественного порядка. Проведена аналогия с тем, как Комиссия использовала дискурс секьюритизации в сфере энергетики, что привело к частичной коммунитаризации данной политики посредством многоуровневого управления. Выводы, сделанные в ходе исследования, оставляют вопросы для дальнейшего обсуждения, в частности, требует прояснения сюжет о том, как именно секьюритизация обеспечивает легитимность инициативам Комиссии.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции (ПИИ), Европейский союз (ЕС), Европейская комиссия, многоуровневое управление, секьюритизация, дерискинг, Регламент ЕС 2019/452, механизм проверки ПИИ, мониторинг ПИИ

Настоящая статья стала результатом комплексного исследования, посвящённого введению регулирования прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в ЕС. В качестве теоретико-методологической основы авторы использовали концепцию многоуровневого управления, демонстрирующую, как регулирование ПИИ с национального уровня управления частично распространилось на наднациональный. Также была применена теория секьюритизации Копенгагенской школы международных отношений (Buzan, Wæver 2003; Buzan, Hansen 2009), объясняющая мотивацию Европейской комиссии ужесточать наднациональное регулирование ПИИ в контексте угрозы безопасности от китайских инвестиций. Общей теоретической рамкой исследования стал неоинституционализм, позволяющий судить о действиях Европейской комиссии по артикуляции коллективных интересов. Объектом исследования выступает Европейская комиссия, которая использовала дискурс секьюритизации ПИИ для введения наднационального регулирования в данной сфере и стала агентом, продвигающим политизацию иностранного капитала. Авторы стремились ответить на исследовательский вопрос о том, почему в ЕС произошло изменение подхода в отношении ПИИ: от неолиберального благоприятствующего отношения к свободному движению капиталов (негативная интеграция) к секьюритизации иностранных инвестиций и введения механизмов мониторинга (позитивная интеграция). Гипотеза исследования сформулирована следующим образом: Европейская комиссия, выступая агентом секьюритизации, использует многоуровневое управление для постепенной гармонизации правил регулирования ПИИ в странах сообщества, что способствует дальнейшей коммунитаризации данной сферы политики. При этом секьюритизация обеспечивает легитимность введения наднационального регулирования.

Исследование имеет политэкономическую направленность, поэтому опирается как на экономические работы, фокусирующиеся на изучении изменений в регулировании ПИИ (Esplugues 2018; Ключко 2023; Кулинич 2024; Петрушкевич

2023), так и на работы, посвящённые особенностям финансового управления в ЕС с точки зрения его многоуровневости (Стрежнева 2011; Стрежнева, Прохоренко 2013). Отдельного упоминания заслуживают исследования секьюритизации управления в ЕС (Danzman, Meunier 2024; Meunier, Nicolaidis 2019; Боровский, Шишкина 2021). Такое сочетание литературы позволяет сформировать комплексный взгляд на актуальные изменения в регулировании ПИИ в ЕС, продемонстрировать смену типа управления, который осуществила Комиссия, в очередной раз воспользовавшись дискурсом секьюритизации.

Статья состоит из трёх частей. В первой проанализированы причины и события-триггеры, в том числе геополитические, повлёкшие за собой смену курса ЕС. В этом контексте освещены позиции других мировых и региональных центров силы в отношении регулирования ПИИ (США и Китай). Во второй части исследования показано, каким образом Комиссия использует дискурс секьюритизации иностранных инвестиций для обоснования необходимости введения наднационального регулирования. Также приведены данные о том, что Комиссия постепенно формировала концептуальную основу для расширения своих компетенций в сфере регулирования ПИИ, сделав механизмы мониторинга частью дерискинг-подхода в отношениях с Китаем и увязав данный подход с долгосрочной Стратегией экономической безопасности ЕС. Фактически подобные действия обеспечивают неизбежность расширения компетенций Комиссии и наделяют её ролью регулятора. В третьей части исследования представлен новый институциональный дизайн регулирования ПИИ в ЕС и показано, каким образом многоуровневое управление было распространено Комиссией на эту сферу с помощью секьюритизации дискурса иностранных инвестиций. Аналогичную стратегию Комиссия использовала ранее для секьюритизации энергетического сотрудничества России – ЕС, что привело к частичной коммунитаризации европейской энергетической политики. Есть все основания полагать, что Комиссия будет стремиться к ужесточению регулирования ПИИ и расширению своих полномочий, о чём уже свидетельствует её предложение о внесении изменений в действующий Регламент.

Проведённое исследование вносит научный вклад в виде фиксирования распространения многоуровневого управления на сферу ПИИ, регулирование которой из ведения стран – участниц ЕС теперь перешло на наднациональный уровень. Научную ценность имеет представленная авторами институциональная архитектура регулирования ПИИ, которая в дальнейшем, очевидно, будет усложняться с перевесом в сторону наднационального уровня.

Регулирование прямых иностранных инвестиций в ЕС и мире

Финансовое управление в ЕС остаётся фрагментированным, децентрализованным и неоднородным. Внутри ЕС сосуществует несколько режимов, которые определяют, в том числе, и разную степень экономической интеграции стран

участниц (Стрежнева, Прохоренко 2013). Такое положение вещей объясняется, с одной стороны, разной готовностью членов сообщества к углублённому сотрудничеству, с другой – неолиберальным подходом, которым в своём развитии руководствуется Европейский союз, и в соответствии с которым экономическое и политическое управление разделены между национальными и наднациональными уровнями власти (Стрежнева 2011). Однако в течение двух последних десятилетий негативная интеграция в виде свободы движения капиталов в рамках Единого европейского рынка постепенно и точно уступает место гармонизации европейских норм регулирования (позитивной интеграции). Триггерами на этом пути стали такие события, как мировой финансовый кризис 2008–2009 гг., пандемия COVID-19, украинский конфликт и ряд других дестабилизирующих явлений глобального и регионального масштаба. В настоящей статье речь пойдёт о частном случае изменения в финансовом управлении – введении наднациональных механизмов проверки ПИИ на уровне ЕС.

Согласно определению Конференции ООН по торговле и развитию, главному международному институту по изучению ПИИ, под прямыми иностранными инвестициями принято понимать вложения, отражающие долгосрочный интерес и контроль со стороны иностранного инвестора, являющегося резидентом одной страны, в предприятие, зарегистрированное в другой стране¹.

ЕС продолжает оставаться мировым центром притяжения ПИИ, незначительно уступая США место лидера по объёму накопленных ПИИ (см. Табл. 1). Поэтому введение регулирования затрагивает интересы огромного количества стейкхолдеров. Регламент ЕС 2019/452² (Регламент), устанавливающий основу для проверки ПИИ в ЕС, был принят 19 марта 2019 г. и полностью вступил в силу 20 октября 2020 г., положив начало процессу унификации механизмов проверки ПИИ в Евросоюзе. Во второй статье Регламента под прямыми иностранными инвестициями понимается «вложение любого типа со стороны иностранного инвестора с целью установления или поддержания прочных и прямых связей между иностранным инвестором и предпринимателем или предприятием, которому предоставляется капитал для осуществления экономической деятельности в государстве – члене ЕС, включая инвестиции, которые позволяют обеспечить эффективное участие в управлении или контроле компании, осуществляющей экономическую деятельность»³. Там же дано определение «проверки» и «механизма проверки». Под первым понимается «процедура,

¹ UNCTAD. Handbook of Statistics 2023. Foreign Direct Investment. Concepts and definitions. *United Nations Conference on Trade and Development*. URL: [https://hbs.unctad.org/foreign-direct-investment/#:~:text=Foreign%20direct%20investment%20\(FDI\)%20is,another%20economy%20\(foreign%20affiliate\)](https://hbs.unctad.org/foreign-direct-investment/#:~:text=Foreign%20direct%20investment%20(FDI)%20is,another%20economy%20(foreign%20affiliate)) (accessed 22.10.2024)

² Regulation (EU) 2019/452 of the European Parliament and of the Council of 19 March 2019 establishing a framework for the screening of foreign direct investments into the Union. *EUR-Lex*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/452/oj> (accessed 22.10.2024)

³ Ibid. P. 6.

позволяющая оценивать, расследовать, разрешать, обуславливать, запрещать или отменять ПИИ», в то время как «механизм проверки» означает «инструмент общего применения, как закон или регламент, который создаёт основу для проведения проверки прямых иностранных инвестиций»⁴.

Таблица 1. Накопленные ПИИ, млрд долл.
Table 1. Inward FDI Stock, billion dollars

Страна	2019	2020	2021	2022	2023
США	8 951,14	10 292,40	13 056,38	10 383,95	12 817,06
ЕС	8 928,29	12 358,74	12 098,67	11 672,19	12 453,73
Китай	1 769,49	1 918,83	3 633,32	3 496,38	3 659,63
Гонконг	1 867,70	1 851,46	1 957,37	2 008,15	2 107,04
Великобритания	2 152,76	2 656,65	2 689,97	2 718,89	3 048,93
Индия	426,96	480,13	514,11	510,70	536,93
Россия	493,16	449,05	497,69	359,98	278,81

Источник: составлено авторами на основе базы данных UNCTAD, URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock> и данных из отчёта UNCTAD World Investment Report 2024, URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024> (accessed 22.10.2024)

Source: compiled by the authors.

Регламент ЕС 2019/452 распространяется только на инвестиции в страны – члены ЕС из третьих стран; следовательно, инвестиции внутри Европейского союза под действие законодательного акта не подпадают. Документ действует для всех государств – членов ЕС (до 2020 г. отчёт о создании национального механизма проверки ПИИ предоставляла и Великобритания). Таким образом, с принятием Регламента был учреждён общеевропейский механизм сотрудничества, в соответствии с которым страны – участницы ЕС обязаны предоставлять другим членам ЕС и Европейской комиссии информацию о любых ПИИ на своей территории. Проверка нацелена на те инвестиции, которые потенциально могут нанести ущерб «безопасности и общественному порядку» стран ЕС (Кулинич 2024). При этом в Регламенте нет чёткого определения, какие именно сферы следует считать потенциально опасными, что оставляет свободу для интерпретаций.

Традиционный подход ЕС к ПИИ основывался на позитивном неолиберальном восприятии свободы движения капиталов, что закреплено статьями 63 и 206 Договора о функционировании ЕС⁵. При этом свобода движения капиталов распространяется на финансовые операции как между членами ЕС,

⁴ Ibid.
⁵ Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union, Part 3, Chapter 4: Capital and Payments – Article 63. EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A12008E063> (accessed 22.10.2024)

так и с третьими странами. Несмотря на то, что, с юридической точки зрения, Регламент не противоречит данным статьям, он открывает для Европейской комиссии возможности дополнительного контроля за иностранными инвестициями.

Внедряемые Регламентом механизмы проверки, по сути, являются протекционистскими и демонстрируют геополитические изменения, которые переживает ЕС в своём подходе к управлению финансами (Danzman, Meunier 2024). Такая перемена (от открытости к регулированию) может быть объяснена рядом объективных причин. Так, тенденция к проверке ПИИ изначально обозначилась на глобальном инвестиционном рынке, и ЕС здесь не единственный игрок, столкнувшийся с противоречием, когда нужно сохранять открытость и свободу инвестиций и одновременно обеспечивать защиту и контроль стратегических секторов экономики (Esplugues 2018; Петрушкевич 2023; Ключко 2023).

Аналогичными инструментами проверок ПИИ пользуются многие развитые и развивающиеся страны. Например, в США с 1975 г. действует Комитет по иностранным инвестициям (Committee on Foreign Investment in the US, CFIUS), отслеживающий и проверяющий вложения в американскую экономику с целью выявления последствий таких инвестиций для национальной безопасности государства. В состав Комитета входят представители нескольких министерств правительства США: формально он подчиняется Министерству финансов, но в его деятельности участвуют представители министерств обороны, внутренней безопасности, энергетики, торговли, юстиции и Государственного департамента⁶. В 2018 г. в США был принят Закон о модернизации системы оценки рисков, связанных с иностранными инвестициями (The Foreign Investment Risk Review Modernization Act, FIRRMA)⁷, который расширял полномочия Комитета относительно количества секторов экономики, куда осуществлялись инвестиции. Указ Президента США от 2022 г. предписывает CFIUS учитывать такие факторы, как влияние сделки на устойчивость критически важных для страны цепочек поставок и влияние инвестиций на технологическое лидерство США в определённых отраслях⁸.

Механизм проверок ПИИ в Китае был обновлён в 2020 г., когда Национальная комиссия по развитию и реформам КНР совместно с Министерством торговли опубликовала документ под названием «Меры по проверке безопасности

⁶ Brady R., Jalinous F., Mildorf K., Schoming K. Foreign Direct Investment Reviews 2024: United States. *White&Case*. URL: <https://www.whitecase.com/insight-our-thinking/foreign-direct-investment-reviews-2024-united-states> (accessed 22.10.2024)

⁷ Foreign Investment Risk Review Modernization Act of 2018. *U.S. Department of the Treasury*. URL: https://home.treasury.gov/sites/default/files/2018-08/The-Foreign-Investment-Risk-Review-Modernization-Act-of-2018-FIRRMA_0.pdf (accessed 22.10.2024)

⁸ Executive Order on Ensuring Robust Consideration of Evolving National Security Risks by the Committee on Foreign Investment in the United States. *The White House*. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2022/09/15/executive-order-on-ensuring-robust-consideration-of-evolving-national-security-risks-by-the-committee-on-foreign-investment-in-the-united-states> (accessed 22.10.2024)

иностранных инвестиций»⁹. Согласно новому законодательству, проверку иностранных инвестиций осуществляет рабочая группа, состоящая из представителей Национальной комиссии и Министерства торговли. Обязательное уведомление со стороны инвестора необходимо только в случаях, когда вложения осуществляются в компании, связанные с военно-промышленным комплексом Китая или расположенные недалеко от военных объектов. Также обязательные уведомления необходимы для осуществления инвестиций в «критически важные для национальной безопасности» сектора экономики, однако в документе нет их полного списка.

Следовательно, на фоне других мировых центров силы, введение регулирования ПИИ в ЕС сообразно общей тенденции. В условиях фрагментации мировой экономики и геополитизации торговли (Meunier, Nicolaidis 2019) использование протекционистских методов видится закономерным явлением. Кроме того, региональные и глобальные геополитические вызовы, непосредственно затронувшие ЕС, стали событиями-триггерами, обнажившими как потенциальные, так и реальные уязвимости, которые усугубляются экономической открытостью и взаимозависимостью.

Легитимация наднационального регулирования через секьюритизацию и дерискинг

Регламент ЕС 2019/452 не вводит жёстких мер регулирования, но устанавливает механизм сотрудничества, что, в свою очередь, закладывает основу для многоуровневого управления и дальнейшей институционализации данной сферы экономической политики. Однако, чтобы инициировать подобное регулирование и убедить страны-участницы в его необходимости и, главное, легитимности, Комиссии нужны веские причины. Рассмотренная в первой части статьи глобальная тенденция к мониторингу ПИИ другими центрами силы отчасти оправдывает действия Комиссии, но одного этого было бы недостаточно. Поэтому Комиссия последовательно использовала дискурс секьюритизации, выступая агентом политизации иностранного капитала.

Дискуссии о создании системы мониторинга и проверки прямых иностранных инвестиций в Европейском союзе активно ведутся с середины 2010-х гг. В 2016 г. был отмечен резкий рост китайских ПИИ в страны ЕС, когда приток прямых инвестиций вырос на 77%, притом что новые вложения компаний из КНР сосредоточились в высокотехнологичных секторах экономики

⁹ Alex Zhang Z., Hsiao J., Pang Ch., Tsoi V. The New FISR Measures – A Step Further in China's National Security Review of Foreign Investments. *White&Case*. URL: <https://www.whitecase.com/insight-alert/new-fISR-measures-step-further-chinas-national-security-review-foreign-investments> (accessed 22.10.2024)

и в стратегической инфраструктуре стран ЕС¹⁰. Кроме того, наблюдался рост инвестиционной активности компаний из третьих стран со значительным государственным участием, а также суверенных инвестиционных фондов, представлявших в основном государства Персидского залива¹¹. В 2017 г. Еврокомиссия опубликовала исследование, в котором анализировались возможности Союза по извлечению максимальной пользы из процессов глобализации¹². В документе впервые постулировалась идея о необходимости унифицированного подхода ЕС и стран-участниц к входящим ПИИ. В том же году Европейская комиссия выпустила общую рекомендацию под названием «Приветствие прямых иностранных инвестиций при одновременной защите основных интересов»¹³. В Брюсселе отмечали, что «открытость ЕС к ПИИ не изменится... однако при этом необходимо не допустить захвата важных для ЕС активов, что может негативно сказаться на деятельности ЕС или государств-членов»¹⁴.

Далее сюжет развивался вокруг тезиса о том, что изменение структуры иностранных инвестиций бросает вызов безопасности ЕС и государств-членов. В случае с регулированием ПИИ объектом секьюритизации стали инвестиции из развивающихся стран, главным образом, из Китая. В данной логике Комиссия, действуя в интересах сообщества, должна взять на себя роль проактивного лидера и адекватно противодействовать выявленной угрозе – сценарий, который уже был сыгран с энергетической политикой, о чём речь пойдёт ниже. Между тем статистика показывает, что объём накопленных ПИИ из Китая в ЕС оставался на одном уровне между 2018–2022 гг., достигнув максимума в 2021 г. – 0,8% от общих накопленных ПИИ в ЕС, тогда как доля американских инвестиций неуклонно росла, достигнув в 2021 г. доли в 32% без учёта инвестиций из стран ЕС (или 17% с учётом инвестиций из стран ЕС)¹⁵. Получается, что китайские ПИИ в Европу были расценены как угроза, несмотря на их ничтожную долю, в то время как инвестиции из страны с развитой экономикой (США) таковыми не воспринимаются.

¹⁰ Record flows and growing imbalances: Chinese investment in Europe in 2016. *Mercator Institute for China Studies*. URL: <https://merics.org/en/report/record-flows-and-growing-imbalances-chinese-investment-europe-2016> (accessed 22.10.2024)

¹¹ EU Legislation in Progress. EU framework for FDI Screening. *European Parliament*. Briefing, 2019. P. 6.

¹² Reflection paper on harnessing globalization. *European Commission*. 10 May 2017. URL: https://commission.europa.eu/publications/reflection-paper-harnessing-globalisation_en (accessed 22.10.2024)

¹³ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Welcoming Foreign Direct Investment while Protecting Essential Interests. *European Commission*. Brussels, 13 September 2017. 12 p.

¹⁴ Ibid. P. 5.

¹⁵ EU Direct Investment Positions by country, ultimate and immediate counterpart and economic activity. *Eurostat*. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/bop_fdi6_geo__custom_12306645/default/table?lang=en (accessed 22.10.2024)

В условиях единого рынка ЕС потенциальная угроза может затронуть сразу несколько стран-участниц. Поэтому трансграничные последствия владения иностранными компаниями не из ЕС стратегической инфраструктурой или технологиями поставили под сомнение эффективность децентрализованной и фрагментированной системы мониторинга притока ПИИ, существовавшей до принятия Регламента. Здесь закономерным выглядит предложение Комиссии принять постановление, направленное на достижение баланса между общей открытостью ЕС для ПИИ и безопасностью. По сути же принятие Регламента означает продвижение интеграции в сфере финансового регулирования. При этом Комиссии отводится роль в проверке инвестиций, которой у неё раньше не было, то есть она получает новые компетенции. Есть все основания полагать, что в дальнейшем Комиссия будет стремиться расширить свои полномочия в обозначенной сфере.

Аналогичным образом происходила европеизация энергетической политики стран ЕС, которая привела к выделению европейской энергетической политики на наднациональном уровне. Секьюритизация поставок энергоносителей (Боровский, Шишкина 2021) стала своего рода ответом на российскую инвестиционную экспансию¹⁶ в 2000-е гг. (ИМЭМО 2010; Боярко 2002). Российско-украинские конфликты вокруг поставок газа в 2006 и 2009 гг. способствовали тому, что Европейская комиссия взяла на себя роль актора секьюритизации в вопросах энергетической безопасности. В результате страны-участницы были вынуждены передать ряд суверенных полномочий в области энергетики на наднациональный уровень, что было зафиксировано в Лиссабонском договоре 2009 г. в виде создания энергетической политики ЕС. Последняя отнесена к сфере совместной компетенции, что позволяет Комиссии пусть и не жёстко регулировать национальные аспекты энергоснабжения, но хотя бы ставить общие цели перед странами-участницами и увязывать их с климатической повесткой. В итоге проблемы, которые члены ЕС прежде решали на национальном уровне по мере поступления, отныне стали предметом для кооперации между странами и Комиссией. Однако на этом амбиции Комиссии не закончились. Событием-триггером стал российско-украинский кризис 2014 г., после которого Комиссия во главе с Ж.-К. Юнкером (2014–2019 гг.) объявила энергетику своим приоритетом. В рамках Европейской энергетической стратегии в 2015 г. был создан Энергетический союз¹⁷, укрепивший наднациональную институционализацию

¹⁶ Case Study on Outward Foreign Direct Investment by Russian Enterprises. Expert Meeting on Enhancing the Productive Capacity of Developing Country Firms through Internationalization. Geneva, 5-7 December 2005. URL: <https://digital-library.un.org/record/559987?v=pdf> (accessed 22.10.2024)

¹⁷ Communication From The Commission To The European Parliament, The Council, The European Economic And Social Committee, The Committee Of The Regions And The European Investment Bank A Framework Strategy For A Resilient Energy Union With A Forward-Looking Climate Change Policy. *EUR-Lex*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2015:80:FIN> (accessed 22.10.2024)

энергетики в русле многоуровневого управления¹⁸. Таким образом, за два десятилетия европейская энергетическая политика прошла путь от сферы сугубо национального регулирования до наднационального управления, что было осуществлено через секьюритизацию энергетической повестки, где Комиссия выступила главным инициатором (Radtke, Wurster 2023).

Секьюритизация китайских инвестиций легла в основу нового европейского подхода, о котором было объявлено в 2023 г. – дерискинга. Данный подход увязан со Стратегией экономической безопасности ЕС¹⁹ и подразумевает управление рисками, проистекающими от экономической и технологической зависимости от Китая. Одновременно дерискинг выступает концептуальной альтернативой декаплингу – полномасштабному разрыву экономических связей. Отказавшись от последнего, ЕС сосредоточился на разработке целевых мер, которые позволят продолжать сотрудничество с Китаем и одновременно минимизировать возможные угрозы²⁰. Механизм проверки ПИИ стал одним из инструментов дерискинга, наряду с так называемым антипринуждающим инструментом (Anti-Coercion Instrument), Законом ЕС о чипах и Законом ЕС о критически важном сырье. Вместе данные законодательные акты создают достаточно целостную политическую основу, которая должна способствовать защите экономики ЕС от недобросовестной конкуренции и других рисков, исходящих из Китая.

Таким образом, в основе легитимации наднационального регулирования ПИИ в ЕС лежат два компонента, два процесса, которые последовательно инициировала и проводила Европейская комиссия. Прежде всего, это секьюритизация китайских инвестиций, которая зачастую не имеет под собой рациональной экономической основы, зато легко политизируется, особенно на фоне торговой войны между США и Китаем. Второй компонент – это концептуальная база. Мониторинг ПИИ, будучи инструментом дерискинга, неотъемлемой частью входит в важные стратегические документы ЕС, что обеспечивает его легитимность и подспудно даёт Комиссии основания требовать от стран-участниц соответствия общим программным установкам.

¹⁸ Regulation (EU) 2018/1999 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the Governance of the Energy Union and Climate Action. Article 11. *EUR-Lex*. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2018.328.01.0001.01.ENG&toc=OJ:L:2018:328:TOC (accessed 22.10.2024)

¹⁹ An EU approach to enhance economic security. *European Commission*. URL: https://ec.europa.eu/commission/press-corner/detail/en/IP_23_3358 (дата обращения: 22.10.2024)

²⁰ EU-China relations: De-risking or de-coupling – the future of the EU strategy towards China. *European Parliament, March 2024*. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/754446/EXPO_STU\(2024\)754446_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/754446/EXPO_STU(2024)754446_EN.pdf) (accessed 22.10.2024)

Многоуровневое управление в регулировании ПИИ в ЕС

В предыдущей части статьи было установлено, что Комиссия, выступая главным актором секьюритизации и политизации иностранного капитала, продвигала введение наднационального регулирования ПИИ в ЕС. В 2019 г. инициатива Комиссии получила юридическое оформление в виде Регламента 2019/452, который представляет собой законодательство начального уровня (*entry-level legislation*) и, очевидно, со временем будет видоизменяться, потому что ст. 15 Регламента предусматривает механизм оценки Комиссией эффективности принятых мер через три года и внесения законодательных поправок при необходимости. Согласно Регламенту, Еврокомиссия рекомендовала, но не обязывала государства-члены создавать механизмы проверки ПИИ. Также наднациональные институты ЕС не обладали правом блокировать возможные неблагоприятные инвестиции, даже если они влияли на «безопасность или общественный порядок» в государстве ЕС²¹, но Комиссия могла проверять ПИИ, если они осуществлялись в компании, занятые в реализации проектов на уровне ЕС — например, Трансъевропейских транспортных (TEN-T) и энергетических сетей (TEN-E) или программы Horizon 2020. В 2024 г. Комиссия Урсулы фон дер Ляйен предложила пересмотреть действующий Регламент 2019 г. и расширить степень интеграции стран ЕС в области механизмов проверки иностранных инвестиций. Более подробно возможные изменения будут рассмотрены ниже, пока же отметим, что до настоящего времени инициатива Еврокомиссии 2024 г. не получила законодательного оформления, хотя уже можно говорить о том, что Комиссия идёт путём постепенного расширения своих компетенций в данной сфере (Crivoi 2024).

Таким образом, формируется нормативная база регулирования прямых иностранных инвестиций в ЕС. Во-первых, основой служат статьи 63 и 206 Договора о функционировании Европейского союза, где закреплено, что в ЕС действует запрет на любые ограничения на перемещения капиталов между государствами-членами, а институты Союза должны способствовать постепенной отмене ограничений на прямые иностранные инвестиции²². Вторым элементом нормативной базы стал Регламент 2019/452, устанавливающий рамки для создания механизмов проверки ПИИ и способы кооперации государств-членов и Еврокомиссии в этой области. Заключительным элементом правовой базы служат

²¹ Regulation (EU) 2019/452 of the European Parliament and of the Council of 19 March 2019 establishing a framework for the screening of foreign direct investments into the Union. *EUR-Lex*. P. 14. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/452/oj> (accessed 22.10.2024)

²² Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union. *EUR-Lex*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXT> (accessed 22.10.2024)

национальные законы стран ЕС, устанавливающие механизмы проверки ПИИ. Иными словами, нормативная база в этой сфере включает в себя как национальные акты, так и наднациональные.

Далее рассмотрим эволюцию механизмов проверки ПИИ в странах ЕС. На момент начала официальной дискуссии в 2017 г. соответствующие механизмы существовали в 13 государствах ЕС: в Австрии, Великобритании, Венгрии, Германии, Дании, Испании, Италии, Латвии, Литве, Польше, Португалии, Финляндии и Франции. При этом у государств были различные подходы к проверке иностранных инвестиций. Основные отличия заключались в пороге величины вложений, с которого начинались проверки, а также институционального дизайна механизма. Большинство названных государств применяли механизм проверки к инвестициям как из третьих стран, так и из государств Евросоюза. В некоторых случаях осуществлялись проверки инвестиций в сектора экономики, которые считались стратегически важными. Отметим, что в Регламенте 2019/452 не приведён окончательный список «стратегически важных отраслей экономики». Обычно механизм проверки затрагивал инвестиции в военно-промышленный комплекс, сферу энергетики, транспортную сеть, телекоммуникации и сферу СМИ.

Обзор существовавших в 2017 г. механизмов проверки ПИИ позволяет сделать следующие выводы. Большинство процедур проверки подразумевает несколько этапов²³. Сначала компетентные органы на основании уведомления от инвестора оценивают, подпадает ли приобретение актива под процедуру проверки. В качестве компетентного органа обычно выступает или министерство экономики, или специально созданная комиссия. Если инвестиции подпадают под проверку, орган детально анализирует возможные риски и последствия. Обычно данная процедура начинается до завершения инвестиций, однако может происходить и после осуществления операции. После официального начала процедуры компетентные органы могут запросить соответствующую информацию у заинтересованных сторон. В таком случае в действие вступают правила защиты инвесторов, и предоставленная информация остаётся конфиденциальной. Среднее время проведения проверки составляет два-три месяца, по истечении которых выносится решение об одобрении инвестиционной операции в полной или частичной мере. В случае проведения оценки инвестиций после факта их осуществления они могут быть аннулированы.

Выделим основные элементы механизмов проверки ПИИ. Во-первых, речь идёт о том, является ли проверка обязательной или добровольной. Далее можно выделить момент проведения проверки: до или после осуществления инвестиций. В-третьих, в разных странах за проверку ПИИ отвечали разные органы:

²³ Review of National Rules for Protection of Infrastructure Relevant for Security of Supply. *European Commission*. Final Report. February 2018. 68 p.

или министерство экономики, или специально созданные комиссии. В некоторых случаях подобными полномочиями могли наделяться отраслевые министерства: транспорта, энергетики и др. Обратим внимание на триггеры проверки: страна происхождения инвестора, вложения в определённые сектора, активы или размер приобретаемого пакета акций компании. Кроме того, не все страны установили обязательный период рассмотрения инвестиций, и не все государства предоставляли иностранным инвесторам возможность подать апелляцию на принятое решение.

После вступления в силу Регламента 2019/452 в странах ЕС начался процесс реформирования или создания механизмов проверки ПИИ. В 2024 г. законы о создании подобных институтов действуют уже в 22 государствах-членах. Оставшиеся страны (Болгария, Греция, Кипр и Хорватия) находятся в процессе разработки законодательства о проверке ПИИ.

Одним из главных нововведений, изложенных в предложении Еврокомиссии от 2024 г., стал пункт об обязательном создании механизма проверки во всех странах Союза. По подсчётам Брюсселя, на страны без механизма проверки ПИИ пришлось 23% входящих притоков ПИИ в ЕС в 2022 г.²⁴ Если предложенные Комиссией изменения вступят в силу, государства-члены будут обязаны внести поправки в свои механизмы. Одна из таких поправок направлена на унификацию подхода к проверке ПИИ. В предложении ЕК содержится список проектов, инвестиции в участники которых обязаны проходить проверку в национальных правительствах. Примером могут служить упомянутый выше проект Horizon 2020, Фонд обороны ЕС, Трансъевропейские транспортные и энергетические сети и др. Ни один режим проверки ПИИ в странах ЕС на данный момент не предусматривает столь широкий охват компаний. Не менее важно предложение расширить действие национальных механизмов на дочерние компании иностранных инвесторов, зарегистрированные в юрисдикциях Евросоюза.

Так, Европейская комиссия выступила в роли «мотора» интеграции в сфере проверки иностранных инвестиций. В рамках ЕК данными вопросами занимается Директорат по торговле. Кроме того, в процессе участвует и Европарламент через Комитет по международной торговле, однако его роль сводится к «обмену позициями» с ЕК и внесении дополнительных предложений²⁵. Также можно говорить о международном сотрудничестве в области проверки ПИИ.

²⁴ Berg O., Wienke T.-M., Kelliher K. European Commission proposes measures to up the ante on EU FDI screening. *White&Case*. URL: <https://www.whitecase.com/insight-alert/european-commission-proposes-measures-ante-eu-fdi-screening> (accessed 22.10.2024)

²⁵ Revision of the foreign direct investment (FDI) screening regulation. 20 June 2024. *European Parliament*. URL: <https://www.europarl.europa.eu/legislative-train/theme-an-economy-that-works-for-people/file-revision-of-the-fdi-screening-regulation?sid=8201> (accessed 22.10.2024)

Например, Еврокомиссия участвует в разработке проекта «Инвестиционная политика в области национальной безопасности и общественного порядка» в рамках ОЭСР. Сотрудничество с США оформлено в виде Рабочей группы 8 Совета ЕС и США по торговле и технологиям.

Таблица 2. Многоуровневое управление в ЕС: регулирование ПИИ
Table 2. EU Multi-Level Governance: FDI Regulation

Актор	Уровень	Полномочия
Европейская комиссия	Глобальный	Сотрудничество с ОЭСР. Работа с США в рамках Совета ЕС и США по торговле и технологиям
Европейская комиссия	Наднациональный	«Определение правил игры», обязательство стран-членов по созданию механизмов проверки, установление критически важных компаний, активов, проектов наднационального уровня, может требовать от стран-членов дополнительную информацию
Государство ЕС, куда осуществляются инвестиции	Национальный / наднациональный	Предоставляет информацию по инвестициям по требованию ЕК, уведомляет ЕК по случаям, проходящим проверку, может требовать комментарий/мнение ЕК. Обязано принимать во внимание полученные комментарии от ЕК и других государств-членов. Принимает окончательное решение об одобрении или запрете инвестиций
Остальные государства ЕС	Национальный	Могут требовать дополнительную информацию от государства, куда осуществляются ПИИ, могут предоставлять этому государству свои комментарии
Стейкхолдеры (юридические фирмы, бизнес-ассоциации, представители бизнеса)	Субнациональный	Принимают участие в консультациях с Комиссией, могут предоставлять свои отзывы по запросу Комиссии

Источник: составлено авторами.
Source: compiled by the authors.

Представленная в Табл. 2 институциональная структура регулирования ПИИ в ЕС позволяет фиксировать её многоуровневость и передачу ряда компетенций на наднациональный уровень. Стоит отметить, что основные полномочия по проверке иностранных инвестиций ложатся на национальные правительства — именно они занимаются проверкой инвестиций «на месте». Европейская комиссия в этом процессе скорее заняла роль «арбитра, устанавливающего правила игры» — сначала попыталась сподвигнуть государства-члены создать механизмы проверки в добровольном порядке, практически не вмешиваясь в организацию самих механизмов, а теперь старается расширить свои полномочия: предлагает обязать создать механизм проверки ПИИ всем странам и устанавливает «необходимый минимум» — сектора и проекты, инвестиции в которые обязательно должны проходить проверку (Zwartkruis, de Jong 2020).

Новое предложение Комиссии по внесению поправок в действующий Регламент было опубликовано в январе 2024 г.²⁶ и стало результатом сбора обратной связи (от Организации экономического сотрудничества и развития, Европейской счётной палаты, стран-участниц и стейкхолдеров²⁷) и оценки эффективности, которую Комиссия обязана проводить, согласно ст. 15 Регламента. Главным выводом, к которому пришла Комиссия в результате ревизии, стала нехватка эффективности. Имеющиеся в странах ЕС процедурные и институциональные разночтения вокруг механизмов мониторинга ПИИ наряду с их отсутствием в иных членах Сообщества снижают эффективность сотрудничества в данной сфере на наднациональном уровне. Мягкое принуждение по действующему Регламенту не гарантирует эффективной защиты европейских экономических интересов и общественного порядка. В этой связи Комиссия пытается, по крайней мере частично, найти решения по гармонизации национального законодательства. Иными словами, Комиссия хочет не просто ввести необязательное рамочное регулирование (каким оно есть по действующему Регламенту), но регулировать эту сферу *per se*.

Заключение

Исследованием было установлено, что введение в 2019 г. механизмов проверки ПИИ в ЕС отражает изменения, которые происходят в европейском финансовом управлении в русле позитивной интеграции. Частично данная тенденция обусловлена событиями-триггерами глобального и регионального характера, которые провоцируют введение протекционистских мер в экономике не только в ЕС, но и в других мировых центрах силы (США, Китай). Желая противостоять потенциальным и реальным вызовам, с которыми сталкивается ЕС в ходе текущих геополитических изменений, Европейская комиссия берёт на себя роль проактивного лидера и предпринимает меры по унификации европейского регулирования ПИИ, особенно в тех сферах, которые могут нанести урон коллективной безопасности и общественному порядку. Для придания легитимности своей законодательной инициативе, Комиссия прибегает к политике иностранного капитала и использует дискурс секьюритизации китайских

²⁶ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on the screening of foreign direct investments in the Union and repealing Regulation (EU) 2019/452 of the European Parliament and of the Council. 2024. *European Commission*. 24 January. P. 165. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52024PC0023> (accessed 22.10.2024)

²⁷ С результатами обратной связи можно ознакомиться по ссылкам: Framework for Screening Foreign Direct Investment into the EU. *Organization for Economic Cooperation and Development*. URL: <https://www.oecd.org/daf/inv/investment-policy/oecd-eu-fdi-screening-assessment.pdf> (accessed 22.10.2024); Special report 27/2023: Screening foreign direct investments in the EU. *European Court of Auditors*. URL: https://www.eca.europa.eu/ECAPublications/SR-2023-27/SR-2023-27_EN.pdf (дата обращения: 22.10.2024); Feedback from the Public Consultation. *European Court of Auditors*. URL: https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation/have-your-say/initiatives/13739-Screening-of-foreign-direct-investments-FDI-evaluation-and-revision-of-the-EU-framework_en (accessed 22.10.2024)

инвестиций. Установлено, что подобным образом Комиссия уже действовала в вопросах энергетики в середине 2000-х гг., в результате чего регулирование энергетической политики частично перешло на наднациональный уровень. Данный вывод отвечает на исследовательский вопрос о причинах смены подхода ЕС от неолиберального на протекционистский.

В статье показано, что концептуальной основой для перехода части компетенций по регулированию ПИИ с национального уровня на наднациональный стал дерискинг, предусмотренный Стратегией экономической безопасности ЕС. Так Комиссия обеспечивает легитимность своим действиям по европеизации (а фактически – ужесточению) норм мониторинга ПИИ. Кроме того, выступая в роли инициатора интеграции в сфере проверки иностранных инвестиций, Комиссия замыкает на себе функцию арбитра и регулятора. Это удалось осуществить благодаря введению многоуровневого управления в сфере регулирования ПИИ, которое само по себе приоритезирует наднациональный уровень власти, с решениями которого обязаны считаться акторы нижестоящих уровней. Распространение многоуровневого управления на сферу инвестиций, которая теперь тесно увязана с безопасностью, говорит о стремлении наднационального института обуздать геополитическую уязвимость и страх потери контроля. Это подтверждает основную гипотезу исследования.

В более тщательном исследовании нуждается сюжет о том, как именно Комиссия использовала дискурс секьюритизации для обеспечения легитимности своих наднациональных инициатив по регулированию ПИИ, которые впоследствии привели к расширению её полномочий в финансовой сфере. Данные, полученные в настоящей статье, соотносятся с ранее описанным в научной литературе случаем, когда Комиссия, также через секьюритизацию, добилась последовательной коммунитаризации и расширения своих компетенций в сфере энергетики, что привело к созданию европейской энергетической политики (Боровский, Шишкина 2021). В настоящей статье не ставилось задачи глубоко проработать данный вопрос, но в будущих поисках целесообразно установить, какой именно тип легитимности (на входе, на выходе, сквозной) и каким способом Комиссия восполняет за счёт секьюритизации.

Следует ожидать, что Комиссия будет и дальше добиваться для себя новых компетенций в данных вопросах, о чём свидетельствует её предложение по внесению законодательных изменений в действующий Регламент. Поскольку Европейский союз остаётся вторым после США центром притяжения иностранных инвестиций, то изменения законодательной базы в данной сфере затрагивают огромное количество стейкхолдеров и требуют пристального внимания, особенно в контексте того геополитического переосмысления, которое переживает ЕС.

Об авторах:

Дарья Эдуардовна Моисеева – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23.

E-mail: moiseeva.d17@gmail.com

Александр Дмитриевич Кулинич – младший научный сотрудник Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23. E-mail: kulinich@imemo.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития №075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

UDC 339.727.22:061.1EU
Received: August 19, 2024
Accepted: October 7, 2024

New Architecture of Foreign Direct Investment Regulation in the European Union

 D.E. Moiseeva, A.D. Kulinich
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-5-98-80-99](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-5-98-80-99)

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS)

Abstract: This article examines current trends in financial governance within the European Union (EU), focusing on the regulation of foreign direct investment (FDI). The adoption of supranational mechanisms for EU FDI screening through Regulation 2019/452 not only highlights the expansion of multi-level governance, as promoted by the European Commission, but also reconfigures the EU's role as a global actor in investment transactions. This shift directly impacts a wide range of stakeholders.

The study aims to explore the institutional architecture established by Regulation 2019/452 and address the research question: Why has the EU transitioned from a neoliberal approach favoring free capital movement (negative integration) to a framework emphasizing common European monitoring rules (positive integration)? The theoretical framework combines the concept of multi-level governance and securitization theory, underpinned by new institutionalism, which facilitates an analysis of how institutions, particularly the European Commission, articulate and advance common interests within political frameworks.

The findings reveal that the securitization of Chinese FDI served as a critical tool for the Commission to legitimize its push for supranational regulation. Regulation 2019/452 is identified as “entry-level legislation,” designed to be amended through its built-in revision mechanism, ultimately broadening the Commission’s exclusive competencies in this area. This trajectory was partially confirmed by the Commission’s January 2024 proposal to strengthen the Regulation. The analysis situates this shift within a broader global context, demonstrating how the EU’s move from neoliberalism to protectionism mirrors trends in other major economies, such as the United States, China, and India, all of which employ FDI monitoring mechanisms. The article also identifies key events that acted as catalysts for the EU’s geopolitical reassessment of foreign investment—from a stance of openness to recognizing potential threats to collective security and public order. It draws a parallel with the Commission’s use of securitization discourse in the energy sector, which contributed to the partial communitarization of energy policy through multi-level governance.

Keywords: foreign direct investment (FDI), European Union (EU), European Commission, multi-level governance, securitization, de-risking, EU Regulation 2019/452, FDI screening mechanism, FDI monitoring

About the authors:

Daria E. Moiseeva – Ph.D. in Politics, Senior Researcher at the Center of European Studies of Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Profsoyuznaya Str., 23, Moscow, 117997, Russia.
E-mail: moiseeva.d17@gmail.com

Alexander D. Kulinich – Junior Researcher at the Center of European Studies of Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Profsoyuznaya Str., 23, Moscow, 117997, Russia.
E-mail: kulinich@imemo.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 “Global and regional centers of power in the emerging world order”.

References:

- Buzan B., Wæver O. 2003. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press. 594 p.
- Buzan B., Hansen L. 2009. *The Evolution of International Security Studies*. Cambridge University Press. 394 p.
- Crivoi A. 2024. EU FDI Screening – Level Up in Multilevel Governance? *Zeitschrift für Europäische Studien (ZEuS)*. №2. P. 241–261. DOI: 10.5771/1435-439X-2024-2-241
- Danzman S.B., Meunier S. 2024. The EU’s Geoeconomic Turn: From Policy Laggard to Institutional Innovator. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 62(4). P. 1097–1115. DOI: 10.1111/jcms.13599

Esplugues M.C. 2018. More Targeted Approach to Foreign Direct Investment: The Establishment of Screening Systems on National Security Grounds. *Brazilian Journal of International Law*. 15(2). P. 440–468. DOI: 10.5102/rdi.v15i2.5365

Meunier S., Nicolaidis K. 2019. The Geopoliticization of European Trade and Investment Policy. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 57(1). P. 103–113. DOI: 10.1111/jcms.12932

Radtke J., Wurster S. 2023. Multilevel Governance of Energy Transitions in Europe: Addressing Wicked Problems of Coordination, Justice, and Power in Energy Policy. *Zeitschrift für Politikwissenschaft*. 33(2). P. 1–17. DOI: 10.1007/s41358-023-00353-7

Zwartkruis W., de Jong B. 2020. The EU Regulation on Screening of Foreign Direct Investment: A Game Changer? *European Business Law Review*. 31(3). P. 447–474. DOI: 10.54648/EULR2020019

Borovskiy Y.B., Shishkina O.B. 2021. Sekjuritizatsiya energosnabzheniya v ramkah Evrosojuza [Securitization of Energy Supply within the European Integration]. *MGIMO Review of International Relations*. 14(3). P. 57–81. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-3-78-57-81 (In Russian).

Boyarko G.J. 2002. Rossijskiye transnatsional'nyje mineral'no-syrjevyje kompanii. Mineral'nyje resursy Rossiji. [Russian Multinational Mineral Resource Companies. Mineral Resources of Russia]. *Ekonomika i upravleniye*. №3. P. 66–74 (In Russian).

Vlijaniye rossijskoy investitsionnoy ekspansiji na obraz Rossiji v Evrope. 2010. [The Impact of Russian Investment Expansion on the Image of Russia in Europe]. Ed. by Kuznetsova A.V. Moscow. IMEMO RAN. 96 p. (In Russian).

Klochko O.A. 2023. Novye podhody k regulirovaniyu pryamyh inostrannyh investitsij: iniciativy krupnejshih stran mira i uroki dlya Rossii [New Approaches to Regulating Foreign Direct Investment: The World's Largest Countries' Initiatives and Lessons for Russia]. *Sovremennaya mirovaya ekonomika*. 1(3). P. 113–128. DOI: 10.17323/2949-5776-2023-1-3-113-128 (In Russian).

Kulinich A.D. 2024. Regulirovaniye pryamyh inostrannyh investitsij v Evropejskom sojuze [Regulation of Foreign Direct Investment in the European Union]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*. №1. P. 53–63. DOI: 10.15211/vestnikieran120245363 (In Russian).

Petrushkevich E.N. 2023. Politika privlecheniya pryamyh investitsij: asimmetriya global'noj transformatsii [The Policy of Attracting Direct Investment: The Asymmetry of Global Transformation]. *Belorusskij ekonomicheskij zhurnal*. №2. P. 36–52. DOI: 10.46782/1818-4510-2023-2-36-52 (In Russian).

Strezhneva M.V. 2011. Mnogourovnevoje finansovoje upravleniye na prostranstvie Evropejskogo sojuza [Multilevel Financial Management in the European Union Area]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25. Mezhdunarodnyje otnosheniya i mirovaja politika*. №4. P. 106–125. (In Russian).

Strezhneva M.V., Prohorenko I.L. 2013. Upravleniye ekonomikoj v Evropejskom sojuze: institutsional'nyje i politicheskije aspekty [Economic Management in the European Union: Institutional and Political Aspects]. Moscow: IMEMO RAN. 155 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Боровский Ю.В., Шишкина О.В. 2021. Секьюритизация энергоснабжения в рамках Евросоюза. *Вестник МГИМО-Университета*. 14(3). С. 57–81. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-3-78-57-81

Боярко Г.Ю. 2002. Российские транснациональные минерально-сырьевые компании. *Минеральные ресурсы России. Экономика и управление*. №3. С. 66–74.

Влияние российской инвестиционной экспансии на образ России в Европе. 2010. Под ред. Кузнецова А.В. Москва: ИМЭМО РАН. 96 с.

Клочко О.А. 2023. Новые подходы к регулированию прямых иностранных инвестиций: инициативы крупнейших стран мира и уроки для России. *Современная мировая экономика.* 1(3). С. 113–128. DOI: 10.17323/2949-5776-2023-1-3-113-128.

Кулинич А.Д. 2024. Регулирование прямых иностранных инвестиций в Европейском союзе. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН.* №1. С. 53–63. DOI: 10.15211/vestnikieran120245363

Петрушкевич Е.Н. 2023. Политика привлечения прямых инвестиций: асимметрия глобальной трансформации. *Белорусский экономический журнал.* №2. С. 36–52. DOI: 10.46782/1818-4510-2023-2-36-52

Стрежнева М.В. 2011. Многоуровневое финансовое управление на пространстве Европейского союза. *Вестник Московского университета.* Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. №4. С. 106–125.

Стрежнева М.В., Прохоренко И.Л. 2013. *Управление экономикой в Европейском союзе: институциональные и политические аспекты.* Москва: ИМЭМО РАН. 155 с.

Unraveling Incongruence: The EU Proposal in the Belgrade-Pristina Dialogue

A. Semenov, I. Baščarević

University of Priština in Kosovska Mitrovica

Abstract: This paper explores the complexities surrounding the acceptance of the European Union (EU) Proposal in the ongoing Belgrade-Pristina dialogue. The incongruence between Belgrade and Brussels is shaped by several interrelated factors. Central to this discord is the premature transfer of authority from the United Nations Mission in Kosovo (UNMIK) to the EU. This transition was prompted by UNMIK's failure to safeguard Kosovo's non-Albanian population and the breakdown of status negotiations, culminating in Kosovo's unilateral declaration of independence. Although the EU has facilitated technical agreements that have supported the region's trajectory toward European integration, it has also encountered significant challenges. Notably, the withdrawal of Kosovo Serbs from political, judicial, and law enforcement institutions, compounded by the destabilizing effects of the Ukraine conflict, has intensified the crisis. These dynamics have accelerated a reliance on informal agreements, which circumvent domestic legislative processes and are characterized by a lack of transparency.

The EU Proposal seeks to expedite the normalization process but contains a contentious provision that implicitly demands Serbia's acceptance of Kosovo's independence—an issue perceived in Serbia as a transgression of its core national interests. While the proposal lacks formal legal bindingness, the EU wields considerable influence, applying pressure on Serbia through mechanisms such as economic sanctions. However, such measures risk exacerbating anti-EU sentiment within Serbia. The paper argues that the EU's strategy, which emphasizes informal agreements and seeks to avoid overt confrontation, may yield eventual progress but also risks entrenching political tensions within Serbia and Kosovo. The long-term implications of this approach remain uncertain, posing potential challenges for the stability of the EU and the broader Western Balkans region.

Keywords: EU Proposal, Franco-German Proposal, Ohrid Agreement, Brussels Agreement, Washington Agreement, Belgrade-Pristina dialogue, EU Enlargement, Serbia, Kosovo

UDC: 327(4-67EU:497.11-04)"2008/..."

Received: April 12, 2024

Accepted: August 8, 2024

Over the past 25 years, following the collapse of Yugoslavia and the 1999 war, the issue of Kosovo¹ has become a focal point for scholarly inquiry across various disciplines. The conflict itself drew significant attention from legal scholars and practitioners, who have debated the legitimacy and legality of NATO's intervention² (Wheeler 2000; Chesterman 2002). The establishment of the UNMIK protectorate has inspired deeper investigations into the conceptualization of sovereignty and its implications within this specific context (Tziampiris 2004; Yannis 2005). Kosovo's unilateral declaration of independence and the subsequent case before the International Court of Justice redirected scholarly focus back to international law, prompting reassessments of legal principles related to self-determination and recognition (Hilpold 2009; Cirkovic 2010). Additionally, the deployment of the EULEX mission raised questions regarding its legality and the broader implications for international governance (de Wet 2009).

Since the Brussels Agreement, scholarship has increasingly centered on the EU's conflict management strategies and facilitation of dialogue between Belgrade and Pristina (Bieber 2015; Beysoylu 2017; Economides & Ker-Lindsay 2015). More recently, this research has expanded into several key areas: the evolution of Kosovo's statehood and its international position (Tadić & Elbasani 2018; Baracani 2020; Armakolas & Ker-Lindsay 2020; Reis 2022); proposals for political solutions to Kosovo's status, including the controversial idea of partition³ (Proroković 2022); strategies for European enlargement in the Western Balkans (Lefteratos 2023; Bargués et al. 2024); and Kosovo's role within regional cooperation frameworks (Proroković & Entina 2023; Tota & Culaj 2023; Trošić & Arnaudov 2023).

The dynamic and evolving nature of the Kosovo issue continues to demand scholarly engagement, prompting ongoing reflection and periodic reassessment of past analyses. This paper contributes to this discourse by employing institutionalist and constructivist frameworks to examine the EU's "Agreement on the Path to Normalization between Kosovo and Serbia," commonly known as the EU Proposal (EP). The institutionalist approach is contextualized within the unique setting of the Balkans, where the EU's dual role is evident: on one hand, it pursues clear strategic goals and a unified foreign policy, yet on the other, it encounters conflicting interactions between its strategic interests and normative commitments⁴. The constructivist approach

¹ All references to Kosovo should be interpreted without prejudice to its final status and in compliance with Resolution 1244.

² Chomsky N. 2000. Another Way for Kosovo? *Le Monde diplomatique*. 14.03.2000. URL: <https://mondediplo.com/2000/03/06chomsky> (accessed 17.09.2024).

³ Rossi M. 2018. Partition in Kosovo will Lead to Disaster. *Foreign Policy*. 19.09.2018. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/09/19/partition-in-kosovo-will-lead-to-disaster-serbia-vucic-thaci-mitrovica-ibar/> (accessed 17.09.2024).

⁴ Zenelaj Shehi R and Melani I. 2023. The Logic of EU Normative Power in the Western Balkans. Țigănașu R., Inălțărașu C. & Alupului C. (eds) Widening Knowledge for a More Resilient European Union, Conference Proceedings. https://eurint.uaic.ro/proceedings/articles/EURINT2023_SHE.pdf (accessed 17.09.2024).

highlights these tensions, emphasizing “the arbitrary nature of the Western Balkans concepts as used by the EU [and] their side effects in the Western Balkan countries themselves” (Lika 2024: 73).

On 19 March 2023, Josep Borrell, the EU’s High Representative for Foreign Affairs and Security Policy, announced, “We have a deal, we have an agreement on how to do it.”⁵ This statement appeared to mark a breakthrough after more than two years of EU-led crisis management in the Belgrade-Pristina relationship, addressing issues such as disputes over license plates, the withdrawal of Kosovo Serbs from institutional roles, and the persecution of Kosovo Serbs. However, significant challenges remain. The day after the announcement, Serbian President Aleksandar Vučić declared that Serbia would not compromise on its red lines, emphasizing that Serbia would implement only those parts of the Agreement that do not imply recognition of Kosovo or its accession to the United Nations⁶. While informal agreements are not new in the realm of international law and intergovernmental negotiations, it is highly unusual for one party to immediately announce its refusal to adhere to specific provisions.

The central question guiding this paper is: What is the primary underlying cause of the apparent incongruity? To address this question comprehensively, we begin by examining the objectives and functions of the United Nations Mission in Kosovo (UNMIK) and the subsequent transfer of competencies. Although legally partial, this transfer effectively resulted in a significant devolution of authority to the European Union Rule of Law Mission in Kosovo (EULEX). We then analyze the European Union’s strategy in the Belgrade-Pristina dialogue, exploring the factors contributing to the ongoing impasse and the abrupt change in approach in the context of the conflict in Eastern Europe. Additionally, we critically assess the nature of the EU Proposal (EP) by analyzing its provisions in relation to prior agreements and the current geopolitical environment. The final section seeks to determine the legal bindingness of the document for the involved parties and assesses the extent of the European Union’s leverage in ensuring its implementation.

From Unresolved Settlement to EU-Facilitated Dialogue

Following protracted peace negotiations between the Serbian government and the Kosovar separatist Kosovo Liberation Army, and the failure of the Rambouillet ultimatum⁷, NATO launched a unilateral bombing campaign against Serbia in March 1999. On June 9, a cease-fire agreement was signed in Kumanovo between NATO

⁵ Serbia Report. 2023. *European Commission*. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/system/files/2023-11/SWD_2023_695_Serbia.pdf (accessed 17.09.2024).

⁶ Zimonjic J. 2023. Serbia Still Firmly Opposes Kosovo Recognition, UN Accession. *Euractiv*. 20.03.2023. URL: <https://www.euractiv.com/section/politics/news/serbia-still-firmly-opposes-kosovo-recognition-un-accession/> (accessed 17.09.2024).

⁷ The United States’ lack of genuine intent to seek a peaceful solution is well-documented, perhaps best encapsulated by Henry Kissinger, who described the text as “a provocation, an excuse to start bombing. Rambouillet is not a document that even an angelic Serb could have accepted.” (Osmani 2011: 71).

and Serbia, and the following day, the UN Security Council adopted Resolution 1244. This resolution reaffirmed the sovereignty and territorial integrity of Serbia, including Kosovo, while simultaneously mandating the withdrawal of all Serbian military and police forces from the province (UN SC Resolution 1244: Annex 1, par. 2)⁸, effectively placing Kosovo under a UN protectorate. Under these new circumstances, the resolution authorized the UN to establish an interim transitional administration tasked with overseeing the development of provisional democratic self-governing institutions (art. 10), with the ultimate goal of transferring authority to «institutions established under a political settlement» (art. 11, par. 6). In essence, the UN Security Council set forth an international mission to: (a) address the administrative, political, judicial, and security vacuum left by the withdrawal of Serbian institutions; (b) facilitate the establishment of democratic self-governing institutions in Kosovo; and (c) transfer governance to these institutions once a final political settlement was achieved.

This final point implied that negotiations on the province's status would eventually take place, with the views of Kosovo Albanians being considered⁹. Over the following years, UNMIK concentrated on creating the Provisional Institutions of Self-Government (PISG) through a Constitutional Framework¹⁰ and establishing standards such as democratic governance, the rule of law, sustainable returns, and the protection of community rights, all aimed at preparing Kosovo for its final status¹¹. However, in March 2004, spurred by «sensational and ultimately inaccurate reports»¹² alleging Serbian responsibility for the drowning of three Albanian children, violent riots erupted across Kosovo, led by ethnic Albanians. During the nearly two days of unrest, UNMIK and KFOR experienced significant lapses in maintaining control. Paradoxically, rather than leading to a strengthening of security infrastructure and self-governing institutions, the violence of March 2004 signaled to the international community that it was time to initiate status negotiations¹³.

⁸ United Nations Security Council. Resolution 1244. S/RES/1244. *United Nations Mission in Kosovo*. 10.07.1999. URL: <https://unmik.unmissions.org/united-nations-resolution-1244> (accessed 17.09.2024)

⁹ It should be noted that the Kumanovo Agreement was signed by NATO and Serbian representatives, followed by the adoption of the corresponding UN Resolution by the UN Security Council.

¹⁰ United Nations Interim Administration Mission in Kosovo. On the Executive Branch of the Provisional Institutions of Self-Government in Kosovo. UNMIK/REG/2001/19. *United Nations Mission in Kosovo*. 13.09.2001. URL: https://unmik.unmissions.org/sites/default/files/regulations/02english/E2001regs/RE2001_19.pdf (accessed 17.09.2024)

¹¹ It is worth noting that UNMIK retained primacy of regulations and subsidiarity instruments.

¹² Failure to protect: Anti-minority violence in Kosovo March 2004. *Human Rights Watch*. 25.07.2004. URL: <https://www.hrw.org/report/2004/07/25/failure-protect/anti-minority-violence-kosovo-march-2004> (accessed 17.09.2024)

¹³ As Kai Eide, then the Special Envoy of the United Nations Secretary-General in Kosovo, observed, «there will not be any good moment for addressing Kosovo's future status, [and] it is unlikely that postponing the future status process will lead to further and tangible results» (see United Nations Secretary-General. Letter dated 7 October 2005 from the Secretary-General to the President of the Security Council). S/2005/635. 07.10.2005. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UN-DOC/GEN/N05/540/69/PDF/N0554069.pdf?OpenElement> (accessed 17.09.2024).

Following a report by Kai Eide, the Contact Group¹⁴ determined that Kosovo's future status would not revert to its pre-March 1999 condition nor be established through unilateral actions¹⁵. Subsequently, Ban Ki-moon, then UN Secretary-General, appointed Martti Ahtisaari, a seasoned diplomat and expert on the Balkans, to lead direct negotiations between Belgrade and Pristina. Despite extensive efforts, Ahtisaari's negotiations failed to produce an agreement, prompting him to present a proposal in 2007 advocating for "provisional independence"¹⁶. Russia, however, made it clear that it would exercise its veto in the Security Council, leading Germany to suggest renewed negotiations involving the United States, Russia, and the European Union. Nevertheless, as in the previous negotiation phase, the US-EU-Russia troika was unable to reach a compromise solution.

The culmination of these events was Kosovo's Unilateral Declaration of Independence (UDI) in early 2008, a decision that generated numerous immediate and enduring contradictions. These include overlapping legal frameworks—Resolution 1244, the Ahtisaari Plan, and the Kosovo Constitution—the absence of local "ownership" of the Constitution, and questions surrounding the legality of the EULEX mission within Kosovo's institutional framework (Semenov 2022a). To clarify the core of these opposing interpretations, Kosovo Albanian representatives and the sponsors of the UDI argue that the Ahtisaari-led negotiations were conducted in accordance with Resolution 1244 and that, since the dialogue failed, his proposal should be considered the final political settlement envisaged by the Resolution. Conversely, Serbia and Russia hold nuanced but similar views. Russia maintains that any final settlement must be approved by the UN Security Council, setting a precedent applicable to other comparable regions. Serbia initially tied its objection to the need for UN Security Council approval but, with the EU's involvement, now insists that a final settlement requires the consensus of all three parties: Brussels, Belgrade, and Pristina.

This reasoning can be understood through two interconnected developments. First, the transfer of authority from UNMIK to the EU mission (EULEX) became a point of contention in the Security Council. EU member states and the United States argued that EULEX was grounded in Resolution 1244, while Russia contended that it was linked to Kosovo's (illegal) declaration of independence and lacked a Security Council mandate (de Wet 2009). Nevertheless, in November, a consensus-driven Security Council report resolved disputes across six areas. Second, as EULEX consolidated its presence in Kosovo, the UN General Assembly adopted Resolution 63/3, formally requesting an advisory opinion from the International Court of Justice (ICJ)

¹⁴ This is an informal grouping of countries consisting of the USA, the UK, France, Germany, Italy, and Russia.

¹⁵ Letter dated 7 October 2005 from the Secretary-General addressed to the President of the Security Council. S/2005/635. *United Nations Secretary-General*. 07.10.2005. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/540/69/PDF/N0554069.pdf?OpenElement> (accessed 17.09.2024)

¹⁶ Letter dated 26 March 2007 from the Secretary-General addressed to the President of the Security Council. S/2007/168. *United Nations Secretary-General*. 26.10.2007. URL: <https://www.refworld.org/docid/4a54bc380.html> (accessed 17.09.2024)

on whether the unilateral declaration of independence by Kosovo's Provisional Institutions of Self-Government was consistent with international law¹⁷. On July 22, 2010, the ICJ ruled that Kosovo's declaration did not violate international law, but emphasized that the Court's opinion was limited to the legality of the declaration itself and did not address its broader legal consequences (ICJ 2010: par. 51)¹⁸. This ambiguity appears to have been a deliberate attempt by the Court to signal Serbia to address Kosovo's status through political means (Tricot & Sander 2011).

These events had profound implications for the negotiation process. The UN's decision to partially delegate authority to the European mission, with both Belgrade and Pristina's consent, paved the way for direct negotiations under EU auspices. After reaching several technical agreements—such as those on cadastral records, registry books, and university diplomas—Belgrade and Pristina signed the First Agreement of Principles Governing the Normalization of Relations, commonly known as the Brussels Agreement. This was the first document signed by both sides' highest representatives: Ivica Dačić, then Prime Minister of Serbia, and Hashim Thaçi, then Prime Minister of Kosovo's provisional institutions. The Agreement established a framework for resolving long-standing issues and can be divided into three main components. A key element involves the creation of the Association/Community of Serb-majority Municipalities (ASM), aimed at providing a degree of autonomy to Serb communities in Kosovo (Brussels Agreement [BA] 2013: par. 1–6)¹⁹. Additionally, the Agreement outlines the restructuring of the judiciary, law enforcement, and governance, facilitating the integration of Serb communities—previously boycotting Pristina's institutions—into Kosovo's governance structures (BA: par. 7–11). Lastly, it mandates the organization of elections in Serb-majority municipalities, mutual commitments not to obstruct each other's EU accession processes, and intensified discussions on energy and telecommunications (BA: par. 12–15), supported by comprehensive agreements on justice, energy, and telecoms²⁰.

In the following years, both sides entrenched their confrontational positions, diverging from the Brussels Agreement. Pristina has remained reluctant to establish the Serb Association, primarily disputing its executive powers, while Serbia launched a campaign for the derecognition of Kosovo. Nevertheless, Belgrade and Kosovo Serbs

¹⁷ Request for an advisory opinion of the International Court of Justice on whether the unilateral declaration of independence of Kosovo is in accordance with international law. A/RES/63/3. *United Nations General Assembly*. 08.10.2008. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/un-documents/document/kos-a-res63-3.php> (accessed 20.01.24)

¹⁸ Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo. Advisory Opinion. *International Court of Justice*. 22.07.10. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/141/141-20100722-ADV-01-00-EN.pdf> (accessed: 20.01.24); It is worth mentioning that the decision implicitly rejects the notion that Kosovo is sui generis (see: Christakis, 2011)

¹⁹ Brussels Agreement. First Agreement of Principles Governing the Normalization of Relations. *Kancelarijakim*. 2013. URL: <https://www.kim.gov.rs/eng/p03.php> (accessed 20.01.24)

²⁰ Arrangements regarding Energy, Justice, Telecommunications (2015–16). *Kancelarijakim*. URL: <https://www.kim.gov.rs/eng/pregovaracki-proces.php> (accessed 20.01.24)

implemented some provisions, albeit with delays, such as participating in local and general elections within Kosovo's institutional framework and integrating into the judiciary and police systems²¹.

The year 2020 marked a turning point in the Belgrade-Pristina dialogue. In April, the EU appointed Miroslav Lajčák as the European Union Special Representative (EUSR) for the Belgrade-Pristina Dialogue and broader Western Balkans issues, with a mandate to achieve «comprehensive normalization of relations between Serbia and Kosovo» (EU Council 2020: art. 2, par. 2²²). Concurrently, amidst renewed European engagement in the region, the Trump administration brokered the Washington Agreement on Economic Normalization. This Agreement revisited elements from the Brussels process, emphasized U.S. investment in key projects, and introduced new dynamics, such as Kosovo's inclusion in the Open Balkan initiative (formerly Mini-Schengen) and shared management of the Gazivode/Ujmani Lake. It also underscored a commitment to Western values, including reducing reliance on Russian energy and joining the U.S. Clean Network. However, following the transition from the Trump to Biden administrations and the change from Hoti to Kurti in Kosovo, the Washington Agreement²³ lost its practical momentum, although it did result in Kosovo gaining recognition from Israel and securing its own telecommunications code²⁴.

The Imperative for Informal Agreements and Accelerated Implementation

At this critical juncture, two factors are of paramount importance: the deadlock in the negotiation process due to the lack of implementation, and the geopolitical shift caused by the war in Ukraine. The protracted delays in negotiations are largely attributed to the European Union's hybrid facilitation strategy, which, avoiding comprehensive agreements, tactically disaggregates complex issues into technical components, advancing incrementally through successive stages (Beysoylu 2020). While this approach has yielded certain results, such as the aforementioned Serbian concessions, Pristina has failed to implement the Association of Serb-majority Municipalities (ASM), arguing that its principles «are not entirely in compliance with the spirit of [Kosovo's]

²¹ Kosovo Serbs withdrew from Kosovo's institutions in November 2022 in response to the presence of Kosovo Special Forces, the perceived persecution of ethnic Serbs, and the dispute over license plates.

²² Council of European Union – Decision (2020) Appointing the European Union Special Representative for the Belgrade-Pristina Dialogue and Other Western Balkan Regional Issues. (CFSP) 2020/489. *EurLEX*. 02.04.2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2020/489/oj/eng> (accessed 20.01.24)

²³ Washington Agreement. Economic Normalisation. 2020. URL: <https://www.new-perspektiva.com/wp-content/uploads/2020/09/Washington-Agreement-Kosova-Serbia.pdf> (accessed 20.01.24)

²⁴ While Kosovo Serbs possess numbers with both the +381 (Serbia) and +383 (Kosovo) country codes, their numbers are not recognized by Serbian telecommunications operators.

Constitution» (Constitutional Court-Kosovo 2015: art. 189, par. 4²⁵). This reasoning challenges the foundational logic of the Brussels dialogue; by the same logic, since Serbia's Constitution regards Kosovo as integral territory, it would imply the exclusion of Serbian representatives from negotiations on Kosovo's status²⁶. Furthermore, while Kosovo's Assembly ratified the Brussels Agreement as legally binding, Serbia's Parliament has notably not done so.

While initial progress in the Belgrade-Pristina dialogue was slow but discernible, the onset of the conflict in Ukraine drastically altered the context. This geopolitical event introduced seismic shifts, disrupting the previous dynamics and necessitating a re-evaluation of negotiation strategies and constitutional considerations. In prior years, an incremental approach appeared to satisfy all stakeholders: the EU maintained the region's path toward integration, Pristina secured concessions such as Serb political participation, its own communication code, and a monopoly over energy issues in the North²⁷, while Serbia enjoyed European loans and investments without having to address the fundamental issue of Kosovo's final status. However, the prolonged conflict in Eastern Europe has increased pressure on both Brussels and Belgrade. The EU's persistent internal divisions regarding statehood have weakened its influence in the region, and "hiding behind Serbia on the key question of Kosovar statehood has become particularly embarrassing since the start of the Russian war against Ukraine in 2022" (Bargués et al. 2024). Consequently, although the EU previously tolerated Serbia's relationship with Russia, the latest European Commission report emphasizes alignment with the Common Foreign and Security Policy (CFSP) as a prerequisite for accession progress (European Commission 2023²⁸).

²⁵ Judgment on the assessment of compatibility of the principles contained in the document entitled "Association/Community of Serb Majority Municipalities in Kosovo – General Principles/Main Elements" with the spirit of the Constitution, specifically Article 3 [Equality Before the Law], paragraph 1, Chapter II [Fundamental Rights and Freedoms], and Chapter III [Rights of Communities and Their Members] of the Constitution of the Republic of Kosovo. Case No. KO 130/15. 2015. *Constitutional Court of Kosovo*. URL: <https://gjk-ks.org/en/decision/concerning-the-assessment-of-the-compatibility-of-the-principles-contained-in-the-document-entitled-associationcommunity-of-serb-majority-municipalities-in-kosovo-general-principlesmain/> (accessed 20.01.24)

²⁶ The Constitutional Court of the Republic of Serbia declared the Governmental Act pertaining to the Agreement on Cadastral Records unconstitutional (The Constitutional Court of Republic of Serbia (2014) Уредба о посебном начину обраде података садржаних у матичним књигама за подручје Аутономне покрајине Косово и Метохија. ИУо-222/2013. «Службени гласник РС», бр. 116/2014). Notably, the Court abstained from expressing an opinion on the compatibility of the Brussels Agreement (2013) with Serbia's Constitution.

²⁷ As of 2024, the Kosovo energy company KEDS will bill Kosovo Serbs through Elektroever, a company licensed to operate in four Serb-majority municipalities in North Kosovo. The EU has announced this latest agreement, though the full details have yet to be disclosed (European Union – External Action. Kosovo: Statement by the Spokesperson on the Signature of the Commercial Contract between KEDS and Elektroever, 09.12.2023). *The Diplomatic Science of the EU*. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/kosovo-statement-spokesperson-signature-commercial-contract-between-keds-and-elektroever_en (accessed 20.01.24)

²⁸ European Union - External Action Belgrade-Pristina Dialogue: Press remarks by High Representative Josep Borrell after the Ohrid Meeting with President Vučić and Prime Minister Kurti. *The Diplomatic Science of the EU*. 19.03.2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/belgrade-pristina-dialogue-press-remarks-high-representative-josep-borrell-after-ohrid-meeting_en (accessed 20.01.24)

The selective adherence to, and partial commitment toward, the Brussels Agreement indicate that signatures alone do not guarantee progress toward a final settlement. However, the conflict in Ukraine signals an urgency to shift strategies and accelerate implementation. These developments have placed both the EU and Serbia in a challenging position. On one hand, Russian policymakers, commentators, and even academics draw parallels between NATO's intervention in Yugoslavia in 1999 and Russia's actions in Ukraine (Costamagna 2023). On the other hand, under President Aleksandar Vučić, Serbia has pursued a nuanced foreign policy "balancing act" between European integration and partnership with Russia, reflecting a strategy of equidistance aimed at preserving sovereignty (Jovanović 2023: 111). This strategy seeks to capitalize on EU-Russia tensions without overtly challenging normative positions (Radeljić & Özşahin 2023). Additionally, both EU officials and leaders of EU member states have prioritized regional stability over democratization, even at the expense of undermining the EU's moral authority in the Western Balkans (Radeljić & Đorđević 2020)²⁹.

In effect, the EU views Vučić as the only Serbian politician with both significant public support and the political infrastructure necessary to implement policies on Kosovo, albeit unpopular ones. Meanwhile, Vučić maintains strong ties with Russia in alignment with Serbian public opinion, as recent polls indicate greater popular support for Russia over the EU³⁰. This simplified portrayal of Vučić's role, however, requires further scholarly examination; future research must determine whether he is primarily a pragmatic populist (Castaldo 2020), a leader deeply concerned with his legacy (Semenov 2022b), or something else entirely. Nonetheless, this framework aids in understanding the dynamics within the EU-Serbia-Russia triangle and the necessity for informal agreements.

According to Lipson (1991), informal agreements serve four functions: (a) they maintain a degree of opacity toward domestic constituencies, (b) bypass the need for legislative endorsement, (c) evade scrutiny from other states, and (d) allow for potential renegotiations. Thus, the EU has strategically embraced an informal agreement approach in negotiations between Belgrade and Pristina to achieve outcomes that diverge from public sentiment. This approach acknowledges that Serbian citizens not only support Russia but overwhelmingly reject the idea of recognizing Kosovo, even if it impedes economic progress³¹. Additionally, this strategy bypasses parliamentary ratification. As previously noted, even agreements formally ratified, such as the Brussels Agreement by Pristina, do not guarantee full implementation. By contrast, the EU, incorporating the agreement as a benchmark in Chapter 35, requires both parties to

²⁹ Eror A .How Aleksandar Vucic became Europe's favorite autocrat. *Foreign Policy*. 09.03.2018. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/03/09/how-aleksandar-vucic-became-europes-favorite-autocrat/> (accessed 20.01.24)

³⁰ Spoljno-političke orijentacije građana Srbije. *Demostat*. 29.06.22. URL: <https://demostat.rs/sr/vesti/istrazivanja/spoljno-politicke-orijentacije-gradana-srbije/1512> (accessed 20.01.24)

³¹ Ibid.

implement all provisions diligently as a precondition for EU accession. Thirdly, the EU proposal, as an informal agreement, operates outside the oversight of the broader international community, meaning that its implementation does not require discussion within UN forums or EU institutions. Finally, the informal framework allows the three parties flexibility to revisit specific points through future renegotiations.

Our analysis thus far has examined the nature of the Belgrade-Pristina negotiations under EU auspices, highlighting the EU's tolerance for incomplete commitments and the shift toward a more expedient, informal framework in response to changing geopolitical realities. We now proceed to a detailed examination of the EU proposal itself.

Overview of the EU Proposal and Its Objectives

The EU Proposal comprises a main document with a preamble and eleven articles, accompanied by a seven-paragraph annex. The preamble underscores both parties' commitment to regional cooperation and European security, as well as to "respect for territorial integrity and sovereignty," while stipulating that the agreement is "without prejudice to the different views of the Parties on fundamental questions, including on status questions" (EU Proposal [EP], 2023: Preamble)³². However, the first two articles seem to contradict the claim that the agreement does not address status issues. Specifically, the parties agree to "develop normal, good-neighborly relations with each other on the basis of equal rights" and to "mutually recognize their respective documents and national symbols" (EP: art. 1). Furthermore, Belgrade and Pristina are expected to adhere to UN Charter principles such as "sovereign equality of all States, respect for their independence, autonomy and territorial integrity, the right of self-determination, the protection of human rights, and non-discrimination" (EP: art. 2).

This apparent contradiction serves a dual purpose. On the one hand, the clause "without prejudice [...] on status questions" allows Serbia to maintain its position that Kosovo is not a sovereign state. On the other hand, the explicit inclusion of terms like "equal rights" and "respect for their independence" places an obligation on Serbia to treat Kosovo as an independent state, albeit without formal recognition. Thus, the EU Proposal essentially requires Serbia to engage with Kosovo as a *de facto* independent state while avoiding changes to its Constitution (given the inconsistency with these provisions) and mitigating potential domestic opposition.

Notably, these provisions are derived verbatim from the Treaty on the Basis of Relations Between the Federal Republic of Germany and the German Democratic Republic. Following this approach, Article 3 requires both parties to commit to resolving disputes exclusively by peaceful means, in line with the UN Charter (EP: art. 3).

³² EU Proposal. Belgrade-Pristina Dialogue: Agreement on the path to normalisation between Kosovo and Serbia. *The Diplomatic Science of the EU*. 27.02.2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/belgrade-pristina-dialogue-agreement-path-normalisation-between-kosovo-and-serbia_en (accessed 20.01.24)

Article 4 further states that neither party shall “represent the other in the international sphere or act on its behalf” (EP: art. 3 and art. 4, par. 1), implying that Serbia cannot represent Kosovo in international relations. While Kosovo has been represented internationally by UNMIK since 1999—and subsequently by both UNMIK and EULEX since 2008—Serbia has allowed Kosovo’s interim administration to participate “on its own account and speak for itself at all regional meetings,” with an asterisk indicating its autonomous representation (Regional Representation and Cooperation 2012: art. 3–4)³³. The primary objective of Article 4 is to remove this asterisk, expanding Kosovo’s representation from regional to global organizations and potentially legitimizing its direct representation without the involvement of UNMIK or EULEX. Additionally, the provision states that “Serbia will not object to Kosovo’s membership in any international organization” (EP: art. 4, par. 2).

Article 5, however, introduces a slight variation from the Basic Treaty by stipulating that neither Belgrade nor Pristina will obstruct or encourage actions that impede the other party’s progress toward EU accession (EP: art. 5)³⁴.

This provision is already incorporated within the Brussels Agreement (art. 14); however, the novelty lies in Serbia’s commitment to refrain from opposing Kosovo’s membership in any international organization, including UNESCO—a particularly contentious issue. Pristina regards UNESCO membership as an affirmation of Kosovo’s international legal status, countering Serbian efforts to retain Orthodox cultural heritage under Serbian designation (Surlić 2017). Article 7 of the EU Proposal appears designed to address this impasse, stipulating that both parties “shall formalize the status of the Serbian Orthodox Church in Kosovo and afford a high level of protection to Serbian religious and cultural heritage sites, in line with existing European models” (EP, art. 7, par. 2). Together, Articles 4 and 7 create a framework wherein Serbia would allow Kosovo to join UNESCO, while Kosovo would commit to preserving the property rights of the Serbian Orthodox Church (SOC) in Kosovo³⁵.

Article 6 of the Proposal envisions Belgrade and Pristina continuing EU-led negotiations “towards a legally binding agreement on comprehensive normalization of their relations” (EP: art. 6, par. 1), listing potential cooperation areas such as the economy, science and technology, transportation, and judicial and law enforcement relations (EP: art. 6, par. 2). However, the article does not specify any binding implementation measures.

³³ According to the same document, this modification does not prejudice UNMIK’s legal rights, and its representative shall receive invitations to attend such meetings (Regional Representation and Cooperation 2012: art. 5).

³⁴ The Basic Treaty (1972: art. 5) asserts that both German republics will promote peaceful relations and security cooperation.

³⁵ Washington Agreement (par.10) also mentions the protection of religious sites of the SOC.

Beyond its cultural provisions, Article 7 also calls for both parties to “ensure an appropriate level of self-management for the Serbian community in Kosovo and enable service provision in specific areas, including the possibility of financial support from Serbia and a direct communication channel between the Serbian community and the Government of Kosovo” (EP: art. 7, par. 1). While the Association of Serb-majority Municipalities (ASM) is addressed in the Brussels Agreement with far more detail—including its structure, dissolution process, governance bodies, and oversight over areas such as economic development, education, health, and urban planning (Brussels Agreement: art. 1–6)—the EU Proposal does not clarify whether the ASM would hold executive powers, which remains the central barrier to its implementation.

Article 8, inviting Belgrade and Pristina to exchange permanent missions, is another provision drawn verbatim from the Treaty between the Federal Republic of Germany and the German Democratic Republic (cf. Basic Treaty 1972: art. 8³⁶). This builds on previous initiatives, such as the exchange of Liaison Officers in 2013 (Liaison Arrangement, 2013³⁷). Article 9 reaffirms the EU’s commitment to convene a donors’ conference to secure financial assistance for key sectors, including economic development, connectivity, and environmental sustainability, aligning with broader EU objectives in the region (EP: art. 9). However, the EU stipulates that “[n]o disbursement will occur until the EU determines that all provisions of the Agreement have been fully implemented” (European Commission 2023: 94).³⁸

Article 10 includes two primary provisions. First, it mandates the creation of a Joint Monitoring Committee, overseen by the EU, to monitor the implementation of the Agreement (EP: art. 10, par. 1). This Committee, inaugurated on April 18, 2023, comprises Miroslav Lajčák, the EU Special Representative, Agron Bajrami, Kosovo’s Ambassador in Brussels, and Petar Petković, Serbia’s Chief Negotiator. Second, Article 10 reaffirms both parties’ obligation to comply with all previous Dialogue agreements, underscoring their continued legal validity and binding nature (EP: art. 10, par. 1). The final article of the Proposal commits both sides to adhere to the Implementation Roadmap attached to the Agreement (EP: art. 11). The annex primarily reiterates obligations from the Proposal with specified deadlines, cautioning that non-compliance “may have direct negative consequences for their respective EU accession processes and the financial aid they receive from the EU” (EP Annex 2023: par. 12)³⁹.

³⁶ Basic Treaty. Treaty on the Basis of Relations Between the Federal Republic of Germany and the German Democratic Republic and Supplementary Documents. Signed in Berlin. *Luxemburg centre for contemporary and digital history*. 21.12.1972. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/3b9b9f0d-6910-4ca9-8b12-accfcb91d28e/publishable_en.pdf (accessed 20.01.24)

³⁷ Liaison Arrangement. Agreed Conclusion. 31. 05.2013. URL: <https://dialogue-info.com/exchanging-liaison-officers/> (accessed 20.01.24)

³⁸ European Union – External Action Belgrade-Pristina Dialogue: Press remarks by High Representative Josep Borrell after the Ohrid Meeting with President Vučić and Prime Minister Kurti. 19.03.2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/belgrade-pristina-dialogue-press-remarks-high-representative-josep-borrell-after-ohrid-meeting_en (accessed 20.01.24)

³⁹ EU Proposal - Annex. Belgrade-Pristina Dialogue: Implementation Annex to the Agreement on the Path to Normalisation of Relations between Kosovo and Serbia. *The Diplomatic Science of the EU*. 18.03.2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/belgrade-pristina-dialogue-implementation-annex-agreement-path-normalisation-relations-between_en (accessed 20.01.24)

In essence, the EU Proposal obliges Serbia to accept Kosovo's independence without formal domestic or international recognition or ratification. Kosovo would effectively receive Serbia's *de facto* recognition and a pathway to membership in most international organizations in return for establishing the ASM and protecting SOC property, though the specific implementation details remain subject to further negotiations. This arrangement faces considerable opposition among Serbian citizens, and the ruling parties show little willingness to implement it. Thus, the pressing question is: can Serbia ultimately say "no"?

Legal Nature of the EU Proposal: Consequences and Challenges

Is the EU Proposal, in its current form, legally binding for Belgrade and Pristina? This question can be approached from at least two perspectives. The first approach begins with the principle of *pacta sunt servanda*, which holds that "[e]very treaty in force is binding upon the parties to it and must be performed by them in good faith" (Vienna Convention on the Law of Treaties 1969: art. 26)⁴⁰. However, applying this principle to the EU Proposal may be misleading for two reasons. First, it presumes that both Belgrade and Pristina have given verbal consent to the roadmap outlined in the Proposal. Yet, Vučić, the sole Serbian representative in these meetings, has openly stated that certain provisions of the Proposal are unacceptable for Serbia. Second, even if we overlook this factor, two schools of thought exist regarding *pacta sunt servanda*: one posits that all "treaties" are universally binding, while the other argues that only validly concluded agreements carry binding force⁴¹.

If we assume Serbia's verbal consent and subscribe to the first school of thought, then the Proposal would indeed be legally binding⁴². However, this line of reasoning raises further complications. If verbal consent or a signature obligates a represented entity, then similar weight could be ascribed to the Washington Agreement, signed by both Prime Ministers, or to the letter sent by then-Prime Minister Hashim Thaçi of Kosovo to Anders Rasmussen, then Secretary General of NATO⁴³. Nevertheless, Pristina's current administration, led by Albin Kurti, disregards these documents, citing inconsistencies with Kosovo's legal framework. By applying the same logic, Serbian representatives could also contest the EU Proposal and prior agreements on constitutional grounds, potentially undermining the entire negotiation process.

⁴⁰ Vienna Convention on the Law of Treaties. 23.05.1969. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/1_1_1969.pdf (accessed 20.01.24)

⁴¹ Here, we focus solely on the first school of thought; establishing the precise criteria for treaty validity falls outside the scope of this paper.

⁴² According to this school of thought, all arrangements—regardless of terminology or form—are legally binding if issued by the President or Prime Minister (Romashev, Ostrouhov 2018).

⁴³ In this letter, Thaçi provides "assurances that the Kosovo Security Force would only undertake a mission in Northern Kosovo with prior concurrence from KFOR" (Thaçi 2013: par. 3).

The second approach to this question adopts a strictly legal viewpoint: since the Proposal's preamble preserves Serbia's stance that Kosovo does not constitute an independent state, [...] an international court assessing whether Serbia had recognized Kosovo by endorsing this or previous agreements would likely conclude that it has not. While this hypothetical position seems plausible at present, it rests on the assumption that Serbia will continue to act in a way that opposes Kosovo's sovereignty. However, it is conceivable that Serbia, without formally endorsing the contentious provision, might nonetheless align its policies with the Proposal. In such a scenario, would an international court interpret this conduct as the creation of legal norms through customary practice? It is reasonable to surmise that the court would refrain from making a definitive judgment on this matter and would instead encourage a political resolution, similar to the stance taken in the ICJ advisory opinion.

While both approaches diverge fundamentally, they converge on one point: the outcome ultimately depends on the EU's leverage to impose the Proposal on Serbia, and to a lesser extent on Kosovo. Although the EU's popularity in both Serbia and Kosovo has declined, it still holds various leverage packages. The EU has integrated provisions of the Proposal into its accession requirements, and the European Parliament has also adopted a resolution calling for an independent international investigation into recent parliamentary, provincial, and municipal elections (European Parliament 2024: par. T)⁴⁴. Thus, Brussels has made it clear that Serbia must accept—if not formally recognize—Kosovo's independence before joining the EU, while signaling that Vučić and his administration are under scrutiny.

The second package involves the potential suspension of EU funds and other financial measures. For Serbia, the European Parliament has urged the European Commission to withhold funding under the Instrument for Pre-Accession Assistance (IPA) III if investigations reveal Belgrade's involvement in the Banjska incident⁴⁵ (European Parliament 2023: par. 4⁴⁶) or if it fails to implement key recommendations from the 2023 elections (European Parliament 2024: par. 27). Regarding Kosovo, the Commission has suspended Pristina from IPA programming, halted proposals under the Western Balkans Investment Framework, and restricted its officials from high-level EU events and bilateral visits (European Commission 2023b: 125⁴⁷).

⁴⁴ European Union – European Parliament. Joint motion for a resolution on the situation in Serbia following the elections. RC-B9-0106/2024. *European Parliament*. 07.02.2024. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/RC-9-2024-0106_EN.html (accessed 20.01.24)

⁴⁵ The Banjska incident, which took place in September 2023, resulted in four fatalities: three Kosovo Serb civilians and one ethnic Albanian member of the Kosovo Special Forces. The EU and Kosovo have labeled it an "act of terrorism." In contrast, the general Serbian population regards the Serb casualties as heroes, while the official stance from Belgrade asserts that, according to Thaçi's letter to Rasmussen, Kosovo Special Forces have no right to operate in North Kosovo.

⁴⁶ European Union – European Parliament. Joint motion for a resolution on the recent developments in the Serbia-Kosovo dialogue, including the situation in the northern municipalities in Kosovo. RC-B9-0437/2023. *European Parliament*. 18.10.2023. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/RC-9-2023-0437_EN.html (accessed 20.01.24)

⁴⁷ European Union – European Commission (2023b) Kosovo* 2023 Report. *The Diplomatic Science of the EU*. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/2023/SWD_2023_692%20Kosovo%20report_0.pdf (accessed 05.02.2024).

However, such measures appear to have minimal impact on Belgrade and Pristina. For Kurti and his party—who “have won a mandate to directly challenge Kosovo’s EU/US masters” (Blumi 2020: 95)—these actions may actually bolster domestic support. European sanctions contribute to Kurti’s portrayal as a leader opposing elites perceived to have subordinated Kosovo’s interests to Brussels and Washington. For Vučić, EU pressure related to elections and the Banjska incident, coupled with his refusal to impose sanctions on Russia or sign the EU Proposal, supports his narrative about the hypocrisy of EU officials. As Vučić himself stated, if Serbia sanctioned Russia, “I would be a king, not a king, I would be a tsar of democracy. And if I recognized an independent Kosovo, I would immediately receive the Nobel Peace Prize”⁴⁸, signaling to his electorate that the EU’s interests are less about Serbia’s internal governance and more about aligning Serbia with Brussels’ agenda.

In sum, the EU’s “carrot and stick” approach has proven ineffective in driving policy change in Belgrade and Pristina. Instead, it seems to reinforce anti-EU sentiment and reduce its appeal among the public. However, Kurti will face general elections within the next year, and a united, EU-backed opposition could have a realistic chance of unseating his administration. In Serbia, however, the situation is more complex. The war in Ukraine will eventually end, and time is a factor. Russian officials have repeatedly drawn parallels between Kosovo and Crimea, later extending the comparison to the Ukraine conflict—a link Brussels is keen to sever. The EU has one final, albeit highly improbable, option: imposing comprehensive economic sanctions on Serbia. Such measures could destabilize Vučić’s administration, as his popularity hinges on stable economic growth and diplomatic balancing. Yet, this process could take years, and there is no guarantee that a new administration would succeed in overcoming domestic resistance to reach an agreement with Pristina. The EU recognizes Vučić’s unique capacity and the public trust he commands—a reality of which Vučić is well aware.

Conclusion

An exploration of the complex factors underlying the divergence between Belgrade and Brussels regarding the acceptance of the EU Proposal—whether in full or selectively—leads to the following conclusions:

UNMIK, despite achieving modest progress in addressing the security vacuum and supporting institution-building within Kosovo’s self-governing bodies, transitioned prematurely to the third stage of authority transfer, according to its original mandate for post-settlement Kosovo. This premature transfer resulted from two consecutive failures: UNMIK’s inability to protect the non-Albanian population, which,

⁴⁸ Aleksandar Vučić, interview by Gordana Uzelac at TV Pink. *YouTube*. 18.02.2024. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TmJkexyfsBM&t=546s> (accessed 05.02.2024).

rather than prompting a shift in security strategy, accelerated status negotiations; and the failure of these negotiations ultimately culminated in Kosovo's Unilateral Declaration of Independence.

Amid these increasingly strained circumstances, the EU assumed authority from the UN. Initially, the EU managed to de-escalate tensions through a series of technical agreements and the Brussels Agreement, which ostensibly satisfied all parties involved. Serbia made several concessions to Pristina, benefiting from EU funding while remaining unconcerned about Kosovo's final status, and the EU appeared content to guide the region toward European integration.

However, crises—including the withdrawal of Kosovo Serbs from judicial, police, and political roles, along with the conflict in Ukraine—accelerated the process. Brussels now seeks to assert control over its immediate region and to prevent Russia from drawing parallels between Kosovo and Ukraine. The informal structure of these agreements is designed to maintain opacity for domestic audiences, circumvent the need for legislative approval, and allow space for future renegotiations. Unlike prior agreements, the EU Proposal introduces a pivotal provision requiring Serbia to accept Kosovo's independence—a step that Serbia regards as crossing its red lines, though it remains open to dialogue.

While the proposal is not legally binding in its current form, the EU retains considerable leverage. EU institutions have applied pressure on Vučić and his ruling party by initiating investigations into the Banjska incident and the 2023 elections. Additionally, given Serbia's economic dependence on the EU market, Brussels has the option of imposing economic sanctions. However, as demonstrated in the case of Kurti's administration, such measures can often backfire, intensifying anti-EU sentiment. On the other hand, more extreme measures could lead to unpredictable outcomes.

About the authors:

Andrej Semenov — PhD, Assistant Professor of the Department of Sociology, Faculty of Philosophy, University of Priština in Kosovska Mitrovica. Filipa Višnjića, Kosovska Mitrovica, 38220. E-mail: andrej.semenov@pr.ac.rs <https://orcid.org/0000-0002-8493-7209>

Ivan Baščarević — PhD, Associate Professor of the Department of Sociology, Faculty of Philosophy, University of Priština in Kosovska Mitrovica. Filipa Višnjića, Kosovska Mitrovica, 38220. E-mail: ivan.bascarevic@pr.ac.rs <https://orcid.org/0009-0006-8869-5135>

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

This study was supported by the Ministry of Science, Technological Development and Innovations of the Republic of Serbia (Contract No. 451-03-66/2024-03/200184).

УДК: 327(4-67EU:497.11-04)"2008/..."
Поступила в редакцию: 12.04.2024 г.
Принята к публикации: 08.08.2024 г.

Имманентная критика «Предложения ЕС» в контексте диалоге Белград – Приштина

 А. Семёнов, И. Башчаревич
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-5-98-100-119](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-5-98-100-119)

Приштинский университет

В статье проводится анализ взаимодействия представителей Белграда и Брюсселя в процессе принятия предложения ЕС (EU Proposal). Автор выделяет ряд факторов, приводящих к расхождению позиций Белграда и Брюсселя. Одной из ключевых проблем стала преждевременная передача полномочий от Миссии ООН в Косово (МООНК) к Европейскому союзу, вызванная неспособностью МООНК обеспечить защиту неалбанского населения Косово и провалом переговоров о статусе региона, что в итоге привело к одностороннему провозглашению независимости Косово. Несмотря на достигнутые технические соглашения, поддерживавшие регион на пути европейской интеграции, ЕС столкнулся с рядом кризисов, включая массовый выход косовских сербов из политических, судебных и полицейских структур, что осложнилось ситуацией, связанной с конфликтом на Украине. Эти факторы ускорили переход к неформальным соглашениям, не требующим законодательного одобрения и находящимся вне контроля избирателей. Основная цель предложения ЕС — ускорить процесс нормализации, однако его ключевое положение, обязывающее Сербию фактически признать независимость Косово, Белград рассматривает как пересечение «красной линии». Несмотря на отсутствие юридически обязывающей силы, ЕС располагает значительными рычагами давления, включая возможность введения экономических санкций, которые, однако, могут усилить антиевропейские настроения. В статье делается вывод, что стратегия ЕС, основанная на неформальных соглашениях и избегании прямой конфронтации, в перспективе может способствовать достижению результатов, но при этом усиливает политическую напряжённость как в Сербии, так и в Косово. Конечный результат применения данного подхода остаётся неопределённым и может иметь долгосрочные последствия для ЕС и стабильности в регионе Западных Балкан.

Ключевые слова: европейское предложение, франко-германское предложение, Охридское соглашение, Брюссельское соглашение, Вашингтонское соглашение, диалог Белград – Приштина, расширение ЕС, Сербия, Косово

Об авторах:

Андрей Семенов — доктор философии, доцент кафедры социологии философского факультета Приштинского университета в Косовска-Митровице. Филипа Вишница, Косовска-Митровица, 38220. E-mail: andrej.semenov@pr.ac.rs
<https://orcid.org/0000-0002-8493-7209>

Иван Башчаревич — доктор философии, доцент кафедры социологии философского факультета Приштинского университета в Косовска-Митровице. Филипа Вишница, Косовска-Митровица, 38220. E-mail: ivan.bascarevic@pr.ac.rs
<https://orcid.org/0009-0006-8869-5135>

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Это исследование было проведено при поддержке Министерства науки, технологического развития и инноваций Республики Сербия (контракт № 451-03-66/2024-03/200184).

References:

- Armakolas I. and Ker-Lindsay J. (eds.). 2020. *The Politics of Recognition and Engagement: EU Member State Relations with Kosovo*. Cham: Palgrave Macmillan. 245 p.
- Baracani E. 2020. Evaluating EU Actorness as a State-BUILDER in 'Contested' Kosovo. *Geopolitics* 25(2). P. 362–386. DOI: 10.1080/14650045.2018.1563890
- Bargués P., Dandashly A., Dijkstra H. and Noutcheva G. 2024. Engagement against All Odds? Navigating Member States' Contestation of EU Policy on Kosovo. *The International Spectator*. 59(1). P. 19–38. DOI: 10.1080/03932729.2023.2295893
- Beysoylu C. 2017. The European Union and Peace Implementation: The Case of Brussels Dialogue between Kosovo and Serbia. Armakolas I. (ed) *State-Building in Post-Independence Kosovo: Policy Challenges and Societal Considerations*. Pristina: Kosovo Foundation for Open Society. P. 189–213.
- Beysoylu C. 2020. Implementing Brussels Agreements: The EU's Facilitating Strategy and Contrasting Local Perceptions of Peace in Kosovo. Elbasani A. (ed) *International-Led Statebuilding and Local Resistance*. New York: Routledge. P. 55–70. DOI: 10.4324/9781003000730
- Bieber F. 2015. The Serbia – Kosovo Agreements: an EU Success Story? *Review of Central and East European Law*. 40(3–4). P. 285–319. DOI: 10.1163/15730352-04003008
- Blumi I. 2020. The Albanian Question Looms over the Balkans again. *Current History*. 119(815). P. 95–100. DOI: 10.1525/curh.2020.119.815.95
- Castaldo A. 2020. Back to Competitive Authoritarianism? Democratic Backsliding in Vučić's Serbia. *Europe-Asia Studies*. 72(10). P. 1617–1638. DOI: 10.1080/09668136.2020.1817860
- Chesterman S. 2002. Legality versus Legitimacy: Humanitarian Intervention, the Security Council, and the Rule of law. *Security Dialogue*. 33(3). P. 293–307. DOI: 10.1177/0967010602033003005
- Cirkovic E. 2010. An Analysis of the ICJ Advisory Opinion on Kosovo's Unilateral Declaration of Independence. *German Law Journal*. 11(7–8). P. 895–912. DOI: 10.1017/S2071832200018915
- Costamagna C.V. 2023. War in Ukraine as a Long-Term Effect of NATO Intervention against Yugoslavia? An overview. *Sociološki Pregled*. 57(2). P. 541–561. DOI: 10.5937/socpreg57-42985
- de Wet E. 2009. The Governance of Kosovo: Security Council Resolution 1244 and the Establishment and Functioning of Eulex. *American Journal of International Law*. 103(1). P. 83–96. DOI: 10.2307/20456723
- Economides S. and Ker-Lindsay J. 2015. 'Pre-Accession Europeanization': The Case of Serbia and Kosovo. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 53(5). P. 1027–1044.
- Hilpold P. 2009. The Kosovo Case and International Law: Looking for Applicable Theories. *Chinese Journal of International Law*. 8(1). P. 47–61. DOI: 10.1093/chinesejil/jmn042

Jovanovic S. 2023. The Evolution of Serbian Foreign Policy under Vucic: Navigating between the European Union and Russia. *Perspective Politice*. 16(1–2). P. 106–123. DOI: 10.25019/per-sp01/23.16.7

Lefteratos A. 2023. Contested Statehood, Complex Sovereignty and the European Union's Role in Kosovo. *European Security*. 32(2). P. 294–313. DOI: 10.1080/09662839.2022.2138350

Lika L. 2024. The Meaning of the Western Balkans Concept for the EU: Genuine Inclusion or Polite Exclusion? *Southeast European and Black Sea Studies*. 24(1). P. 63–78. DOI: 10.1080/14683857.2023.2170204

Osmani S. 2011. NATO's Credibility in the Kosovo War. *Sigma: Journal of Political Science and International Relations*. 28(7). URL: <https://scholarsarchive.byu.edu/sigma/vol28/iss1/7/>

Proroković D. 2022. The Partition of Kosovo and Metohija: Reality or Delusion? *Vojno delo*. 74(2). P. 55–74. DOI: 10.5937/vojdelo2202055P

Proroković D. and Entina E. 2023. Open Balkan: A New International Organization or an Unsustainable Initiative? *International Organisations Research Journal*. 18(2). P. 106–121. DOI: 10.17323/1996-7845-2023-02-06.

Radeljić B. and Đorđević V. 2020. Clientelism and the Abuse of Power in the Western Balkans. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 22(5). P. 597–612. DOI: 10.1080/19448953.2020.1799299

Radeljić B. and Özşahin M.C. 2023. The Inefficiency of EU leverage in Serbia during the Russia-Ukraine War. *Southeast European and Black Sea Studies*. 23(4). P. 697–716. DOI: 10.1080/14683857.2023.2255029

Reis L. 2022. From a Protectorate to a Member State of the European Union: Assessing the EU's Role in Kosovo. Costa B.F. (ed.) *Challenges and Barriers to the European Union Expansion to the Balkan Region*. IGI Global. P. 278–296. DOI: 10.4018/978-1-7998-9055-3.ch015

Romashov Yu.S., Ostroukhov N.V. 2018. Pravovaya priroda ustnykh mezhdunarodnykh dogovorov [The Legal Nature of Oral International Treaties]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. №4. P. 254–269. DOI: 10.17323/2072-8166.2018.4.254.269. (In Russian)

Semenov A. 2022a. Legal and Political Contradictions in Kosovo: Limits of the Brussels Agreement. *SAGE Open*. 12(4). P. 1–10. DOI: 10.1177/21582440221143307

Semenov A. 2022b. An Analysis of Aleksandar Vučić's 2019 National Assembly Speech. *Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*. 30(2). P. 259–272. DOI: 10.1080/25739638.2022.2092260

Surlić S. 2017. Constitutional Design and Cultural Cleavage: UNESCO and the Struggle for Cultural Heritage in Kosovo. *Politička misao*. 54(4). P. 109–125. URL: <https://hrcak.srce.hr/file/280573>

Tadić K. and Elbasani A. 2020. State-Building and Patronage Networks: How Political Parties Embezzled the Bureaucracy in Post-War Kosovo. Elbasani A (ed.) *International-Led Statebuilding and Local Resistance*. New York: Routledge. P. 37–54.

Tota E. and Culaj G. 2023. Open Balkan Initiative: a Contested Issue in the EU Membership Perspective. *Journal of Liberty and International Affairs*. 9(1). P. 312–324. DOI: 10.47305/JLIA2391318t

Tricot R. and Sander B. 2011. The Broader Consequences of the International Court of Justice's Advisory Opinion on the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo. *Columbia Journal of Transnational Law*. 49(2). P. 321–363. URL: <https://ssrn.com/abstract=1841803>

Trošić S.J. and Arnaudov M. 2023. Open Balkans-Between Economic Opportunities and Political Reality. In *Proceedings of the International Scientific Conference Social Changes in the Global World*. 2(10). P. 511–520. DOI: 10.46763/SCGW232511jt

Tziampiris A. 2005. Kosovo's Future Sovereignty: A Role for the European Union. *Southeast European and Black Sea Studies*. 5(2). P. 285–299. DOI: 10.1080/14683850500122950

Wheeler N.J. 2000. Reflections on the Legality and Legitimacy of NATO's Intervention in Kosovo. *The International Journal of Human Rights*. 4(3–4). P. 144–163. DOI: 10.1080/13642980008406897

Yannis A. 2004. The UN as Government in Kosovo. *Global governance*. №10. P. 67–81. DOI: 10.1163/19426720-01001007

Список литературы на русском языке:

Ромашев Ю.С., Остроухов Н.В. 2018. Правовая природа устных международных договоров. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. №4. P. 254–269. DOI: 10.17323/2072-8166.2018.4.254.269

Капитал китайской диаспоры в глобальной экономике

А.В. Афонасьева

Институт Китая и современной Азии РАН

Статья посвящена проблеме оценки капитала китайской диаспоры (зарубежных китайцев) в мире. Цель статьи – оценить объём этого капитала в абсолютном выражении и определить его способность влиять на экономическое развитие отдельных стран и регионов мира, в том числе на экономику КНР. Автор поставил задачи собрать и обобщить все доступные оценки капитала китайской диаспоры, которые проводились учёными в период с 1949 г. и позднее; изучить имеющиеся методики оценки и на их основе выработать собственные предложения по оценке капитала китайской диаспоры в 2015–2023 гг.; на основе авторских расчётов составить карты распределения этого капитала по странам и регионам мира в абсолютных цифрах и в процентном отношении к ВВП отдельных стран и регионов; выявить основные отрасли предпринимательской деятельности и определить степень влияния китайской диаспоры на отраслевых рынках отдельных стран и регионов; сравнить доли капитала китайской диаспоры и накопленных прямых зарубежных инвестиций КНР в ВВП принимающих стран и регионов мира. Работа основана на данных китайской и международной статистики. Расчёт капитала китайской диаспоры в 2015–2023 гг. и его географическое распределение базируется на данных о рыночной капитализации и стоимости крупных предприятий зарубежных китайцев. Для проведения расчётов автор определяет восемь стран и регионов с высокой степенью бизнес-активности зарубежных китайцев (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины, США, Гонконг и Фиджи), процентное соотношение крупного бизнеса и СМП (средних и малых предприятий) зарубежных китайцев в этих восьми и во всех остальных странах и регионах, а также учитывает условие, что 75% капитала китайской диаспоры приходится на указанные восемь стран и регионов с высокой степенью бизнес-активности китайской диаспоры. Для качественной оценки капитала китайской диаспоры использован метод сравнительного анализа. В настоящее время капитал китайской диаспоры оценивается автором минимум в 5 трлн долл. (без учёта активов предприятий Гонконга, Макао и Тайваня, не имеющих отношения к китайской диаспоре). Он размещён на пяти континентах, способен заметно влиять на экономику более чем 50 стран мира, включая КНР, и является существенным дополнительным финансовым ресурсом КНР за рубежом, особенно в странах, где КНР не имеет возможности напрямую реализовывать свои экономические проекты.

УДК 330.142:316.347-054.6(510)
Поступила в редакцию: 08.02.2024
Принята к публикации: 11.05.2024

Ключевые слова: китайская диаспора (зарубежные китайцы, *хуацяо-хуажэнь*), капитал китайской диаспоры, прямые зарубежные инвестиции, КНР, ВВП

Успехи экономического развития КНР в период реформ и открытости (с 1978 г.) привлекают внимание широкого круга исследователей. Многие из них считают одним из важнейших условий этих успехов наличие у КНР тесных связей с китайской диаспорой, насчитывающей, по авторским оценкам, 50–80 млн чел. в 187 странах и регионах мира, обладающей значительными финансовыми ресурсами и готовностью вкладывать их в экономику исторической родины.

В китайском языке отсутствует сам термин «диаспора». Распространённым аналогом термина китайская диаспора в китайской научной литературе является термин «*хуацяо-хуажэнь*» 华侨华人 (китайские эмигранты с гражданством КНР и этнические китайцы с иностранным гражданством). По своей сути термин «*хуацяо-хуажэнь*» в полной мере подпадает под современное определение диаспоры как «части народа (этноса), проживающего вне страны своего происхождения, образующего сплочённые и устойчивые этнические группы в стране проживания, и имеющего социальные институты для поддержания и развития своей идентичности и общности»¹. Социальными институтами, обеспечивающими сплочённость и поддерживающими идентичность и общность *хуацяо-хуажэнь*, являются их многочисленные и многопрофильные сообщества и ассоциации в странах пребывания, которых в 2022 г. насчитывалось 6075 единиц². В российской научной литературе устоявшимся аналогом термина «китайская диаспора» является термин «зарубежные китайцы». В данной статье под китайской диаспорой автор имеет в виду китайских эмигрантов с гражданством КНР (*хуацяо* 华侨) и этнических китайцев с иностранным гражданством (*хуажэнь* 华人) в совокупности. При этом термины «китайская диаспора», «зарубежные китайцы» и их китайский аналог «*хуацяо-хуажэнь*» используются в статье как синонимы.

Научные труды зарубежных и отечественных исследователей подтверждают существование реальной тесной связи между капиталом китайской диаспоры и материковым Китаем. Эта связь проявляется в виде прямых инвестиций *хуацяо-хуажэнь* в КНР в открытие новых производств, помощи в развитии социальной и транспортной инфраструктуры территорий, относящихся к малой

¹ О диаспоре. Институт востоковедения РАН. Лаборатория по изучению российской диаспоры в странах Востока. URL: <https://diaspora.ivran.ru/o-diaspore> (дата обращения: 19.09.2024).

² 中華民國110年僑務統計年報 [Статистический ежегодник Китайской республики по делам эмигрантов – 2022]. Тайбэй. 2022. С. 14–15.

родине зарубежных китайцев (пров. Гуандун, Фуцзянь, Хайнань, Чжэцзян, Гуанси-Чжуанский АР и другие), всесторонней поддержки выхода национальных китайских предприятий на зарубежные рынки. В разные годы об этом говорили китайские исследователи И. Чжан (Zhang 2019), Х. Ван и Ж. Кан (Wang, Kang 2018), Л. Чао (Chao 2018), Д. Лун и С. Чжан (Long, Zhang 2014), Г. Жэнь (Ren 2009), Ч. Тань (Tan 2007; 2013); западные эксперты Р. Купер (Cooper 2018), Г. Хали (Haley et al. 2009), К. Браун (Brown 2008), Р. Скелдон (Skeldon 2007); отечественные учёные А. Ларин (Ларин 2008; 2022), Г. Степанова (Степанова 2005), Т. Котова (Котова 1983), А. Андреев (Андреев 1973), Е. Анохина (Анохина 2012) и другие, включая автора данной статьи (Афонасьева 2013).

Цель нашего исследования – оценить капитал³ китайской диаспоры в мире. Её достижение позволит определить способность китайской диаспоры влиять на экономическое развитие отдельных стран и регионов мира, в том числе на экономику КНР, включая процессы внутри страны и усиление её позиций в мире. Основная гипотеза исследования – китайская диаспора имеет прочные экономические позиции в десятках стран и регионов мира, она обладала и обладает значительными ресурсами содействовать экономическому развитию КНР и реализации её экономических проектов за рубежом. Работа основана на большом объёме данных китайской и международной статистики, обработанных автором с применением метода сравнительного анализа.

Краткая историография вопроса

Оценку капитала китайской диаспоры в разные годы проводило сравнительно небольшое число исследователей из КНР, а также японских и американских учёных китайского происхождения (см. табл. 1). Китайским учёным К. Цзя и Т. Юй (Jia, Yu 1995: 325) удалось собрать данные нескольких исследователей о капитале китайской диаспоры в мире на конец 1960-х и вторую половину 1980-х гг. и в ЮВА (1950-е – 1970-е гг.); Г. Чжуан и его коллеги (Zhuang et al. 2011: 1, 8) собрали данные о капитале китайской диаспоры в ЮВА в 1950-е – 1990-е гг. и рассчитали капитал диаспоры в мире в 2000-е гг. Абсолютное большинство оценок капитала приводится по Юго-Восточной Азии (ЮВА). Мы дополнили эти данные расчётными цифрами по капиталу китайской диаспоры в мире в целом, исходя из предлагаемого Чжуан Готу и другими китайскими учёными условия, что капитал зарубежных китайцев в ЮВА составляет 75% капитала китайской диаспоры в мире (Zhuang et al. 2011: 3).

³ Капитал – это любой ресурс способный приносить прибыль (деньги, ценные бумаги, заёмные средства, оборудование, технологии, сырьё, товарные знаки, идеи, концепции и т. д.).

Таблица 1. Сводные данные по оценкам капитала китайской диаспоры в мире в 1950-е – 2000-е гг.

Table 1. Summary data on estimates of the Overseas Chinese Capital in the world in the 1950s – 2000s.

Годы	Капитал китайской диаспоры, млрд долл. ⁴		Источник/автор
	в ЮВА	в мире	
1950-е	2,93	3,91	Uchida Naosaku (Утида Наосаку) японский учёный
	2,97	3,96	Yu Chung-hsun (Юй Чжунсюнь) японский учёный тайваньского происхождения
1960-е	3,32	4,43	«Цзинцзи даобао» (Сянган) «Экономическая газета» (Гонконг)
	3,53	4,00*	Yu Chung-hsun (Юй Чжунсюнь)
1970-е	16,60	22,30	Wu Yuanli (У Юаньли) американский учёный китайского происхождения
1978–1979	50,00–60,00	66,70–80,00	«Нихон кэйдзай симбун» («Японские экономические новости») газета в Японии
			Еженедельник «Таймс» (США)
первая половина 1980-х	60,00	80,00	Yu Chung-hsun (Юй Чжунсюнь) японский учёный тайваньского происхождения
	–	94,82	Chen Huaidong (Чэнь Хуайдун) тайваньский учёный
вторая половина 1980-х	100,00	133,33	Guo Liang (Го Лян) китайский учёный
1990-е	300,00	400,00	Asiaweek (Азиатский еженедельник) гонконгский еженедельный журнал
	–	1500,00–2000,00* (или 300,00–500,00, если не учитывать капитал предприятий Гонконга и Тайваня).	The Economist, Volume 324, Issue 7768, 1992 («Экономист», Т.3 24, Вып. 7768, 1992) британский журнал (оценка с учётом капитала предприятий Гонконга и Тайваня)
2000-е	1500,00	2050,00*	Zhuang Guotu, Huang Xinhua, Wang Yan (Чжуан Готу, Хуан Синьхуа, Ван Янь) китайские учёные

Примечание: данные по капиталу китайской диаспоры в мире, отмеченные знаком «*» принадлежат авторам или источникам, указанным в колонке «Источник/автор». Остальные данные по капиталу зарубежных китайцев в мире рассчитаны нами по указанному выше условию, что капитал зарубежных китайцев в ЮВА – это 75% капитала зарубежных китайцев в мире.

Источник: составлено и рассчитано автором по: Jia Kang, Yu Tianxin 1995: 325–326; Zhuang Guotu et al. 2010: 1, 3, 7, 8.

⁴ Здесь и далее в тексте речь идёт о долларах США.

Весьма существенный разброс указанных в табл. 1 оценок связан с разнотипностью исходных данных, используемых авторами для расчёта капитала зарубежных китайцев. В частности, британский журнал *The Economist* в 1992 г. оценивал капитал китайской диаспоры по объёму ликвидных активов (liquid assets)⁵ принадлежащих им компаний. При этом оценка в 1,5–2 трлн долл. включает ликвидные активы компаний Гонконга и Тайваня (*The Economist* 1992), за их вычетом она составляет 300–500 млрд долл. Расчёты Чжуан Готу и его коллег в 2000-е гг. базировались на данных по общим активам (total assets, 总资产)⁶ крупных предприятий китайской диаспоры в пяти наиболее развитых странах ЮВА: (Индонезии, Малайзии, Сингапуре, Таиланде, Филиппинах). Эти предприятия отбирались по принципу наличия аффилиации с китайской диаспорой из числа компаний, входивших в 2007–2009 гг. в Глобальный рейтинг 1000 [этнических] китайских предпринимателей⁷. В процессе оценки капитала китайской диаспоры в мире эта группа учёных руководствовалась следующими принципами и условиями:

1) в странах с высокой степенью экономической активности зарубежных китайцев (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины) на средний и малый бизнес приходится 30–50% капитала всей китайской диаспоры;

2) в остальных странах и регионах средний и малый бизнес является основным для деловых кругов китайской диаспоры, на него приходится 50–100% капитала зарубежных китайцев;

3) при отсутствии данных о числе средних и малых предприятий зарубежных китайцев в конкретной стране капитал китайской диаспоры рассчитывается исходя из численности зарубежных китайцев в данной стране и среднедушевого объёма капитала китайской диаспоры в мире. Китайские учёные условились принять среднедушевой объём капитала зарубежных китайцев в ЮВА за среднедушевой объём капитала зарубежных китайцев в мире в целом, так как в ЮВА проживает около 75% всех зарубежных китайцев в мире, то есть данный показатель не является завышенным (Zhuang et al. 2011: 6–8).

Исходя из первых двух условий, Чжуан Готу и его коллеги оценили капитал китайской диаспоры в ЮВА примерно в 1,5 трлн долл. (Zhuang et al. 2011: 7). К остальным странам и регионам было применено третье условие, по нему оценка капитала составила 550 млрд долл. Таким образом, общий объём капитала китайской диаспоры в мире был оценен в 2,05 трлн долл. без учёта капитала компаний Гонконга и Тайваня (Zhuang et al. 2011: 8).

⁵ Ликвидные активы (liquid assets) – финансовые ресурсы, которые можно быстро конвертировать в наличные деньги без значительной потери в стоимости (наличные деньги, сберегательные счета, краткосрочные облигации, фонды денежного рынка).

⁶ Общие активы (total assets) – это суммарная стоимость всех активов, находящихся в собственности компании или организации (денежных средств, запасов, долгосрочных инвестиций, недвижимости, оборудования и других активов).

⁷ Top 1000 Global [Ethnic] Chinese Entrepreneurs in 2007–2009 [全球华商1000排行榜 2007–2009]. Asiaweek [亚洲周刊]. URL: http://www.yzzk.com/htm/events/2009_1000/content.php?Heading=101 (accessed 17.09.2024) (In Chinese).

Оценка капитала китайской диаспоры: корректировка методики, расчёт, сравнение с ВВП КНР

В 2022–2023 гг. мы модифицировали методику Чжуана Готу и его коллег по оценке капитала китайской диаспоры, приняв следующие условия:

1) за основу для расчётов были взяты данные по рыночной капитализации (market capitalization)⁸ и стоимости крупных предприятий (enterprise value)⁹ зарубежных китайцев. Основными критериями для выбора этих мультипликаторов стали:

- возможность обеспечить максимальную репрезентативность данных, так как практически по всем компаниям зарубежных китайцев, разместившим акции на любой фондовой бирже (более 300 единиц), указаны данные по рыночной капитализации и стоимости предприятий, тогда как данные по ликвидным или общим активам не всегда имеются в открытом доступе;
- стремление исключить переоценку капитала китайской диаспоры. Так как, согласно Глобальному рейтингу 1000 [этнических] китайских предпринимателей за 2009–2019 гг.¹⁰, сумма рыночной капитализации в среднем была в 1,5–3,5 раза ниже суммы общих активов зарубежных китайских компаний (хотя у некоторых отдельно взятых предприятий общие активы в денежном выражении были значительно ниже рыночной капитализации).

Рыночная капитализация и стоимость предприятий не являются полными эквивалентами капитала компаний. Однако, учитывая вышеизложенные критерии (возможность обеспечить максимальную репрезентативность и исключить переоценку данных), эти мультипликаторы могут использоваться для косвенной оценки минимального объёма капитала крупных компаний зарубежных китайцев. По каждому из них мы провели оценку отдельно. Результаты представлены в табл. 2 в виде диапазона значений совокупной рыночной капитализации (MC_i) и стоимости предприятий (EV_i) зарубежных китайцев в отдельных странах и регионах мира, и суммарно по всем указанным 22 странам и регионам (MC_{sum} и EV_{sum} соответственно).

⁸ Рыночная капитализация (market capitalization) – текущая рыночная стоимость всех акций компании.

⁹ Стоимость предприятия (enterprise value) – мультипликатор, отражающий реальную стоимость компании с учётом всех источников её финансирования (долговых обязательств, привилегированных акций, доли меньшинства, обыкновенных акций компании) за вычетом стоимости инвестиций в ассоциированные компании, денежных средств и их эквивалентов, которыми может быть погашен общий долг предприятия.

¹⁰ Top 1000 Global [Ethnic] Chinese Entrepreneurs in 2009–2019 [全球华商1000排行榜 2009–2019]. Asiaweek [亚洲周刊]. URL: https://www.yzzk.com/htm/events/2019_1000/htm/content.php?Heading=101 (accessed 17.09.2024) (In Chinese).

Таблица 2. Совокупная рыночная капитализация и стоимость крупных предприятий зарубежных китайцев в 2015–2023 гг., млн долл.

Table 2. Total Market Capitalization and Enterprise Value of Large-Scale Overseas Chinese Companies in 2015–2023, million US dollars

Страна/регион	Рыночная капитализация (MC _t)	Стоимость предприятий (EV _t)
Азия	1419432,96	1463638,84
Индонезия	179535,26	180021,45
Сингапур	225217,24	232952,1
Таиланд	630420,66	672110,38
Филиппины	83176,03	85042,3
Малайзия	129817,03	155103,85
Гонконг (Китай)	75482,34	43620
Индия	13258,88	12842,14
Япония	82525,52	81946,62
Европа	96926,7	112729,43
Велико-британия	50979,78	67985,42
Германия	6520,52	6349,81
Дания	6520,52	6349,81
Испания	13192,68	12847,29
Италия	6520,52	6349,81
Франция	13192,68	12847,29
Америка	1314895,41	1244089,6
Бразилия	13192,68	12847,29
Канада	6520,52	6349,81
США	1295182,21	1224892,5
Океания	29776,99	30404,7
Австралия	16761,04	17829,62
Новая Зеландия	6495,43	6225,27
Фиджи	6520,52	6349,81
Африка	13041,04	12699,62
Нигерия	6520,52	6349,81
ЮАР	6520,52	6349,81
Всего в 22 странах и регионах	2874073,1 (MC_{tsum})	2863562,19 (EV_{tsum})

Источник: составлено и рассчитано автором по: Kang Rongping et al., 2009: 189–218; Top 1000 Global [Ethnic] Chinese Entrepreneurs in 2007–2019 [全球华商1000排行榜 2007–2019]. Asiaweek [亚洲周刊]. URL: https://www.yzzk.com/htm/events/2019_1000/htm/content.php?StartRow=1&Heading=101 (accessed 17.09.2024) (In Chinese); Web Service for Global Investors “GuruFocus”. URL: <https://www.gurufocus.com> (accessed 17.09.2024); Global Financial Portal “Investing.com”. URL: <https://www.investing.com> (accessed 17.09.2024).

2) странами и регионами с высокой степенью активности автор, в отличие от китайских учёных, считает не только пять стран ЮВА (Индонезию, Малайзию, Сингапур, Таиланд, Филиппины), но и США, Гонконг и Фиджи. Эта гипотеза вытекает из результатов ранее проведённого им исследования по крупному бизнесу зарубежных китайцев, согласно которому эти восемь стран и регионов являются зонами сильного экономического влияния крупного зарубежного китайского капитала (Афонасьева 2023: 37–38);

3) автор руководствуется условием Чжуана Готу и его коллег о том, что в странах и регионах с высокой степенью бизнес-активности зарубежных китайцев на средний и малый бизнес приходится 30–50% всего капитала китайской диаспоры, а во всех остальных странах – 50–100% (Zhuang et al. 2011: 6). Однако, во избежание переоценки капитала, в обоих случаях он использует минимальную границу этих диапазонов;

4) утверждение о том, что 75% всего бизнеса зарубежных китайцев сосредоточено в ЮВА, автор считает актуальным на конец 1990-х – начало 2000-х гг. В этот временной период Чжуан Готу и его коллеги проводили своё исследование. До азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. действительно абсолютное большинство хуацяо-хуажэнь вели бизнес в пяти вышеназванных странах ЮВА. Азиатский финансовый кризис стал отправной точкой в расширении географии размещения капитала китайской диаспоры, прежде всего крупного капитала. О смещении бизнес-интересов зарубежных китайцев в сторону Америки (преимущественно в США), свидетельствует рост числа сообществ зарубежных китайцев в Америке на фоне сокращения их числа в Азии. В первый год после Азиатского финансового кризиса (1999 г.) на страны Азии приходилось 60% всех сообществ зарубежных китайцев в мире (21,3% и 13,8% – на Малайзию и Филиппины соответственно), а на страны Америки – 30,2% (16,9% – на США). В 2001 г. в Азии располагалось только 20,7% этих сообществ (3,4% и 8% соответственно в Малайзии и на Филиппинах), тогда как в Америке доля сообществ зарубежных китайцев выросла до 65,6% (в США – до 52,8%)¹¹. К концу 2010-х – началу 2020-х гг. констатируется усиление бизнес активности хуацяо-хуажэнь в США и на Фиджи. Нельзя забывать и Гонконг, где находится немало предприятий зарубежных китайцев (Афонасьева 2023: 37–38). Таким образом, в настоящее время актуальным является условие, что 75% капитала китайской диаспоры приходится на восемь стран и регионов – это пять стран ЮВА (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины), США, Гонконг и Фиджи.

Используя данные табл. 2, второе и третье (первая часть) наши условия, рассчитаем капитал китайской диаспоры в каждой из восьми стран и регионов (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины, США, Гонконг, Фиджи) с высокой степенью бизнес-активности зарубежных китайцев (C_{t8}):

$$C_{t8} = \frac{MC_t \cdot 30\%}{70\%} + MC_t$$

или

$$C_{t8} = \frac{EV_t \cdot 30\%}{70\%} + EV_t$$

(1)

¹¹ Рассчитано автором по: 中華民國89年僑務統計年報 [Статистический ежегодник Китайской республики по делам эмигрантов – 2000]. Тайбэй. 2000. С 11; 中華民國94年僑務統計年報 [Статистический ежегодник Китайской республики по делам эмигрантов – 2005]. Тайбэй. 2005. С. 15.

где MC_t и EV_t – соответственно совокупные данные по рыночной капитализации и стоимости крупных предприятий в указанных восьми странах и регионах (см. табл. 2). Результаты расчётов представлены в табл. 3.

Таблица 3. Капитал китайской диаспоры в странах и регионах с высокой бизнес-активностью зарубежных китайцев в 2015–2023 гг., млн долл.

Table 3. Capital of the Chinese diaspora in countries and regions with high business activity of overseas Chinese in 2015–2023, million dollars.

Страна/регион	Капитал китайской диаспоры (C_{t8})	
	из расчёта по MC_t	из расчёта по EV_t
Индонезия	256478,94	257173,50
Сингапур	321738,91	332788,71
Таиланд	900600,94	960157,69
Филиппины	118822,90	121489,00
Малайзия	185452,90	221576,93
США	1850260,30	1749846,43
Гонконг	107831,91	62314,29
Фиджи	9315,03	9071,16
Всего (C_{t8sum})	3750501,84	3714417,70

Источник: рассчитано автором по данным табл. 2 и формуле (1).

Тогда капитал китайской диаспоры в этих восьми странах и регионах (C_{t8sum}) рассчитывается по формуле:

$$C_{t8sum} = \sum_{i=1}^8 \left(\frac{MC_t \cdot 30\%}{70\%} + MC_t \right)_i$$

или

$$C_{t8sum} = \sum_{i=1}^8 \left(\frac{EV_t \cdot 30\%}{70\%} + EV_t \right)_i$$

(2)

Согласно выдвинутому нами четвёртому условию, C_{t8sum} составляет 75% капитала зарубежных китайцев в мире. Следовательно, общий объём капитала китайской диаспоры в мире (C_t) рассчитывается по формуле:

$$C_t = \frac{\left(\sum_{i=1}^8 \left(\frac{MC_t \cdot 30\%}{70\%} + MC_t \right)_i \right) \cdot 100\%}{75\%}$$

или

$$C_t = \frac{\left(\sum_{i=1}^8 \left(\frac{EV_t \cdot 30\%}{70\%} + EV_t \right)_i \right) \cdot 100\%}{75\%}$$

(3)

Таким образом, $C_t = 5000669,12$ или 4952556,93 млн долл. То есть капитал китайской диаспоры в 2015–2023 гг. составлял примерно 5 трлн долл. Эти данные не учитывают капитал компаний Тайваня и Гонконга, не имеющих отношения к *хуацяо-хуажэнь*.

Дополним табл. 1 нашими расчётными данными по капиталу китайской диаспоры в мире в 2015–2023 гг. и рассмотрим их в сравнении со среднегодовым показателем ВВП КНР в соответствующих временных периодах (см. табл. 4).

Таблица 4. Капитал китайской диаспоры в мире в сравнении с ВВП КНР в 1950-е – 2020-е гг.

Table 4. Overseas Chinese capital in the world in comparison with China's GDP in 1950s – 2020s

Период	Среднегодовой показатель ВВП КНР	Капитал зарубежных китайцев в мире	
	млрд долл.*	млрд долл.	в сравнении с ВВП КНР, %
1950-е	37,68	3,91–3,96	10,38–10,51
1960-е	63,09	4,0–4,43	6,34–7,02
1970-е	152,01	22,3	14,67
1978–1979	234,28	66,7–80,0	28,47–34,15
1980–1984	295,46	80,0–94,8	27,08–32,09
1985–1989	354,44	133,33	37,62
1990-е	687,78	300,0–500,0**	43,62–72,7
2000-е	2552,89	2050,0	80,3
2015–2023	14569,39	5000,0	34,32

Примечание: * Среднегодовой показатель ВВП КНР рассчитан автором на основе официальных данных Государственного статистического управления КНР (ГСУ КНР) по номинальному ВВП в китайских юанях с перерасчётом на долл. США по официальному среднегодовому внутреннему курсу валют в КНР; ** из табл. 1 мы взяли цифры без учёта капитала компаний Гонконга и Тайваня.

Источники: составлено и рассчитано автором по: данные табл. 1; Jia Kang, Yu Tianxin 1995: 325; Zhuang Guotu et al. 2010: 8; Zhongguo tongji nianjian 1999 [China Statistical Yearbook 1999]. Tables 3–1; 17–2. URL: <http://www.stats.gov.cn/yearbook/indexC.htm> (accessed: 16.04.2024); Zhongguo tongji nianjian 2012 [China Statistical Yearbook 2012]. Table 2–1; 6–2. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2012/indexch.htm> (accessed 17.09.2024); Zhongguo tongji nianjian 2023 [China Statistical Yearbook 2023]. Tables 3–1; 18–9. URL: <http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexch.htm> (accessed 17.09.2024); Zhongguo linian GDP shuju 1949–2010 [China's GDP data over the years 1949–2010]. URL: <https://doc.wendoc.com/bc2ab886c69ababc179ed132d.html> (accessed 17.09.2024); The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed 17.09.2024); Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2023 National Economic and Social Development. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202402/t20240228_1947918.html (accessed 17.09.2024).

Полученная нами оценка капитала китайской диаспоры в 2015–2023 гг. в абсолютных цифрах (5 трлн долл.) существенно превышает все ранее сделанные другими исследователями оценки. Однако в относительных цифрах к среднегодовому показателю ВВП КНР она сопоставима с оценками 1978–1979 гг., 1980–1984 гг. и 1985–1989 гг. (см. табл. 4) и практически не выбивается из общей динамики относительных значений (за исключением периодов 1990-х и 2000-х гг.), то есть наша оценка не является завышенной.

С другой стороны, если учитывать относительные оценки периодов 1990-х и 2000-х гг., то наша оценка прерывает наметившуюся с 1970-х гг. тенденцию роста относительных значений капитала китайской диаспоры в сравнении со среднегодовыми показателями ВВП КНР. То есть нельзя исключить, что полученная нами оценка является заниженной (минимальной).

С началом политики реформ и открытости в КНР (1978 г.) китайская диаспора получила беспрецедентные возможности от своей исторической родины в виде льгот и преференций для бизнеса (Ларин 2022: 77) и за счёт этого смогла довольно быстро и существенно нарастить свой капитал: в абсолютном выражении с 66,7–80 млрд в 1978–1979 гг. до 2,05 трлн долл. в 2000-е гг., в относительных цифрах в сравнении со среднегодовыми показателями ВВП КНР с 28,47–34,15% до 80,3% за аналогичный период. В 2015–2023 гг. в абсолютных цифрах капитал китайской диаспоры вырос до 5 трлн долл., а в относительных – сократился до 34,32% (см. табл. 4). Это сокращение объясняется более быстрыми темпами роста ВВП КНР относительно темпов роста капитала китайской диаспоры в мире в 2010-е – 2020-е. То есть в период 1978–2000-х гг. КНР помогла существенно обогатиться своей диаспоре за рубежом, а с 2010-х гг. стала стремительно обогащаться сама, в том числе за счёт ресурсов зарубежных китайцев, при содействии которых реализовывала стратегию «выхода за рубеж», а затем проекты в рамках своей инициативы «Один пояс, один путь». Однако, учитывая тот факт, что китайская диаспора активно участвует в проектах «Одного пояса, одного пути»¹², о чём неоднократно заявляли сами представители деловых кругов диаспоры, возможностей для наращивания капитала, учитывая масштаб инициативы, у неё значительно больше, чем в 2000-е гг. Таким образом, наша оценка в 5 трлн долл. является минимально допустимой, но показательной цифрой, позволяющей составить представление о финансовых возможностях китайской диаспоры.

¹² По состоянию на 2022 г. в мире насчитывалось 265 сообществ (ассоциаций) зарубежных китайцев, официально подтвердивших своё участие в китайской инициативе «Один пояс, один путь», из них 47 зарегистрированы в странах и регионах, которые не присоединились к данной инициативе (США, Канада, Великобритания, Япония, Индия, Австралия и другие).

Географическое распределение капитала китайской диаспоры

Далее выясним, как распределяется полученная сумма капитала зарубежных китайцев ($C_t = 5000669,12$ или $4952556,93$ млн долл.) по странам и регионам мира.

Для каждой из восьми стран и регионов с высокой степенью бизнес-активности *хуацяо-хуажэнь* мы уже посчитали объём этого капитала (см. табл. 3).

Таким образом, в нашем списке из 22 стран и регионов, где имеются крупные предприятия зарубежных китайцев, осталось 14 стран (Австралия, Бразилия, Великобритания, Германия, Дания, Индия, Испания, Италия, Канада, Нигерия, Новая Зеландия, Франция, ЮАР, Япония), для которых пока не рассчитан объём этого капитала. Рассчитаем капитал китайской диаспоры в этих странах на основе данных табл. 2, руководствуясь второй частью третьего выдвинутого нами условия, что в странах, не отличающихся высокой степенью бизнес-активности *хуацяо-хуажэнь*, средний и малый бизнес зарубежных китайцев составляет 50% всего бизнеса китайской диаспоры.

Тогда объём капитала китайской диаспоры в каждой из этих 14 стран (C_{t14}) будет рассчитан по формуле:

$$C_{t14} = MC_t \cdot 2$$

или

$$C_{t14} = EV_t \cdot 2$$
(4)

где MC_t и EV_t – соответственно данные по совокупной рыночной капитализации и стоимости крупных предприятий зарубежных китайцев в каждой из рассматриваемых 14 стран, не отличающихся высокой бизнес-активностью китайской диаспоры (см. табл. 2). Результаты расчётов указаны в табл. 5.

Таблица 5. Капитал китайской диаспоры в 14 странах, не отличающихся высокой бизнес-активностью зарубежных китайцев, млн долл.

Table 5. Capital of the Chinese diaspora in 14 countries that are not characterized by high business activity of Overseas Chinese, million dollars.

Страна/регион	Капитал китайской диаспоры (C_{t14})	
	из расчёта по MC_t	из расчёта по EV_t
Индия	26517,76	25684,28
Япония	165051,04	163893,24
Великобритания	101959,56	135970,84
Германия	13041,04	12699,62
Дания	13041,04	12699,62
Испания	26385,36	25694,58
Италия	13041,04	12699,62
Франция	26385,36	25694,58
Бразилия	26385,36	25694,58
Канада	13041,04	12699,62

Страна/регион	Капитал китайской диаспоры (C_{t14})	
	из расчёта по MC_t	из расчёта по EV_t
Австралия	33522,08	35659,24
Новая Зеландия	12990,86	12450,54
Нигерия	13041,04	12699,62
ЮАР	13041,04	12699,62
Всего (C_{t14sum})	497443,62	526939,60

Рассчитано автором по данным табл. 2 и формуле (4).

Тогда суммарный капитал китайской диаспоры в этих 14 странах (C_{t14sum}) рассчитывается по формуле:

$$C_{t14sum} = \sum_{i=1}^{14} (MC_t \cdot 2)_i$$

или

$$C_{t14sum} = \sum_{i=1}^{14} (EV_t \cdot 2)_i \tag{5}$$

Для каждой из 22 стран и регионов, где имеются крупные предприятия зарубежных китайцев, мы определили объём капитала китайской диаспоры (см. табл. 3, табл. 5). Далее рассчитаем остаток капитала китайской диаспоры, приходящийся на другие страны и регионы, по которым нет данных о крупных предприятиях китайской диаспоры, но имеются данные о численности зарубежных китайцев. Автору известно о 165 таких странах и регионах (см. табл. 6).

Обозначим остаток капитала китайской диаспоры, который приходится на эти 165 стран и регионов как $C_{t165sum}$, тогда:

$$C_{t165sum} = \frac{\left(\sum_{i=1}^8 \left(\frac{MC_t \cdot 30\%}{70\%} + MC_t\right)_i\right) \cdot 100\%}{75\%} - \left(\sum_{i=1}^8 \left(\frac{MC_t \cdot 30\%}{70\%} + MC_t\right)_i + \sum_{i=1}^{14} (MC_t \cdot 2)_i\right)$$

или

$$C_{t165sum} = \frac{\left(\sum_{i=1}^8 \left(\frac{EV_t \cdot 30\%}{70\%} + EV_t\right)_i\right) \cdot 100\%}{75\%} - \left(\sum_{i=1}^8 \left(\frac{EV_t \cdot 30\%}{70\%} + EV_t\right)_i + \sum_{i=1}^{14} (EV_t \cdot 2)_i\right) \tag{6}$$

альтернативный вариант этой формулы

$$C_{t165sum} = C_t - (C_{t8sum} + C_{t14sum})$$

где C_{t8sum} – это сумма капитала китайской диаспоры в восьми странах и регионах с высокой бизнес-активностью зарубежных китайцев (см. табл. 3), а C_{t14sum} – это сумма капитала китайской диаспоры в 14 странах, не отличающихся высокой бизнес-активностью зарубежных китайцев (см. табл. 5). Тогда,

$C_{t165sum} = 5000669,12 - (3750501,84 + 497443,62) = 752723,66 \text{ млн долл.}$

или

$C_{t165sum} = 4952556,93 - (3714417,70 + 526939,60) = 711199,63 \text{ млн долл.}$

Таким образом, оставшаяся сумма капитала китайской диаспоры, которую мы будем распределять по 165 странам и регионам мира, составила 711,2–752,7 млрд долл.

Рассчитаем среднедушевой показатель капитала зарубежных китайцев в этих 165 странах и регионах (C_{pc}):

$$C_{pc} = C_{t165sum} / OC_{165sum} \tag{7}$$

где OC_{165sum} – это число зарубежных китайцев в 165 странах и регионах мира, равное 17982182 чел. (см. табл. 6). Тогда,

$C_{pc} = 752723,66 \text{ млн долл.} / 17,982182 \text{ млн чел.} = 41859,42 \text{ долл. на чел.}$

или

$C_{pc} = 711199,63 \text{ млн долл.} / 17,982182 \text{ млн человек} = 39550,24 \text{ долл. на человека}$

Тогда объём капитала зарубежных китайцев в каждой из 165 стран и регионов (C_{t165}) рассчитывается по формуле:

$$C_{t165} = OC_{165} \cdot C_{pc} \tag{8}$$

где OC_{165} – это число зарубежных китайцев в каждой из 165 стран и регионов (см. табл. 6).

Таким образом, мы распределили капитал китайской диаспоры по странам и регионам мира (см. табл. 3, 5 и 6). Для наглядности представим это распределение на карте мира (см. рис. 1).

Таблица 6. Распределение остатков капитала китайской диаспоры в объёме 711199,63–752723,66 млн долл. по 165 странам и регионам мира, где есть данные по численности зарубежных китайцев, но нет данных по капиталу крупных предприятий китайской диаспоры.

Table 6. Distribution of the remaining capital of the Chinese diaspora, totaling 711,199.63–752,723.66 million USD, across 165 countries and regions worldwide with available data on the overseas Chinese population but lacking data on the capital of large diaspora enterprises.

165 стран и регионов	Число зарубежных китайцев, человек (OC_{165})	Капитал зарубежных китайцев, млн долл. (C_{t165})	
		если $C_{pc} = 41858,1$ долл.	если $C_{pc} = 39550,26$ долл.
Африка			
Алжир	35000	1465,08	1384,26
Ангола	280000	11720,64	11074,07
Бенин	1700	71,16	67,24
Ботсвана	30000	1255,78	1186,51

165 стран и регионов	Число зарубежных китайцев, человек (OC_{165})	Капитал зарубежных китайцев, млн долл. (C_{r165})	
		если $C_{pc} = 41858,1$ долл.	если $C_{pc} = 39550,26$ долл.
Африка			
Бурунди	400	16,74	15,82
Габон	344	14,40	13,61
Гамбия	300	12,56	11,87
Гана	70000	2930,16	2768,52
Гвинея	10000	418,59	395,50
ДР Конго	21000	879,05	830,56
Джибути	2000	83,72	79,10
Египет	20000	837,19	791,00
Замбия	19845	830,70	784,87
Зимбабве	10000	418,59	395,50
Кабо-Верде	2000	83,72	79,10
Камерун	7000	293,02	276,85
Кения	35000	1465,08	1384,26
Коморы	150	6,28	5,93
Конго	10000	418,59	395,50
Кот-д'Ивуар	1300	54,42	51,42
Лесото	2900	121,39	114,70
Либерия	1500	62,79	59,33
Ливия	3280	137,30	129,72
Маврикий	30000	1255,78	1186,51
Мавритания	2000	83,72	79,10
Мадагаскар	80000	3348,75	3164,02
Малави	2000	83,72	79,10
Мали	3000	125,58	118,65
Марокко	2000	83,72	79,10
Мозамбик	30000	1255,78	1186,51
Намибия	10000	418,59	395,50
Нигер	2200	92,09	87,01
Остров Святой Елены	1900	79,53	75,15
Реюньон	30000	1255,78	1186,51
Руанда	3000	125,58	118,65
Сан-Томе и Принсипи	10	0,42	0,40
Сейшелы	2000	83,72	79,10
Сенегал	2000	83,72	79,10
Судан	1536	64,30	60,75
Сьерра-Леоне	1300	54,42	51,42
Танзания	30000	1255,78	1186,51
Того	2000	83,72	79,10
Уганда	10000	418,59	395,50
ЦАР	50	2,09	1,98
Чад	2000	83,72	79,10
Экваториальная Гвинея	10000	418,59	395,50
Эритрея	117	4,90	4,63
Эфиопия	40000	1674,38	1582,01
Южный Судан	3500	146,51	138,43

165 стран и регионов	Число зарубежных китайцев, человек (OC165)	Капитал зарубежных китайцев, млн долл. (Cт165)	
		если Cpc = 41858,1 долл.	если Cpc = 39550,26 долл.
Азия			
Афганистан	100	4,19	3,96
Бангладеш	159619	6681,56	6312,97
Бахрейн	18	0,75	0,71
Бруней	44253	1852,40	1750,22
Бутан	949	39,72	37,53
Восточный Тимор	21000	879,05	830,56
Вьетнам	10000000	418594,17	395502,41
Грузия	74	3,10	2,93
Израиль	581	24,32	22,98
Иордания	20933	876,24	827,91
Ирак	1000	41,86	39,55
Иран	200	8,37	7,91
Йемен	500	20,93	19,78
Казахстан	300000	12557,83	11865,07
Камбоджа	700000	29301,59	27685,17
Кипр	1591	66,60	62,92
Киргизия	150000	6278,91	5932,54
КНДР (С. Корея)	29414	1231,25	1163,33
Кувейт	604	25,28	23,89
Лаос	30000	1255,78	1186,51
Ливан	2058	86,15	81,39
Монголия	11419	477,99	451,62
Мьянма	2500000	104648,54	98875,60
Непал	19428	813,24	768,38
ОАЭ	7000	293,02	276,85
Оман	100	4,19	3,96
Пакистан	25000	1046,49	988,76
РК (Ю. Корея)	803011	33613,57	31759,28
Саудовская Аравия	45000	1883,67	1779,76
Сирия	200	8,37	7,91
Таджикистан	20000	837,19	791,00
Турция	60000	2511,57	2373,01
Шри-Ланка	2481	103,85	98,12
Европа			
Австрия	40000	1674,38	1582,01
Белоруссия	30	1,26	1,19
Бельгия	30000	1255,78	1186,51
Болгария	1550	64,88	61,30
Босния и Герцеговина	900	37,67	35,60
Венгрия	17648	738,73	697,98
Греция	20000	837,19	791,00
Ирландия	60000	2511,57	2373,01
Исландия	747	31,27	29,54
Латвия	369	15,45	14,59
Литва	400	16,74	15,82
Лихтенштейн	113	4,73	4,47
Люксембург	4295	179,79	169,87
Мальта	1076	45,04	42,56

165 стран и регионов	Число зарубежных китайцев, человек (OC_{165})	Капитал зарубежных китайцев, млн долл. ($C_{т165}$)	
		если $C_{pc} = 41858,1$ долл.	если $C_{pc} = 39550,26$ долл.
Европа			
Нидерланды	202000	8455,60	7989,15
Норвегия	13579	568,41	537,05
Польша	1550	64,88	61,30
Португалия	186370	7801,34	7370,98
Россия	400000	16743,77	15820,10
Румыния	30000	1255,78	1186,51
Сербия	1796	75,18	71,03
Словакия	5000	209,30	197,75
Словения	1113	46,59	44,02
Украина	18000	753,47	711,90
Фарерские острова	35	1,47	1,38
Финляндия	11614	486,16	459,34
Хорватия	417	17,46	16,49
Чехия	6620	277,11	261,82
Швейцария	25088	1050,17	992,24
Швеция	34767	1455,33	1375,04
Эстония	495	20,72	19,58
Америка			
Антигуа и Барбуда	139	5,82	5,50
Аргентина	120000	5023,13	4746,03
Аруба	1260	52,74	49,83
Багамы	209	8,75	8,27
Барбадос	150	6,28	5,93
Белиз	2401	100,50	94,96
Бермуды	54	2,26	2,14
Боливия	12000	502,31	474,60
Венесуэла	180000	7534,70	7119,04
Гаити	341	14,27	13,49
Гайана	3396	142,15	134,31
Гватемала	15000	627,89	593,25
Гондурас	1000	41,86	39,55
Гренада	40	1,67	1,58
Гренландия	10	0,42	0,40
Доминика	37	1,55	1,46
Доминикана	14500	606,96	573,48
Колумбия	4000	167,44	158,20
Коста-Рика	50000	2092,97	1977,51
Куба	1000	41,86	39,55
Кюрасао	698	29,22	27,61
Мартиника	173	7,24	6,84
Мексика	80000	3348,75	3164,02
Никарагуа	1000	41,86	39,55
Панама	200000	8371,88	7910,05
Парагвай	5000	209,30	197,75
Перу	130000	5441,72	5141,53
Пуэрто-Рико	1212	50,73	47,93
Сальвадор	1800	75,35	71,19

165 стран и регионов	Число зарубежных китайцев, человек (OC165)	Капитал зарубежных китайцев, млн долл. (Ct165)	
		если Cpc = 41858,1 долл.	если Cpc = 39550,26 долл.
Америка			
Сент-Люсия	49	2,05	1,94
Синт-Мартен	183	7,66	7,24
Суринам	60000	2511,57	2373,01
Тринидад и Тобаго	12000	502,31	474,60
Уругвай	300	12,56	11,87
Французская Гвиана	6500	272,09	257,08
Чили	20000	837,19	791,00
Эквадор	12500	523,24	494,38
Ямайка	30000	1255,78	1186,51
Океания			
Американское Самоа	599	25,07	23,69
Гуам	2275	95,23	89,98
Маршалловы острова	12000	502,31	474,60
Микронезия	20	0,84	0,79
Науру	229	9,59	9,06
Новая Каледония	91	3,81	3,60
Остров Рождества	2600	108,83	102,83
Палау	486	20,34	19,22
Папуа — Новая Гвинея	10000	418,59	395,50
Самоа	10000	418,59	395,50
Северные Марианские острова	2614	109,42	103,38
Соломоновы Острова	730	30,56	28,87
Тонга	114	4,77	4,51
Французская Полинезия	37035	1550,26	1464,74
Всего	17982182 (OC165sum)	752723,66 (Ct165sum)	711199,63 (Ct165sum)

Источник: составлено и рассчитано автором по: United Nations. Population Division. International Migrant Stock. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (accessed 17.09.2024); Фумуни 2020: 19–20; Liu Zepeng (ed.). 2014: 138–147, 168–174, 196–202, 255–313, 323–336, 399–404, 426–432, 447–455, 464–471, 485–494; Cao Yunhua (ed.). 2015: 107–397; Zhang Zhenjiang (ed.). 2017: 89–342; формулы (6), (7), (8).

На рис. 1 чётко видны два основных региона концентрации капитала китайской диаспоры – это пять стран ЮВА (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины) и США. На каждый из этих двух регионов приходится в среднем по 37% (свыше 1,75 трлн долл.) этого капитала. Отметим, что до Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. на весь Американский континент приходилось чуть более 23% капитала зарубежных китайцев (Jia, Yu 1995: 325), а основная его часть – около 75% находилась именно в указанных пяти странах ЮВА (Zhuang et al. 2010: 3). Азиатский финансовый кризис внёс свои коррективы в распределение капитала китайской диаспоры в мире. Он привёл

к закрытию ряда компаний, принадлежащих зарубежным китайцам, прежде всего банков, и фактически стимулировал деловые круги диаспоры переводить капитал в регионы за пределами Азии, главным образом, в США и в Европу.

Вьетнам и Мьянма входят соответственно во вторую (400 млрд долл.) и третью (100–220 млрд долл.) группы стран по привлекательности для капитала зарубежных китайцев, что ещё раз доказывает высокую значимость ЮВА для китайской диаспоры. Также к третьей группе стран и регионов относятся Гонконг, Япония и Великобритания. К четвёртой группе стран по числу капитала китайской диаспоры (25–34 млрд долл.) относятся Камбоджа, Южная Корея, Индия, Австралия, Испания, Франция и Бразилия. В пятую группу (11–17 млрд долл.) попали Россия, Германия, Дания, Италия, Канада, Новая Зеландия, Казахстан, Нигерия, ЮАР и Ангола. Шестая группа стран (5–9 млрд долл.) включает в себя Фиджи, Нидерланды, Португалию, Панаму, Венесуэлу, Перу, Аргентину, Бангладеш и Киргизию (см. рис. 1).

По 1–3 млрд долл. приходится на каждую из 27 стран и регионов седьмой группы, из них 10 находятся в Африке, шесть – в Европе, шесть – в Азии, четыре – в Центральной и Южной Америке, одна – в Океании. По 0,5–0,9 млрд долл. зарубежные китайцы разместили в каждой из 18 стран восьмой группы. Из этой группы шесть стран расположены в Центральной и Южной Америке, четыре – в Европе, четыре – в Азии, три – в Африке и одна – в Океании. К девятой группе стран и регионов (0,1–0,45 млрд долл.) относятся 12 африканских стран, пять стран Центральной и Южной Америки, четыре европейские страны, четыре региона Океании и три азиатских государства. В самую многочисленную десятую группу (менее 0,1 млрд долл.) входят 77 стран и регионов, из них 24 находятся в Африке, 18 – в Центральной и Южной Америке, 14 – в Европе, 13 – в Азии и восемь – в Океании (см. рис. 1).

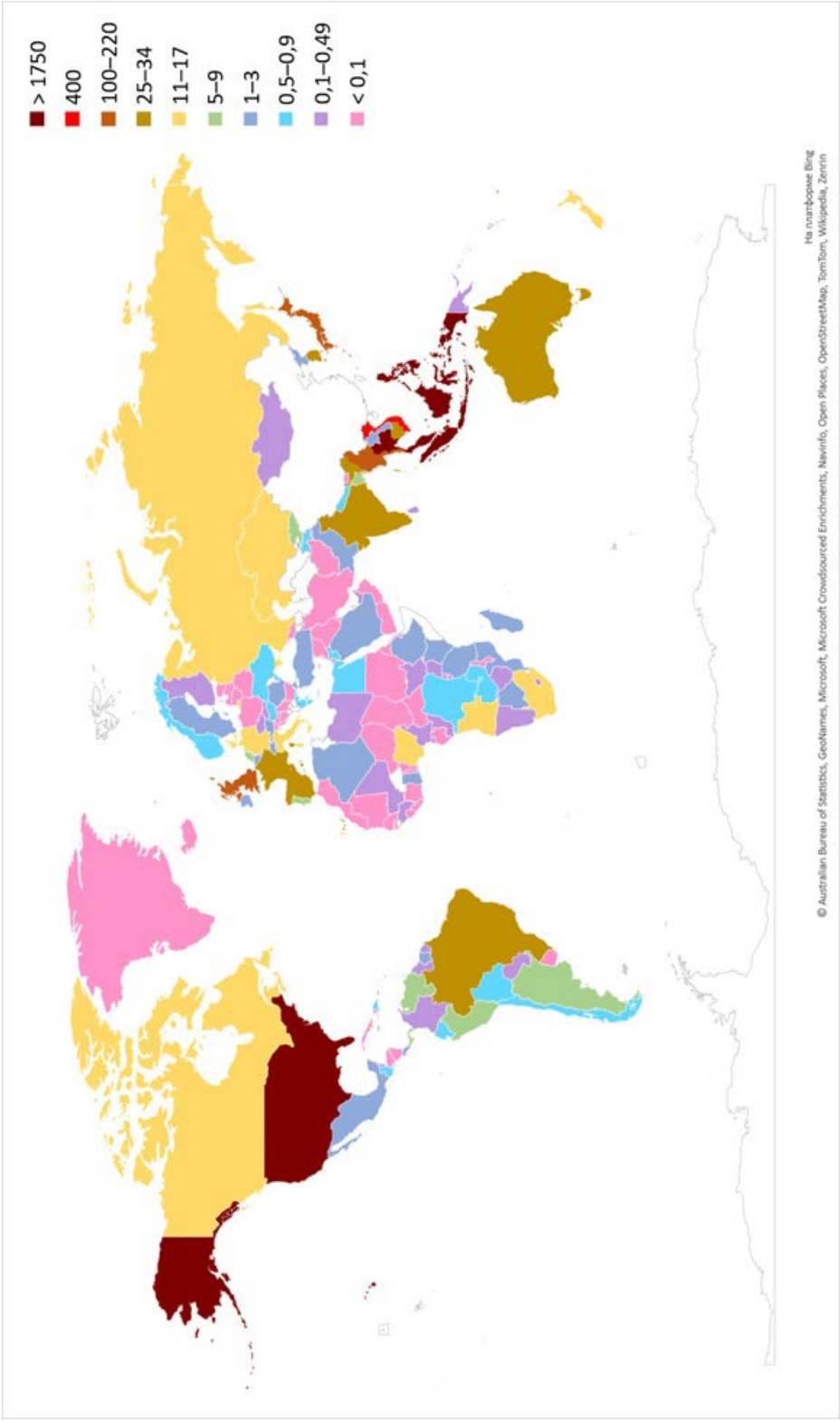

Рисунок 1. Распределение капитала китайской диаспоры в мире (2015–2023 гг.), млрд долл.
Figure 1. Distribution of capital of the Chinese diaspora in the world (2015–2023), billion US dollars.

Источник: составлено автором по данным табл. 3, 5 и 6.

Примечание: Данные по пяти странам ЮВА (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины) указаны в совокупности.

Относительные оценки капитала китайской диаспоры

В табл. 7 и на рис. 2 капитал *хуацяо-хуажэнь* представлен в процентном отношении к ВВП конкретных стран и регионов. Эта относительная оценка вместе с анализом отраслевой структуры бизнеса зарубежных китайцев даст базовое представление о финансово-экономическом положении и влиянии китайской диаспоры в странах и регионах мира.

Максимально сильное экономическое влияние зарубежные китайцы имеют в странах ЮВА и Океании. В Таиланде, Мьянме, на Фиджи и Маршалловых островах их капитал в 1,5–2 раза превышает объём ВВП, а во Вьетнаме он равен объёму ВВП (см. табл. 7, рис. 2).

Таблица 7. Капитал китайской диаспоры и накопленные прямые зарубежные инвестиции КНР в сравнении с ВВП стран и регионов мира в 2015–2022 гг., %

Table 7. Table 7. Chinese Diaspora Capital and Accumulated Outward Foreign Direct Investment of the PRC Compared to the GDP of Countries and Regions Worldwide, 2015–2022, %

Страны и регионы	Капитал китайской диаспоры, в % к ВВП	Накопленные ПЗИ КНР, в % к ВВП
Мир	4,97	2,74
Африка	2,08–2,17	1,42
Азия	14,76–14,91	9,88
Европа	1,02–1,14	0,59
Америка	5,37–5,68	0,36
Океания	2,98–3,04	2,07
Первая группа стран и регионов: капитал китайской диаспоры эквивалентен 100–200% ВВП		
Таиланд	182–194	2
Мьянма	167–176	7
Вьетнам	97–102	3
Фиджи	184–188	3
Маршалловы острова	170–180	68
Вторая группа стран и регионов: капитал китайской диаспоры эквивалентен 50–99% ВВП		
Камбоджа	92–98	25
Сингапур	69–71	16
Киргизия	54–57	14
Малайзия	46–55	3
Суринам	66–69	2
Самоа	48–50	72
Третья группа стран и регионов: капитал китайской диаспоры эквивалентен 10–30% ВВП		
Мадагаскар	21–22	2
Ангола	10–11	2
Маврикий	9–10	12
Филиппины	29–30	0,3
Гонконг	17–29	431

Третья группа стран и регионов: капитал китайской диаспоры эквивалентен 10–30% ВВП		
Восточный Тимор	26–28	3
Индонезия	19	2
Бруней	10–11	1
Панама	10–11	2
Французская Полинезия	24–25	–
Северные Марианские острова	12–13	–
Четвёртая группа стран и регионов: капитал китайской диаспоры эквивалентен 5–9% ВВП		
Мозамбик	7	7
Ботсвана	6	1
Сейшелы	5	31
Лесото	4–5	0,4
Лаос	8	61
Таджикистан	8	18
КНДР (Северная Корея)	7	3
Казахстан	5–6	3
Ямайка	7	6
США	7	0,3
Палау	9	8
Науру	6	10
Новая Зеландия	5	1
Пятая группа стран и регионов: капитал китайской диаспоры эквивалентен 3–4% ВВП		
Гана	4	1
Кабо-Верде	3–4	0,1
Экваториальная Гвинея	3–4	2
Намибия	3	1
ЮАР	3	1
Конго	3	3
Замбия	3	7
Нигерия	3	0,5
Япония	4	0,1
Монголия	3	9
Великобритания	3–4	1
Дания	3	0,1
Португалия	3	0,01
Белиз	3–4	5
Коста-Рика	3	0,02
Американское Самоа	3–4	–
Шестая группа стран и регионов: капитал китайской диаспоры эквивалентен 1–2% ВВП		
Джибути	2	2
Зимбабве	2	8
Гвинея	2	5
Танзания	2	2
Либерия	1–2	4
ДР Конго	1–2	7
Сьерра-Леоне	1	2
Эфиопия	1	2

Шестая группа стран и регионов: капитал китайской диаспоры эквивалентен 1–2% ВВП		
Кения	1	2
Южный Судан	1	0,3
Того	1	1
Руанда	1	1
Уганда	1	2
Мавритания	1	2
Алжир	1	1
Мали	1	3
Камерун	1	1
Нигер	1	13
Чад	1	4
Малави	1	1
Гамбия	1	1
Бурунди	1	1
Коморы	0,5–1	0,1
РК (Южная Корея)	2	0,4
Непал	2	1
Иордания	2	0,5
Бутан	1–2	–
Бангладеш	1	1
Индия	1	0,1
Испания	2	0,1
Франция	1	0,2
Нидерланды	1	3
Россия	1	0,4
Италия	1	0,1
Перу	2	1
Тринидад и Тобаго	2	0,3
Аруба	2	–
Венесуэла	1–2	1
Бразилия	1	0,2
Боливия	1	1
Кюрасао	1	–
Гайана	1	2
Аргентина	1	0,3
Гватемала	1	0,0005
Канада	1	1
Доминикана	1	0,01
Парагвай	0,5–1	0,01
Австралия	2	2
Соломоновы Острова	2	0,1
Гуам	1–2	–
Папуа — Новая Гвинея	1	5
Тонга	1	6
Седьмая группа стран и регионов: капитал китайской диаспоры эквивалентен менее 1% ВВП		
Бенин	0,4	1
Сенегал	0,3	1
Ливия	0,3	0

Седьмая группа стран и регионов: капитал китайской диаспоры эквивалентен менее 1% ВВП		
Эритрея	0,2	13
Египет	0,2	0,3
Судан	0,1	2
ЦАР	0,1	0,4
Кот-д'Ивуар	0,1	1
Сан-Томе и Принсипи	0,1	0,1
Габон	0,1	1
Марокко	0,1	0,2
Остров Святой Елены	–	–
Реюньон	–	–
Ливан	0,4	0,002
Пакистан	0,3	2
Турция	0,3	0,3
Кипр	0,2	0,5
Саудовская Аравия	0,2	0,3
Шри-Ланка	0,1	1
Йемен	0,1	3
Сирия	0,1	0,1
ОАЭ	0,1	2
Афганистан	0,03	3
Ирак	0,01–0,02	1
Кувейт	0,01	1
Грузия	0,01	3
Израиль	0,004–0,005	1
Оман	0,003–0,004	0,2
Иран	0,002	1
Бахрейн	0,002	0,3
Ирландия	0,4–0,5	0,3
Украина	0,4–0,5	0,1
Румыния	0,4	0,1
Венгрия	0,4	0,3
Греция	0,4	0,1
Австрия	0,3–0,4	0,1
Германия	0,3	0,5
Мальта	0,2–0,3	0,2
Швеция	0,2	3
Люксембург	0,2	25
Бельгия	0,2	0,1
Словакия	0,2	0,004
Финляндия	0,2	0,3
Босния и Герцеговина	0,1–0,2	0,2
Швейцария	0,1	1
Сербия	0,1	1
Исландия	0,1	0,0001
Норвегия	0,1	0,003
Чехия	0,1	0,1
Словения	0,1	1
Болгария	0,1	0,2
Лихтенштейн	0,1	0,4

Эстония	0,1	0,01
Фарерские острова	0,04	–
Латвия	0,04	0,1
Хорватия	0,02	0,3
Литва	0,02	0,01
Польша	0,01	0,1
Белоруссия	0,002	1
Синт-Мартен	0,5	–
Эквадор	0,4–0,5	0,4
Антигуа и Барбуда	0,3	0,2
Чили	0,3	0,4
Никарагуа	0,3	0,04
Доминика	0,2–0,3	1
Мексика	0,2	0,1
Сальвадор	0,2	–
Гренада	0,1	2
Гондурас	0,1	0,01
Барбадос	0,1	3
Сент-Люсия	0,1	0,2
Гаити	0,1	–
Багамы	0,1	12
Колумбия	0,05	0,1
Пуэрто-Рико	0,04	–
Куба	0,04	0,1
Бермуды	0,03	146
Уругвай	0,02	0,3
Гренландия	0,01	–
Мартиника	–	–
Французская Гвиана	–	–
Микронезия	0,2	4
Новая Каледония	0,04	–
Остров Рождества	–	–

Источник: составлено и рассчитано автором по: Kang Rongping et al. 2009: 189–218; *Quanqiu huashang 1000 paihangbang 2007–2019* [Top 1000 Global [Ethnic] Chinese Entrepreneurs in 2007–2019]. URL: https://www.yzzk.com/html/events/2019_1000/html/content.php?StartRow=1&Heading=101 (accessed 17.09.2024); Web Service for Global Investors “GuruFocus”. URL: <https://www.gurufocus.com> (accessed 17.09.2024); Global Financial Portal “Investing.com”. URL: <https://www.investing.com> (accessed: 01.05-17.12.2023); United Nations. Population Division. International Migrant Stock. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (accessed 17.09.2024); The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed 17.09.2024); 2022 niandu zhongguo duiwai zhijie touzi gongbao [2022 Statistical Bulletin of China’s Outward Foreign Direct Investment]. Peking: China Commerce and Trade Press, 2023. С. 53–58.

В Таиланде китайская диаспора контролирует практически всю сферу медицинских услуг, более 80% досугового сектора, свыше 85% сельского хозяйства, более 75% ювелирной промышленности, телекоммуникационных услуг и недвижимости, свыше 65% текстильной промышленности, более 55% производства электронной продукции и издательского дела, свыше 50% производства домашней утвари, более 45 % банковского сектора и торговли, более 35% страхового бизнеса, свыше 30% сферы туризма и гостиничного хозяйства, строительства и упаковочной промышленности, около 15% пищевой промышленности (Афонасьева 2017а: 57). При этом оказанием медицинских услуг, ведением сельского хозяйства, производством ювелирных изделий, электронной продукции и упаковок, а также туристическим бизнесом заняты средние и малые предприятия (СМП), в основном это компании таиландцев китайского происхождения. Во всех остальных вышеназванных отраслях экономики Таиланда ведущую роль играет крупный бизнес китайской диаспоры.

В Мьянме СМП зарубежных китайцев добывают драгоценные камни и серебряную руду, развивают пищевую промышленность, гостиничный и досуговый сервис, занимаются торговлей (Zhang 2019: 120; Zhang 2020: 116; Liu 2014: 175). Крупные компании работают в машиностроении и металлообработке, пищевой и химической промышленности, производят полупроводники и технологическое оборудование для их изготовления, строительные материалы, товары для дома и офиса, развивают строительную отрасль, ведут оптовую и розничную торговлю, оказывают банковские, страховые и прочие виды услуг.

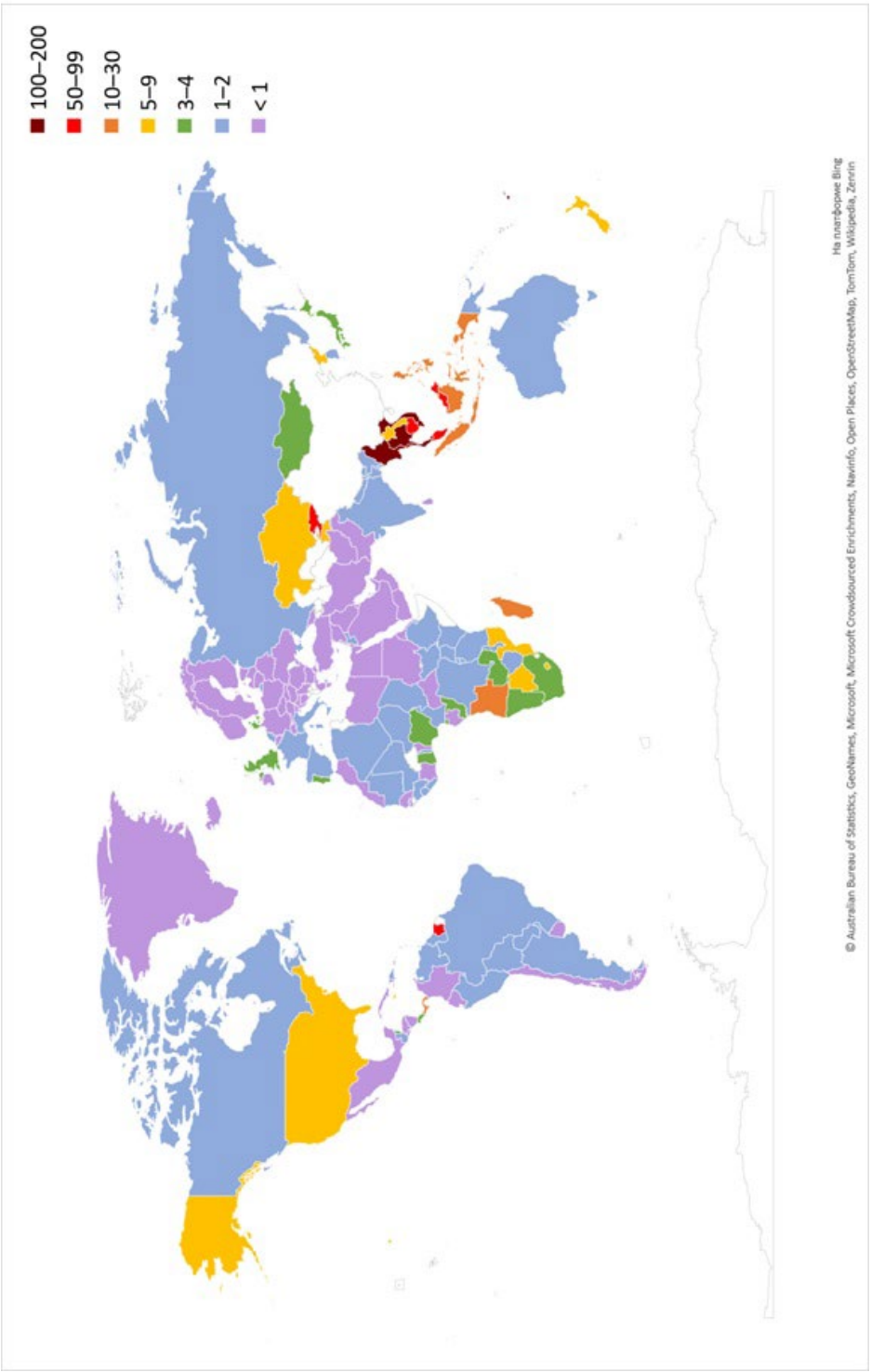

Рисунок 2. Капитал китайской диаспоры в мире, в % к ВВП конкретных стран и регионов в 2015–2022 гг.
Figure 2. Capital of the Chinese diaspora in the world as a percentage of the GDP of countries and regions in 2015–2022, %
Источник: составлено автором по данным табл. 7 (сравнение капитала зарубежных китайцев с ВВП принимающих стран)

Во Вьетнаме компании зарубежных китайцев широко представлены практически во всех отраслях экономики. На Фиджи основными отраслями предпринимательской деятельности зарубежных китайцев являются пищевая промышленность, растениеводство, розничная торговля, строительство и ремонтные работы, машиностроение (производство машинного оборудования), туристический сектор, издание газет и внешняя торговля (Liu 2014: 487).

На втором месте по степени влияния китайской диаспоры на местную экономику, кроме стран ЮВА (Камбоджа, Малайзия, Сингапур) и Океании (Самоа), находятся страны Центральной Азии и Южной Америки – Киргизия и Суринам. В относительных цифрах капитал китайской диаспоры выше 50% ВВП каждой из этих стран (см. табл. 7, рис. 2).

В Малайзии зарубежные китайцы контролируют более 50% сельского хозяйства, 40% строительной отрасли, около 40% добывающей промышленности и сферы услуг (в том числе, более 50% торговли, 10% финансового сектора, около 9% сферы коммунальных услуг), 30% транспортной отрасли и почти 25% обрабатывающей промышленности (Афонасьева 2017а: 57). За исключением сельского хозяйства, где доминируют СМП китайской диаспоры, указанные достижения в остальных отраслях экономики обеспечиваются силами крупного бизнеса.

В Сингапуре китайская диаспора занимает 70% рынка сферы услуг, в том числе на неё приходится 70% всех торговых операций. Её доля в обрабатывающей промышленности составляет 20% (Афонасьева 2017а: 57). Все эти достижения обеспечиваются крупным бизнесом зарубежных китайцев, который кроме вышеназванных отраслей экономики также занят добычей металлических руд, развивает строительную и транспортную отрасли Сингапура. В сфере услуг, кроме торговли, он оказывает широкий спектр финансовых услуг. Крупные предприятия обрабатывающей промышленности заняты производством полупроводников и технологического оборудования для их изготовления.

В Камбодже 70% всех компаний зарубежных китайцев занято в сфере услуг (торговля, грузоперевозки, туристический, гостиничный и досуговый сервис, недвижимость, ресторанный бизнес), 20% – во вторичном секторе экономики (целлюлозно-бумажная, пищевая, текстильная, металлургическая промышленность и строительство), 10% – в первичном секторе экономики (сельское хозяйство и рыбоводство) (Zhang 2017: 115).

В Самоа зарубежные китайцы ведут бизнес в оптовой и розничной торговле продуктами питания и товарами широкого потребления, табачной промышленности, строительстве, сельском хозяйстве и марикультуре, производстве алюминия (Shi 2023: 19). В Суринаме большинство зарубежных китайцев заняты в сфере розничной торговли (мелкие лавочки), кроме того, они имеют собственные учебные заведения, больницы, фитнес-клубы, издаются газеты. В Киргизии китайскую диаспору интересуют в основном сельское хозяйство и торговля (Zhang 2017: 183).

В третьем ряду по рассматриваемому показателю также стоят страны ЮВА (Филиппины, Восточный Тимор, Индонезия, Бруней), Гонконг, территории Океании (Французская Полинезия, Северные Марианские острова), Центральноамериканская Панама и три африканских государства (Мадагаскар, Ангола и Маврикий). В указанных странах и регионах капитал зарубежных китайцев эквивалентен 10–30% ВВП (см. табл. 7, рис. 2).

На Филиппинах китайская диаспора контролирует 80% сферы услуг (в том числе более 55% рынка недвижимости и 10% финансового сектора), 50% добывающей промышленности и более 10% обрабатывающей промышленности. В Индонезии зарубежные китайцы завязали на себя практически все торговые операции, им принадлежит 70% всех частных банков этой страны, они контролируют 80% рынка целлюлозно-бумажной и цементной промышленности, 75% мукомольной и макаронной промышленности, 65% текстильной и 50% табачной промышленности (Афонасьева 2017а: 57). В Восточном Тиморе китайская диаспора занята розничной торговлей (от супермаркетов до продажи автомобилей), ресторанным делом, производством строительных материалов, а также держит автозаправочные станции (Liu 2014: 199). В Брунее 70% всей промышленности, кроме нефтеперерабатывающих заводов, заводов по производству сжиженного газа и крупных каучуковых заводов, приходится на СМП зарубежных китайцев. Китайская диаспора также ведёт бизнес в транспортной отрасли, при этом практически полностью владеет рынком ремонта и сервисного обслуживания всех транспортных средств и электронного оборудования, используемого для грузоперевозок. Весьма сильные позиции у зарубежных китайцев в туристической отрасли, гостиничном и ресторанном деле (Сао 2015: 163). В Брунее и Восточном Тиморе средний и малый бизнес превалирует над крупным бизнесом китайской диаспоры, а в Индонезии и на Филиппинах наблюдается обратная картина. В Брунее, Индонезии и на Филиппинах крупные компании зарубежных китайцев заняты в машиностроении и металлообработке, производстве технологического оборудования для изготовления полупроводников, строительстве и различных отраслях сферы услуг. В Индонезии и на Филиппинах крупные компании зарубежных китайцев также производят полупроводники и развивают отдельные отрасли сферы услуг, в частности ИТ-услуги.

В Гонконге основой бизнеса китайской диаспоры являются крупные предприятия – это компании обрабатывающей промышленности (машиностроение, целлюлозно-бумажная, пищевая, текстильная и химическая промышленность, производство полупроводников и технологического оборудования для их изготовления), строительной и транспортной отраслей, сферы услуг (финансовый сектор, недвижимость, гостиничный и досуговый сервис, ИТ-услуги).

В Панаме СМП зарубежных китайцев контролируют 80% розничной торговли и занимаются ресторанным бизнесом (Zhang 2019: 285; 2020: 306), а крупный бизнес занят производством товаров для дома и офиса.

На Мадагаскаре СМП китайской диаспоры преуспевают во внутренней (розничной) и внешней торговле, сельском и лесном хозяйстве, рыбоводстве, электронной и фармацевтической промышленности, ресторанном деле, туристическом бизнесе, добыче полезных ископаемых и виноделии (Сао 2015: 381–383). Крупный бизнес китайской диаспоры занят производством технологического оборудования для изготовления полупроводников.

Китайская диаспора Маврикия контролирует около 10–20% ресторанного бизнеса, торговли (в том числе внешней), обрабатывающей промышленности (в том числе пищевой, текстильной, фармацевтической), недвижимости, туристической отрасли, грузоперевозок, строительства, медицинских услуг, банковских услуг и страхового бизнеса (Zhuang et al. 2010: 499). При этом торговля, текстильная промышленность и строительство, а также производство технологического оборудования для изготовления полупроводников – это прерогатива крупного бизнеса зарубежных китайцев.

В Анголе зарубежные китайцы ведут оптовую и розничную торговлю, занимаются строительными подрядами и развивают текстильную промышленность (Liu 2014: 437–439).

Во Французской Полинезии и Северных Маршалловых островах, как и во многих регионах Океании, зарубежные китайцы развивают сельское хозяйство, марикультуру, ведут розничную торговлю.

Четвёртое место по степени влияния на экономику стран пребывания (5–9% относительно ВВП) занимают зарубежные китайцы ЮВА (Лаос), Центральной (Таджикистан, Казахстан) и Северо-Восточной Азии (КНДР), Океании (Палау, Науру, Новая Зеландия), Северной (США) и Южной Америки (Ямайка), а также Африки (Мозамбик, Ботсвана, Сейшелы, Лесото) (см. табл. 7, рис. 2).

В Лаосе СМП зарубежных китайцев заняты в ресторанном бизнесе (Zhang 2020: 105), а крупные предприятия – в машиностроении и металлообработке, производстве технологического оборудования для изготовления полупроводников, пищевой и химической промышленности, оптовой и розничной торговле, банковском секторе.

В Таджикистане СМП китайской диаспоры заняты оптовой и розничной торговлей, ресторанным бизнесом и контролируют более 90% производства красного кирпича (Сао 2015: 215–216). В Казахстане крупные предприятия зарубежных китайцев производят технологическое оборудование для изготовления полупроводников, ведут оптовую и розничную торговлю.

В Новой Зеландии средний и малый бизнес зарубежных китайцев развивает сельское хозяйство и животноводство, целлюлозно-бумажную промышленность, туристическую отрасль, ресторанное дело, оказывает услуги населению (прачечные) (Liu 2014: 478). Крупные компании заняты в машиностроении и металлообработке, пищевой промышленности, производстве технологического оборудования для изготовления полупроводников, строительстве и различных отраслях сферы услуг, в том числе в финансовом секторе.

В США средний и малый бизнес развивает ресторанное дело, оказывает юридические услуги и услуги населению (прачечные), ведёт мелкую розничную торговлю (Zhang 2019: 254). Крупный бизнес зарубежных китайцев имеет широкую отраслевую структуру, включающую в себя добычу металлических руд, обрабатывающую промышленность (главным образом, производство полупроводников и технологического оборудования для их изготовления, пищевую, текстильную, химическую, целлюлозно-бумажную, промышленность, машиностроение и металлообработку), строительство, транспорт, различные отрасли сферы услуг, включая финансовый сектор.

На Ямайке китайский бизнес представлен главным образом СМП, которые развивают сельское хозяйство, обрабатывающую промышленность (машиностроение, производство упаковок и соды), сферу услуг (торговля, туристический, ресторанный и гостиничный бизнес) (Liu 2014: 328).

На Сейшелах крупный бизнес китайской диаспоры занят в пищевой промышленности, гостиничном и досуговом секторе, оптовой и розничной торговле.

К пятой группе стран и регионов, где капитал зарубежных китайцев сопоставим с 3–4% ВВП, относятся Япония и Монголия (Северо-Восточная Азия), Американское Самоа (Океания), Белиз и Коста-Рика (Центральная Америка), Гана, Кабо-Верде, Экваториальная Гвинея, Намибия, ЮАР, Конго, Замбия и Нигерия (Африка), Великобритания, Дания и Португалия (Европа) (см. табл. 7, рис. 2).

В Японии СМП зарубежных китайцев заняты в металлургической промышленности, транспортной и туристической отраслях, оказывают юридические услуги. В Монголии они добывают полезные ископаемые, ведут ресторанный бизнес, развивают текстильную промышленность, строительство, сферу недвижимости (Zhang 2017: 193; Zhuang et al. 2010: 594–595). Крупный бизнес китайской диаспоры в этих странах освоил пищевую промышленность, производство технологического оборудования для изготовления полупроводников, а также производство товаров для дома и офиса. В Японии он также занят добычей металлических руд, машиностроением и металлообработкой, производством полупроводников, химической промышленностью, строительством, а также широко представлен в сфере услуг, включая финансовый сектор.

В Коста-Рике крупные компании зарубежных китайцев производят товары для дома и офиса, а СМП ведут бизнес в сельском хозяйстве и животноводстве, внешней торговле, внутренней розничной торговле (сетевые супермаркеты), ресторанном деле (Сао 2015: 256–257).

В ЮАР СМП зарубежных китайцев заняты оптовой и розничной торговлей, ресторанным делом, туристическим бизнесом, а в Гане, Замбии, Намибии и Нигерии – розничной торговлей (Zhuang et al. 2010: 471–472). Пищевая промышленность является сферой деятельности крупного бизнеса китайской диаспоры в Гане, Замбии, ЮАР и Нигерии, а сфера недвижимости – популярное

направление у крупных предприятий в Нигерии и ЮАР. Кроме того, крупные компании китайской диаспоры в ЮАР производят табачные изделия, технологическое оборудование для изготовления полупроводников, товары для дома и офиса, оказывают страховые услуги.

В Великобритании средний и малый бизнес зарубежных китайцев занят в ресторанном деле и в сфере науки и образования (Zhang 2020: 153), а в Португалии – в ресторанном деле и торговле (Сао 2015: 338). Крупные компании китайской диаспоры производят технологическое оборудование для изготовления полупроводников в Великобритании, Дании и Португалии. Они развивают машиностроение и металлообработку, пищевую промышленность и оказывают коммунальные услуги в Великобритании и Дании. В Великобритании эти компании также добывают металлическую руду, производят полупроводники, товары для дома и офиса, осваивают химическую промышленность, работают в строительстве и в сфере услуг, включая финансовый сектор.

В шестую категорию стран и регионов, где капитал китайской диаспоры оценивается в эквиваленте 1–2% ВВП, входят 23 африканских государства, расположенных в основном в северной, западной, центральной частях и в меньшей степени в восточной и южной частях континента. К этой же группе относятся 13 американских стран и регионов, включая Канаду, Гватемалу, Доминикану и большую часть территории Южной Америки; шесть стран Азии: Южную Корею, Иорданию, Индию, Бангладеш, Непал и Бутан; пять европейских стран: Испанию, Францию, Нидерланды, Италию и Россию; пять стран и регионов Океании: Австралию, Соломоновы Острова, Гуам, Папуа — Новую Гвинею и Тонга (см. табл. 7, рис. 2).

Крупный бизнес китайской диаспоры в Зимбабве, Танзании, Либерии, Уганде, Камеруне сконцентрирован на пищевой промышленности. В Кении СМП зарубежных китайцев ведут розничную торговлю, ресторанный бизнес, открывают центры китайской медицины (Zhuang et al. 2010: 472).

В Канаде абсолютное большинство СМП зарубежных китайцев – это рестораны китайской кухни, также есть риелторские и IT-компании (Zhuang et al. 2010: 392). В Бразилии основными сферами деятельности СМП являются: сельское хозяйство и животноводство, фармацевтическая и упаковочная промышленность, медицинские услуги, ресторанное дело, туристический и досуговый бизнес (Liu 2014: 293–294). Крупные предприятия китайской диаспоры в этих странах также производят технологическое оборудование для изготовления полупроводников, товары для дома и офиса, ведут оптовую и розничную торговлю.

В Южной Корее малые предприятия зарубежных китайцев заняты ресторанным и кузнечным делом, китайской медициной, ведут мелкую торговлю (Liu 2014: 221–222). В Индии СМП китайской диаспоры производят мебель и обувь, занимая 1/5 обувного рынка страны, ведут ресторанный бизнес, оказывают медицинские услуги и услуги населению (химчистки, прачечные) (Афонасьева

2017b: 46). Крупный бизнес китайской диаспоры сконцентрирован на производстве технологического оборудования для изготовления полупроводников, машиностроении и металлообработке, пищевой промышленности.

Во всех пяти европейских странах указанной шестой категории СМП зарубежных китайцев занимаются ресторанным делом. В Нидерландах около 50% всех точек фастфуда принадлежат китайской диаспоре. В Испании, Франции и России они освоили туристический бизнес, в Испании и Нидерландах – сферу науки и техники, во Франции и Италии – кожевенную и швейную промышленность. В Испании эти СМП работают в консалтинге, инвестиционном секторе; в Италии они заняты в строительной, транспортной отраслях и в сфере услуг (Афонасьева 2017b: 46); во Франции – осуществляют грузоперевозки, оказывают юридические и бухгалтерские услуги (Zhang 2017: 272); в Нидерландах – развивают китайскую медицину (Zhang 2019: 158); в России они также ведут сельское хозяйство, строительные и ремонтные работы, производят строительные материалы и товары широкого потребления, занимаются арендой и лизингом, ремонтируют одежду и бытовую технику (Zhang 2020: 197). Во всех пяти странах крупный бизнес зарубежных китайцев производит технологическое оборудование для изготовления полупроводников, товары для дома и офиса, развивает пищевую промышленность, ведёт оптовую и розничную торговлю.

В Австралии СМП зарубежных китайцев сконцентрированы в химической промышленности, ресторанном деле, в сфере медицинских, транспортных услуг и издательской деятельности. В Папуа – Новой Гвинее они занимаются ресторанным делом, розничной торговлей и недвижимостью (Zhang 2019: 247). В обеих странах крупные компании китайской диаспоры развивают пищевую промышленность и строительную отрасль. В Австралии они также производят технологическое оборудование для изготовления полупроводников, оказывают финансовые услуги.

Самая многочисленная седьмая группа, где капитал китайской диаспоры оценивается менее чем в 1% от местного ВВП, включает 79 стран и регионов, из которых 29 находятся в Европе, 20 – в Америке, 17 – в Азии, 11 – в Африке, две – в Океании (см. табл. 7, рис. 2).

В Германии, Чехии и Польше большинство СМП зарубежных китайцев занимаются ресторанным бизнесом, при этом в Чехии и Польше они специализируются на ресторанах высокой кухни, закрепились в туристической отрасли и ведут оптовую и розничную торговлю. В Германии они оказывают образовательные и медицинские услуги (китайская медицина), осуществляют грузоперевозки (Сао 2015: 314); в Чехии – контролируют 40% внутреннего рынка обувной промышленности, а также ведут бизнес в кожевенной, текстильной и швейной промышленности; в Польше работают в сфере консалтинга и юридических услуг (Zhang 2019: 159–160, 163–165). Крупный бизнес китайской диаспоры в европейских странах и регионах седьмой группы специализируется в том числе

на производстве полупроводников (Германия, Швейцария) и технологического оборудования для их изготовления (Австрия, Бельгия, Германия, Ирландия, Люксембург, Польша, Румыния, Чехия, Швейцария, Швеция).

В американском регионе СМП зарубежных китайцев специализируются на животноводстве и рыбоводстве, логистике, фитнес-индустрии, туристическом бизнесе и недвижимости (Liu 2014: 260–261). Крупные компании китайской диаспоры производят товары для дома и офиса, ведут бизнес в пищевой промышленности, строительстве, машиностроении и металлообработке, производят технологическое оборудование для изготовления полупроводников.

В азиатских странах и регионах седьмой группы СМП зарубежных китайцев заняты торговлей, ресторанным делом, туристическим бизнесом, транспортировкой нефти (Афонасьева 2017b: 46). Крупные предприятия сконцентрированы на производстве технологического оборудования для изготовления полупроводников, в машиностроении и металлообработке, строительстве.

В африканских странах этой группы СМП осуществляют камнедобычу и камнеобработку, шьют одежду и обувь, ведут ресторанный и туристический бизнес, торговлю, оказывают телекоммуникационные услуги (Афонасьева 2017b: 46). Крупные предприятия специализируются на пищевой промышленности, машиностроении и металлообработке, производстве товаров для дома и офиса, гостиничном и досуговом сервисе.

Далее сопоставим доли капитала китайской диаспоры и накопленных прямых зарубежных инвестиций КНР (далее – ПЗИ КНР) в ВВП принимающих стран и регионов. Из табл. 7 видно, что географические зоны финансового присутствия китайской диаспоры и КНР имеют принципиальные отличия. Из стран и регионов первой группы, где капитал китайской диаспоры больше или равен местному ВВП, только на Маршалловых Островах финансовые ресурсы КНР оцениваются как существенные – объем накопленных прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) КНР эквивалентен 68% ВВП этого государства. В Мьянме объем накопленных ПЗИ КНР равен 7% ВВП этой страны. В остальных странах и регионах этой группы он сопоставим с 2–3% ВВП.

Из стран и регионов второй группы, где капитал китайской диаспоры равен 50–99% ВВП, только в Самоа КНР имеет больше финансовых возможностей, чем зарубежные китайцы. Объем накопленных ПЗИ КНР соответствует 72% ВВП этой страны, тогда как капитал зарубежных китайцев только 48–50%. В остальных странах указанной группы капитал КНР в разы уступает капиталу китайской диаспоры по своему объему (см. табл. 7).

Из третьей группы стран и регионов, где капитал зарубежных китайцев эквивалентен 10–30% ВВП, только Гонконг является полностью контролируемой КНР территорией. Накопленные ПЗИ КНР больше 430% ВВП Гонконга, тогда как капитал зарубежных китайцев оценивался в 17–29% ВВП этой территории.

На Маврикии у КНР и китайской диаспоры сопоставимые финансовые позиции. В остальных странах и регионах данной группы финансовые вливания КНР существенно меньше в сравнении с китайской диаспорой (см. табл. 7).

В четвёртой группе стран и регионов, где капитал зарубежных китайцев равен 5–9% ВВП, КНР имеет более сильные финансовые позиции в Лаосе, на Сейшелах, в Таджикистане и Науру. Объём её накопленных ПЗИ в этих странах эквивалентен 61%, 31%, 18% и 10% соответственно. В Палау, Мозамбике и на Ямайке позиции КНР и китайской диаспоры примерно равные. В остальных странах и регионах этой группы позиции КНР в разы слабее, чем у китайской диаспоры (см. табл. 7).

Из пятой группы стран и регионов, где капитал китайской диаспоры эквивалентен 3–4% ВВП, в Монголии, Замбии и Белизе финансовые позиции КНР сильнее, чем у китайской диаспоры. Объём накопленных ПЗИ КНР равен 9%, 7% и 5% ВВП этих стран соответственно. В Республике Конго у КНР и китайской диаспоры одинаковый вес. В остальных странах и регионах из этой группы финансовые вложения КНР оцениваются менее чем в 2% ВВП (см. табл. 7).

Из шестой группы стран и регионов, где капитал зарубежных китайцев равен 1–2% ВВП, в Нигере объём накопленных ПЗИ КНР равен 13% ВВП, в Зимбабве, Демократической Республике Конго, Тонга, Гвинее и Папуа – Новой Гвинее – 5–8% ВВП, а в Либерии, Нидерландах, Мали и Чаде – 3–4% ВВП этих стран. В остальных странах и регионах данной группы финансовые позиции КНР равны или слабее позиций китайской диаспоры (см. табл. 7).

Из стран и регионов седьмой группы, где капитал китайской диаспоры оценивается менее чем в 1% ВВП, на Бермудских Островах накопленный объём ПЗИ КНР эквивалентен 146% ВВП. Серьёзный вес у капитала КНР в Люксембурге, Эритрее и на Багамских Островах, объём накопленных ПЗИ КНР равен 25%, 13% и 12% этих стран соответственно. Заметно финансовое присутствие КНР в Швеции, Микронезии, Барбадосе, Йемене, Афганистане и Грузии, объём её накопленных ПЗИ эквивалентен 3–4% ВВП этих стран (см. табл. 7).

Учитывая достаточно высокий уровень лояльности китайской диаспоры к исторической родине, её непосредственное участие в экономических проектах КНР за рубежом, в том числе в рамках инициативы «Один пояс, один путь», капитал китайской диаспоры вполне уместно рассматривать как дополнительный финансовый ресурс, доступный для КНР за рубежом. Владеющие как минимум 5 трлн долл. зарубежные китайские бизнесмены, абсолютное большинство которых имеет гражданство стран пребывания, способны содействовать продвижению экономических интересов КНР за рубежом, в том числе в тех странах и регионах, где в силу экономических санкций или синофобских настроений КНР не имеет возможности напрямую инвестировать средства в необходимом ей объёме.

Заключение

Объём капитала китайской диаспоры в 2015–2023 гг. составил примерно 5 трлн долл. США без учёта капитала компаний из Гонконга и Тайваня, не имеющих отношения к зарубежным китайцам. Это в среднем в 68 раз больше, чем на начало политики реформ и открытости (1978 г.), и в 1270 раз больше, чем в первые годы существования КНР.

До 1978 г. он в среднем был равен 10,6% среднегодового показателя ВВП КНР, в 1978–1979 гг. – эквивалентен 31,3%, в 1980-е – 33,6%, в 1990-е – 58,2%, 2000-х гг. он оценивался в 80,3% среднегодового ВВП КНР, а в 2015–2023 гг. в 34,3% (см. табл. 4). Это сокращение связано с более быстрыми темпами роста ВВП КНР в сравнении с темпами роста капитала зарубежных китайцев. Автор считает, что условно в 1978–2000-е гг. КНР помогла своей диаспоре нарастить капитал за рубежом за счёт особых льгот и преференций в КНР и привлечения к участию в экономических проектах в рамках стратегии «выхода за рубеж», а с 2010-х стала стремительно обогащаться сама, в том числе за счёт ресурсов зарубежных китайцев. Однако, учитывая тот факт, что китайская диаспора активно участвует в масштабной китайской инициативе «Один пояс, один путь», о чём неоднократно заявляли представители китайских бизнес-сообществ за рубежом, у неё в настоящем значительно больше возможностей для наращивания капитала, в сравнении с ситуацией в 2000-х гг. То есть авторская оценка капитала зарубежных китайцев в 5 трлн долл. является минимально допустимой.

На сегодняшний день в мире существует два основных центра концентрации капитала китайской диаспоры – это пять стран ЮВА (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины), на которые в совокупности приходится около 37% капитала зарубежных китайцев, и США, на которые также приходится в среднем 37% этого капитала (см. рис. 1). Эти два географических центра являются в равной степени привлекательными для бизнеса китайской диаспоры.

Капитал китайской диаспоры способен влиять на экономику более чем 50 стран мира. В Азии его максимальное влияние распространяется на Таиланд, Мьянму, Вьетнам, Камбоджу, Малайзию, Сингапур и Киргизию, в Океании – на Фиджи, Маршалловы Острова и Самоа, в Америке – на Суринам, Панаму, США и Ямайку, в Африке – на Мадагаскар, Анголу, Маврикий, Мозамбик, Ботсвану, Сейшелы и Лесото, в Европе – на Великобританию, Данию и Португалию (см. рис. 2). В Индии, Индонезии, Малайзии, Маврикии, Нидерландах, Сингапуре, Таиланде, на Филиппинах, в Чехии китайская диаспора контролирует от 10% до 100% конкретных отраслевых рынков. При этом крупные предприятия имеют более широкую и современную отраслевую структуру предпринимательской деятельности в сравнении с СМП зарубежных китайцев, которые в большинстве своём заняты в традиционных отраслях экономики.

Капитал зарубежных китайцев эквивалентен 4,97% мирового ВВП, а накопленный объём ПЗИ КНР – 2,74%, в Азии это соотношение составило 14,8% к 9,9%, в Америке – 5,5% к 0,36%, в Океании – 3% к 2,1%, в Африке – 2,1% к 1,4%, в Европе – 1,1% к 0,6% соответственно (см. табл. 7). Однако, в отдельных странах и регионах доля накопленных ПЗИ КНР в ВВП значительно больше, чем у китайской диаспоры (например, в Гонконге, Лаосе, Таджикистане, на Сейшелах).

Капитал китайской диаспоры в ближайшие десятилетия продолжит оказывать заметное влияние на экономическое развитие КНР. Однако механизм этого влияния будет в большей степени ориентирован на продвижение экономических проектов КНР за рубежом при сохранении потоков прямых инвестиций зарубежных китайцев и объёмов их благотворительной деятельности на исторической родине. В настоящее время большая часть деловых кругов китайской диаспоры достаточно лояльно и прагматично относится к КНР и активно участвует в её внешнеэкономических проектах, в частности в рамках «Одного пояса, одного пути». Капитал китайской диаспоры фактически становится дополнительным финансовым ресурсом КНР за рубежом, в том числе в странах и регионах, где КНР не имеет возможности напрямую инвестировать средства в необходимом ей объёме.

Об авторе:

Алина Владиславовна Афонасьева — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, 117997, Россия, Москва, Нахимовский пр-т, 32.

E-mail: alina-afonasyeva@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Автор выражает благодарность кандидату экономических наук Е.С. Баженовой, кандидату филологических наук А.Г. Ларину и главному научному сотруднику ИВ РАН, доктору экономических наук профессору А.В. Островскому за замечания и рекомендации, которые помогли улучшить первоначальный текст статьи.

UDC 330.142:316.347-054.6(510)

Received: February 8, 2024

Accepted for publication: May 11, 2024

Assessing the Global Capital of the Chinese Diaspora

 A.V. Afonaseva[DOI 10.24833/2071-8160-2024-5-98-120-160](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-5-98-120-160)

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The article focuses on assessing the capital of the global Chinese diaspora (overseas Chinese). Its objective is to estimate the absolute volume of this capital and analyze its potential impact on the economic development of individual countries and regions, including China itself. The author aims to compile and synthesize existing estimates of Chinese diaspora capital, covering studies conducted from 1949 onwards, to examine the methods used in these assessments and to propose an updated approach for evaluating this capital for the period from 2015 to 2023. Additionally, the study seeks to create original maps illustrating the geographical distribution of diaspora capital across countries and regions, both in absolute terms and as a percentage of regional GDP. Furthermore, it identifies key sectors of business activity and evaluates the influence of the Chinese diaspora on industry markets in specific countries and regions. A comparison is also made between the shares of diaspora capital and China's accumulated outward foreign direct investment relative to the GDP of host countries and regions.

The analysis is based on Chinese and international statistical data. The calculation of Chinese diaspora capital for 2015–2023, along with its geographical distribution, draws on data regarding the market capitalization and valuation of major overseas Chinese enterprises. For these calculations, the author identifies eight key countries and regions with significant overseas Chinese business activity (Indonesia, Malaysia, Singapore, Thailand, the Philippines, the United States, Hong Kong, and Fiji). The study estimates the share of large enterprises and SMEs (small and medium-sized enterprises) among overseas Chinese businesses within these locations and globally, adhering to the assumption that 75% of Chinese diaspora capital is concentrated in these eight regions of high business activity.

For qualitative evaluation, a comparative analysis method is applied. The current estimate of Chinese diaspora capital, as calculated by the author, is at least \$5 trillion (excluding assets in Hong Kong, Macau, and Taiwan unrelated to the Chinese diaspora). This capital spans five continents, holds substantial influence over the economies of more than 50 countries (including China), and serves as a significant external financial resource for China, especially in countries where China's direct economic involvement is limited.

Keywords: Chinese Diaspora (Overseas Chinese), Overseas Chinese Capital, Outward Foreign Direct Investment, the PRC, GDP

About the author:

Alina V. Afonaseva – Candidate of Economic Sciences, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, leading researcher of the Center for Chinese Economy and Social Studies, 117997, Russia, Moscow, Nakhimovsky av., 32.
E-mail: alina-afonasyeva@yandex.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

Author is grateful to E.S. Bazhenova (Candidate of Economic Sciences), A.G. Larin (Candidate of Philology Sciences) and Professor A.V. Ostrovsky (Doctor of Sciences in Economics, Chief Researcher, IOS RAS) for comments and recommendations that helped improve the original text of the article.

References:

- Brown K. 2008. *The Rise of the Dragon. Inward and outward Investment in China in the Reform Period 1978–2007*. Oxford, England: Chandos Publishing. 213 p.
- Cao Yunhua (ed.). 2015. *Haiwai Qiaoping GuanCha 2014–2015 [Overseas Chinese Report 2014–2015]*. Guangzhou: Jinan University Press. 407 p. (In Chinese)
- Chao Longqi (ed.). 2018. *Sangzi qingshen: huaqiao huaren yu gaige kaifang [Overseas Chinese and China's Reform and Opening-up]*. Guangzhou: Jinan University Press. 218 p. (In Chinese)
- Cooper R. 2018. Can China's High Growth Continue? Rudolph, J. and Szonyi, M. (eds.). *The China Questions: Critical Insights into a Rising Power*. Cambridge, MA and London, England: Harvard University Press. 119–125 p. DOI: 10.4159/9780674982703-015
- Haley G., Haley U., Tan Ch. T. 2009. *New Asian Emperors. The Business Strategies of the Overseas Chinese*. Singapore: WILEY. 255 p.
- Jia Kang, Yu Tianxin. 1995. *Gangaotai caijing yu huaqiao huaren jingji [Finance and Economics of Hong Kong, Macao and Taiwan and Overseas Chinese Economy]*. Peking: China Financial & Economic Publishing House. 428 p. (In Chinese)
- Kang Rongping, Ke Yinbin, Dong Leishi. 2009. *Haiwai huaren kuaguo gongsi chengzhang xin jieduan [The New Stage of Growth of Overseas Chinese Transnationals]*. Peking: Economy and Management Publishing House. 224 p. (In Chinese)
- Liu Zepeng (ed.). 2014. *Haiwai qiaoping guanCha 2013–2014 [Overseas Chinese Review 2013–2014]*. Guangzhou: Jinan University Press. 494 p. (In Chinese)
- Long Denggao, Zhang Xunjun (eds.). 2014. *Haiwai huashang zai zhongguo [Overseas Chinese Businessmen in China]*. Peking: China United Industry and Commerce Press. 267 p. (In Chinese)
- Lu Haiyun, Wang Yin (ch. eds.). 2005. *Huaqiao huaren gaishu [Overview of Overseas Chinese]*. Peking. 237 p. (In Chinese)
- Ren Guixiang (ed.). 2009. *Haiwai Huaqiao huaren yu zhongguo gaige kaifang [Overseas Chinese and China's Reform and Opening-up]*. Peking: Chinese Communist Party History Press. 622 p. (In Chinese)
- Shi Yingli. 2023. *Samoya huaqiao huaren gonggong xingxiang he shehui diwei de bianqian [Changes in the Public Image and Social Status of Overseas Chinese in Samoa]*. Peking: China Social Sciences Press. 239 p. (In Chinese)
- Skeldon R. 2007. The Chinese Overseas: the end of exceptionalism? Thunø, M. (ed.). *Beyond Chinatown: New Chinese Migration and the Global Expansion of China*. Copenhagen: NIAS. 35–48 p.
- Tan Chee-Beng (ed.). 2007. *Chinese Transnational Networks*. New York: Routledge. 214 p.
- Tan Chee-Beng (ed.). 2013. *Routledge Handbook of the Chinese Diaspora*. Croydon: Routledge. 506 p.
- Wang Huiyao, Kang Rongping (eds.). 2018. *Shijie huashang fazhan baogao 2018 [Report on Development of Overseas Chinese Entrepreneurs 2018]*. Peking: Social Sciences Academic Press (China). 319 p. (In Chinese)

Zhang Chunwang (ed.) 2019. *Shijie qiaoming baogao 2019* [Report on the State of Overseas Chinese 2019]. Peking: Social Sciences Academic Press (China). 308 p. (In Chinese)

Zhang Chunwang (ed.) 2020. *Shijie qiaoming baogao 2020* [Report on the State of Overseas Chinese 2020]. Peking: Social Sciences Academic Press (China). 336 p. (In Chinese)

Zhang Yinglong. 2019. *Zhongwai qiaowu yanjiu* [Overseas Chinese Affairs Studies in China and Abroad]. Guangzhou: Jinan University Press. 323 p. (In Chinese)

Zhang Zhenjiang (ed.). 2017. *Haiwai qiaoming guancha 2015–2016*. [Overseas Chinese Report 2015–2016]. Guangzhou: Jinan University Press. 351 p. (In Chinese)

Zhuang Guotu, Huang Xinhua, Wang Yan. 2010. *Huaqiao huaren jingji ziyuan yanjiu* [Research on the Economic Resources of Overseas Chinese]. Peking. 662 p. (In Chinese)

The Overseas Chinese: A Driving Force. 1992. *The Economist*. 324(7768). URL: <https://omnilogos.com/overseas-chinese-driving-force/> (accessed 17.09.2024).

Anokhina E.S. 2012. «Novaya» kitayskaya migratsiya i politika KNR po eye regulirovaniyu [“New” Chinese Migration and the PRC’s Policy on its Regulation]. Tomsk: Tomsk State University. 248 p. (In Russian)

Afonasyeva A.V. 2013. *Zarubezhnyye kitaytsy – biznes v KNR: ekonomicheskaya deyatel’nost’ zarubezhnykh kitaytsev i reemigrantov v KNR v khode reform (1979–2010 gg.)* [Overseas Chinese – Business in the PRC: Overseas Chinese and Re-Emigrants Economic Activity in the PRC since Reform Period]. Moscow: IFES RAS. 240 p.

Afonasyeva A.V. 2017a. Zarubezhnye kitaytsy v YuVA i ikh rol' v razvitii Morskogo Shelkovogo puti XXI veka [Overseas Chinese in the Southeast Asia and their Role in the Development of the Silk Maritime Road of the 21st Century]. *Asia & Africa today*. №3. P. 54–60. (In Russian)

Afonasyeva A.V. 2017b. Ekonomicheskaya deyatel’nost’ zarubezhnykh kitaytsev v stranakh po marshrutu Morskogo Shelkovogo puti XXI veka [Economic Activities of Overseas Chinese in the Countries along the Route of the XXI Century Maritime Silk Road]. *Far Eastern Affairs*. №6. P. 39–48. (In Russian)

Afonasyeva A.V. 2023. O krupnom biznese kitayskoy diaspori [On the Big Business of the Chinese Diaspora]. *Far Eastern Studies*. №5. P. 28–47. (In Russian)

Andreev M.A. 1973. *Zarubezhnaya kitajskaya burzhuaziya – orudie Pekina v Yugo-Vostochnoj Azii* [The Overseas Chinese Bourgeoisie is an Instrument of Beijing in Southeast Asia]. Moscow: International Relations. 192 p. (In Russian)

Fituni O.L. 2020. K voprosu ob istoricheskoy i sovremennoy chislennosti kitayskoy diaspori v Afrike i metodologii eye kolichestvennogo issledovaniya [To the Issue of the Historical and Contemporary Size the Chinese Diaspora in Africa and the Methodology of its Quantitative Research]. *Uchenyye zapiski Instituta Afriki RAN*. 1(50). C. 14–24. DOI: 10.31132/2412-5717-2020-50-1-14-24

Kotova T.M. 1983. *Chinese Overseas and Their Role in China’s Policy*. Moscow: IFES AS USSR. 280 p. (In Russian)

Larin A.G. 2008. *Kitaj i zarubezhnye kitajcy* [China and Overseas Chinese]. Moscow: IFES RAS. 94 p. (In Russian)

Larin A.G. 2022. Ot Mao Tszeduna do Si Tszin’pina: kak KNR sozdala effektivnyy mekhanizm raboty s kitayskoy diasporoy? [From Mao Zedong to Xi Jinping: How did China Create an Effective Mechanism for Working with the Chinese Diaspora?]. *East Asia: Facts and Analytics*. №4. P. 73–80. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-4-73-80 (In Russian)

Stepanova G.A. 2005. O nekotoryh tendetsiyah v politike rukovodstva KNR v otnoshenii zarubezhnykh sootchestvennikov (huaqiao) v poslednie gody [Some Trends in the Policy of the PRC Leadership towards Compatriots abroad (Huaqiao) in Recent Years]. *Far Eastern Affairs*. №4. P. 43–51. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Андреев М.А. 1973. *Зарубежная китайская буржуазия – орудие Пекина в Юго-Восточной Азии*. Москва: Международные отношения. 192 с.

Анохина Е.С. 2012. «Новая» китайская миграция и политика КНР по её регулированию. Томск: Томский государственный университет. 248 с.

Афонасьева А.В. 2013. *Зарубежные китайцы – бизнес в КНР: экономическая деятельность зарубежных китайцев и реэмигрантов в КНР в ходе реформ (1979–2010 гг.)*. Москва: ИДВ РАН. 240 с.

Афонасьева А.В. 2017а. Зарубежные китайцы в ЮВА и их роль в развитии Морского Шёлкового пути XXI века. *Азия и Африка сегодня*. №12. С. 54–60.

Афонасьева А.В. 2017б. Экономическая деятельность зарубежных китайцев в странах по маршруту Морского Шёлкового пути XXI века. *Проблемы Дальнего Востока*. №6. С. 39–48.

Афонасьева А.В. 2023. О крупном бизнесе китайской диаспоры. *Проблемы Дальнего Востока*. №5. С. 28–47.

Котова Т.М. 1983. *Китайцы за рубежом и их роль в политике Китая*. Москва: ИДВ АН СССР. 280 с.

Ларин А.Г. 2008. *Китай и зарубежные китайцы*. Москва: ИДВ РАН. 94 с.

Ларин А.Г. 2022. От Мао Цзэдуна до Си Цзиньпина: как КНР создала эффективный механизм работы с китайской диаспорой? *Восточная Азия: факты и аналитика*. №4. С. 73–80. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-4-73-80

Степанова Г.А. 2005. О некоторых тенденциях в политике руководства КНР в отношении зарубежных соотечественников (хуацяо) в последние годы. *Проблемы Дальнего Востока*. №4. С. 43–51.

Фитуни О.Л. 2020. К вопросу об исторической и современной численности китайской диаспоры в Африке и методологии её количественного исследования. *Учёные записки Института Африки РАН*. 1(50). С. 14–24. DOI: 10.31132/2412-5717-2020-50-1-14-24

Долгая жизнь органической метафоры Руссо: опыт деконструкции концептов американской политики в Европе и Евразии

К.Е. Коктыш, В.М. Сергеев, А.А. Игитян

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Идейное измерение международных отношений и внешней политики отдельных стран представляет собой самостоятельное поле взаимодействия. Его изучение неизбежно происходит на стыке политической теории и философии. В социально-политической области яркая метафора, которая является базовым инструментом познания, может овладеть умами околополитических слоёв и надолго стать для них «когнитивным ключом», объясняющим политику. Однако она не только может давать необходимое для практических действий понимание контекста и внутренней логики событий, но и может стать своеобразным фильтром при восприятии происходящего, тем самым неявным образом ограничивая свободу воли воспринявшего метафору субъекта. При этом идеализм, постулирующий первичность идей по отношению к материи, подразумевает и возможность преобразования материальной реальности в соответствии с заданными идейными основаниями. Таким образом, метафора может быть сильнейшим инструментом политики. Органическая метафора Руссо, а особенно выстроенные на её основе концептуальные основы политики Вудро Вильсона, рассматриваются в настоящей статье как пример инструментального использования политической метафоры. В исследовании показано, как США использовали метафору для формирования идейного уровня европейской политики, а сейчас делают это на континентальных пространствах Евразии. В прошлом веке концепт наций позволял расщеплять на неконкурентоспособные части любое конкурирующее образование. Однако борьба с империями, под знаменем которой прошла большая часть прошлого века, отнюдь не закончилась с их фактическим распадом. В современных условиях США, исходя из принципа *divide et impera*, последовательно противостоят любым интеграционным объединениям, возникающим на пространствах Евразии.

Ключевые слова: органическая метафора Руссо, политическая метафора, Вильсон, национализм, Лига Наций, политика США в Европе и Евразии

Метафора и её когнитивное воздействие – тема, только приоткрывающаяся нашему осознанию во всей её сложности. Несмотря на довольно многочисленные исследования (Лакофф 2004; Bonham, Shapiro 1977; Анкерсмит 2014; Скребцова 2018; Болдырев 2018; Хофштадер, Деннет 2003; Солсо 2006), она остаётся неизменно актуальной, с каждым новым исследованием открываясь всё новыми гранями и глубинами. Метафора является одним из базовых методов познания – мы сравниваем новое с прежде виденным, хорошо знакомым, отыскивая общее, и превращая его в ключ, в когнитивный оператор, через который это новое понимается и интерпретируется: то, что работает в отношении знакомого, т. е. давно познанного объекта, возможно, работает и в отношении объекта познаваемого, позволив раскрыть его свойства и природу. Это может сработать, а может и не сработать: по сути, порождение метафоры есть порождение гипотезы, которая в дальнейшем должна быть доказана, т. е. тем либо иным образом верифицирована, и либо подтвердиться, будучи признанной корректной, либо, напротив, быть отставленной в сторону, оказавшись случайной, не отображающей суть, и в силу этого нерелевантной.

С познанием мира физического это работает практически всегда: ошибочные предположения неизменно отсеиваются практикой, дисфункциональные метафоры не востребованы. Но вот с миром социальным и политическим всё куда сложнее. Главная проблема воздействия политической когнитивной метафоры в том, что она воздействует на сознание «мимо правил»: рационализм с его критическим аппаратом включается постфактум, оказываясь перед лицом построений воображения, и оценивает их внутреннюю логику, уже из неё выводя цели и средства «как сами собой разумеющиеся и сами за себя говорящие» (Хоркхаймер 2011: 8–9), при этом не подвергая сомнению саму разумность или уместность этих построений.

Почему это происходит именно с политической метафорой? Дело в том, что знание законов и принципов политики является залогом жизнеспособности политических элит, но не входит в актуальный и, главное, повседневно востребованный опыт более широких слоёв любого общества. Таким образом, верификация, какая-либо проверка практикой претендующей на описание этой сферы и адресованной неполитическим элитам яркой метафоры оказывается вряд ли возможной в принципе. В этом контексте дисфункциональная метафора, по сути представляющая собой когнитивное искажение, может существовать в качестве не оспоренной достаточно долго.

Для этого требуется исполнение двух условий. Во-первых, такая метафора изначально должна быть создана в качестве идеологемы, т. е. она должна претендовать на то, что является достоверным, системным и нормативным описанием некоего сегмента политики и политического, адресованным околополитическим слоям общества. Во-вторых, она должна представлять собой яркий образ,

способный овладеть воображением околополитических слоёв. Тогда она может стать когнитивным оператором, формирующим онтологические установки значимых слоёв общества. Это может происходить и в качестве самостоятельно развивающегося процесса, тогда уместно говорить о добросовестном заблуждении: «завирусившаяся» метафора становится «когнитивным ключом», определяющим не только понимание политики, но и формирование предпочтений и целеполагания, став «когнитивной ловушкой», захватившей власть над умами, и направляя их энергию в заведомо ложном направлении. Но идеологема также может выступать и в качестве управленческого инструмента международной публичной политики, ориентированного на коммуникацию внешнего актора «через голову» элит напрямую с населением данной страны и позволяющего эффективно воздействовать на его ценностные и мировоззренческие установки.

Собственно, исследованию политической судьбы одной такой знаменитой метафоры и посвящена настоящая статья. Речь идёт об органической метафоре Руссо, в XIX в. вышедшей за пределы Франции и захватившей умы в России, именно эта метафора легла в основу спора западников и славянофилов, а в XX и XXI вв. стала идеологическим инструментом американской внешней политики, обретшим весьма широкий функционал. Так, усилиями «коллективного» Вудро Вильсона – как известно, американскую позицию на Парижской мирной конференции готовил экспертный коллектив из 150 человек, впоследствии преобразованный в американский Совет по международным отношениям, накануне конференции им было подготовлено порядка двух тысяч документов – заложенный в основу руссоистской метафоры концепт, соединившись с американским концептом меньшинств, переродился, обретя форму метафоры нации. Он был использован вполне инструментально, в качестве идеологемы: задачей была легитимация для неополитических слоёв Европы нового порядка вещей, но никак не его полноценное понимание. Это обеспечило крайне высокую эффективность публичной дипломатии Вильсона, сумевшего сломить сопротивление своих европейских контрагентов, в первую очередь Ллойда Джорджа и Жоржа Клемансо, и навязать свой проект Лиги Наций, обеспечившего начало американской гегемонии в Европе. На уровне же практической политики новый порядок призван был обеспечить, и обеспечил, доминирование в Европе американского корпоративного капитализма. Лишним подтверждением американского «инструментализма» стал тот факт, что декларируемые США универсалистские принципы сегодня перестали признаваться таковыми в тех случаях, когда их реализация происходила не в интересах США, а их мягкий пересмотр стал происходить в рамках концепта «мира, основанного на правилах», альтернативного «праву, основанному на суверенитете».

В своей работе авторы опираются на методы когнитивного анализа и когнитивной деконструкции (Сергеев, Коктыш 2023), позволяющие проследить идейные истоки политики США в Европе и Евразии. В завершающей части текста

авторы ставят ряд вопросов о современном состоянии наций и нациестроительства, особенно в Евразии, по сути являющегося деятельностью не в интересах собственного общества, а в отношении внешнего центра влияния.

Органическая метафора Руссо и конструирование концептов политики

При том что антропоморфная метафора – вещь довольно распространённая, именно органическая метафора Руссо (Руссо 2013b: 139), сравнившего политическую конструкцию с живым организмом человека, стала первой полноценной идеологемой, имевшей целью не столько понять и объяснить порядок вещей, сколько установить его в качестве нормативного. На основании этой метафоры Руссо распространяет свойственное природе человека на политическую систему в целом, таким образом обосновывая и суверенитет, и общую волю, и свободу, и многое иное.

«Политический организм в качестве личности можно рассматривать как живое тело, состоящее из отдельных частей и похожее на тело человека. Полномочия суверенной власти — это его голова; законы и обычаи — мозг, начало нервной системы,местилище рассудка, воли и чувств; части тела — судьи и магистраты; торговля, промыслы и сельское хозяйство являются его ртом и желудком, готовящими пропитание для всех; общественные финансы есть кровь, которую мудрая экономия, действующая как сердце, разгоняет, чтобы она распределяла по всему телу питание и несла жизнь; граждане являются телом и его частями, приводящими этот механизм в движение, заставляют его жить и работать; их невозможно ранить в одной части так, чтобы болезненное впечатление не проникло в мозг, если, конечно, организм здоров» (Руссо 2013a: 43–44).

Отметим, само такое сравнение, при всей внешней красивости, глубоко спорно, поскольку сводит сложное к простому – весьма сложную конструкцию политической жизни к довольно поверхностному пониманию биологической машинерии. Аналогом может быть объяснение ребенку концепта «машины» через концепт «бибики» (что вполне корректно передаёт функционал, ведь машина – это некая конструкция для перемещения чего-то из одной точки в другую), полностью оставляя за скобками ответ на вопросы, как и каким образом это происходит. Иными словами, в лучшем случае это ещё может быть формой объяснения политики не включённым в политику, но жаждущим этого включения слоям общества, т. е. идеологической формулой, но никак не формой её понимания. И, собственно, эти слои и были основным адресатом творчества Руссо, главным образом имевшего целью возможность обоснования земной легитимности власти как альтернативы ответственности монарха перед Всевышним.

Действительно, органическая метафора изначально появилась как дискуссионный ответ Руссо Гоббсу, обосновавшему в «Левиафане» безальтернативность божественной легитимности земной власти: по Гоббсу, обосновывавшему

христианское государство в качестве нормативного (Гоббс 1991: 289–462), суверен не подчинён тем законам, которые он сам, т. е. государство, создаёт, но при этом подчинён законам естественным, т. к. они даны Богом и не могут быть отменены ни человеком, ни государством (Гоббс 1991: 253). По сути, Руссо в своей метафоре изначально пытался создать своего «Левиафана», избавленного от этих ограничений, хотя впоследствии и замаскировал амбициозность этого намерения: известный исследователь Руссо Брюно Бернарди по этому поводу пишет, что «анатомия политического организма откровенно “сляпана” (следы этого сохранил черновик статьи), и если черновик содержит намёк на введение к “Левиафану”, то текст не пытается никоим образом его сохранить. В силу этой правки не только сравнение теряет свою ценность, но и сам предмет сравнения становится неуместным» (Бернарди 2013: 19).

Представляется, что итоговый отказ Руссо от упоминания Гоббса отнюдь не случаен. По сути, это отсечение научной полемики и дискуссии по поводу сравнения концептов как опции в пользу ухода в чистую нормативность: он явно рассматривал свой труд не как научный, а как идеологическую декларацию. И действительно, созданная Руссо метафора носит ярко выраженный прикладной инструментальный характер: его «организм» на проверку оказывается крайне ограниченным в своём функционале. Ему вменена общая воля и довольно тираническое право её применять ко всем своим членам – «если кто-нибудь откажется повиноваться общей воле, то он будет принуждён к повиновению всем политическим организмом; а это означает лишь то, что его силой заставят быть свободным» (Руссо 2013b: 130). Более того, внимательное прочтение трудов Руссо приводит к выводу, что он стремился обосновать легитимность не абстрактной, а вполне конкретной земной власти, которую он называет «Законодателем». Именно последнему и делегировалась разумность, которой не обладал организм в целом – разумность, «недоступная пониманию простонародья», вместе с правом вкладывать указания «в уста бессмертных богов, дабы с помощью божественной власти повести за собой тех, кого не смогла бы побудить к действию человеческая осмотрительность» (Руссо 2013b: 151). Несложно обнаружить, что под мистической фигурой Законодателя, вольного творить религию по своему разумению, Руссо понимал современных ему масонов (Коктыш, Сергеев 2024).

Таким образом, органическая метафора Руссо как идеологема оказалась вполне удобной для того, чтобы «вменить» политическому организму и «безграничную власть над всеми его частями» (Руссо 2013b: 119), и «волю и силу» (Руссо 2013b: 163), и нравственность (Руссо 2013b: 167), и свойство расти, стареть и умирать (Руссо 2013b: 193), и свободу (Руссо 2013c: 501). Отметим, что воплотившись на уровне практической политики, именно эта метафора и послужила концептуальным основанием большинства эксцессов ВФР, и отнюдь не случайно Руссо был объявлен Робеспьером первым святым установленного им «культа высшего существа» (Тьер 2015: 335). Будучи ярким и понятным

образом, руссоистская метафора, говоря современным языком, «завирусилась», превратившись в устойчивый когнитивный оператор, и после наполеоновских войн нашла благодатную почву в победившей Наполеона России, где языком образованного класса был французский, а его надёжность была освящена полагавшимся на тот момент передовым Просвещением.

Метафора нации Вудро Вильсона как концепт европейской политики США

Новое рождение органической метафоры Руссо уже как концепта организации международной политики приходится на выстраивание европейского порядка после Первой мировой войны, которое связано с именем Вудро Вильсона. Идея о том, что США могут играть ключевую роль в его организации, появилась там далеко не сразу: изначально американские амбиции были куда более скромны, и их пределом было выстраивание по итогам войны вполне партнёрского «союза центров белой расы» в лице США, Англии и Германии, концепт «сверхтриумвирата» оставался актуальным вплоть до 1915 г. (Уткин 1989: 71, 130). Однако по мере продолжения войны задолженность стран Антанты перед США росла, и если в 1914 г. сумма выданных американцами кредитов достигла 2 млрд долл. (Уткин 1989: 66), то уже два года спустя количество перешло в качество: превышение американского экспорта над импортом увеличилось, по сравнению с 1914 г., в пять раз (Гершов 1983: 108). Это побудило США решиться на резкое повышение ставок, и уже в 1916 г. те заявили о себе как об архитекторе нового мирового порядка. Дословно заявление Вильсона звучало так: «Мы должны играть большую роль в мире. Нам в значительной мере приходится финансировать мир, а тот, кто финансирует мир, должен понимать его и управлять им по своему знанию и разумению» (Цит. по: Гершов 1983: 109).

В этом контексте особого внимания заслуживает фигура президента Вудро Вильсона. Известный исследователь американской олигархии Фердинанд Ландберг отмечает, что Вудро Вильсон находился в орбите Уолл Стрит ещё за двадцать лет до того, как его кандидатура была выставлена на пост президента: его однокурсниками в Принстоне были отпрыски могущественных семей Доджей и Маккормиков, которые и способствовали сначала его академической, а затем и политической карьере (Ландберг 1948: 140). Эта связь всегда оставалась прочной: ключевую роль в его избрании президентом сыграло руководство «Нэйшнл сити бэнк», где директором был Кливленд Х. Додж, а содиректорами – Дж. П. Морган-младший, Уильям Рокфеллер и ряд других влиятельных финансистов (Ландберг 1948: 138–139). Это во многом объясняет решения в области финансов администрации Вильсона: так, на первом году его правления был принят закон о ФРС, до того безуспешно продвигавшийся с 1908 г. (Ландберг 1948: 148–149), а в 1915 г. американским правительством были одобрены займы

союзникам (Ландберг 1948: 167–172). Синдикат крупнейших банков, выпустивших англо-французский заём, возглавил в октябре 1915 года «Дж. П. Морган и К°» (Ландберг 194: 172).

Всё это позволяет нам говорить о «коллективном Вильсоне», где самые разные концептуальные и практические наработки, по сути, были объединены под его «брендом»: поскольку американские ставки в отношении послевоенного урегулирования в Европе были крайне высоки, для подготовки американской позиции был образован коллектив из 150 учёных и экспертов. Последний получил название *The Inquiry*, а возглавил его советник Вильсона, а до того – главный «политтехнолог» демократической партии Эдвард Хауз. Об интенсивности работы новой структуры говорит тот факт, что ещё до отбытия на Парижскую мирную конференцию этот коллектив подготовил более двух тысяч документов. Эксперимент коллективной работы был признан удачным: впоследствии *The Inquiry* был преобразован в Совет по международным отношениям США (Gelfand 1963).

Добычей, подлежащей переделу, были в первую очередь колонии проигравших Германской и Османской империй. В случае сохранения прежнего порядка вещей главными бенефициарами передела стали бы Британская и Французская империи при миноритарной роли США, что США категорически не устраивало. Требовалось «опрокинуть доску», т. е. отменить старые правила, и установить взамен новые, в рамках которых США могли бы играть центральную роль, навязывая в том числе свою волю и Британии с Францией.

Институционально проект США сводился к созданию новой международной организации, надгосударственного органа власти, который и стал бы главным центром распределения колоний: мандат Лиги Наций вместо привычной аннексии, подкреплённый «доктриной открытых дверей», что должно было открыть для США до того закрытые для них части Азии и Африки (Гершов 1983: 214–217). Естественно, США должны были играть в этой организации ключевую роль, обеспечивая её функционирование в своих интересах. Идейной же легитимацией проекта стал концепт наций. Вильсон заявляет о субъектности наций, которые изначально противостоят правительствам – «мир должен быть правом народов, а не правительств — правом народов, великих и малых, слабых или могущественных, — их реальным правом на свободу, безопасность и самоуправление» (Уткин 1989: 163).

Тут уместно немного отвлечься и несколько более пристально рассмотреть сам концепт наций, выбранный «коллективным Вильсоном» в качестве инструмента раздела «великой Европы». Последний, в отличие от концепта народа (ethnics, people), формировавшегося естественным и большей частью эволюционным путём «снизу», является сконструированным «сверху»: в части определения искусственности его природы сходятся практически все видные исследователи наций и национализма, видя разницу только в причинах, побудивших

его конструирование, и инструментах. Так, Карл Дойч в качестве таковых видит фактор социальной мобильности и коммуникации (Deutsch 1966), Эрнст Геллнер – индустриальную революцию и стандартизацию образования (Геллнер 1991). Майкл Манн полагал национализм реакцией на возникновение современного государства и определял его как идеологию, согласно которой нация наделена особыми добродетелями, позволяющую оправдывать даже агрессивные действия против других наций (Манн 2016; Mann 2012). Эрик Хобсбаум, отмечая, что понятие нации и национализма носит искусственный характер и что они не обусловлены языком и происхождением, полагал их сконструированными государством (Хобсбаум 1998). Бенедикт Андерсен видел в качестве инструмента «печатный капитализм», породивший доступную прессу и запустивший процессы коллективного воображения (Андерсон 2016; Балакришнан, Андерсон 2002). Наконец, Энтони Смит, автор одного из наиболее полных исследований теорий наций и национализма (Смит 2004), отмечает, что при всём разнообразии форм структура национальных мифов у всех наций, полагаемых таковыми, практически идентична. Её базовые элементы – общие предки, некий «золотой век», период упадка, возможно, сопровождавшийся утратой части территории и миграцией, и уверенность в будущем возрождении. Наконец, формально дискутирующий с Геллнером, Андерсоном и иными Бернард Як, утверждая, что нации представляют собой древние сообщества, которые в современности пережили соединение с национализмом как идеологией (Як 2017), по сути отождествляет концепты народа и нации: действительно, любая нация строится на базе некоего исходного сообщества, но конечный результат этого строительства по определению отличен от «исходной точки».

Иными словами, современный концепт нации, являясь, кроме прочего, управленческим инструментом, позволяет конструирование любой произвольной общности на самом широком круге оснований, из которых единственным неисключаемым материальным основанием, судя по всему, является участие в общей экономической деятельности и разделении труда, создающее структуру общих, и воспроизводящихся, материальных интересов. Последние всегда могут быть осмыслены как ущемлённые и стать одним из весомых оснований политической мобилизации, здесь в качестве иллюстрации можно вспомнить и большевистскую революционную метафору Российской империи как «тюрьмы народов», и распространившийся в национальных республиках накануне распада СССР лозунг «хватит кормить Москву!». Политическое оформление этих интересов действительно может быть самым разным, а ключевым структурным элементом, если мы обратимся к исследованию национальной мифологии Смита, является противопоставление нации как проигравшего ранее в истории меньшинства некоему большинству, в отношении которого появилась возможность взять реванш. Такое когнитивное основание позволяет говорить о совпадении функционала со вполне привычным для США концептом меньшинств, который был положен в основу американской политической системы в качестве одного

из ключевых элементов американскими отцами-основателями (Коктыш 2017: 46–71). У Вильсона нации как меньшинства противопоставляются государствам, последние как раз и являются тем враждебным «большинством», в отношении которого сегодня возможно взять реванш: государства автократичны, нации свободолюбивы и демократичны, и Лига Наций как «крепкий союз народов» необходим, «если господство автократии будет свергнуто и вместо него будет создан ряд новых, слабых демократий» (Бекер 1923: 53).

Но «коллективный Вильсон» не просто переносит на европейскую почву концепт меньшинств в формате концепта наций, он решительно соединяет с ним и ту самую органическую метафору Руссо, которая, таким образом, обретает новую жизнь уже в качестве принципа международных отношений. При этом основания для экстраполяции по идее «внутренней» органической метафоры на пространство международных отношений мы находим у самого Руссо, отметившегося скептицизмом в отношении природы как отдельного человека, так и социальных групп, он полагал последнюю изначально морально порочной (Roosevelt 2006) и эгоистичной (King 2021), и не верил в возможность преодоления анархического порядка в международных отношениях. Нация у Вильсона – сущность безусловно одушевлённая: «новые нации нужно охранять, пока они станут на свои собственные ноги» (Бекер 1923: 53); при этом эгоистичная: «доверие одной нации к другой должно покоиться, как и доверие между людьми, на правдивости, прямоте и ясности помыслов» (Бекер 1923: 60), и потенциально порочная – нации могут быть «заслуживающими доверия» (и, соответственно, не заслуживающими) (Бекер 1923: 330).

По сути, нации – это дети, которые, предоставленные сами себе, будут порождать анархию, но для предотвращения последнего у них есть родитель. США в риторике Вильсона – главный и самый верный защитник наций, в этом – их этическая миссия, «в мире этики могущество является не источником новых прав, а источником сугубой ответственности и, следовательно, ещё больших обязанностей» (Бекер 1923: 52). По сути, это – такое же, как и у Руссо, идеологическое использование той же самой метафоры, адресованное неполитическим слоям обществ в первую очередь победивших Англии, Франции и Италии с целью их мобилизации в поддержку американского проекта: в предложенной США новой реальности те получали ощущение причастности к творению истории, т. е. ровно то, чего не могли им дать их собственные элиты. В подготовленную же когнитивную ловушку должны были попасть – под давлением своей же общественности – британский и французский премьеры Ллойд Джордж и Жорж Клемансо, «оплот старой Европы» и её традиций. Причём они должны попасть в неё в любом случае, даже если они этого очень не захотят.

Разумеется, это всё – формулы публичной риторики американского президента: противостоя Ллойд Джорджу и Жоржу Клемансо, Вильсон использует весь возможный арсенал средств. С одной стороны, он шантажирует их угрозой сепаратного мира США с Германией (Уткин 1989: 222), а с другой –

разворачивает потрясающую публичную активность, то, что сегодня назвали бы публичной дипломатией, апеллируя к европейским обществам поверх голов их лидеров. Это было чем-то совершенно новым для тогдашней Европы. Председатель американского комитета печати на Версальской конференции Стэннарт Бекер, сопровождавший Вильсона, отмечает, что «из всех вождей Антанты, как бы велико ни было их участие в тяготах войны, никто не удостоился в столицах Европы таких приёмов со стороны народа, приёмов, ни с чем несравнимых, какие выпали на долю Вильсона. Ни разу Клемансо не вызвал стечения толпы. Ллойд Джордж появлялся в Париже и исчезал почти незамеченный, и не удостоивался приветствий. ... Можно смело утверждать, что никто так глубоко не взволновал и не потряс народы Европы, как Вильсон; это исторический факт, который, независимо от отношения к последующим событиям, заслуживает быть отмеченным» (Бекер 1923: 53).

И это вполне сработало. Органическая метафора Руссо, «оживив» и «человечив» в устах Вильсона концепт меньшинств-наций, овладела неполитическими массами и захватила умы. Обнаружив себя под нарастающим давлением «снизу», Ллойд Джордж и Жорж Клемансо «сломались». «Идея великой, наиболее могущественной во всём мире нации отдать себя на служение человечеству, защитить слабых, поднять павших и угнетённых и дать миру справедливость, – эта идея и в Риме, и в Париже, и в Лондоне вызвала в могучих массах народа взрыв общего ликования» (Бекер 1923: 52).

Понятно, что вильсоновский «проект наций» был абсолютно прагматичен, а использование им метафор и концептов бесспорно инструментально: это было идеологическим обеспечением экономической прагматики. С этой точки зрения США, расщепляя побеждённые империи на национальные составляющие, разрушали сложившуюся в них систему разделения труда. Тем самым заведомо понижался как уровень технологичности производимой продукции, это прямое следствие распада прежних производственных контуров, так и достижимый в дальнейшем «технологический потолок», напрямую зависимый от размеров рынка (Григорьев 2014: 22, 82–87, 221–222). Технологическим же донором для новых образований, который выполнит их «пересборку», включив в собственную систему разделения труда, должны были стать США. Это, собственно, и признавалось современниками как справедливая «доля» США в новом порядке: тот же Бекер отмечал, что «конечно, достигнутое успокоение мира, в конце концов, принесёт громадную материальную и моральную пользу Америке» (Бекер 1923: 305). Таким образом, «пробуждение народов», горячо поддержанное США, открывало им путь к расщеплению конкурентов, каковыми Вильсон считал «главенствующие в мире шесть великих стран Европы» и европоцентристский мир в целом: последнему предстояло стать объектом трансформации. (Уткин 1989: 41). Стоит отметить, что, внедрив и легитимировав концепт наций, США тем самым заложили «бомбу замедленного действия» и под империями союзников, которая сработала уже после Второй мировой войны.

Не вызывает сомнений, что искушённые в политике Ллойд Джорд и Жорж Клемансо не поверили политической метафоре Вильсона и, более того, вполне рассмотрели её подрывной потенциал, но были вынуждены принять навязанные США правила игры. Свидетельством тому довольно язвительная реплика Клемансо, отреагировавшего на высокопарную риторику Вильсона о взаимной помощи как национальном долге, где сильные государства должны оказывать помощь слабым, богатые – экономически неразвитым, познавшие свободу – политически отсталым (Бекер 1923: 53), что по замыслу американского президента должно было привести к вечному миру. Клемансо спросил, посчитали ли участники конференции цену такого мира и готовы ли они будут отказаться от своих империй и надежд на их сохранение? «Вы, господин Ллойд Джордж, вы, англичане, должны будете уйти, к примеру, из Индии. Нам, французам, придётся покинуть Северную Африку, а вы, американцы, вы, господин президент, должны будете уйти с Филиппин и из Пуэрто-Рико и оставить в покое Кубу и Мексику. ...Мы больше не будем иметь возможность управлять ими и эксплуатировать их... Мы не сможем дальше держать в своих руках торговые пути и сферы влияния. Мы должны будем устранить торговые барьеры и предоставить всему миру свободу торговли. ...Это очень дорогостоящий мир. Мы, французы, готовы, а вы готовы уплатить эту цену, чтобы на свете больше не было войн?» Получив немедленный отрицательный ответ от всех участников, все единодушно заявили, что не собираются отказываться от привилегий, какими располагали их страны, Клемансо заключил: «тогда вы имеете в виду не мир, а войну» (Гершков 1983: 219–220).

Таким образом новый порядок был институализирован. Лига Наций в итоге была создана в целом по американскому проекту с незначительными компромиссами: США, введя в переговорный торг непривычный для европейцев фактор публичной дипломатии, на концептуальном уровне практически вчистую его выиграли (Throntveit 2011: 445–481). Новая организация возникла как «ассоциация наций, приверженных идее защиты целостности каждой; покушение одной из наций на существующее положение дел должно вызвать отпор всех прочих стран» (Уткин 1989: 43). Отметим, что метафора защиты довольно быстро экстраполировалась и в экономическое поле и обрела формат протекционизма, что нанесло серьёзнейший, если не смертельный удар по системе британской свободной торговли: на пути британских товаров выросли национальные границы. Вместе с тем новая ситуация предоставила полную свободу действий американскому корпоративному капитализму, перешедшему от экспорта товаров к вывозу производств: «американские корпорации стали «троянскими конями» на внутренних рынках других государств», позволяя США извлекать двойную выгоду от протекционистского движения. Во-первых, это была выгода от контроля над собственной, самой закрытой экономикой, и, во-вторых, это была выгода от собственных прямых иностранных инвестиций, позволявшая «нейтрализовать и превращать в преимущество протекционизм других стран»

(Арриги 2006: 373–374). При этом момент создания Лиги Наций, похоже, и стал стартовой точкой запуска того самого процесса создания национальной мифологии, о которой пишет Смит – как минимум в странах Восточной Европы.

Универсалистская риторика versus прагматичные цели в политике США в Евразии

Как мы видим, США, провозглашая устами Вильсона вполне универсалистские цели – а это «борьба со старым укладом» (Бекер 1923: 141), старой системой – «народы всего мира не могут дольше мириться со старой системой, и они не потерпят правительств, которые её поддерживают» (Бекер 1923: 194) во имя создания «конституции для всего мира» (Бекер 1923: 295), которая станет «жизненной силой всех правительств» (Бекер 1923: 232), в основу которой будут положены «исторические принципы Америки, убедительные для всего мира» (Бекер 1923: 201), преследовали прагматичную цель идеологического закрепления Вашингтоном своего преимущественно экономического контроля над миром. В этом контексте продвигавшийся Вильсоном образ себя как выразителя всемирной народной воли (Бекер 1923: 238) и США как «слуги всего мира» (Бекер 1923: 356), несущего службу в интересах всех (Бекер 1923: 286), по сути оформлял на уровне транслируемой США картины мира порядок, в рамках которого те являются главным и единственным гегемоном. Собственно, об этом Вильсон и заявил Сенату 22 января 1917 г., сообщив о возможности «осуществления великого принципа доктрины Монро в интернациональном масштабе», когда Америка, выйдя из состояния изоляции, «занимает своё место в жизни всего мира» (Бекер 1923: 347).

Действительно, вильсоновский концепт наций, потенциально позволявший расщеплять на неконкурентоспособные части любое конкурирующее образование, оказался эксклюзивным оружием в руках Соединённых Штатов, нависшим и над его партнёрами по Антанте. Они его немедленно пустили в ход: Вильсон «воодушевил надеждой поляков и сербов и признал официально Чехословакию», прекрасно понимая, что такая политика «подрывает и расшатывает моральное состояние и солидарность центральных держав» (Бекер 1923: 412), помешал французам организовать международный контроль над Германией помимо Лиги Наций (Бекер 1923: 332) и предпринял целый ряд иных шагов, публично мотивируя это «обязанностью сильного помогать более слабому» (Бекер 1923: 412).

Использование термина «вильсоновский», возможно, требует некоего пояснения: уместно зафиксировать смысловую границу между концептом *per se* и концептом политическим. В научном дискурсе любой концепт, как правило, многогранен и имеет множество прочтений, политика же акцептирует только одно прагматически целесообразное его прочтение, в дальнейшем его по возможности юридически оформляя. В этом контексте применительно к XX

и ХХI вв., говоря о концепте наций как политическом, уместно говорить о его вильсоновском оформлении: именно он стал основой политики США, превратившись в такой же инструмент «взлома» внешних экономполитических систем, как для Англии – установленный ею к середине ХIХ в. принцип свободы торговли: будучи на тот момент самой крупной экономикой мира, та могла предложить рынку любой товар сопоставимого качества по более низким ценам, нежели любой иной производитель. Таким образом, императивное требование отсутствия таможенных границ попросту сносило всякие препятствия для британской торговой экспансии и поглощения конкурентов. Что примечательно, под флагом «свободы торговли», благам которой, как писали британские газеты того времени, «открывается ещё одна деспотия», происходила и британская торговля опиумом в Китае (Грудзинский 2015: 156).

С распадом СССР вильсоновский концепт наций пережил своё второе рождение. Бывшие советские республики немедленно стали объектом западного влияния: так, в 1993 г. одной из приоритетных целей американской внешней политики была заявлена «интеграция [новых независимых государств] в сообщество демократических наций, глобальную экономику и международные институты»¹, что по сути было попыткой вывода их из российской орбиты влияния. До середины 90-х западный практический интерес, впрочем, имел скорее экономический, нежели геополитический характер, и не был явным образом идеологически оформлен. Правда, на этом этапе во всех постсоветских странах возникли и укрепились в качестве политической силы националисты, как правило, прозападные, начала и внедрялась национальная мифология, в рамках которой в качестве враждебной силы, прервавшей «золотой век», неизменно выступала Россия.

До поры, впрочем, националисты везде, кроме прибалтийских республик, оставались маргинальным игроком, который, если и прорывался к власти, оказывался неспособным её удержать – как, например, это произошло с Гамсахурдиа в Грузии и с Эльчибеём в Азербайджане. Тем не менее тогдашнего политического веса националистов оказалось достаточно для политического обеспечения стремления западных деловых кругов максимально расширить доступ к ключевым промышленным и ресурсным активам на постсоветском пространстве: был запущен целый ряд западно-ориентированных инфраструктурных проектов². Этой цели служил и инициированный Евросоюзом проект ТРАСЕКА для восьми закавказских и среднеазиатских республик бывшего СССР, который должен был способствовать развитию торговли и транспорта в обход России.

¹ History of the Department of State During the Clinton Presidency (1993–2001). *Office of the Historian, Bureau of Public Affairs, U.S. Department of State*. URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/ho/pubs/8527.htm> (accessed 27.09.2024).

² Hill F. A Not-So-Grand Strategy: U.S. Policy in the Caucasus and Central Asia Since 1991. *Brookings*. URL: <https://www.brookings.edu/articles/a-not-so-grand-strategy-u-s-policy-in-the-caucasus-and-central-asia-since-1991/> (accessed 27.09.2024).

Новые транспортные маршруты без российского участия прорабатывались и в международных организациях: ЭСКАТО ООН, ЕЭК ООН, ЦАРЭС (Quium 2018).

Ко второй половине 1990-х гг. в США уже оформилось концептуальное обоснование для таких проектов, у них уже были геополитические категории увеличения своего влияния и снижения российского (Jaffe 1988), Россия прямо указывалась в качестве конкурента. Так, диверсификация транспортной инфраструктуры признавалась необходимой, чтобы подкрепить политический суверенитет новых независимых государств экономической независимостью от России (Сафранчук, Махмудов 2021). В рамках такой установки совершенно логично, что США заняли критическую позицию в отношении интеграционных процессов на постсоветском пространстве, которые инициировала Россия без участия западных стран, а такие инициативы появились уже в середине 1990-х гг.

Так, первые попытки запустить ориентированную на Россию в качестве центра экономическую интеграцию трактовались западными экспертами и политиками как негативные, нацеленные на сохранение российского влияния, но одновременно признавались не как угроза в силу своей слабости, что во многом было правдой (Allison 2008). А вот более системные усилия России по развитию интеграционных форматов на постсоветском пространстве – в начале 2000-х гг. были сформированы ЕврАзЭС и ОДКБ – стали вызывать у американских политиков и экспертов большие опасения. К середине 2000-х гг. стало очевидным, что США готовы противодействовать интеграционным объединениям, инициированным Россией, а точкой приложения усилий стали ориентированные на США и Запад в целом националистические политики в постсоветских странах.

Так, в 2003 г. Россия, Беларусь и Казахстан договорились перейти к более глубокой форме интеграции и подписали Соглашение о формировании Единого экономического пространства (ЕЭП). В 2004 г. велись переговоры о присоединении к нему Украины, однако этот интеграционный процесс был сорван «оранжевой революцией» в Киеве в ноябре 2004 г. Это подтверждало, что имеет место не просто экономическая конкуренция, а она тесно связана с геополитическими соображениями: начавшиеся с Грузии и Украины «цветные революции», по сути, имели единственной целью отстранение от власти пророссийских элит и смену их на прозападных националистов. В последующий период ноу-хау было применено, с различной степенью успешности, во многих постсоветских странах, включая Грузию (Тимофеев 2024), Беларусь (Коктыш 2021: 91–110) и даже Россию (Данюк, Семибратов 2024). При этом, как правило, заметна прямая корреляция попыток «цветных» переворотов с интеграционными успехами России.

Так, к концу 2000-х гг. Россия смогла вновь активизировать интеграционные инициативы. В 2007 г. Россия, Беларусь и Казахстан подписали Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза (ТС).

К середине 2009 г. были согласованы конкретные условия его функционирования, и в 2010 г. Таможенный союз начал работу. В конце 2009 г. были также активизированы усилия по созданию Единого экономического пространства (ЕЭП) в составе тех же трёх стран (ЕЭП заработал с 1 января 2012 г.). В октябре 2011 г. президенты России, Казахстана и Беларуси выступили с инициативой дальнейшего углубления интеграции на базе ТС и ЕЭП за счёт формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Активизация этих интеграционных объединений не осталась незамеченной со стороны западных политиков. Накануне встречи с российским министром иностранных дел Сергеем Лавровым в Дублине в 2012 г. госсекретарь США Хиллари Клинтон назвала создание Таможенного союза и намерение углубить политическую и экономическую интеграцию в рамках Евразийского союза попыткой «ресоветизации региона»³. Х. Клинтон заявила, Россия использует региональную интеграцию в Евразии для «восстановления империи», что представляет опасность для мирового порядка, а также стремится к ослаблению влияния США в мире⁴.

Первичность прагматизма по определению ставит под угрозу универсализм декларируемых норм США: изменение конъюнктуры, когда изначальный прагматизм перестаёт работать, по определению должно вести вначале к попытке пересмотра интерпретации декларированных ценностей, а в случае неудачи – и к фактическому отказу от декларированных в качестве универсальных принципов. Такой пересмотр интерпретации и произошёл на рубеже 2000-х и 2010-х: ещё в 1990-е гг. американские эксперты и политики признавали геополитические элементы своего интереса к постсоветскому пространству, но при этом они делали упор на выгоды для самих постсоветских республик от опережающего развития экономических связей за пределами постсоветского пространства – по сравнению со связями внутри этого пространства. Однако в начале десятых годов в реакции американской дипломатии на углубление интеграции на рубеже годов уже полностью игнорируются экономические выгоды для самих постсоветских республик, а акцент сместился на то, что это будет способствовать усилению России, и что ещё более важно, иметь последствия для мирового порядка.

Россия, Казахстан и Беларусь, действительно, формулировали амбициозные задачи для нового этапа интеграции. В. Путин в октябре 2011 г. заявил: «Мы <...> ставим перед собой амбициозную задачу: выйти на следующий, более высокий уровень интеграции — к Евразийскому союзу. Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной “связки” между

³ Clover C. 2012. Clinton vows to thwart new Soviet Union. *Financial Times*. 07.12.2012. URL: <https://www.ft.com/content/a5b15b14-3fcf-11e2-9f71-00144feabdc0> (accessed 27.09.2024).

⁴ Trenin D. 2014. Clinton, Russia, and U.S. Foreign Policy. *Carnegie Endowment*. 23.06.2014. URL: <https://carnegieendowment.org/posts/2014/06/clinton-russia-and-us-foreign-policy?lang=en> (accessed 27.09.2024).

Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом»⁵. Президент Казахстана также считал, что новое интеграционное объединение «имеет все шансы стать органичной частью новой мировой архитектуры, формирование которой началось под воздействием самого мощного в истории глобального финансово-экономического кризиса»⁶.

После активизации евразийской интеграции западные эксперты начали продвигать нарратив о региональной экономической интеграции как геополитическом инструменте имперской реконструкции России. Характерным можно считать высказывание американского политолога Ариэля Коэна: «Евразийский союз, который превратится в сферу влияния России, <...> скорее всего, монополизировать региональную безопасность, может поставить под угрозу региональную стабильность и подрвать экономическую и политическую свободу в Центральной Азии и за её пределами» (Cohen 2013). А Майкл Макфол писал в 2014 г. о развороте Украины в сторону интеграции с Европейским союзом как одним из ключевых факторов, негативно влияющих на планы России по созданию Евразийского экономического союза (McFaul 2014). В 2010-е гг. в западной экспертно-научной среде абсолютно доминировало противопоставление инициированных Россией региональных интеграционных проектов и развитию связей со странами за пределами постсоветского пространства (при этом первое подавалось в негативных тонах, а второе – в позитивных) (Libman 2022; Spechler, Spechler 2013; Stronski 2020). Такое противопоставление концептуализировалось как выбор между закрытой моделью интеграции (таковой называлась евразийская интеграция, несмотря на то, что сами её участники заявляли о нежелании изолироваться от глобальной экономики) и открытой (которой признавалось развитие контактов за пределами постсоветского пространства и которая характеризовалась положительно) (Сафранчук 2015).

Любые инициативы России в области интеграции и многостороннего взаимодействия на региональном уровне (такие как СНГ, ОДКБ, ЕАЭС и ШОС), а тем более на глобальном (БРИКС), рассматриваются западными странами, и США в первую очередь, как попытка подрвать влияние Запада в мире и поставить под угрозу либеральный мировой порядок (Denisov et al. 2019; Денисов и Сафранчук 2016). На рубеже 2010-х и 2020-х гг. особую озабоченность у западных экспертов и политиков стало вызывать сотрудничество России и Китая в Евразии⁷. Конечной целью координации усилий России и Китая (с его инициативой Экономического пояса Шёлкового пути), как считают американские

⁵ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. *Известия*. 3 октября 2011 г. URL: <http://izvestia.ru/news/502761> (дата обращения: 27.09.2024).

⁶ Назарбаев Н.А. Евразийский союз: от идеи к истории будущего. *Известия*. 25 октября 2011 г. URL: <http://izvestia.ru/news/504908> (дата обращения: 27.09.2024).

⁷ Regional Perspectives Report on Russia. Strategic Foresight Analysis. 2021. *NATO Allied Command Transformation*. URL: <https://www.act.nato.int/wp-content/uploads/2023/05/regional-perspectives-2021-01.pdf> (accessed 27.09.2024).

эксперты, является формирование «блока автократий от Китая до Беларуси, разделяющих геополитическую враждебность к Западу и противостоящих либеральным принципам регионального порядка» (Ohanyan 2024)⁸.

Таким образом, первичная прагматика борьбы с империями, под знаменем которой прошла большая часть XX в., отнюдь не закончилась их фактическим распадом – последним тут оказался СССР. США, исходя из принципа *divide et impera*, последовательно противостоят любым интеграционным объединениям, возникающим на пространствах Евразии, даже если в их основании лежит не политическая, а экономическая прагматика – как, например, в случае с ЕАЭС. Этой же логикой диктуется и отрицание США права народов на самоопределение в тех случаях, когда это не соответствует их интересам. Принцип, таким образом, на поверку оказывается инструментальным, а не универсальным, т. е. идеологемой, полезной до той поры, пока она позволяет легитимировать прагматику сохранения США американоцентричного мира. При этом оформление отказа США от универсализма ранее декларируемых в качестве неизменных принципов сегодня происходит во вполне мягком формате концепта «мира, основанных на правилах». По сути, этот концепт предполагает плавное вытеснение государств как источников международного права (*sovereignty-based order*) международными организациями (*rules-based order*), которые должны постепенно всё более активно выступить в этом качестве (Sloss 2022: 24–25). Собственно, о контроле над международными организациями как источнике американской «мягкой силы» писал ещё в ставшем классическим труде Джозеф Най, записавший в институты, поддерживающие американскую «мягкую силу», МВФ, ВТО и ООН (Nye 2004: 10).

Выводы

В данном тексте мы проследили эволюцию одной, но довольно важной органической метафоры Руссо, волею судьбы превратившейся в устойчивую «когнитивную ловушку», приведшей к довольно драматичному развитию в российской истории XIX в., а в начале XX в. усилиями «коллективного Вильсона» обретшей новую жизнь как концепт организации международных отношений. При том что первичность прагматизма в политике США не вызывает сомнений, поднятые вопросы тем не менее могут стать началом дискуссии как о содержательном различии концептов «народы» и «нации», с учётом естественно-го происхождения первого «снизу» и сконструированности второго «сверху»,

⁸ Примечательно в этой связи, что в 2013–2015 гг. США пытались склонить Китай к координации китайской инициативы «Пояса и пути» (тогда она называлась «Экономический пояс Шёлкового пути» и собственной региональной инициативой «Нового шёлкового пути»), однако Китай предпочёл взаимодействие с Евразийским экономическим союзом. Сафранчук И.А. 2015. Эволюция позиции США в отношении роли Китая в Центральной Азии. *Международная жизнь*. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1354> (дата обращения: 27.09.2024)

так и о нациестроительстве как процессе, который преследует главным образом не собственные внутренние цели, а цели, отвечающие интересам внешних крупных игроков. Как мы видим, вильсоновский концепт наций, обретший современную форму как раз в силу синтеза с органической метафорой Руссо, в первую очередь выступал как инструмент экономического передела Европы в пользу США, заложив основу современного американского доминирования в Европе, а сегодня используется для противодействия интеграционным усилиям России.

Такая дискуссия была бы крайне полезна и в части осмысления современного состояния концепта нации, и последствий его реализации на постсоветском пространстве. Так, построение национальных государств в Прибалтике вовсе не привело их к процветанию, напротив, результатом стала массовая миграция, причём в первую очередь коренного населения, поставившая под угрозу их способность демографического производства. Строительство национального государства в Республике Молдова вообще привело к отказу правящих элит от молдавской идентичности и замене её на румынскую. Положение дел на Украине показывает, что конструирование «нации» сегодня возможно по произвольно широкому кругу оснований, которые могут исключать экономическую прагматику, базироваться на откровенных антинаучных мифах, не предполагать политическое здравомыслие, стимулировать культ смерти и фактическое культивирование псевдохристианства⁹ и многое иное.

При этом деконструкция метафор, вернее, дефицит такого практического опыта – старая российская проблема, уже не раз приводившая к драматическим поворотам российской истории (Сергеев, Коктыш 2023: 173–182). В этом контексте авторы рассматривают свой текст как вклад в развитие отечественной школы когнитивного анализа и когнитивной деконструкции.

Об авторах:

Кирилл Евгеньевич Коктыш – доктор политических наук, профессор кафедры политической теории МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России, 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского 76. E-mail: kirill.koktysh@gmail.com

Виктор Михайлович Сергеев – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России, 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского 76. E-mail: victor04076831@mail.ru

Астхик Арсеновна Игитян – аналитик ИМИ МИД России, 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского 76. E-mail: a.igityan@my.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Публикация подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках гранта ИМИ № 2025-04-04.

⁹ Белоусова А. Сенатор Цеков назвал оскорблением заявление Зеленского о «шевроне с украинским флагом». *Russia Today*. 05.05.2024. URL: <https://russian.rt.com/ussr/news/1308758-zelenskii-cerkov-pasha> (дата обращения: 27.09.2024)

UDC 327.3:321.01 (4+5) + 32.01

Received: January 12, 2024

Accepted: March 28, 2024

The Cognitive Trap of Rousseau's "Organic Metaphor" and the Construction of U.S. Policy in Europe and Eurasia

 K.E. Koktysh, V.M. Sergeev, A.A. Igityan[DOI 10.24833/2071-8160-2024-5-98-161-184](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-5-98-161-184)

MGIMO University

Abstract: The ideological dimension of international relations and foreign policy represents a distinct area of interaction, often situated at the intersection of political theory and philosophy. This study explores how metaphors, particularly Rousseau's Organic Metaphor and its adaptation by Woodrow Wilson in his conceptualization of nationalism, function as powerful cognitive tools within the political sphere. These metaphors can act as "cognitive keys" that shape the perception of socio-political realities, influencing both the understanding and actions of political actors. However, while they provide a framework for understanding the internal logic of events, they also limit cognitive freedom by acting as implicit filters. This article traces the instrumental use of these metaphors in U.S. foreign policy, particularly how Wilson's conceptualization of nationalism, derived from Rousseau's metaphor, was utilized to reshape the ideational landscape of European politics in the 20th century and is now being applied in Eurasia. The concept of nationalism allowed for the fragmentation of competing political entities, aligning with the U.S. strategy of **divide et impera** to oppose integration movements. The article further examines how these strategies, which once targeted European empires, are now being employed against emerging integration unions in Eurasia, thereby highlighting the continuity of ideological tools in American foreign policy across different historical contexts.

Keywords: Rousseau's organic metaphor, political metaphor, Wilson, nationalism, League of Nations, US policy in Europe and Eurasia

About the authors:

Kirill E. Koktysh – Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Research Fellow, MGIMO University. Address: 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

E-mail: kirill.koktysh@gmail.com

Viktor M. Sergeev – Doctor of Historical Sciences, Leading Research Fellow, MGIMO University. Address: 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

E-mail: victor04076831@mail.ru

Astkhik A. Igityan – Analyst, MGIMO University. Address: 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. E-mail: a.igityan@my.mgimo.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The publication is funded by MGIMO University, Institute for International Studies Project № 2025-04-04.

References:

- Aiko Y. 2006. *Classical Theory in International Relations: Rousseau and Saint-Pierre's Peace Project: a Critique of "History of International Relations Theory"*. P. 96–120. DOI: 10.1017/CBO9780511491429.005.
- Allison R. 2008. Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia. *Central Asian Survey*. 27(2). P. 185–202.
- Bonham G.M., Shapiro M.J. 1977. *Thought and Action in Foreign Policy*. Basel: Birkhauser Verlag (eds.). 356 p.
- Cohen A. 2013. *Russia's Eurasian Union Could Endanger the Neighborhood and U.S. Interests*. The Heritage Foundation Report. June 14. URL: <https://www.heritage.org/europe/report/russias-eurasian-union-could-endanger-the-neighborhood-and-us-interests>
- Deutsch K. 1966. *Nationalism and Social Communication. An Enquiry into the Foundations of Nationality*. M.I.T. Press Paperback Printing. 323 p.
- Gelfand L.B. 1963. *The Inquiry: American Preparations for Peace, 1917–1919*. New Haven and London: Yale University Press. 387 p.
- Jaffe A.M. 1988. *Unlocking the Assets: Energy and the Future of Central Asia and the Caucasus: Main Study*. Houston: The James A. Baker III Institute for Public Policy of Rice University. 42 p.
- King J. 2021. The International Politics of Amour Propre: Revisiting Rousseau's Place in International Relations Theory. *Journal of International Political Theory*. №18. P. 167–185. DOI: 10.1177/1755088220983832.
- Libman A. 2022. Does Integration Rhetoric Help? Eurasian Regionalism and the Rhetorical Dissonance of Russian Elites. *Europe-Asia Studies*. 75(9). P. 1574–1595. DOI: 10.1080/09668136.2022.2120184
- Mann M. 2012. *The Sources of Social Power. Volume III: The Rise of Classes and Nation-States, 1760–1914*. Cambridge University Press. 846 p.
- McFaul M. 2014. Moscow's Choice. *Foreign Affairs*. 93(6). P. 167–170. URL: <https://www.mearsheimer.com/wp-content/uploads/2019/06/Moscows-Choice.pdf>
- Nye J.S.Jr. 2004. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. Public Affairs, New York. 192 p.
- Quium A.S.M. 2018. *The Asian Highway and Trans-Asian Railway networks. Routledge Handbook of Transport in Asia*. Ed. Zhang J., Feng C.M. New York: Routledge. P. 44–60.
- Roosevelt G. 2006. Rousseau versus Rawls on International Relations. *European Journal of Political Theory*. №5. P. 301–320. DOI: 10.1177/1474885106064663.
- Sloss D.L. 2022. Preserving a Rules-Based International Order. Ed. By D.L. Sloss. *Is the International Legal Order Unraveling?* Oxford University Press. 553 p. P. 23–62.
- Spechler M.C., Spechler D.R. 2013. Russia's Lost Position in Central Eurasia. *Journal of Eurasian Studies*. 4(1). P. 1–7. DOI: 10.1016/j.euras.2012.08.001.
- Stronski P. 2020. *There Goes the Neighborhood: The Limits of Russian Integration in Eurasia*. Carnegie Endowment for International Peace. URL: <https://carnegieendowment.org/research/2020/09/there-goes-the-neighborhood-the-limits-of-russian-integration-in-eurasia?lang=en>
- Throntveit T. 2011. The Fable of the Fourteen Points: Woodrow Wilson and National Self-Determination. *Diplomatic History*. 35(3). P. 445–481. DOI: 10.1111/j.1467-7709.2011.00959.x

Anderson B. 2016. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmysleniya ob istokah i rasprostranении nacionalizma* [Imagined Communities Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: «Kuchkovo pole». 416 p. (In Russian)

Ankersmit F.R. 2014. *Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i cennosti* [Aesthetic Politics. Political Philosophy Beyond Fact and Value]. Moscow: «Izd. dom VShE». 432 p. (In Russian)

Arrighi G. 2006. *Dolgiy dvadcatyy vek: den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni* [The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of our Times]. Moscow: «Territoriya budushchego». 472 p. (In Russian)

Balakrishnan G. (ed.), Andersen B. and others. 2002. *Nacii i nacionalizm* [Mapping the Nation]. Moscow: «Praksis». 416 p. (In Russian)

Beker S. 1923. *Vudro Vil'son. Mirovaya vojna. Versal'skij mir. Po dokumentam i zapiskam predsedatelya amerikanskogo komiteta pechati na Versal'skoj konferencii Stennarta Bekera* [Woodrow Wilson. The World War. The Versailles Peace. According to the Documents and Notes of the Chairman of the American Press Committee at the Versailles Conference, Stannart Becker]. Gos. izd. «Moskva – Petrograd». 450 p. (In Russian)

Bernardi B. 2013. *Sozdanie obshchej voli. Russo Zh.-Zh. Politicheskie sochineniya* [The Creation of a Common Will. Rousseau J.-J. Political Writings]. Saint Petersburg: «Rostok». 640 p. P. 17–39. (In Russian)

Boldyrev N.N. 2018. *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and Knowledge System. Cognitive Theory of Language]. Moscow: «YaSK». 480 p. (In Russian)

Chaadaev P.Ya., Teslya A.A. 2017. *Filosoficheskie pis'ma, adresovannye dame*. P.Ya. Chaadaev [Philosophical Letters Addressed to a Lady]. Moscow: RIPOL klassik. 554 p. (In Russian)

Gellner E.G. 1991. *Nacii i nacionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow: «Progress». 320 p. (In Russian)

Gershov Z.M. 1983. *Vudro Vil'son* [Woodrow Wilson]. Moscow: «Mysl'». 335 p. (In Russian)

Grigor'ev O. 2014. *Epoha rosta: Lekcii po neokonometike. Rascvet i upadok mirovoj ekonomicheskoy sistemy* [The Age of Growth: Lectures on Neoconomics. The Rise and Decline of the Global Economic System]. Moscow: «Kar'era Press». 448 p. (In Russian)

Grudzinsky V. 2015. *Velikobritaniya i ee imperiya v seredine XIX veka: liberalizm i problema modernizatsii* [Great Britain and its Empire in the Middle of the 19th Century: Liberalism and the Problem of Modernization]. Chelyabinsk, «Enciklopediya». 220 p. (In Russian)

Hobbes T. 1991. *Leviatan, ili materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo. Sochineniya v 2-h t. T.2.* [Leviathan or The Matter, Form and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil. Collected works in 2 Vol. Vol. 1]. Moscow: Mysl. 731 p. (In Russian)

Hobsbawm E. 1998. *Nacii i nacionalizm posle 1780 goda* [Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality]. Saint Petersburg: «Aletejya». 307 p. (In Russian)

Hofstadter D., Dennett D. 2003. *Glaz razuma* [The Mind's I]. Samara: «Bahrah-M». 432 p. (In Russian)

Horkheimer M. 2011. *Zatmenie razuma. K kritike instrumental'nogo razuma* [Eclipse of Reason]. Moscow: «Kanon+». 224 p. (In Russian)

Koktysh K.E. 2017. *Ontologiya racional'nogo (IV)* [Ontology of the Rational (IV)]. *Politiya*. 1(84). P. 46–71. DOI: 10.30570/2078-5089-2017-84-1-46-71 (In Russian)

Koktysh K.E., Sergeev V.M. 2024. *Rozhdenie glubinnogo gosudarstva* [The Birth of the Deep State]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. №1. P. 134–148. DOI: 10.17976/jpps/2024.01.10. (In Russian)

Lakoff G., Johnson M. 2004. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we Live by]. Moscow: «Editorial URSS». 256 p. (In Russian)

Lundberg F. 1948. *60 semejstv ameriki* [America's 60 Families]. Moscow: Inostrannaya literatura. 565 p. (In Russian).

Mann M. 2016. *Temnaya storona demokratii. Ob'yasnenie etnicheskikh chistok* [The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing]. Moscow: «Pyatyj Rim». 926 p. (In Russian)

Rousseau J.-J. 2013a. Rassuzhdenie o politicheskoy ekonomii. *Rousseau J.-J. Politicheskie sochineniya* [Discours sur l'économie politique. Political writings]. Saint Petersburg: «Rostok». 640 p. P. 40–78. (In Russian)

Rousseau J.-J. 2013b. Obshchestvennyj dogovor, ili osnovaniya politicheskogo. *Rousseau J.-J. Politicheskie sochineniya* [Du contrat social. Political writings]. Saint Petersburg: «Rostok», 640 p. P. 116–239. (In Russian)

Rousseau J.-J. 2013c. Soobrazheniya ob obraze pravleniya v Pol'she i o plane ego pereustroystva, sostavlennom v aprele 1771 g. *Rousseau J.-J. Politicheskie sochineniya* [Considérations sur le gouvernement de Pologne. Political writings]. Saint Petersburg: «Rostok». 640 p. P. 497–588. (In Russian)

Safranchuk I.A. 2015. Globalizacija v golovah [Globalization in the Minds]. *Rossija v global'noj politike*. 13(1). P. 121–126. (In Russian)

Safranchuk I., Mahmudov R. 2021. Transportnaja svjazannost' i mezhdunarodnye processy v Evrazii: problemy i protivorechija [Connectivity and International Relations in Eurasia: Problems and Perspectives]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 65(10). P. 24–32. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-10-24-32 (In Russian)

Sergeev V.M., Koktysh K.E. 2023. Konflikty elit v trekhstoletnej istorii rossijskoj modernizacii [Conflicts of Elites in the Three-Hundred-Year History of Russian Modernization]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. №1. P. 173–182. DOI: 10.17976/jpps/2023.01.13. (In Russian).

Skrebцова T.G. 2018. *Kognitivnaya lingvistika: klassicheskie teorii, novye podhody* [Cognitive Linguistics: Classical Theories, New Approaches]. Moscow: «YaSK». 391 p. (In Russian)

Smith A.D. 2004. *Nacionalizm i modernizm: Kriticheskij obzor sovremennykh teorii nacij i nacionalizma* [Nationalism and Modernism. A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism]. Moscow: «Praksis». 464 p. (In Russian)

Solso R. 2006. *Kognitivnaya psihologiya* [Cognitive Psychology]. Saint Petersburg: «Piter». 589 p. (In Russian)

Thiers L.-A. 2015. *Istoriya Francuzskoj revolyucii* [Histoire de la révolution française]. Vol. 2. Moscow: Zaxarov. 681 p. (In Russian).

Utkin A.I. 1989. *Diplomatiya Vudro Vil'sona* [Woodrow Wilson's Diplomacy]. Moscow: «Mezhdunarodnye otnosheniya». 320 p. (In Russian).

Yack B. 2017. *Nacionalizm i moral'naya psihologiya soobshchestva* [Nationalism and the Moral Psychology of Community]. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara. 520 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке

Андерсон Б. 2016. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Москва: «Кучково поле». 416 с.

Анкерсмит Ф.Р. 2014. *Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности*. Москва: «Изд. дом ВШЭ». 432 с.

Арриги Дж. 2006. *Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени*. Москва: «Территория будущего». 472 с.

- Балакришнан Г. (ред.), Андерсон Б. и др. 2002. *Нации и национализм*. Москва: «Праксис». 416 с.
- Бекер С. 1923. *Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир. По документам и письмам председателя американского комитета печати на Версальской конференции Стеннарта Бекера*. Гос. изд. «Москва – Петроград». 450 с.
- Бернард Б. 2013. Создание общей воли. Руссо Ж.-Ж. *Политические сочинения*. Санкт-Петербург: «Росток». 640 с. С. 17–39.
- Болдырев Н.Н. 2018. *Язык и система знаний. Когнитивная теория языка*. Москва: «ЯСК». 480 с.
- Геллнер Э.Г. 1991. *Нации и национализм*. Москва: «Прогресс». 320 с.
- Гершов З.М. 1983. *Вудро Вильсон*. Москва: «Мысль». 335 с.
- Гоббс Т. 1991. *Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского*. Сочинения в 2-х т. Т. 2. Москва: «Мысль». 731 с.
- Григорьев О. 2014. *Эпоха роста: Лекции по неоэкономике. Расцвет и упадок мировой экономической системы*. Москва: «Карьера Пресс». 448 с.
- Грудзинский В. 2015. *Великобритания и её империя в середине XIX века: либерализм и проблема модернизации*. Челябинск. «Энциклопедия». 220 с.
- Данюк Н., Семибратов Е. 2024. Увязшие в «Болоте». Попытки «цветных революций» в России в 2012–2022 гг. Под ред. С.Г. Мусиенко, М.А. Макарычева. *Горький привкус цветных революций*. С. 13–21. Москва: Молодая гвардия.
- Коктыш К.Е. 2017. Онтология рационального (IV). *Полития*. 1(84). С. 46–71. DOI: 10.30570/2078-5089-2017-84-1-46-71
- Коктыш К.Е. 2021. Белоруссия: новая геополитическая реальность? *Полис. Политические исследования*. №3. С. 91–110. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.07
- Коктыш К.Е., Сергеев В.М. 2024. Рождение глубинного государства. *Полис. Политические исследования*. №1. С. 134–148. DOI: 10.17976/jpps/2024.01.10.
- Лакофф Дж., Джонсон М. 2004. *Метафоры, которыми мы живём*. Москва.: «Едиториал УРСС». 256 с.
- Ландберг Ф. 1948. *60 семейств Америки*. Москва: Из-во Иностранной литературы. 565 с.
- Манн М. 2016. *Тёмная сторона демократии. Объяснение этнических чисток*. Москва: «Пятый Рим». 926 с.
- Руссо Ж.-Ж. 2013а. Рассуждение о политической экономии. Руссо Ж.-Ж. *Политические сочинения*. Санкт-Петербург: «Росток». 640 с. С. 40–78.
- Руссо Ж.-Ж. 2013б. Общественный договор, или основания политического. Руссо Ж.-Ж. *Политические сочинения*. Санкт-Петербург: «Росток». 640 с. С. 116–239.
- Руссо Ж.-Ж. 2013с. Соображения об образе правления в Польше и о плане его переустройства, составленном в апреле 1771 г. Руссо Ж.-Ж. *Политические сочинения*. Санкт-Петербург: «Росток». 640 с. С. 497–588.
- Сафранчук И., Махмудов Р. 2021. Транспортная связанность и международные процессы в Евразии: проблемы и противоречия. *Мировая экономика и международные отношения*. 65(10). С. 24–32. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-10-24-32
- Сафранчук И.А. 2015. Глобализация в головах. *Россия в глобальной политике*. 13(1). С. 121–126.
- Сергеев В.М., Коктыш К.Е. 2023. Конфликты элит в трехсотлетней истории российской модернизации. *Полис. Политические исследования*. №1. С. 173–182. DOI: 10.17976/jpps/2023.01.13.

Скребцова Т.Г. 2018. *Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы*. Москва: «ЯСК». 391 с.

Смит Э.Д. 2004. *Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма*. Москва: «Праксис». 464 с.

Солсо Р. 2006. *Когнитивная психология*. Санкт-Петербург: «Питер». 589 с.

Тимофеев Я. 2024. Как розы превратились в дубинки. Под ред. С.Г. Мусиенко, М.А. Макарычева. *Горький привкус цветных революций*. С. 39–47. Москва: Молодая гвардия.

Тьер Луи-А. 2015. *История Французской революции*. Т. 2. Москва: Изд-во Захаров. 681 с.

Уткин А.И. 1989. *Дипломатия Вудро Вильсона*. Москва: «Международные отношения». 320 с.

Хобсбаум Э. 1998. *Нации и национализм после 1780 года*. Санкт-Петербург: «Алетейя». 307 с.

Хоркхаймер М. 2011. *Затмение разума. К критике инструментального разума*. Москва: «Канон+». 224 с.

Хофштадтер Д., Деннетт Д. 2003. *Глаз разума*. Самара: «Бахрах-М». 432 с.

Истоки идеи «цивилизационной» многополярности в русской религиозной мысли XIX – первой половины XX веков

М.В. Медоваров

ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Статья посвящена формированию представлений о «цивилизационной» многополярности (понимаемой как множественность центров силы, представляющих отличные друг от друга цивилизации, в международной политике) у русских религиозных мыслителей. Анализируется постепенное вызревание идеи наличия в мире нескольких цивилизаций, помимо западной (романо-германской), складывание представлений о потенциале становления каждой из них полюсом силы и о месте России в условиях прогнозируемых изменений в системе международных отношений. Рассматриваются первые ростки критики европоцентризма у тех русских философов и публицистов, для которых православие и религиозное мышление являлись принципиальной исходной точкой в рассуждениях. Отмечается медленное преодоление пережитков «русского европеизма» и планов колониального передела мира у русских мыслителей второй половины XIX в. Прослежены конкретные этапы формирования представлений о цивилизационной многополярности, становившихся всё более выраженными при движении от Н.Я. Данилевского к В.И. Ламанскому и, далее, к К.Н. Леонтьеву. Рассматриваются преломления идеи о грядущей мировой войне и «пробуждении Востока» в концепциях религиозных мыслителей рубежа XIX–XX вв., включая В.А. Грингмута, Л.А. Тихомирова, Э.Э. Ухтомского, С.Н. Сыромятникова. Демонстрируется прогностическая ценность всех перечисленных концепций. Особое внимание уделено евразийцам 1920–30-х годов: постепенному формулированию их лидерами Н.С. Трубецким и П.Н. Савицким доктрины перехода системы международных отношений в состояние автаркичных «миров»-цивилизаций, а также религиозному обоснованию желательности такой трансформации.

Ключевые слова: многополярность, цивилизация, теория международных отношений, русская философия, русская религиозная мысль, панславизм, русский консерватизм, евразийство

Русская религиозная философия XIX–XX вв., сосредоточенная на проблемах онтологии, теологии, антропологии, а также на учении о государстве и праве, не создала специальных трудов по теории международных отношений. Вместе с тем не стоит абсолютизировать степень невнимания к данному вопросу. Многие русские мыслители и публицисты, для которых исповедание православия было не формальностью, но одной из принципиальных основ мышления, уделяли внимание внешнеполитическим вопросам, способствуя как воздействию на общественное мнение, так и выработке если не теории международных отношений в строгом смысле, то хотя бы «пролегоменов» к ней. По сей день работ на эту тему практически нет; чаще исследуются международно-политические взгляды нерелигиозных мыслителей¹. В рамках данной статьи, используя сравнительно-исторический метод и исходя из принципа историзма в оценке позиций различных отечественных философов XIX – первой половины XX вв., мы постараемся наметить вехи зарождения и оформления идеи цивилизационной многополярности как желаемой картины миропорядка. При этом анализироваться будут только те мыслители, для которых религиозное начало было принципиально важным моментом в их рассуждениях, иными словами, религиозные (в данном случае – православные) аргументы играли значимую роль в обосновании их взглядов на международные отношения.

Под цивилизационной многополярностью понимается наличие на планете нескольких цивилизаций как полюсов, субъектов мировой политики, выходящих за рамки взаимодействия держав внутри европейской цивилизации. Мы отдаём себе отчёт в том, что «цивилизационное» понимание многополярного миропорядка не является единственно возможным: в наиболее общем смысле «концепция многополярности предполагает геополитическую ситуацию, при которой несколько центров силы уравнивают друг друга» (Герасимова 2023: 75). Однако сегодня понимание многополярности именно как множественности цивилизаций (либо цивилизационно отличных друг от друга крупных государств) становится всё более распространённым как в практическом дискурсе ведущих мировых держав², так и в академических исследованиях (Korybko 2021: 170; Агаркова 2022: 126–129; Degterev, Timashev 2020). Как будет показано, русская религиозная мысль развивалась именно в направлении такой интерпретации; а сегодня религиозно-философские истоки многополярного подхода к международным отношениям часто остаются вне поля зрения исследователей. Настоящее исследование призвано пролить свет на забытые истоки концепций многополярности.

¹ См., например, очерк И. Д. Осипова о Б.Н. Чичерине и П.Б. Струве (Осипов 2016: 46–49).

² См., например, статьи 7 и 18 Концепции внешней политики РФ 2023 года. (Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. №299. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения 25.04.2024)).

Русская религиозная мысль и международные отношения до 60-х годов XIX в.

В эпоху колониализма, в условиях абсолютного доминирования ведущих европейских держав и утраты восточными государствами своей субъектности, система международных отношений была европоцентричной, что не могло не отражаться на преобладании в XVIII – первой половине XIX в. восприятия России как одной из европейских держав. Эта позиция прослеживается не только у либеральных и радикальных теоретиков, но и у консервативных мыслителей, включая М.П. Погодина, В.Ф. Одоевского, М.Н. Каткова. Вместе с тем со второй половины XIX в. набирает силу процесс осознания России либо как отдельной цивилизации, либо как части более крупной цивилизации (например, греко-славянской, православной или, в самом широком смысле, восточной), что выводило Россию за рамки Европы и неизбежно должно было отразиться на представлениях о международных отношениях. Поскольку общественно-политические теории зачастую значительно опережают по времени попытки своей практической реализации (как это было, например, с Просвещением, либерализмом и затем с социализмом), оформление идеи многополярности вполне могло происходить раньше (в конце XIX – начале XX в.), чем действительная эволюция международных отношений в эту сторону. Иными словами, философы и публицисты-теоретики подчас способны прозорливо предвосхищать будущие тенденции, делая свои прогнозы на основании наблюдений за первыми ростками будущих трендов (зачастую сочувствуя новым веяниям, что, однако, не является принципиальным моментом). К примеру, некоторые европейские мыслители уже в первой половине XIX в. предсказывали грядущий рост мирового значения и веса России и США. Рассмотрим, можно ли схожим образом проследить до XIX в. истоки идеи многополярности.

Применительно к первой половине XIX в., к периоду до Крымской войны, нет оснований говорить о наличии в России этой мысли в сколь-нибудь отчетливом виде. И теории русского мессианства, в том числе с признанием географической составляющей специфики России (А.С. Шишков, Н.В. Гоголь, Ф.И. Тютчев, В.Ф. Одоевский), и классическое славянофильство А.С. Хомякова и И.В. Киреевского противопоставляли Россию и Запад как две части христианского мира (иногда – в качестве прямого продолжения греко-римского антагонизма внутри античной культуры). Речи о признании азиатских, африканских или латиноамериканских полюсов силы в то время быть не могло. Китай стабильно воспринимался как синоним косности и стагнации, Индия – как объект колонизации, а балканские православные народы интерпретировались в русской религиозной мысли как единоверцы-христиане, противопоставленные в первую очередь туркам и исламскому миру. Характерные для русской мысли в период греческой революции 1820-х гг., Крымской войны (1853–1856) и в более поздние

годы обвинения Великобритании, Франции, Австрии в поддержке мусульман против славян и греков исходили из концепции «предательства» Западом своей христианской идентичности, которая всё ещё предполагалась общей с Россией. Когда поэт и религиозный философ Ф.Н. Глинка в 1853 г. возмущенно восклицал: «Два христианские народа / На нас грозятся за чалму», он исходил из идеи нарушенного Европой христианского единства³; то же самое можно сказать о многих стихотворениях Ф.И. Тютчева⁴, человека европеизированной культуры и образа жизни, несмотря на остроту его политического неприятия либерального и католического Запада середины XIX в. Консерватор, монархист, православный мыслитель (в «Простой речи о мудреных вещах») М.П. Погодин, также обвинявший Европу в измене христианству и поддержке Османской империи, в то же время враждебно относился к исламскому миру и доходил до одобрения британских колониальных захватов и «просвещения» Азии и Африки «вооружённой силой», допускал пренебрежительные высказывания в адрес африканских и азиатских народов, усматривал просвещение «в одной Европе»⁵. Русские для Погодина были одним из «европейских народов», «племени Иафета» (Рязановский 1996: 398–401). А.С. Хомяков с его дихотомией «иранского» и «кушитского» начал тоже относить Россию к «белокурой расе» в противовес «кушитским» Египту, Индии и т. д.⁶

Для этого периода можно выделить лишь единичные высказывания, предусматривавшие возможность настоящего цивилизационного противопоставления России Европе с прямыми последствиями для взглядов на международные отношения. Так, отрекшийся от былого европеизма своей молодости Н.М. Карамзин в известной «Записке о древней и новой России» 1811 г. сформулировал с небывалой резкостью вопрос: «Некогда называли мы всех иных европейцев *неверными*, теперь зовем *братьями*; спрашиваю: кому бы легче было покорить Россию – *неверным* или *братьям*? т. е. кому бы она, по вероятности, должна была более противиться?»⁷. Однако дальнейшие выводы из этого утверждения применительно к международным отношениям историк не сделал, хотя само возвращение аргументации к сугубо религиозным тезисам, противопоставлявшим православную Россию «неверному» Западу, открывало путь к развитию этой мысли.

³ Глинка Ф.Н. 1854. *Ура!* Санкт-Петербург: Тип. Императорской Академии наук. С. 5.

⁴ Тютчев Ф.И. 1980. *Сочинения в 2 т. Т. 1*. Москва: Правда. С. 138–139, 185–186, 206–207.

⁵ Погодин М.П. 1876. *Статьи политические и польский вопрос (1856–1867)*. Москва: тип. Ф.Б. Миллера, 1876. С. 14–24, 92, 231–244; Погодин М.П. 2010. *Избранные труды*. Москва: РОССПЭН. С. 112–113, 297–298, 325.

⁶ Хомяков А.С. 1900. *Записки о всемирной истории. Часть первая*. М.: Университетская типография на Страстном бульваре. С. 217–266.

⁷ Карамзин Н.М. 2013. О древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. В кн.: *О любви к Отечеству и народной гордости*. Москва: Институт русской цивилизации. С. 252.

Призывая в 1827 г. к временной самоизоляции России от Европы в духовной жизни⁸, религиозный философ Д.В. Веневитинов усматривал цель оной в собственном развитии античных начал, что можно интерпретировать и в смысле понимания России как отдельной цивилизации, и в смысле причастности к общему эллинскому корню. В 1829 г. П.Я. Чаадаев, последовательно исходивший из христианской оценки социально-исторических процессов, попытался описать Россию как отдельную, промежуточную цивилизацию: «Раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы должны бы были сочетать в себе два великих начала духовной природы — воображение и разум, и объединить в нашей цивилизации историю всего земного шара»⁹. Терминологическое новшество Чаадаева, впервые назвавшего Россию цивилизацией в единственном числе и в локальном, региональном смысле этого слова, было столь велико, что В.И. Мильдон на этом основании даже говорит о протоевразийстве мыслителя (Мильдон 1989: 86). Это может показаться парадоксальным ввиду стереотипа о западничестве Чаадаева, однако философ неоднократно демонстрировал уважение к высоким культурам Востока, поэтому попытка выделения им России как цивилизации-посредника заслуживает внимания. Возможно, в данном аспекте мыслитель развивал программу С.С. Уварова с его взглядами на благоприятную возможность превратить Россию в звено для изучения духовных богатств Азии, в страну-посредника между Востоком и Западом (Рязановский 1996: 396–398).

От выделения локальных культурных типов к формулировкам «Восточного союза»

Репутацию глашатая России как отдельной цивилизации, противопоставленной Западу, имеет Н.Я. Данилевский. Действительно, в своем труде «Россия и Европа» 1869 г. он выдвинул учение о существовании в мире на протяжении его истории около дюжины культурно-исторических типов. Их многообразие обосновывалось богоугодностью разделения народов на разные культурно-исторические типы, которые должны «всё поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях»¹⁰.

Однако отрицание европоцентризма в этой работе было непоследовательным. Требуя от России противостоять в международных отношениях Европе как единому целому, Данилевский тут же допускал традиционную российскую

⁸ Веневитинов Д.В. 1934. Несколько мыслей в план журнала. *Полное собрание сочинений*. Ленинград: Academia. С. 219–220.

⁹ Чаадаев П.Я. 1991. Философические письма. *Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1*. Москва: Наука. С. 329.

¹⁰ Данилевский Н.Я. 2011. *Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому*. Москва: Институт русской цивилизации, Благословение. С. 108.

политику XVIII–XIX вв. по поиску союзников среди одних европейских стран (например, Пруссии) против других. Западноевропейский, романо-германский культурный тип Данилевский всё-таки признавал «двухосновным», т. е. превосходящим по своему уровню все прочие цивилизации, за исключением только русско-славянской. Наконец, «Россия и Европа» содержит настолько резкие высказывания о некоторых народах Востока, в том числе о кавказцах Российской империи, что их даже вырезали из книги в ряде её переизданий в новейшее время¹¹. Идеал Данилевского носил как минимум полуколониальный характер: «Всеславянский союз имел бы своим результатом не всемирное владычество, а равный и справедливый раздел власти и влияния между теми народами или группами народов, которые в настоящем периоде всемирной истории могут считаться активными её деятелями: Европой, Славянством и Америкой <...> Сообразно их положению и общему направлению, принятому их расселением и распространением их владычества, – власти или влиянию Европы подлежали бы преимущественно Африка, Австралия и южные полуострова Азиатского материка; Американским Штатам – Америка; Славянству – Западная, Средняя и Восточная Азия, т. е. весь этот материк за исключением Аравии и обоих Индийских полуостровов»¹². Это в буквальном смысле проект трёхполюсной системы международных отношений, миропорядка, основанного на разделе мира между Россией, США и объединённой Европой, но в таком проекте не оставалось места для подлинной многополярности цивилизаций и континентов, поскольку Данилевский считал все культурно-исторические типы, кроме романо-германского и русско-славянского, сошедшими с исторической сцены. Почти весь исламский мир, а также Индию и страны Индокитая, он охотно «отдавал» европейским колонизаторам, оставляя при этом на долю России Китай, по-видимому, даже с Японией и Кореей.

Таким образом, взятая в целом, как образец мысли своей эпохи, «Россия и Европа» Н.Я. Данилевского не содержала в себе проект многополярного миропорядка; утверждать это означало бы неоправданно её модернизировать. Однако мысли Данилевского действительно можно было развернуть в эту сторону путём внесения в его формулировки минимальных корректив. Поэтому значение «России и Европы» в истории русской мысли вышло далеко за рамки самого её текста. Оно оказало стимулирующее влияние на следующее поколение религиозных мыслителей, одни из которых, как В. С. Соловьёв, резко отвергли книгу с позиций европоцентризма, другие же, как В.И. Ламанский и К.Н. Леонтьев,

¹¹ Ср. два издания: Данилевский Н.Я. 2011. *Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому*. Москва: Институт русской цивилизации, Благословение. С. 50–53; Данилевский Н.Я. 1991. *Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому*. Москва: Книга. С. 39. Издание 2011 года является полным, в издании 1991 г. вырезанный фрагмент обозначен как (...).

¹² Данилевский Н. Я. 2011. *Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому*. Москва: Институт русской цивилизации, Благословение. С. 509–510.

сделали необходимый шаг от учения Данилевского в сторону подлинной цивилизационной многополярности как рамки осмысления международных отношений.

Когда говорят о В.И. Ламанском, то обычно имеют в виду концепцию его трактата «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892 г.). Однако ученый работал над этой проблемой на протяжении почти сорока лет, поэтому представляет интерес эволюция его взглядов на выделение на планете самостоятельных «миров», претендующих на субъектность. В трудах Ламанского 1857–1870 гг. выделялись лишь два мира: романо-германский и греко-славянский¹³. Однако с 1879 г. он начинает говорить о трёх мирах: «В колоссальной борьбе собственно Европы и собственно Азии с третьим Средним миром, греко-славянским, интересы всего славянства ... представлены Россией, и ею одной могут быть защищены и обеспечены»¹⁴. Эта мысль постоянно повторяется и в его работах 1880-х гг., пока не будет окончательно сформулирована в книге 1892 г.¹⁵, с оговоркой о вынесении Нового Света за рамки рассмотрения. Качественно новым в панславизме Ламанского в сравнении с панславизмом Погодина и Данилевского стал отказ от доктрин расового, национального и цивилизационного превосходства, высокая оценка народов Евразии: «Все арийцы старого и нового света – суть племена более или менее смешанные с другими не-Арийскими обитателями Америки, Азии и Европы (Лигуры, Этруски, Баски, Лопари)... Нет никакого разумного основания полагать, что Финны, Монголы, Турки, с которыми мы так давно смешиваемся... ниже, малоспособнее, слабее физически и нравственно»¹⁶. Правда, в «Трёх мирах...» всё ещё встречается оговорка о некоторых сходствах России (греко-славянского мира) и Европы, причём в плане не только христианства, но и некоторых элементов либеральных воззрений: «Безграничное стремление к свободе духа во всех проявлениях человеческой деятельности, полнейшее уважение к достоинству и правам человеческой личности, без различия полов, званий и состояний, сознание внутренней обязательности для каждой, без исключения, личности самоосуждения, раскаяния, самопожертвования и братского благоговения к людям»¹⁷. Тем не менее такая оговорка у Ламанского (в отличие от пестрящей ими «России и Европы» Данилевского) единична и смотрится как реликт былого прогрессизма автора, случайно оставшийся в совершенно новой концепции. Теория Ламанского, настаивавшая на равном статусе народов трёх миров Евразийского материка (и, потенциально, таковых же миров Америки, Океании и Африки), была действительно качественно новым шагом в сторону ясного осознания цивилизационной многополярности.

¹³ Ламанский В. И. 2010. *Геополитика панславизма*. Москва: Институт русской цивилизации. С. 28–42, 234, 777.

¹⁴ Там же. С. 608.

¹⁵ Там же. С. 185–188, 638.

¹⁶ Там же. С. 314–315.

¹⁷ Там же. С. 229.

Следующий шаг в этом направлении был сделан приблизительно в те же годы К.Н. Леонтьевым. Независимо от своих личных культурных и эстетических симпатий к античной, средневековой и ренессансной Европе и исламскому Востоку, Леонтьев как теоретик продвинулся в обосновании самостоятельности культурно-исторических типов дальше Данилевского. Под его пером русская культурная самобытность приобретала черты не просто «византизма», но часто и «азиатства» и даже, с точки зрения западников, «мракобесия». От панегириков Данилевского и Ламанского в защиту общеевропейской гуманности и либеральных реформ 60-х гг.¹⁸ у Леонтьева не осталось и следа, что позволило ему, имевшему 13-летний опыт дипломатической службы, перейти к выдвиганию альтернативной концепции устройства международных отношений.

Следует заметить, что мировую войну на территории Европы предвидели и предсказывали и Данилевский, и Ламанский; однако Леонтьев, разделяя их прогноз, шёл дальше в описании картины желаемого будущего миропорядка. В 1888 г. он с тревогой писал о. Иосифу Фуделю: «Вообразим себе, что лет через 50 каких-нибудь весь Запад сольется (мало-помалу утомленный новыми европейскими войнами) в одну либеральную и нигилистическую республику наподобие нынешней Франции. <...> Республиканская Все-Европа придёт в Петербург ли, в Киев ли, в Царьград ли и скажет: “Отрекитесь от вашей династии, или не оставим камня на камне и опустошим всю страну”. И тогда наши Романовы, при своей исторической гуманности и честности, – откажутся сами, быть может, от власти, чтобы спасти народ и страну от крови и опустошения, и мы сольемся с прелестной утилитарной республикой Запада. Стоило “огород городить”! Хороша будущность!»¹⁹. Чтобы избежать этого (кошмарного, с точки зрения Леонтьева) сценария развития событий, он предлагал новое средство в виде коренного переворота системы международных отношений для победы над Европой: «Но если мы будем сами собой – то мы в отпор опрокинем со славой на них всю Азию – даже мусульманскую и языческую, и нам придётся разве только памятники искусства там спасать. И так как гибнуть когда-нибудь нужно, то пусть Славянство независимое и великое, религиозное (так или иначе, по-Оптински или по-Соловьевски), сословное, мистическое, поэтическое, пусть оно лет через 500 будет жестоко завоевано пробужденными китайцами и пусть покажет новые и последние (перед концом света) примеры Христианского мученичества. Это и для достоинства нашего лучше, и для спасения наибольшего числа душ, конечно, выгоднее, чем любезное примирение с утилитарной подлостью будущей (и неизбежной) Западной все-республики»²⁰.

¹⁸ См., например: Данилевский Н.Я. 2011. *Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому*. Москва: Институт русской цивилизации, Благословение. С. 334–338; Ламанский В.И. 2010. *Геополитика панславизма*. Москва: Институт русской цивилизации. С. 102–103; Ламанский В.И. 1888. Открытый ответ генералу Кирееву. *Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества*. № 4–5. С. 214.

¹⁹ Леонтьев К.Н. 2012. «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: *Переписка. Статьи. Воспоминания*. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2012. С. 92–93. Здесь и далее в цитатах Леонтьева сохранены авторская орфография, пунктуация и курсив.

²⁰ Там же. С. 93.

Таким образом, хотя для Леонтьева исламская, буддийская и языческая Азия ещё не являлась чем-то самоценным в духовном смысле, он уже рассматривал её как предпочтительного союзника против объединённой Европы, что означало отказ от места России как одной из великих держав «европейского концерта» и взгляд на неё как на потенциального лидера антизападной коалиции. А это, в свою очередь, предполагало переход к многополярной концепции международных отношений. Следующий логический шаг в этом направлении Леонтьев сделал в своей записке «7 столбов новой культуры», датируемой между 1883 и 1887 гг.: «Великий Восточный Союз (Россия во главе; – Царьград центр; – славяне; греки; румыны; мадьяры; турки; персияне; индусы...): систематическое объединение против Западно-Европейских и Американских Государств (противу разлагающейся Романо-Германской Государственности). – Таможенные и т. п. ограничения» (цит. по: Фетисенко 2012: 134). Привлекательность этого образа будущего была столь велика даже для оппонентов, что острый критик Данилевского В.С. Соловьёв при встрече с Леонтьевым в 1890 г. признал во многом правоту его видения «Восточного Союза» и добавил: «Я очень рад буду, если Россия завоюет и всю Европу, и всю Азию»²¹ (в данном случае речь, впрочем, может идти об обсуждении двумя мыслителями разных сценариев и конфигураций будущих союзов в Старом Свете, включая вооружённый).

Параллели этого проекта с происходящей в XXI в. трансформацией системы международных отношений в блоковые и таможенные объединения незападного мира в противовес «коллективному Западу» поразительны и подтверждают прочную репутацию Леонтьева как дальновидного прогнозиста. В отличие от Данилевского и Ламанского, включавших в будущий Восточный Союз только страны и народы Восточной Европы (с Грецией), Леонтьев впервые заговорил о равноправном союзе России не только с ними, но и с Турцией, Ираном, Индией. В той же записке он предлагал новый критерий выбора русской царицы: «Даже ввести и браки с девицами различных союзных племен. Брать – даже можно русскую или греческую крестьянку или полудикую жительницу Индии и Кавказа, если она породиста и сильна. – Обращать при этом внимание на атаквизм и его выгоды»²². Что касается Китая, то о нём Леонтьев хотел упомянуть в одной из статей для газеты «Варшавский дневник» (1880 г.), в которой речь шла о предсказании мировой войны в Европе неким еврейским сапожником из Кельц: «Не знаем, прав ли келецкий “пророк-сапожник” относительно срока; но относительно неизбежности великой и действительно всеобщей уже на этот раз войны – он, конечно, прав... Этой войны не избежать никому, и XIX-й век, перед концом своим, подведёт свои политические итоги...»²³. Как выясняется, сразу

²¹ Леонтьев К.Н. 2009. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т. 8, кн. 2: Публицистика 1890–1891 годов. Санкт-Петербург: Владимир Даль. С. 1241.

²² Леонтьев К.Н. 2009. Кто правее? Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т. 8, кн. 2: Публицистика 1890–1891 годов. С. 135.

²³ Леонтьев К.Н. 2006. Сквозь нашу призму. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т. 7, кн. 2: Публицистика 1880 года. Ранние научные работы. Санкт-Петербург: Владимир Даль. С. 243.

после этих слов редакция газеты вырезала следующую фразу Леонтьева: «Нет нужды, что их (китайцев то есть) сначала помнут... *Будущее* принадлежит им, если славяне не перестанут всё так же умильно и глупо служить общеевропейским гражданским богам»²⁴. Таким образом, ключевая роль Китая в будущем новом миропорядке, который вырастет на смену гибнущему Западу, Леонтьевым была угадана предельно точно, хотя его аргументация опиралась скорее на эсхатологию, чем на конкретные прогнозы социального развития Поднебесной. «Много предсказаний сбывшихся, много – “отложенных” или сбывающихся сейчас», – замечает по этому поводу О.Л. Фетисенко (Фетисенко 2012: 29).

Цивилизационная многополярность в русской религиозной мысли рубежа XIX–XX вв.

Процитированное частное письмо и записка К.Н. Леонтьева не были опубликованы при его жизни и не могли оказать прямого влияния на русскую философию и общественную мысль. Тем не менее по мере усиления позиций учеников и почитателей Леонтьева (В.А. Грингмут, Л.А. Тихомиров, Ю.С. Карцов, А.А. Александров) его идеи распространялись всё шире. Правда, не все ученики в полной мере разделяли леонтьевское видение многополярности миропорядка. Например, Л.А. Тихомиров, несмотря на резкое противопоставление им России и Европы как двух враждебных культурных типов, переходил на достаточно двусмысленные позиции, как только речь заходила о Китае и Японии. Он активно содействовал православному миссионерству в этих странах, не скрывая своего желания «приобщения Дальнего Востока миру христианскому» (Репников, Милевский 2011: 304–310; Милевский 1999). Такая задача может показаться европоцентристской, однако на деле Тихомиров пытался применить в данном случае леонтьевские концепции. Он был сторонником сохранения цивилизационной самостоятельности восточного соседа: «Только православие может дать Китаю *национальную Церковь*, при которой китаец может жить христианином, не переставая быть китайцем, и свою китайскую жизнь устраивать сам по-христиански, уничтожая в ней лишь язычество»²⁵. Л.А. Тихомиров ставил перед Россией альтернативу на XX в.: «Или *уничтожиться*, разложиться на составные части, предоставив одни свои области различным европейским странами, другие – миру ислама, третьи – Китаю и Японии, или же возвыситься над всеми этими сложными, противоречивыми влияниями своим собственным содержанием»²⁶. Иными словами, в первом случае речь шла о том, что многополярный

²⁴ Леонтьев К.Н. 2006. *Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т. 7, кн. 2: Публицистика 1880 года. Ранние научные работы*. Санкт-Петербург: Владимир Даль. С. 515.

²⁵ Тихомиров Л. А. 1999. Христианские задачи России и Дальний Восток. *Апология веры и монархии*. Москва: Москва. С. 429.

²⁶ Там же. С. 443.

мир цивилизаций (западной, исламской, восточноазиатской) способен сформироваться и без России и на её осколках, во втором случае – о шансе России утвердить свою самобытность как цивилизации, равноудалённой от всех своих соседей, и тем самым стать независимым полюсом нового мироустройства, претендующим на высший духовный синтез человеческой культуры. Тихомиров подчёркивал, что уклониться от этой альтернативы для России невозможно: «Она явилась бы тогда передовой нацией будущей объединённой культуры всего земного шара. А в то же время мы не можем решить задачи внутри страны, не участвуя в жизни Европы, ислама, Дальнего Востока, потому что все они входят в нашу жизнь и не могут не входить, по историческому составу и жизни нашей Империи»²⁷. Обратим внимание, что здесь Тихомиров, в отличие от панславистов (от Н.Я. Данилевского до А.А. Киреева и А.В. Васильева), всерьёз учитывает наличие внутри России не только восточного христианства, но и островков ислама и буддизма как основ соседних цивилизаций. Считая православие осью русской цивилизации, мыслитель в то же время исходил не только из общих религиозных соображений, но и из конкретной международной обстановки около 1900 г., предвещавшей, по его мнению, конец европоцентристской системы: «Наше внутреннее развитие неразрывно переплетается с внешним действием по целому свету, и в настоящее время, когда, вдобавок к европейскому захвату всего мира и к оживлению ислама, зашевелился и Дальний Восток, окончательно пробил исторический час, ставящий перед нами дилемму: или сознать себя и выступить как мировая сила со своим собственным содержанием, или уходить со сцены истории»²⁸. Можно сказать, что под впечатлением от «пробуждения Азии» Лев Тихомиров считал безальтернативным пробуждение России, предполагавшее «новый фазис» её самосознания как отдельной цивилизации²⁹.

В этом же направлении развивалась мысль В.А. Грингмута, который испытал влияние одновременно и М.Н. Каткова, и К.Н. Леонтьева. От первого он унаследовал свою приверженность к европейскому пониманию классицизма как основы образования, от второго – отрицание европоцентризма в культурной и политической сфере. Между 1890 и 1900 гг. он сформулировал новаторский подход к месту России в системе международных отношений. С одной стороны, в нём по-прежнему сохранялись пережитки колониального мышления, грандиозные планы передела сфер влияния в Китае, Персии и т. д., идеи невмешательства России в балканские, европейские, африканские дела; с другой стороны, мыслитель подчас выходил за эти рамки и писал о тектонических сдвигах в мировой политике вследствие «пробуждения Китая» как нового полюса силы, о дальневосточном кризисе как «прологе к той мировой драме, конец которой

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 444.

²⁹ Тихомиров Л.А. 1894. Русские идеалы и К.Н. Леонтьев. *Русское обозрение*. № 10. С. 867–882.

увидят лишь наши правнуки»³⁰. Правда, к Китаю как государству Грингмут был враждебен, что укладывалось в русло всё ещё сильных в конце XIX в. старых культурных стереотипов, порождением которых стали и многочисленные анти-китайские произведения В.С. Соловьёва (Осьминина 2017; Осьминина 2020) и четырежды издававшаяся книга А.Я. Максимова, полная призывов к войне с «коварным» Китаем и восхвалений якобы честной и «рыцарской» политики Японии³¹.

Тем не менее даже в таком ограниченном виде мысль Грингмута приближалась к идее многополярности ввиду его отказа от трактовки России как европейской державы, отказа от славянской сферы влияния и решительного переноса центра тяжести российских интересов в Азию. В духе Ламанского он утверждал: «Мы прежде всего русские, а затем нас могут считать кем угодно, европейцами или азиатами, или и теми и другими вместе (что, пожалуй, будет правильнее) – от этого сущность дела не изменится. Мы чувствуем себя одинаково дома, как в Ташкенте, так и в Петербурге, и всюду мы призваны осуществить одну и ту же культурную и государственную задачу... Всюду мы обязаны трудиться с равномерной энергией, вкореняя и развивая русские культурные и государственные начала. Будущность наша не в одной Европе и не в одной Азии, а в той и другой части света, если только их можно считать отдельными частями света»³². Такие заявления, пожалуй, можно охарактеризовать как протоевразийские.

В.А. Грингмут действительно выдвинул новый теоретический принцип в международных отношениях, когда предложил понимать Российскую империю не как унитарное государство, но как систему государств, народов и «внутренних колоний» (Сибири), включенных в ее состав – систему, аналогичную по статусу европейскому «концерту» независимых держав и их сателлитов, но отличавшуюся прямым поглощением союзников внутрь государства. Мыслитель пояснял: «Россия или, вернее, Московская Русь такой именно многовековой неразрывный “союз” и заключила. Она объединила под своею гегемонией целый ряд некогда самостоятельных государств, она не только собрала, но и сплотила их воедино, и назвала этот союз “Империей Всероссийской”. Неужели вы не видите, неужели вы не чувствуете, что этот “союз” несравненно крепче и прочнее каких бы то ни было европейских союзов? <...> “Союз” бывших государств, из которых состоит Российская империя, представляет не только громадную массу собранных воедино территорий, но и исполинскую громаду народа, сплочённого

³⁰ Грингмут В.А. 2008. Россия на Дальнем Востоке. *Объединяйтесь, люди русские!* Москва: Институт русской цивилизации. С. 113.

³¹ Максимов А.Я. 1894. *Наши задачи на Тихом океане: политические этюды*. Санкт-Петербург: Типо-лит. и фототип. П.И. Бабкина. 144 с.

³² Spectator [Грингмут В.А.]. 1891. Текущие вопросы международной политики. X. Где наша будущность: в Европе или в Азии? *Русское обозрение*. № 10. С. 834.

воедино такими неразрывными узами веры и преданности престолу, с которыми по крепости не могут равняться те узы, которыми еле сдерживаются “союзы” Западной Европы»³³.

Тем самым Европе как одному из полюсов системы международных отношений противопоставлялся второй полюс в лице России и её азиатских государств-сателлитов, инкорпорируемых в империю (как актуальных на тот момент, так и планировавшихся, в т. ч. Кореи и Персии). Предвосхищая евразийцев 1920-30-х гг., Грингмут выдвигал идею российской автаркии: «Единое, неделимое, сплошное государство, в котором постоянно умножаются миллионы его народонаселения, найдёт себе вдоволь простора на многие столетия. В то время пока западные державы будут истощать свои силы в непрерывных войнах из-за того или другого заморского владения, Россия будет лишь собирать и укреплять свои силы, благодаря тому что ей придётся их не разбрасывать по всем частям света, а сосредоточивать в своих же собственных владениях. <...> Россия должна себе обеспечить среди предстоящих в Европе социальных и колониальных катастроф спокойную и независимую будущность, обильную внутренними культурными и экономическими задачами. Она должна стать великим, *самодовлеющим* государством, не нуждающимся ни в нравственной, ни в материальной поддержке со стороны каких бы то ни было иноземных держав, но могущим, наоборот, оказать *им*, при случае, подобную поддержку... Такая власть будет покоиться в руках России, прочно и несокрушимо утвердившейся в обеих половинах своей империи и претворяющей их в одно великое, не европейское и не азиатское, а православное, самодержавное, *русское* целое с богатой, своеобразной и разнообразной культурой»³⁴. Мысли Грингмута во многом поддерживал князь Д.Н. Цертелев, первый редактор журнала «Русское обозрение», также испытывавший влияние Леонтьева. Он напоминал в 1891 г., что «Россия не только исконный враг, но и наследница монгольского царства»³⁵.

Идеи Л.А. Тихомирова и В.А. Грингмута были развиты и углублены другими консервативными мыслителями конца XIX – начала XX вв., независимо от Леонтьева на основании опыта своей работы в Азии приходивших к созвучным выводам (Медоваров, Соколов 2023). В их число входил Э.Э. Ухтомский – известный путешественник по Азии, приближенный к Николаю II, председатель правления Русско-китайского банка. В своей брошюре 1900 г. он сформулировал идею равноправного союза России с Китаем и Индией как перспективы на XX в., причём мотивировал это не столько прагматически, сколько религиозно: соображениями о ментальном и духовном сходстве русского благочестия

³³ Spectator [Грингмут В.А.]. 1890. Текущие вопросы международной политики. VI. Россия и европейские союзы. *Русское обозрение*. № 10. С. 877.

³⁴ Spectator [Грингмут В.А.]. 1891. Текущие вопросы международной политики. X. Где наша будущность: в Европе или в Азии? *Русское обозрение*. № 10. С. 836, 839.

³⁵ [Цертелев Д.Н.]. 1890. Современная летопись. *Русское обозрение*. № 9. С. 434.

с азиатской религиозностью³⁶. Хорошо зная Китай, неоднократно выполняя там дипломатические поручения и нисколько не идеализируя его внутреннее состояние в 1900-е гг., Ухтомский высказывал свои взгляды с прицелом на перспективу ближайших десятилетий. В своей риторике князь подчас вовсе стирал всякие границы между Россией и Азией, что, конечно, отнюдь не оправдывает некоторых исследователей, считающих его «первым евразийцем»³⁷, поскольку евразийство вслед за В.И. Ламанским предполагало относительно чёткое отделение России как от Европы, так и от азиатских цивилизаций. Вместе с тем примечательно такое новшество Э.Э. Ухтомского, как жёсткая привязка идеи антизападного блока России и Азии к сохранению неприкосновенности православного самодержавия внутри страны: «Без него Азия неспособна искренно полюбить Россию и безболезненно отождествиться нею. Без него Европе, шутя, удалось бы расчленить и осилить нас, как ей это удалось относительно испытывающих горькую участь западных славян»³⁸. Тем самым внешнеполитическая программа ставилась в зависимость от внутривнутриполитической.

С.Н. Сыромятников, видный русский разведчик и публицист (под псевдонимом Сигма), ездивший с особыми миссиями на север Кореи, в Маньчжурию, в Ирак, Кувейт, Персию, США³⁹ (Делюкин, Шуршина 2016), также претендовал на статус религиозного философа и посвятил немало своих работ раскрытию православного мировоззрения, как он его понимал⁴⁰. Внутреннее «восточничество» Сигмы обернулось аналогичными изменениями его внешнеполитической программы, как он сам признавался в 1901 г., под влиянием бесед с Э.Э. Ухтомским⁴¹. Эта программа во многих аспектах походила на проекты К.Н. Леонтьева (которые, безусловно, не могли быть известны Сыромятникову) и предусматривала антизападное объединение России с арабами, иранцами, китайцами, корейцами, индийцами, турками. Обращаясь к европейцам, Сыромятников говорил: «Против этого истребления дела Божия на земле и должны объединиться народы Востока и бороться с вами, как с собирательным Антихристом... Мы сделаемся предводителями бедных материальными благами и богатых духом... Мы пойдем заодно с этой Азией, ибо мы нашли себя и обдумали себя и увидели, что вы идёте не на дело жизни и обоготворения, а на дело смуты и служения дьяволу»⁴². Пожалуй, столь прямолинейная связь религиозной (православной) мысли с многополярной концепцией международных отношений высказывалась в России впервые.

³⁶ Ухтомский Э.Э. 1900. *К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку*. Санкт-Петербург: Восток. С. IV–V, 74–87.

³⁷ Репников А.В. 2010. Ухтомский Эспер Эсперович. *Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия*. Москва: РОССПЭН. С. 535–538.

³⁸ Ухтомский Э. Э. 1900. *К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку*. Санкт-Петербург: Восток. С. 87.

³⁹ Сыромятников Б.Д. 2004. *«Странные» путешествия и командировки «Сигмы» (1897... 1916 гг.)*. Санкт-Петербург: [б.и.]. 127 с.

⁴⁰ См.: Сигма [Сыромятников С.Н.]. 1901. *Опыты русской мысли. Кн. 1*. Санкт-Петербург: типография А.С. Суворина.

⁴¹ Репников А.В., Соловьев К.А. 2010. Сыромятников Сергей Николаевич. *Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия*. Москва: РОССПЭН. С. 504.

⁴² Сигма [Сыромятников С.Н.]. 1901. *Опыты русской мысли. Кн. 1*. Санкт-Петербург: типография А.С. Суворина. С. 30.

Осознание тенденций развития международных отношений в сторону цивилизационной многополярности далеко не всеми из русских религиозных мыслителей воспринималось с надеждами. Многие воспринимали «пробуждение Азии» как угрозу (В.С. Соловьёв, М.П. Соловьёв, В.А. Грингмут), но при этом также констатировали превращение исламского мира и Китая в независимые полюса силы наряду с германоцентричной Европой, как это делал И.И. Дусинский (Репников 2007: 228–229). Гораздо чаще, однако, русские религиозные мыслители с 1900 по 1914 гг. стали склоняться к поддержке антиколониальной борьбы за независимость народов Азии и Африки с целью установления более справедливого миропорядка (в практической плоскости с этим были связаны такие успешные внешнеполитические проекты, как закрепление влияния России в Абиссинии и Монголии, а также религиозно-дипломатические миссии России в Иране и Палестине) (Полунов 2022).

Концепция многополярности у евразийцев 1920–30-х гг.

Прямым продолжением этих тенденций в русской религиозной мысли в послереволюционных условиях стало евразийство. В данном случае следует подчеркнуть, что классическое евразийство отцов-основателей этого движения последовательно исходило из постановки православия в центр всей их философии общества и истории. Н.С. Трубецкой был одним из тех, кто уделял особое внимание религиозному обоснованию своих концепций, считая многообразие народов и культур со времён Вавилонской башни обязательным и богоугодным императивом существования человечества⁴³. Книга Трубецкого «Европа и человечество», самым своим названием отсылавшая к «России и Европе» Н.Я. Данилевского, не считается собственно евразийской (Вахитов 2023: 70–73, 86–89), поскольку была написана за год до создания евразийского движения, а термин «Евразия» в ней не использовался.

Тем не менее следует обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, мысль Трубецкого была религиозно мотивированной. Отрицая привязку христианства к той или иной культуре, называя его «закваской», доступной всем народам, он именно из этих принципов выводил свои резкие антизападные сентенции и мечты о союзе России и других народов в антиколониальном движении⁴⁴. Во-вторых, нужно учитывать, что именно в рецензии на «Европу и человечество» П.Н. Савицкий впервые сформулировал программу евразийского движения. Более того, спустя десятилетие Н.С. Трубецкой выражал желание, чтобы эта его книга осталась программой действий для евразийства во всемирном масштабе. В декабре 1931 г. он поддержал замысел Савицкого

⁴³ Трубецкой Н.С. 1995. Вавилонская башня и смешения языков. *История. Культура. Язык*. Москва: Прогресс-Универс. С. 327–338.

⁴⁴ Трубецкой Н.С. 1995. Европа и человечество. *История. Культура. Язык*. Москва: Прогресс-Универс. С. 100–104.

перейти от сосредоточенности на российских проблемах к широкой программе глобальных исследований всех регионов мира и предложению им встать на «евразийский» путь развития. «Основными пунктами нового, международного “евразийства” считаю: идеократию, учение об автаркических мирах и тезисы “Европы и человечества”», – говорил князь⁴⁵.

В противовес однополярному гегемонизму Н.С. Трубецкой развивал мысли о новой системе международных отношений. Впервые они были высказаны им в письме П.Н. Савицкому от 1 января 1933 г., отрывок из которого без изменений в том же году был перепечатан под заглавием «Мысли об автаркии» в нарвском сборнике «Новая эпоха»⁴⁶. Трубецкой подчёркивал, что «речь должна идти о преимуществах *системы автаркических миров как особой формы организации мирового хозяйства*»⁴⁷. Но ни отдельные национальные государства, ни колониальные империи, по его убеждению, не могут являться такими мирами: «Основной плюс автаркии — её неизменность, гарантирующая мирное сожительство внутри и вовне, — возможен лишь при том условии, если области, объединённые в особый мир, спаяны с друг другом не только экономикой, но историей (“общностью судьбы”), цивилизацией, национальными особенностями и *национальным равновесием* (чтобы не было белого “мастера” и чёрного раба). Далее, свойством “особого мира” является невозможность его “перекройки” без ущерба либо для отрезаемой части, либо для большинства прочих частей и т. д.»⁴⁸. Резко отрицательное отношение евразийцев к немецкому нацизму и японскому милитаризму мотивировалось ими именно тем, что они преступали естественные границы самобытных народов и стремились к силовой унификации покорённых стран⁴⁹, что опять-таки считалось Трубецким и Савицким столь же противоестественным и богопротивным, как и западный колониализм и империализм в целом. Трубецкой, например, признавался: «Как и прежде, я стою за освобождение цветных от белых. Но японцы под лозунгом освобождения несут порабощение во много раз худшее, чем было до сих пор»⁵⁰.

Н.С. Трубецкой формулировал проблему именно в терминах перехода от однополярной системы западной гегемонии, оформленной в систему однотипных малых государств и характерной для Лиги Наций, к многополярному порядку автаркических в экономическом, финансовом и культурном отношении миров: «Современная форма организации мирового хозяйства предполагает единый тип цивилизации, но весьма различные жизненные стандарты (социальное

⁴⁵ Письма Н.С. Трубецкого к П.Н. Савицкому. Соболев А.В. 2008. *О русской философии*. Санкт-Петербург: ИД «Мирь». С. 348–350.

⁴⁶ Там же. С. 352–354; Трубецкой Н.С. 1995. Мысли об автаркии. *История. Культура. Язык*. Москва: Прогресс-Универс. С. 436–437.

⁴⁷ Трубецкой Н.С. 1995. Мысли об автаркии. В кн.: *История. Культура. Язык*. Москва: Прогресс-Универс. С. 436.

⁴⁸ Там же. С. 437.

⁴⁹ Письма Н.С. Трубецкого к П.Н. Савицкому. В кн.: Соболев А.В. 2008. *О русской философии*. Санкт-Петербург: ИД «Мирь». С. 376–378, 472, 488–491.

⁵⁰ Там же. С. 482–483.

неравенство). Система автаркических миров, наоборот, будет многотипна в отношении цивилизаций и в то же время одностандартна в пределах каждого автаркического мира»⁵¹. Самостоятельно развивал эту мысль в своей концепции «пан-регионов мира» другой евразиец 30-х гг. – К.А. Чхеидзе (Korybko 2021: 170), отчасти тяготевший к религиозному космизму.

На более детальную разработку вытекающих из этого задач раскрытия потенциала отдельных полюсов, включая не только Азию и Африку, но и Новый Свет и Океанию, были направлены призывы П.Н. Савицкого в те же годы⁵². Поддерживал эту программу и Н.С. Трубецкой. В неопубликованной части своего письма он добавлял: «Я считаю весь цикл проблем, связанных с автаркией, в настоящее время основным. Вместе с тем совершенно ясно, что этот цикл проблем не руссиеведческий. Он касается всех и разрабатываться должен представителями *разных миров*»⁵³. Спустя полгода Трубецкой развил свою мысль, назвав «единственно возможным видом преодоления» пагубного национализма идею «союза народов по признаку единства исторической судьбы, совместной культуры и месторазвития», причём «пределы такого союза должны совпадать с пределами автаркического особого мира»⁵⁴. «Надо твёрдо усвоить, что залезание в чужой особый мир рано или поздно неизбежно приведёт к катастрофе», – заключал мыслитель, предвещая такой конец и странам фашистского блока, и колониальным державам Запада. Методологически важным представляется более поздний (1938 г.) вывод Н.С. Трубецкого: «Служнявый пацифизм и нерешительность демократий заставляет их уступать всем требованиям агрессивных и решительных фашистов. <...> Но следует ли из всего этого, что фашизм открыл новый способ международных отношений, более целесообразный, чем способы, применявшиеся до сих пор? Полагаю, что нет. <...> Задача международных сношений ведь только одна – справедливый мир. Со всех точек зрения современный европейский фашизм есть злая сила, и к тому же сила органически русофобская»⁵⁵. Таким образом, Трубецкой ни в коей мере не признавал за отдельными европейскими державами статус автаркичных миров и полюсов силы, считая естественной лишь группировку по крупным историко-географическим и культурно-историческим регионам мира (в современной терминологии – цивилизациям).

При этом в 1935 г. Трубецкой подчёркивал, что его мысль лишена утопичности, что он не считает состояние множественности автаркических миров идеальным или вечным, но рассматривает его как тенденцию и цель на обозримый исторический период в будущем: «Что же касается до окончательности устрое-

⁵¹ Трубецкой Н.С. 1995. Мысли об автаркии. *История. Культура. Язык*. Москва: Прогресс-Универс. С. 437.

⁵² Савицкий П.Н. 2018. *Научные задачи евразийства: статьи и письма*. Москва: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Викмо-М. С. 106–116.

⁵³ Письма Н.С. Трубецкого к П.Н. Савицкому. В кн.: Соболев А.В. 2008. *О русской философии*. Санкт-Петербург: ИД «Мирь». С. 354.

⁵⁴ Там же. С. 377.

⁵⁵ Там же. С. 489–490.

ния человечества в форме особых миров, то об этом, разумеется, речи быть не может. Евразийство с самого начала подчёркивало, что нет окончательных идеальных форм устройства человечества на земле. <...> В статье же своей я только установил связь между идеократией и системой особых миров. Отсюда следует, что система особых миров продержится столько же, сколько и идеократия. С точки зрения диалектики исторического процесса система особых миров есть отрицание того ложного интернационализма мирового хозяйства, который сам пришёл на смену провинциализму»⁵⁶. Тезис Н.С. Трубецкого о распространении «системы особых миров» на всю планету и сопутствующая ему программа исследований регионов мира П.Н. Савицкого явились, на наш взгляд, принципиально новым шагом в выработке русской религиозной мыслью ясного представления о многополярной системе международных отношений как альтернативе и старому западоцентризму колониальных империй, и агрессии стран Оси.

Таким образом, применительно к позднему евразийству 1930-х гг. можно говорить об отчётливом мышлении в категориях многополярности даже с большим основанием, чем в отношении его классического, раннего этапа. Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий и К.А. Чхеидзе высказали достаточно определенное видение международных отношений, основанное на равноправии миров-автархий, каждый из которых по-имперски контролируется своим полюсом. Впрочем, это не было индивидуальной особенностью их видения. В том же русле мыслили ранние евразийцы 1920-х гг., даже из числа тех, кто не был лично близок основателям движения. Например, В.П. Никитин – востоковед и русский дипломат с большим опытом работы в Иране – не раз заявлял о перестройке системы международных отношений в сторону превращения восточных стран в самостоятельные центры силы (Медоваров 2021: 60–66). Движение в эту сторону намечалось и у рано умершего (в 1925 г.) Я.Д. Садовского, одного из наиболее оригинальных сподвижников Савицкого; в частности, он в духе «национал-империализма» самого Савицкого и его учителя П.Б. Струве делал акцент на принудительном включении малых и лимитрофных стран в крупные полюса силы, к взаимодействию которых и сводится система международных отношений⁵⁷.

Заключение

Таким образом, у современной российской концепции многополярного миропорядка имелись значимые (и подчас забытые) корни в религиозно-философской мысли предшествующих периодов. В частности, русские религиозные мыслители с первой половины XIX до середины XX в. постепенно преодолева-

⁵⁶ Там же. С. 422.

⁵⁷ Садовский Я.Д. 1923. Оппонентам евразийства (Письмо в редакцию). *Евразийский временник. Книга третья*. Берлин: Евразийское книгоиздательство. С. 156–164.

ли европоцентристские представления о желаемом образе системы международных отношений. На первом этапе, до середины XIX в., противопоставление России и Европы ещё не приводило к выводу о цивилизационной многополярности, а пережитки колониальных проектов передела мира проявлялись у русских религиозных мыслителей вплоть до конца XIX в., причем, с каждым раз всё реже и во всё более «ослабленном» виде. В творчестве Н.Я. Данилевского, В.И. Ламанского, К.Н. Леонтьева постепенно усиливалось представление о равноправии культурно-исторических «миров» как полюсов силы, причём они с самого начала рассматривались через призму ожиданий будущей мировой войны и поиска Россией союзников в Азии против единого Запада.

К началу XX в. русские религиозные публицисты начали обращать больше внимания на начавшееся пробуждение антиколониальных движений и продолжили развивать тезис о самостоятельной роли России между Западом и Востоком, однако склонялись к союзу со вторым, подчас стирая культурные и политические границы между Россией и Азией. При этом за рамками данного исследования остался вопрос о том, считали ли русские мыслители возможным формирование более чем одного полюса системы международных отношений на каждый культурно-исторический тип (цивилизацию), например, в случае сохранения внутри Запада нескольких великих держав. Во всех рассмотренных случаях внешнеполитический выбор России мотивировался проанализированными мыслителями с православных, подчёркнуто религиозных позиций, а также тесно связывался ими с внутривнутриполитическим вопросом о сохранении самодержавной монархии. Наконец, после 1917 г., в новых условиях и уже без монархической составляющей, международные отношения были переосмыслены с религиозной точки зрения евразийцами, к 1930-м гг. сформулировавшими желательный образ будущего (хотя и не предполагавшегося вечным и идеальным) миропорядка как раздел мира на автаркичные зоны идеократических держав – полюсов силы, соотнесенных с историко-культурными «пан-регионами».

На всех рассмотренных этапах русская религиозная мысль демонстрировала сочетание реализма и смелости прогнозирования, подчас опережая фактическое состояние международных отношений своей эпохи и предугадывая тенденции их дальнейшего развития в сторону реальной многополярности. Речь здесь скорее шла о прогностической точности, чем о заведомо нереалистичных попытках влияния на международные отношения в желаемом направлении. Неудивительно, что наследие большинства рассмотренных концепций в имплицитной форме ощущается в современных подходах к многополярности.

Об авторе:

Медоваров Максим Викторович – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23. ORCID: 0000-0002-9921-2219. E-mail: mmedovarov@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 22-78-10006 (<https://rscf.ru/project/22-78-10006>).

UDC 27-9:1(091):327+930.1
Received: September 25, 2023
Accepted: February 16, 2024

The Origins of the Idea of “Civilizational” Multipolarity in Russian Religious Thought (from 19th to First Half of 20th Century)

 Maksim M. Medovarov
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-5-98-185-207](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-5-98-185-207)

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Abstract: The article explores the development of the concept of «civilizational» multipolarity in Russian religious thought from the 19th century to the first half of the 20th century. This notion of «civilizational» multipolarity suggests that power centers, beyond forming a geopolitical balance, also represent distinct civilizations. During the first half of the 19th century, Russian conservatism was predominantly Eurocentric and semi-colonial. However, in the latter half of the century, Russian religious thinkers began to recognize the plurality of civilizations and their potential to emerge as independent power centers, thereby re-evaluating Russia's role in the world. Thinkers like Nikolay Danilevsky, Vladimir Lamansky, and Konstantin Leontyev progressively moved away from a colonial mindset, leading to the crystallization of the idea of «civilizational» multipolarity.

At the turn of the 19th and 20th centuries, thinkers such as Vladimir Gringmut, Lev Tikhomirov, Prince Esper Ukhtomsky, and Sergey Syromyatnikov further advanced these ideas. They identified an «awakening of the East» and advocated for Russia to align with Eastern civilizational powers in anticipation of an imminent world war. Post-1917 revolution, the concept of «civilizational» multipolarity persisted in the Eurasianist thought of the 1920s and 1930s, which is a focal point of this article. Leaders of the Eurasianist movement, such as Prince Nikolay Trubetskoy and Petr Savitsky, developed the doctrine of autarkic

«worlds»-civilizations, envisioned as large economic blocs unified by common culture, ideology, and centralized authority. Religious ideas and rhetoric, including the trope of «Babylonian confusion», played a significant role in the Eurasianists' justification of their preferred international order.

Key words: multipolarity, civilization, international relations theory, Russian philosophy, Russian religious thought, pan-Slavism, Russian conservatism, Eurasianism

About the author:

Maksim M. Medovarov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Research Fellow, Department of Information Technologies in the Humanities, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Pr. Gagarina 23, Nizhny Novgorod, Russia, 603950. ORCID: 0000-0002-9921-2219. E-mail: mmedovarov@yandex.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The research was funded by the Russian Science Foundation, project number 22-78-10006 (<https://rscf.ru/en/project/22-78-10006>).

References:

Degtarev D.A., Timashev G.V. 2020. Concept of Multipolarity in Western, Russian and Chinese Academic Discourse. *Sententia: European Journal of Humanities and Social Sciences*. №2. P. 9–20. DOI: 10.25136/1339-3057.2020.2.31787.

Korybko A. 2021. The End of Pax Americana and the Rise of Multipolarity. *Comparative Politics Russia*. 12(1). P. 167–173. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10013.

Agarkova A.S. 2022. Konceptiia mnogopoliarnosti v zarubezhnom akademicheskom dis-kurse [The Concept of Multipolarity in Foreign Academic Discourse]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*. 11(2A). P. 125–131. (In Russian).

Deliukin D.V., Shurshina A.V. 2016. “My poidem zaodno s ietoi Aziei”: zhizn' i tvorchestvo S.N. Syromiatnikova v kontekste “russkoi idei” na rubezhe XIX–XX vekov [“We Will Go Together with This Asia”: the Life and Work of S.N. Syromyatnikov in the Context of the “Russian Idea” at the Turn of the 19th – 20th Centuries]. *Peterburgskii Rerihovskii sbornik*. Vol. IX. Saint Petersburg: SPbGMISR. P. 161–174. (In Russian).

Fetisenko O.L. 2012. “Geptastilisty”: Konstantin Leont'ev, ego sobesedniki i ucheniki (Idei russkogo konservatizma v literaturno-hudozhestvennykh i publicisticheskikh praktikakh vtoroi poloviny XIX – pervoi chetverti XX veka) [“Heptastylists”: Konstantin Leontyev, His Interlocutors and Students (Ideas of Russian Conservatism in Literary, Artistic and Journalistic Practices of the Second half of the 19th – first Quarter of the 20th Centuries)]. Saint Petersburg: Pushkin-skii Dom. 784 p. (In Russian).

Gerasimova Ju.I. 2023. Evroatlanticheskii vzgljad na kontseptsiiu mnogopoliarnosti v kontekste degradatsii zapadnykh tsennostei [Euro-Atlantic Perspective on the Concept of Multipolarity in the Context of Degradation of Western Values]. *Diplomaticheskaya sluzhba*. №1. P. 75–78. (In Russian).

Medovarov M.V. 2021. V.P. Nikitin i ego mesto v evraziiskom dvizhenii [V.P. Nikitin and His Place in the Eurasian Movement]. *Russko-vizantiiskii vestnik*. 4(7). P. 57–74. DOI: 10.47132/2588-0276_2021_4_57 (In Russian).

Medovarov M.V., Sokolov Ju.V. 2023. Japono-kitaiskaia voina 1894–1895 gg. i obshhestvennoe mnenie v Rossii [Sino-Japanese War of 1894–1895 and Public Opinion in Russia]. *Casus belli v mezhdunarodnykh otnosheniiah XIX–XX vv.: diplomatiia, ideologiya, voennye prigotovleniya*. Saint Petersburg: Aleteia. P. 193–202. (In Russian).

Milevskij O.A. 1999. Iz istorii rusko-kitaiskikh kul'turnykh svyazei: L. Tihomirov i ego rol' v propagande pravoslaviia v Kitae v konce XIX – nachale XX v. [From the History of Russian-Chinese Cultural Relations: L. Tikhomirov and His Role in the Promotion of Orthodoxy in China at the Late 19th – Early 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filosofiya, istoriya*. №1. P. 55–57. (In Russian).

Mil'don V.I. 1989. Chaadaev i Gogol' (Opyt ponimaniya obraznoj logiki) [Chaadaev and Gogol (Experience in Understanding Figurative Logic)]. *Voprosy filosofii*. №11. P. 77–89. (In Russian).

Osipov I.D. 2016. Kontseptsii mezhdunarodnykh otnoshenii v russkoi filosofii XX veka [The Concept of International Relations in Russian Philosophy of the 20th Century]. *Filosofiya mezhdunarodnykh otnoshenii. Ot teorii k praktike*. St.Petersburg: Izdatel'stvo Politehnicheskogo Universiteta. P. 43–52. (In Russian).

Os'minina E.A. 2017. Kul'tura Kitaja v osmyslenii V.S. Solov'eva [Chinese Culture as Interpreted by V.S. Solovyov]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. 11(784). P. 220–228. (In Russian).

Os'minina E.A. 2020. Solov'evskii Kitai i ego vliianie na sovremennikov [Solovyov's China and Its Influence on His Contemporaries]. *Solov'evskie issledovaniya = Solovyov Studies*. 2(66). P. 23–42. DOI: 10.17588/2076-9210.2020.2.023-042 (In Russian).

Polunov A.Ju. 2022. “Belyi tsar'-bogatyri”: vospriятие Rossiiskoi imperii i ee pravitelia narodami Afriki i Azii v kontse XIX – nachale XX veka [“White Tsar-Bogatyr”: Perception of the Russian Empire and Its Ruler by the Peoples of Africa and Asia in the Late 19th – Early 20th Centuries]. *Tetradi po konservatizmu*. №2. P. 151–160. DOI: 10.24030/24092517-2022-0-2-151-160 (In Russian).

Repnikov A.V. 2007. *Konservativnye kontseptsii pereustroistva Rossii* [Conservative Ideas for the Reconstruction of Russia]. Moscow: Academia. 520 p. (In Russian).

Repnikov A.V., Milevskij O.A. 2011. *Dve zhizni L'va Tihomirova* [Two Lives of Lev Tikhomirov]. Moscow: Academia. 560 p. (In Russian).

Rjazanovskij N.V. 1996. Aziia glazami russkikh [Asia Through the Eyes of Russians]. *V razdum'iah o Rossii (XIX vek)*. Moscow: Arheograficheskii centr. P. 387–416. (In Russian).

Vahitov R.R. 2023. *Evrasiystvo: Logos. Eidos. Simvol. Mif* [Eurasianism: Logos. Eidos. Symbol. Myth]. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. 239 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Агаркова А. С. 2022. Концепция многополярности в зарубежном академическом дискурсе. *Теории и проблемы политических исследований*. 11(2А). С. 125–131.

Вахитов Р.Р. 2023. *Евразийство: Логос. Эйдос. Символ. Миф*. Санкт-Петербург: Владимир Даль. 239 с.

Герасимова Ю. И. 2023. Евроатлантический взгляд на концепцию многополярности в контексте деградации западных ценностей. *Дипломатическая служба*. №1. С. 75–78. DOI: 10.33920/vne-01-2301-07.

Делюкин Д.В., Шуршина А.В. 2016. «Мы пойдём заодно с этой Азией»: жизнь и творчество С.Н. Сыромятникова в контексте «русской идеи» на рубеже XIX–XX вв. *Петербургский Рериховский сборник. Вып. IX*. Санкт-Петербург: Издание СПбГМИСР. С. 161–174.

Медоваров М.В. 2021. В.П. Никитин и его место в евразийском движении. *Русско-византийский вестник*. 4(7). С. 57–74. DOI: 10.47132/2588-0276_2021_4_57.

Медоваров М.В., Соколов Ю. В. 2023. Японо-китайская война 1894–1895 гг. и общественное мнение в России. *Casus belli в международных отношениях XIX–XX вв.: дипломатия, идеология, военные приготовления*. Под ред. Л.С. Белоусова. Санкт-Петербург: Алетей. С. 193–202.

Милевский О.А. 1999. Из истории русско-китайских культурных связей: Л. Тихомиров и его роль в пропаганде православия в Китае в конце XIX – начале XX в. *Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Философия, история*. №1. С. 55–57.

Мильдон В.И. 1989. Чаадаев и Гоголь (Опыт понимания образной логики). *Вопросы философии*. №11. С. 77–89.

Осипов И. Д. 2016. Концепция международных отношений в русской философии XX века. *Философия международных отношений. От теории к практике*. Под ред. С.Н. Погодина, И.Д. Осипова. Санкт-Петербург: Издательство Политехнического университета. С. 43–52.

Осьминина Е.А. 2017. Культура Китая в осмыслении В.С. Соловьёва. *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*. 11(784). С. 220–228.

Осьминина Е.А. 2020. Соловьёвский Китай и его влияние на современников. *Соловьёвские исследования*. 2(66). С. 23–42. DOI: 10.17588/2076-9210.2020.2.023-042.

Полунов А.Ю. 2022. «Белый царь-богатырь»: восприятие Российской империи и её правителя народами Африки и Азии в конце XIX – начале XX в. *Тетради по консерватизму*. №2. С. 151–160. DOI: 10.24030/24092517-2022-0-2-151-160.

Репников А.В. 2007. *Консервативные концепции переустройства России*. Москва: Academia. 520 с.

Репников А.В., Милевский О.А. 2011. *Две жизни Льва Тихомирова*. Москва: Academia. 560 с.

Рязановский Н.В. 1996. Азия глазами русских. В кн.: *В раздумьях о России (XIX в.)*. Под ред. Е.Л. Рудницкой. Москва: Археографический центр. С. 387–416.

Фетисенко О.Л. 2012. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики (*Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века*). Санкт-Петербург: Пушкинский дом. 784 с.

Северная Африка во внешней политике Екатерины II

А.И. Бережнов

Институт Африки Российской академии наук

XVIII в. во многих отношениях определил судьбу Российской империи. В стране созревали внутренние предпосылки для модернизации, были достигнуты серьёзные внешнеполитические успехи. Пётр I «прорубил окно» в Европу, а Екатерина II решила задачу открытия для России Чёрного моря. Последнее не только позволило перенести центр земледелия России в южные плодородные земли, но и открыло путь к новым международным морским путям. Геополитические возможности страны заметно расширились.

Оказалась «приоткрытой» даже дверь в Африку. До получения выхода в Чёрное и Средиземное моря контактов у России со странами Северной Африки практически не существовало. Именно в екатерининскую эпоху возникла возможность российского взаимодействия с Египтом, Алжиром, Марокко, Тунисом и Триполи.

В данной статье исследуются внешнеполитические инициативы России в Северной Африке в царствование Екатерины II. Российская деятельность на этом континенте дополняла усилия на главном для внешней политики Российской империи во второй половине XVIII в. горизонте противоборства с Турцией. Используя сепаратистские движения на окраинах Османской империи, Россия добивалась ослабления и отвлечения сил своего противника во время русско-турецких войн. В мирное время Россия стремилась обеспечить безопасность своих торговых судов. Во второй половине XVIII – начале XIX вв. российская торговля в Средиземном море страдала от нападения корсаров варварийских государств, а именно Туниса, Алжира и Триполи. Для разрешения этой проблемы Россия оказывала давление на Порту, а также пыталась заключить мирные договоры с государствами Северной Африки. Первые шаги России на Африканском континенте были очень скромными, не лишёнными авантюризма, и далеко не все планы удалось реализовать.

Статья написана на базе документов из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Российского государственного архива древних актов (РГАДА), которые позволяют понять, как принимались решения и велись переговоры со странами Северной Африки. Некоторые аспекты первых российско-африканских контактов рассматривались в российской и зарубежной исторической литературе, но большее внимание уделялось отдельным сюжетам и странам. В данной статье предпринята попытка всестороннего обозрения причин и содержания внешней политики России XVIII столетия в отношении Северной Африки.

УДК: 327(47+61)"17":94(47)"17"

Поступила в редакцию: 15.03.2024

Принята к публикации: 11.08.2024

Ключевые слова: Российская империя, Северная Африка, варварийские государства, Египет, царствование Екатерины II, русско-турецкие отношения, торговля на Средиземном море

В последние годы африканское направление российской внешней политики приобретает всё больший вес. Россия стремится восстановить уровень отношений, который был со многими странами Африки во времена СССР. Вырос интерес к изучению предыстории взаимодействия России с государствами и народами континента.

Когда Россия «пришла» в Африку? Ответ на этот вопрос зависит от выбранной точки отсчёта. В XVI в. были установлены отношения между Александрийским и Московским патриархатами, но они носили сугубо церковно-религиозный характер. При Петре I состоялась отправка Мадагаскарской экспедиции, но она не достигла берегов Африки. С одной стороны, можно полагать, что старт российско-африканскому сотрудничеству был дан в 1770-х гг., после Первой Архипелагской экспедиции и последующих поездок офицеров российского военно-морского флота в страны Магриба. С другой стороны, первое российское представительство, а именно генеральное консульство в Александрии, было учреждено в 1784 г. и открылось в 1785 г. Важной вехой на пути установления отношений между Россией и Африкой стало подписание Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774 г., который создал необходимую правовую базу для развития торговли и отправки консулов в Средиземноморье. Таким образом, начало формирования российско-африканского взаимодействия как особого внешнеполитического направления произошло в правление Екатерины II (1762–1796).

Цель данной статьи заключается в том, чтобы выявить основные интересы России в Северной Африке во второй половине XVIII в. и проследить за их продвижением. Выдвигается следующая гипотеза исследования: возникновение российско-африканского сотрудничества в правление Екатерины II было обусловлено развитием торговли и войнами с Османской империей.

На тему отношений России и Африки в XVIII в. написано много исследований, но они затрагивают либо определённые аспекты внешней политики, либо посвящены отдельным странам. Например, Мадагаскарской экспедиции Петра I уделено внимание в работах Д.Н. Копелева (Копелев 2017), торговые связи Российской империи с континентом изучались В.Н. Шкуновым (Шкунов 2012), а вопросами пиратства в Средиземном море занимался А.Г. Рагунштейн (Рагунштейн 2013). Эволюция отношений с Тунисом в XVIII в. рассматривалась Н.В. Жерлицыной (Жерлицына 2014) и Н. Каздагли (Каздагли 2018), а Т.Ю. Кобищанов (Кобищанов 2009), И.М. Смилянская (Смилянская 2011) и Д.В. Фрумин (Фрумин 2009; Frumin 2004) написали ряд работ по Ближнему Востоку

и египетскому фактору во внешней политике Российской империи в XVIII в. Как можно заметить, не хватает комплексных исследований, посвящённых месту Северной Африки во внешней политике Екатерины II.

Представленная статья обобщает и систематизирует основные результаты исследований других авторов с привлечением широкой базы архивных источников. В работе использованы фонды Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), а именно №5 «Секретные мнения коллегии», №48 «Сношения России с Генуей», №89 «Сношения России с Турцией» и №90 «Константинопольская миссия», а также Российского государственного архива древних актов (РГАДА), № 19 «Финансы».

Африка во внешней политике России до Екатерины II

До царствования Екатерины II контакты России с Африкой носили эпизодический характер. В России отсутствовали глубокие знания о географии и актуальной ситуации на далёком континенте. Только в 1713 г. при Петре I в России была издана первая карта Африки (Давидсон, Филатова 2010: 14). В учебнике географии начала XVIII в., к примеру, были описаны следующие страны: «Варвара, Египет, Биледун, Герид, Сарадуни, Ефиопия, Абиссиния и Мономотата»¹. Эти государства можно увидеть на европейских картах XVII–XVIII вв., причём их границы не были чётко определены и менялись в зависимости от предпочтений и знаний картографов. С названиями Абиссиния и Эфиопия происходила путаница: иногда они использовались как синонимы, иногда Абиссинию определяли в Восточную Африку, а Эфиопию рисовали от Африканского рога до Южной Африки и побережья Гвинейского залива – свидетельство того, что европейцам было хорошо известно только побережье Африканского континента.

Сведения о внутривосточной ситуации в африканских владениях Турции приходили от российских посланников в Стамбуле. Например, в 1746 г. сообщалось о бегстве в Константинополь из Египта Осман-бей² из-за конфликта с другими беями. Желая вернуть власть, он просил у Порты десять военных кораблей и двадцать тысяч сухопутного войска, обещая увеличить платежи в султанскую казну. Порта вначале согласилась, но потом передумала, опасаясь, что это может привести к окончательному отпадению Египта. В итоге автор донесения пишет: «Порта сверх возможности все свои силы употребила, но никогда уже тоя страны покорить не могла»³. Подобные сообщения приходили в Коллегию иностранных дел и в 1750 г.⁴ Периодически в газете «Санкт-Петербургские

¹ *География или краткое земного круга описание*. 1716. Напечатано повелением Царского Величества в типографии Санкт-Петербургской. Санкт-Петербург. С. 84.

² Осман-бей был одним из предводителей бейликата в Египте в 1730-х – 1740-х гг., носил титул «шейх аль-балад» – старейшины страны. Он был изгнан из Египта в 1743 г. Ибрагим-беем и Ридван-беем.

³ АВПРИ Ф. 90. Константинопольская миссия. Оп.1. Д. 278. 1746. Л. 147-148.

⁴ Там же. Д. 324. 1750. Л. 87.

ведомости» появлялись небольшие заметки о государствах Северной Африки, в частности, в номере от 16 января 1728 г. подробно описаны события междоусобной войны в Марокко⁵.

Отдельные русские люди бывали в Африке ещё в давние времена. Со времён Золотой Орды на континент попадали выходцы из Восточной Европы, захваченные в плен в ходе войн и набегов (Дьяконов 2009: 4). Некоторые из них даже смогли достичь высокого положения, как например, уроженец Малороссии Касим-бей, ставший в конце XVIII в. наместником одной из провинций Египта. Некоторые пленники, становясь частью военно-административной элиты стран Северной Африки, умудрялись сохранять связи со своей родиной. Так, Мурад-бей и Ибрагим-бей отправляли дары в родную Грузию; существуют версии, будто они собирались заключить союз с Россией при посредничестве кахетинского, а в 1762–1798 гг. и восточно-грузинского царя Ираклия II (Nathaway 2008: 220).

Сведения о странах Северной Африки поступали от российских паломников, которые отправлялись к святым местам в Египте. Тексты хождений сохранились с XV в. Только в XVIII в. Северную Африку с паломническими целями посетили Иоанн Лукьянов (1701 г.), Макарий и Селивёрст (1705 г.), Андрей Игнатьев (1707 г.), Ипполит Вишенский (1708 г.), Василий Григорович-Барский (1727 и 1730 гг.), Архимандрит Константин (1795 г.) и другие, оставив интересные заметки о достопримечательностях, жителях, природно-климатических условиях и торговле Египта⁶.

Знаковым событием первой половины XVIII в. на африканском направлении стала организация Мадагаскарской экспедиции при Петре I в 1723–1724 гг. В Россию дошли сведения о том, что на Мадагаскаре появился «пиратский король», который ищет покровительства европейских держав. Понимая выгоды географического расположения острова, Пётр I решил этим воспользоваться, чтобы в дальнейшем создать место для стоянки российских кораблей на пути в Индию. Экспедиция готовилась в строжайшей секретности и вышла из Ревеля в 1723 г., но из-за неблагоприятной погоды и поломки судов была вынуждена вернуться, а потом отложена до лучших времён. Изначально это предприятие было сомнительным из-за отсутствия внятных представлений о реальной ситуации на Мадагаскаре. По мнению историка Д.Н. Копелева, при европейских дворах силы пиратов и их власть на острове намеренно преувеличивали якобы бы, стремившиеся к свержению Георга I (Копелев 2017: 51–52). В письме главарю пиратов Пётр I обращался к нему, не называя по имени, как «Высокопочтенному королю и владельцу славного острова Мадагаскарского», и заканчивал послание словами «Вам приятель»⁷. Но в Россию информация о «пиратском короле»

⁵ *Санкт-Петербургские ведомости*. 16 января 1728. №5. С. 1–2.

⁶ *Египет глазами россиян XV–XVIII веков*. 2013. Сборник хождений. Москва: ИВ РАН. С. 172–220.

⁷ *Россия и Африка*. Документы и материалы. XVIII в. 1960 г. 1999. Т. 1. Москва: ИВИ РАН. С. 11.

дошла слишком поздно; на момент отправки экспедиции пиратство в регионе находилось в упадке, многие морские разбойники покинули Мадагаскар, поэтому даже если бы русские корабли смогли достичь острова, то никакого «короля» они бы там не нашли. Авантюра Мадагаскарской экспедиции показывает, насколько Африка продолжала оставаться малоизвестным континентом для России в начале XVIII в.

После Петра I африканское направление выпало из внешней политики России, потому что путь и в Чёрное, и в Средиземное море по-прежнему был закрыт Османской империей и её вассалом – Крымским ханством. Но это не значит, что российские правящие круги забыли об Африке. В 1740-е гг. Коммерц-коллегия обсуждала прошение голландцев о торговле с Персией через Россию. Основные торговые пути между Персией и Европой проходили через Османскую империю. Товары сухопутным путём доставлялись в Левант (область Турции в восточном Средиземноморье), а потом – морем в Европу. Голландцы вели переговоры об альтернативном маршруте, в обход Порты: через Каспийское море и Россию. Обсуждая выдачу разрешения голландцам, члены Коллегии считали, что данный торговый путь позволит снизить издержки и избежать угрозы нападения африканских каперов: «Нежели вспомоществованием всевышнего бога оные нации обратятся чрез Балтийское море в Россию, а из России чрез Каспийское для получения персидских товаров... то, таких напрасных убытков и излишних фрахтов и опасностей миновать могут»⁸. Всем этим планам сбыться не удалось из-за внутривосточной нестабильности в Персии.

Представления служащих Коллегии показывают, что в Россию доходили известия о действиях африканских корсаров в Средиземном море. Но конкретные политические шаги по обеспечению безопасности плавания судов под российским флагом в Средиземном море были предприняты только при Екатерине II.

Африканский вопрос в русско-турецких отношениях при Екатерине II

В XVIII в. в экономической политике Западной Европы, а под влиянием европеизации и в Петербурге, господствовал меркантилизм. Считалось, для процветания страны нужно больше вывозить товаров, чем ввозить, накапливая внутри страны деньги от внешней торговли, поэтому правящие круги придавали большое значение поощрению экспорта. Успешное окончание Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., переход к России по её итогам ряда важных форпостов в Крыму и Северном Причерноморье открыли значительные возможности для увеличения российского экспорта в средиземноморские страны. Путь через Балтийское море был существенно длиннее, к тому же основные земледельческие районы, производящие пригодное для экспорта зерно, находились на юге

⁸ РГАДА Ф. 19. Финансы. Оп. 1. 1725 и др. Д. 236. Л. 46.

России. Понимая это, правительство Екатерины II приложило серьёзные усилия для развития российской средиземноморской торговли. Протекционизм, второе главное направление экономической политики того времени, требовал защиты интересов отечественных купцов и поиска для них новых торговых путей. Эти внешнеэкономические мотивы способствовали возрождению интереса России к Северной Африке во второй половине XVIII в.

В то время часть Северной Африки, включая Египет, Триполи, Тунис и Алжир с подвластными им территориями, находились в формальном подчинении Османской империи, хотя с XVII в. янычары начали выдвигать собственных предводителей и ограничили власть присылаемых из Турции пашей. Выбранные правители, называемые беями или деями, имели определённую самостоятельность в проведении внутренней и внешней политики. Независимым государством был только султанат Марокко, вместе с Тунисом, Алжиром и Триполи включавшийся в состав Варварии⁹.

Варварийские кантоны¹⁰ имели большие доходы от пиратства, продавая захваченный груз и получая выкуп за пленников. Европейские государства пытались откупиться от североафриканских корсаров, чтобы избежать их нападений, но правители кантонов периодически нарушали мирные условия и требовали новых выплат. Попытки европейцев решить вопрос силой сталкивались с сопротивлением Османской империи, а также с необходимостью поддерживать постоянное, сопряжённое с внушительными расходами военное присутствие в регионе. В связи с этим крупные европейские державы Австрия, Франция и Великобритания предпочитали действовать дипломатически через свои представительства в Стамбуле. Например, по договору о мире и торговле с Великобританией от 1732 г. Порта взяла на себя обязательство жёстко карать корсаров, нападавших на английские суда и в случае их захвата возвращать всё имущество¹¹. Для выкупа пленных и захваченных кораблей в страны Северной Африки назначались консулы. Количество невольников в Алжире, Триполи и Тунисе в отдельные годы XVIII в. достигало нескольких тысяч, хотя, надо отметить, что в сравнении с предыдущим столетием оно значительно уменьшилось (Davis 2001: 98–100).

Среди европейских держав не было консенсуса относительно борьбы с корсарами. Пиратством занимались не только североафриканские государства, но и рыцари Мальтийского ордена, жители Архипелага (острова Эгейского моря) и итальянских государств. В многочисленных войнах соперничающие стороны использовали морских разбойников, что способствовало их процветанию в средиземноморском регионе.

⁹ Название Варвария использовалось европейцами в XVI–XVIII вв. для обозначения средиземноморского побережья Северной Африки от Марокко до Египта.

¹⁰ В российских источниках XVIII в. слово «кантон» также использовалось в отношении варварийских государств: Алжира, Туниса и Триполи.

¹¹ A Collection of Treaties Between Great Britain and Other Powers. 1790. Chalmers George. Vol. 2. London. P. 437.

Обсуждение вопросов о поощрении и увеличении российской коммерции в Средиземном море начались ещё до Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и присоединения Крыма в 1783 г. В 1763 г. смоленский мещанин М. Давыдов предлагал учредить купеческие конторы в Александрии и Каире, назначить туда консулов и создать крупные торговые компании¹².

Особенно примечателен проект купца Владимирова, представленный на рассмотрение ко двору в 1763 г., предполагавший учреждение компании для торговли из Санкт-Петербурга в Средиземном море и получивший одобрение Екатерины II. Поскольку это был едва ли не первый российский опыт торговли в регионе, Адмиралтейство выделило Владиминову военный фрегат с командой для защиты купеческих кораблей от морских разбойников на первые годы деятельности компании¹³. В связи с отправкой первого купеческого судна в сопровождении военного корабля российскому посланнику в Константинополе А.М. Обрескову было велено «исходатайствовать для обоих фрегатов такие султанские указы, которые бы капитанам их на руки отданы быть могли для представления как турецким командирам в таких случаях, когда бы одному или обоим фрегатам в подчиненные им гавани или места зайти случилось, так и самим африканским правительствам, дабы подвластные их, зная султанскую к нам дружбу и уважение, тех фрегатов наших не трогали и никак не нападали»¹⁴.

Но большинство подобных проектов не приводило к конкретным результатам, поскольку создание торговой компании требовало широкого участия российских купцов, которые не обладали ни достаточным капиталом, ни опытом, и не были готовы идти на большие риски. В отчаянных попытках стимулировать российскую торговлю в Средиземном море Екатерина II в 1776 г. отправила за казённый счёт шесть военных фрегатов, нагруженных товарами, «дабы тем открыть купцам нашим глаза к собственной их пользе и подать к подражанию выгодный пример»¹⁵. Планировалось, что корабли, продав свои товары в Константинополе, придут в российскую уже тогда Керчь с товарами из Турции. Практика отправки военных кораблей для конвоирования торговых судов продолжилась в дальнейшем, особенно в рамках предложенной Екатериной II политики вооружённого нейтралитета¹⁶.

Россия всерьёз опасалась угрозы со стороны пиратов, хотя первое российское судно было захвачено ими только в 1786 г. Присутствие российских кораблей в Средиземном море очень настораживало Турцию, которая полагала,

¹² РГАДА Ф. 19. Финансы. Оп. 1. 1743. Д. 348. Л. 4 об.

¹³ Там же. 1763, 1766. Д. 305. Л. 4.

¹⁴ АВПРИ Ф. 90. Константинопольская миссия. Оп. 1. Д. 450. 1763. Л. 72.

¹⁵ Там же. Д. 673. 1775. Л. 40.

¹⁶ Политика вооружённого нейтралитета (1779–1783 гг.) была инициирована Россией и поддерживалась большинством европейских государств. Она была направлена на обеспечение безопасности плавания судов под нейтральным флагом в ходе войны за независимость США и защиту их при помощи военных кораблей.

что защита своих торговых кораблей от африканских корсаров – лишь предлог, прикрывающий реальные цели России. Например, в 1776 г. Порты не пропустила в Чёрное море российский военный корабль, предполагая, что он может быть использован для вмешательства в крымские дела. В рескриптах 1782 г. российскому посланнику в Константинополе Я.И. Булгакову Екатерина II дала указание разъяснить Турции, что «появление военных наших судов в тамошних водах по одиночке не может иметь другого намерения, кроме того... что опасность нашему торговому флагу от африканских корсаров предстоящая, есть отнюдь не вымышленная»¹⁷.

Помимо военного сопровождения судов, Россия, по примеру Англии и Франции, оказывала дипломатическое давление на Турцию. Успешные войны против Османской империи позволили России добиться выгодных условий для защиты торговли. Статья 11-я Кючук-Кайнарджийского мирного договора, заключённого 10 (21) июля 1774 г., провозглашала «вольное и беспрепятственное плавание купеческим кораблям, принадлежащим двум контрактующим державам, во всех морях, их земли омывающих...»¹⁸. Россия получала те же преимущества от коммерческой деятельности в турецких землях, которые имели англичане и французы. Условия мирного договора также позволяли Российской империи назначать консулов и вице-консулов в различные владения Порты, чем и воспользовалась Екатерина при основании консульства в Александрии. Согласно 12-й статье договора, «когда Российский Императорский Двор похочет сделать коммерческие трактаты с Африканскими, то есть Трипольским, Тунисским и Алжирским кантонами, блистательная Порты обязывается употребить власть свою и кредит к приведению в совершенство помянутого Двора намерения, и быть, в рассуждении вышеречённых Кантонов, ручательницею в наблюдении ими всех тех кондиций, которые в оных трактатах постановлены быть имеют»¹⁹. Это означало, что Россия могла беспрепятственно, и, более того, с гарантиями от Турции развивать отношения с упомянутыми африканскими государствами.

Подробнее условия торговли в землях Порты Оттоманской были оговорены в Трактате о торговле, заключённом между Россией и Портой 10 (21) июня 1783 г. Помимо общих положений о навигации, пребывании и защите российских купцов, тарифах и сделках купли-продажи, в 60-й статье в связи с деятельностью корсаров варварских кантонов предписывалось Порте «настрожайше наблюдать, чтоб Паши, Коменданты и другие Офицеры в Империи Оттоманской охраняли и защищали консулов и купцов Российских»²⁰. 61-я статья обязывала

¹⁷ Там же. Д. 888. 1782. Л. 37-38.

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. 1830. Т. 19. 1770–1774. Санкт-Петербург: Тип. 2-го Отделения Собств. Е.И.В. канцелярии. С. 960–961.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Т. 21. 1781–1783. С. 652.

Турцию способствовать освобождению пленников и возвращению груза, захваченных пиратами²¹. Ясский мирный договор между Россией и Турцией от 29 декабря 1791 г. (9 января 1792) подтверждал все прежние договорённости и, сверх того, обязывал Османскую империю в течение двух месяцев после обращения российского посланника выплачивать из своей казны компенсацию российским купцам в случае отказа африканских кантонов²².

Данные договоры создали благоприятный правовой режим для плавания российских судов в Средиземном море, но на практике соблюдение их положений сталкивалось с множеством трудностей. Во-первых, у Турции было недостаточно рычагов влияния на африканские кантоны, которые обладали большой автономией. В личных беседах с российскими посланниками в Константинополе рейс-эфенди и капудан-паша признавались, что «повеления их в варварских кантонах не уважаются»²³. Во-вторых, Османская империя очень неохотно выплачивала компенсации за захваченные российские суда, находя всяческие оправдания. Российская средиземноморская торговля велась через посредников. Экипажи на судах под русскими флагом состояли из греков и итальянцев²⁴. Поэтому африканские корсары, ссылаясь на свои конфликты с итальянскими государствами, не возвращали захваченный груз. В связи с этим министрам и консулам России на средиземноморском побережье была дана инструкция, чтобы они «строго рекомендовали судам под флагом российским не иметь никаких бумаг от держав, с африканскими кантонами в войне находящиеся»²⁵.

Выплаты за захваченный груз производились с большой задержкой. Османская империя всячески стремилась уменьшить сумму этих возмещений. В 1794 г. первому драгоману посольства России в Константинополе И. Яковлеву пришлось торговаться с турецкими чиновниками по поводу объёма денежных компенсаций. Сначала он возвысил цену до 782 тыс. пиастров, «дабы торгуя по обыкновению с министерством турецким мог исходатайствовать сумму сколько-нибудь умеренную»²⁶. Но Порта соглашалась только на 112 тыс. пиастров. После убеждений представителя России Челеби Мустафа Эфенди просил согласиться на 200 тыс. пиастров, Яковлев настоял на 250 тыс., но турецкая сторона ещё неделю пыталась сбавить цену до 225 тыс. пиастров. В итоге в январе 1795 г. Россия получила только 230 тыс. пиастров за суда, захваченные ещё при объявлении войны²⁷. Несколько лет ушло на то, чтобы заставить Турцию выполнить свои обязательства, вытекающие из мирных договоров и торгового трактата.

²¹ Там же. С. 653.

²² Полное собрание законов ... Т. 23. 1789 – 6 ноября 1796. С. 291.

²³ АВПРИ Ф. 90. Константинопольская миссия. Оп. 1. 1782. Д. 893. Л. 5.

²⁴ Жерлицына Н.А. 2023. *Роль стран Магриба (Алжира, Туниса, Триполитании и Марокко) в соперничестве России с европейскими империями в конце XVIII – начале XX веков*: дис. д. ист. наук: 5.6.7.: защищена 19.04.23. Жерлицына Н.А. Москва. С. 89.

²⁵ АВПРИ Ф. 90. Константинопольская миссия. Оп. 1. 1795. Д. 1205. Л. 98.

²⁶ Там же. 1794. Д. 1131. Л. 224–225.

²⁷ Там же. 1795. Д. 1204. Л. 2.

В целом Турция удовлетворяла российские требования и даже посылала в варварийские государства фирманы с требованием не трогать российский торговый флот. Но Порта не слишком хотела добиваться их полного соблюдения, чтобы не портить отношений со своими вассалами. Ещё с XVI в. алжирские корсары служили на флоте Османской империи (Wolf 1982: 18). Они высоко ценились, потому что имели большой опыт плавания по Средиземному морю. Турция активно задействовала их в действиях против русского флота. В 1787 г. в Коллегию иностранных дел из посольства в Константинополе доносили, что на помощь Порте алжирцы вооружают четыре судна, а туниисцы с триполитанцами – по два²⁸. В сражении при Калиакрии в 1791 г. вторым командиром турецких кораблей после капудан-паши был алжирский паша Саид-Али. В знаменитом Чесменском сражении 1770 г. после высадки на берег капудан-паши османским флотом командовал Джезаирли Гази Хасан Паша, который некоторое время служил в Алжире. Периодически из Константинополя приходили известия, что алжирцы вербуют к себе на службу людей из областей Османской империи, и что Порта отправляла пушки и другое корабельное снаряжение в Северную Африку²⁹.

Но даже при столь тесных связях Османской империи с кантонами Россия вполне успешно дипломатически отстаивала свои интересы. Для сравнения: австрийцы с большим трудом и не без помощи России смогли добиться компенсации за свои захваченные суда, а генуэзцами Порта вообще отказывалась давать гарантии «за безопасность судов их против барбаресков»³⁰.

Первые прямые контакты Российской империи с Африкой

Взаимодействие со странами Северной Африки начинается с победами в Средиземном море русского флота под общим руководством А.Г. Орлова. Поражения Османской империи способствовали тому, что государства Северной Африки стали искать сотрудничества с Россией, чтобы получить большую независимость от турок.

Особое значение для российской дипломатии в Африке имел Египет. Как отмечалось ранее, в России знали о постоянных волнениях в этой стране и надеялись, что египетские беи могут помочь в войне с Турцией. Екатерина II с большим интересом следила за ходом антиосманского восстания 1768–1773 гг. египетского правителя, мамлюка грузинского происхождения Али-бея аль-Кабира. В июле 1770 г. он провозгласил себя султаном и объявил о независимости Египта. Но сотрудничество российской стороны с восставшими выстраивалось

²⁸ АВПРИ Ф. 5. Секретные мнения коллегии Оп. 5/1. 1787. Д. 582. Л. 354.

²⁹ АВПРИ Ф. 90. Константинопольская миссия. Оп. 1. 1785. Д. 975. Л. 209, 272.

³⁰ Там же. 1795. Д. 1204. Л. 73.

крайне медленно. России понадобилось несколько лет, чтобы понять намерения египетского правителя и вступить с ним в постоянный контакт. Только в августе 1771 г. командующий русской эскадрой А.Г. Орлов завязал вялую переписку с Али-беем аль-Кабиром. К тому времени сподвижник Али-бея Мухаммад-бей Абу аль-Дахаб в союзе с палестинским эмиром Дахиром аль-Умаром уже захватил у османов большую часть Сирии. Несмотря на явные успехи египетских повстанцев, на письмо Али-бея от 22 ноября 1771 г. А.Г. Орлов ответил только через полгода, что, весьма вероятно, было связано с его общим разочарованием от взаимодействия с греками и другими народами Средиземноморья, утратой влияния на императрицу и очень настороженным отношением к мусульманам (Смилянская, Велижев, Смилянская 2011: 363). В любом случае момент был упущен. Помощь к Али-бею пришла, когда он находился в бедственном положении. Мухаммад-бей изменил Али-бею и перешёл на сторону Порты, получив от неё титул шейх аль-балад, т. е. стал фактическим правителем Египта. Али-бей укрылся в Акре у Дахира.

Тем не менее поддержка русского флота дала мощное пропагандистское оружие египетскому правителю и его союзнику Дахиру аль-Умару (Кобищанов 2009: 18). Они распускали слухи о скором подходе основных российских военно-морских сил, которых очень боялись в Османской империи после гибели всего османского флота в Чесменском сражении. Артиллерийский обстрел с моря и высадка десантов с российских кораблей сильно подрывали боевой дух неприятеля и позволили союзникам России с легкостью взять Сайду и Яффу. Но А.Г. Орлов не мог предоставить Али-бею и его союзнику Дахиру крупные наземные силы, поскольку сам испытывал в них нехватку. По возвращении в Египет в 1773 г. Али-бей был разбит и вскоре скончался от полученных ран. После его смерти Россия продолжила поддерживать Дахира аль-Умара в Сирии и Ливане. В сентябре 1773 г. при помощи российского флота был взят Бейрут. Местные друзья даже признали покровительство России и приняли участие в блокаде и штурме города. Впрочем, они не были надёжными союзниками, судя по тому факту, что большая часть друзского ополчения разбежалась во время осады Бейрута (Кобищанов 2009а: 7–8).

После завершения Русско-турецкой войны в 1774 г. Дахир уже не мог рассчитывать на русскую помощь. Покинутый большинством сподвижников, он погиб в 1775 г. при осаде города Акра войсками османов и египетских мамлюков. Стоит констатировать, что русская эскадра оказала скромную поддержку антиосманским повстанцам, хотя главная причина их поражения крылась во внутренних противоречиях и склонности многих предводителей искать компромиссы с Портой. В итоге Турция постепенно восстановила контроль над восставшими провинциями.

Несмотря на неудачу восстаний Али-бея и Дахира, Россия не отказалась от попыток влиять на египетские дела. Согласно 11-й статье Кючук-Кайнарджийского договора, Санкт-Петербург имел право назначать своих консулов

в различные провинции Османской империи. Первое российское консульство в Африке было учреждено в Александрии в 1784 г. В инструкции первому российскому консулу барону Кондратию фон Тонусу³¹ Екатерина II поручала раздобыть сведения о Египте, его политическом устройстве и степени зависимости от Турции, исследовать состояние торговли и возможности развития торговых связей с Россией. Такой интерес был вызван попытками французов через город Суэц в Каир, а потом по Нилу организовать торговый путь в Индийский океан. Также в обязанности барона К. Тонуса входило доносить о происходящих событиях, выкупать пленных и взаимодействовать с христианскими народами³². За годы службы российский консул предоставил в Коллегию иностранных дел ценные сведения о торговле французов в Египте, конфликтах между беями и султаном, а также раздобыл карты Красного моря у венецианского купца³³.

После начала войны с Турцией в 1787 г. Тонус пытался склонить вассальных к Турции соправителей Египта Мурад-бея³⁴ и Ибрагим-бея³⁵ на сторону России. Многие мамлюкские беи имели грузинские, абхазские или даже славянские корни. В числе прочего, консул вёл переговоры с беями через вышеупомянутого Касим-бея, который знал русский язык. Но несмотря на происхождение, мамлюки преследовали собственные цели, да и Россия не очень им доверяла, учитывая прошлый опыт взаимодействия. К тому же переход из православия в мусульманство лишал покровительства российских властей. Характерно, что статья 25-я Кючук-Кайнарджийского мирного договора об освобождении невольников не касалась тех, кто добровольно принял закон магометанский³⁶. Тонус поверил заверениям Мурад-бея и Ибрагим-бея об их готовности выступить против Османской империи в случае поддержки со стороны России, хотя их положение в Египте было очень шатким. Дуумвират Мурада-бея и Ибрагим-бея был отмечен увеличением налогов и произволом, что вызвало у Порты опасения угрозы нового восстания в Египте. Султан Абдул-Хамид I в 1786 г. приказал адмиралу Хасан-паше изгнать соправителей и посадить в Египте нового подконтрольного Константинополю властителя. Мятежные беи были оттеснены в Верхний Египет, а управлять страной стал Исмаил-бей, бывший соратник Али-бея.

³¹ На русской службе Кондратий фон Тонус, австриец по происхождению, находился с 1780 г., перейдя с полькой королевской службы.

³² АВПРИ Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1785. Д. 964. Л. 1–4.

³³ Там же. Д. 967. Л. 10–22.

³⁴ Мурад-бей (ок. 1750–1801), по происхождению пленник с Кавказа, черкес или армянин, был продан Мухаммад-бею, сподвижнику, а потом противнику восставшего египетского правителя Али-бея. После смерти Мухаммад-бея в 1775 г. возглавил войско египетских мамлюков.

³⁵ Ибрагим-бей (ок. 1735–1817), грузин по происхождению, захваченный и проданный в мамлюки османскими разбойниками. Заключил союз с Мурад-беем после смерти Мухаммад-бея. Дуумвират Мурада и Ибрагима в Египте, несмотря на интриги друг против друга, продержался до 1798 г. Власть над вассальным Порте Египтом Ибрагим-бей утратил после поражения мамлюков в битвах у Пирамид и при Гелиополисе с армией Наполеона.

³⁶ Полное собрание законов ... Т. 19. 1770–1774. С. 965.

В этой обстановке Тонус представил свой план отторжения Египта от Турции Екатерине II, которая им заинтересовалась и вскоре утвердила. В проекте секретного наказа от 17 февраля 1788 г. барону предписывалось отдать приказ российским кораблям не нападать на суда с египетским флагом и подготовить документы о признании независимости и возможности участия Египта в войне против Турции³⁷. Согласно плану, Тонус отправился в Египет, чтобы напрямую участвовать в происходящем и заняться заготовками египетского риса для русского флота в Средиземном море (Смилянская, Велижев, Смилянская 2011: 740). По прибытии в Каир российский посланник представил предложения Екатерины II при дворе Исмаил-бея, но не смог убедить его окружение и был посажен под арест.

Эту неудачу можно объяснить тем, что даже при выступлении египетских беев против Порты Россия обещала им отправить «несколько пушек со снарядами» и «дать переодетых людей, чтобы обучили стрелять»³⁸, что было явно недостаточно для борьбы за независимость. Планам отправки в Средиземное море русской эскадры под командованием адмирала С.К. Грейга не суждено было сбыться из-за вступления в войну Швеции. Когда Исмаил-бей понял, что серьёзной помощи от России не будет, он оставил попытки поднять бунт против Турции. Опасаясь, что связи с бароном Тонусом подорвут его положение при османском дворе, он в сентябре 1789 г. приказал казнить российского консула (Фрумин 2009: 13).

Как до этого события, так и после него Российская империя не торопилась открывать консульства в других странах Северной Африки. Большую часть своей торговли Россия вела через посредников, поскольку её торговый флот был слабо развит. Купцы предпочитали с меньшим риском сбывать товар на территории России иностранцам. Каждое новое консульство требовало дополнительных затрат, поэтому в Коммерц-коллегии рекомендовали определять консулов на собственном содержании³⁹. За исключением Египта, торговые связи со странами Северной Африки носили эпизодический характер (Шкунов 2012: 86), а в случае необходимости Россия прибегала к услугам консулов других держав, которые охотно шли на это, получая доходы с консульских сборов.

Российское консульство в Марокко появилось только в конце XIX в. При Екатерине II переписка с султаном Марокко велась через секретаря посольства Великобритании в Танжере С. Люкаса и английского консула в Гибралтаре Л. Бута, а потом через поверенного в делах России в Тоскане Д. Моцениго и офицеров русского флота. Данная практика применялась и во взаимодействии с Тунисом. Поначалу Россия пользовалась услугами шведского представителя

³⁷ АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1788. Д. 980. Л. 1.

³⁸ Там же. Л. 3.

³⁹ АВПРИ. Ф. 5. Секретные мнения коллегии Оп. 5/1. 1775. Д. 593. Л. 223.

в этой африканской стране. В 1780 г. консул Голландии в Тунисе А.Г. Ниссен просил российского посланника в Стамбуле А.С. Стахиева назначить его внештатным консулом, что можно рассматривать как начало установления тунисско-российских политических контактов (Каздагли 2018: 121)⁴⁰.

Османские должностные лица в личных беседах пытались убедить российских посланников в Константинополе в целесообразности иметь своих консулов в Африке. Отношение к этому предложению прекрасно показывают слова В.П. Кочубея, служившего посланником в Константинополе в 1792–1797 гг.: «По известным варварским оных обычаям, кто ответственать может, чтоб с консулом российским не было поступлено так, как чинится с другими консулами, то есть посадят его на цепь, требовать станут выкупу, подарков и прочего...»⁴¹. Опасения за безопасность российских подданных и привели к тому, что, несмотря на множество контактов России с варварийскими государствами, постоянные консульские связи между сторонами не были налажены. Взаимодействие велось через Османскую империю или российских представителей в Стамбуле и итальянских государствах. В частности, в Египте после казни Тонуса Россия пользовалась услугами австрийского консула К. Россетти.

Первые политические контакты с Марокко были установлены в 1778 г. после того, как султан Марокко Мухаммед III бен Абдаллах выступил с инициативой открыть порты страны для европейских кораблей. Командующий российской эскадрой в Средиземном море в 1776–1779 гг. капитан 1-го ранга Т.Г. Козлянинов встретился с марокканским послом в Ливорно, и обе стороны проявили интерес к дальнейшему развитию отношений. Козлянинов считал, что Марокко может служить хорошей базой на пути русского флота в Средиземное море (Булатов 2021: 101), поэтому отправил в город Танжер два фрегата, которые доставили туда марокканского посла и вернулись с письмами от султана к Екатерине II. С 1778 по 1783 гг. султан Марокко Мухаммед III бен Абдаллах не раз писал российской императрице, высказывая желание заключить мир и установить торговые отношения⁴². Но ведение переговоров затрудняло и затягивало отсутствие постоянного представителя России в султанате, а в целом сближению с Россией мешала солидарность мусульманского населения Марокко с Османской империей в ходе русско-турецких войн.

В 1784 г. через российского полномочного министра в Генуе А.С. Мордвинова велись переговоры с Триполитанским кантоном о заключении трактата о вечном мире, дружбе и торговле. Проект договора триполитанского посла Сиди

⁴⁰ Просьба А.Г. Ниссена была удовлетворена уже в начале XIX в., после того, как в 1803 г. тунисские пираты захватили российское купеческое судно. Впоследствии шесть поколений этой семьи представляли интересы России в Тунисе (Жерлицына 2014: 31).

⁴¹ *АВПРИ* Ф. 90. Константинопольская миссия. Оп.1. 1795. Д. 1205. Л. 252 об.

⁴² *Россия – Марокко: история связей двух стран в документах и материалах (1777–1916)*. 1999. Москва: ИАФР РАН. С. 133–149.

Каид Ахмеда Гаджи включал пять статей, одна из которых обязывала Екатерину II признать независимость Триполи и гарантировать защиту от притязаний со стороны Османской империи⁴³. В ответ на это предложение Коллегия иностранных дел постановила, что «оглашение сей статьи было безвременно, да и предосудительно для собственных вашего императорского величества интересов, утверждая и умножая посеянное во многих дворах мнение, что вся политика вашего императорского величества стремится к низложению империи Оттоманской... Для сего рассуждается лучшее, сию пятую статью превратить в особой секретной артикул»⁴⁴. В обмен на поддержку со стороны Российской империи триполитанский бей предлагал «в полное владение и самовластное господство на берегу, замыкаемом между Баркою и Александрийскими границами владычества Оттоманского, один из двух портов своих»⁴⁵. Но сведениями об этих портах и их возможностях вместить торговый и военный флот в России не располагали, а Коллегия иностранных дел опасалась негативной реакции на это приобретение других держав, особенно Испании⁴⁶, поэтому российская сторона предложила засекретить и положение о порте. Выдвинутые Россией условия не отвечали пожеланиям триполитанского бея. Переговоры то прерывались, то возобновлялись, но так и не привели к успеху.

Как можно заметить, политика России в регионе была очень осторожной. Екатерина II не хотела вступать в конфликт с другими европейскими державами и стремилась получить такие же привилегии в торговле, которые имели Франция и Англия. Например, К. Тонусу императрица рекомендовала заключить выгодный торговый договор с Египтом, как у французов. А в инструкции А.С. Мордвинову читаем: «... что же касается до торговли, согласится он на все выгоднейшие статьи, а особливо на все уже постановленные с народами более фаворизируемыми, то есть с французами и англичанами»⁴⁷.

Другим серьёзным препятствием для проникновения Российской империи в Северную Африку была нехватка точных сведений о государствах в регионе. Восприятие африканских кантонов формировалось через общение с европейцами и переводную литературу по истории и географии (Жерлицына 2014: 10).

При Екатерине II изучение описываемого региона началось благодаря деятельности офицеров российского военно-морского флота. Они зачастую путешествовали под вымышленными именами, представляясь подданными разных европейских государств. Несмотря на краткое пребывание, они смогли собрать важную информацию о ветрах, мелях и течениях, обновив существующие карты региона. Русские моряки за время пребывания в Средиземном море

⁴³ АВПРИ Ф. 48. Сношения России с Генуей. Оп. 48/2. 1784. Д. 2. Л. 25.

⁴⁴ Там же. Л. 118.

⁴⁵ Там же. Л. 24-25.

⁴⁶ Там же. Л. 116.

⁴⁷ АВПРИ Ф. 48. Сношения России с Генуей. Оп. 48/2. 1784. Д. 14. Л. 37.

в 1770-х гг. создали более 40 карт южной части Средиземноморья (Frumin 2004: 21). В 1778 г. командир российского фрегата «Святой Павел» Н.С. Скуратов во время своей поездки в г. Танжер, помимо описания Марокко и его жителей, составил «с точным положением берегу и промерами сделанный Танжерского рейду план»⁴⁸. Особо стоит выделить поездки С.И. Плещеева⁴⁹ и М.Г. Коковцева⁵⁰, которые позже опубликовали свои путевые заметки и внесли важный вклад в накопление знаний о регионе.

С деятельностью М.Г. Коковцева связаны первые попытки России установить отношения с Тунисом и Алжиром. В ходе своего пребывания в Северной Африке русский офицер вёл переговоры с высокопоставленными лицами этих государств, в том числе и с деями, хотя на это у него не было полномочий. Маловероятно, чтобы можно было достичь каких-либо договорённостей с варварийскими государствами, требовавших в обмен на мир выплаты ежегодной дани, что Российская империя отвергала⁵¹.

Заключение

При Екатерине II Россия вступила на путь развития отношений с Северной Африкой. В российской внешней политике этого периода чётко вырисовываются два направления: 1) создание благоприятного режима для плавания судов под российским флагом в Средиземном море; 2) поиск новых союзников в борьбе с Османской империей. Полностью достичь этих целей Россия не смогла. У правящих кругов были смутные представления о Северной Африке, поэтому любые действия предпринимались после сбора информации на основе европейских сведений. Из-за этого время бывало упущено, и переговоры с североафриканскими государствами не приводили к успеху.

Стоит отметить крайнюю осторожность России в проведении внешней политики в регионе. Российская империя была не готова к осложнению отношений с другими европейскими государствами из-за своего присутствия в Северной Африке и всячески стремилась следовать их опыту, получая равные с ними привилегии от Турции.

⁴⁸ Россия – Марокко... С. 22.

⁴⁹ Плещеев С.И. 1773. *Дневные записки путешествия, из Архипелагского, России принадлежащего острова Пароса, в Сирию и к достопамятным местам, в пределах Иерусалима находящимся: с краткой историей Алибеевых завоеваний*. Санкт-Петербург.

⁵⁰ Коковцов М.Г. 1786. *Описание Архипелага и Варварийского берега; изъясняющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей; число жителей, веру, обряды и нравы их с присовокуплением древней истории, и с тремя чертежами*. Санкт-Петербург. Коковцов М.Г. 1787. *Достоверные известия о Альжире, о нравах и обычаях тамошнего народа, о состоянии правительства и областных доходов; о положении Варварийских берегов; о произрастениях и о прочем; с верным чертежом*. Сочинение Российского Офицера все то на месте обозревшего. Санкт-Петербург.

⁵¹ Жерлицына Н.А. Цит. соч. С. 165.

Тем не менее Екатерина II смогла в свою пользу добиться от Турции решения вопросов, связанных с захватом купеческих судов под российским флагом варварийскими корсарами, заключив выгодные мирные договоры и торговый трактат. Она состояла в переписке с султаном Марокко, а правители Египта и Триполи искали с ней союза. Хотя тунисские и алжирские корсары захватывали российские суда, Россия добилась получения компенсации.

Открытие консульства в Александрии, первого представительства Российской империи в Африке, опережало своё время. Торговых связей с Северной Африкой практически не было, а сама торговля велась преимущественно через посредников, поэтому Россия прибегала к помощи консулов других государств, чтобы защищать интересы своих подданных в регионе.

Об авторе:

Андрей Игоревич Бережнов – младший научный сотрудник Института Африки РАН. 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1. E-mail: a.i.berezhnov@my.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 327(47+61)"17":94(47)"17")

Received: March 15, 2024

Accepted: August 11, 2024

North Africa in the Foreign Policy of Catherine II

 A.I. Berezhnov

[DOI 10.24833/2071-8160-2024-5-98-208-227](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-5-98-208-227)

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The 18th century represented a transformative era for the Russian Empire, characterized by substantial internal reforms and notable foreign policy achievements. Amidst sweeping modernization efforts, Russia secured significant victories on the international stage. Under Peter I, Russia "opened a window" to Europe, while Catherine II's reign expanded Russia's geopolitical reach to the Black Sea, facilitating access to fertile southern territories and establishing crucial maritime routes for international trade. These strategic advancements considerably enhanced Russia's influence and strategic capacities.

During Catherine II's reign, Russia also initiated its first forays into North Africa, a region previously beyond the empire's strategic horizon. Prior to gaining maritime access to the Black and Mediterranean Seas, Russian interaction with North African territories was negligible. However, the geopolitical landscape of Catherine's era prompted the necessity of engaging with Egypt, Algeria, Morocco, Tunisia, and Tripoli.

This article investigates the principal foreign policy initiatives of Russia toward North Africa during the latter half of the 18th century. These efforts served as ancillary operations to Russia's overarching conflict with the Ottoman Empire. Throughout the Russo-Turkish Wars, Russia exploited separatist movements within the Ottoman periphery to weaken its adversary strategically. In times of peace, Russian priorities shifted to safeguarding merchant vessels in the Mediterranean from attacks by Barbary corsairs—specifically from Tunisia, Algeria, and Tripoli. To mitigate these threats, Russia employed diplomatic pressure on the Sublime Porte and sought to negotiate peace agreements with North African states. Nevertheless, these early Russian engagements in North Africa were tentative and often marked by limited success and instances of diplomatic adventurism, leaving several initiatives unrealized.

Utilizing archival documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI) and the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA), this article provides a detailed examination of Russia's diplomatic decision-making and negotiations with North African states. While prior Russian and foreign scholarship has analyzed specific events and countries in this context, this study seeks to offer a more holistic understanding of Russia's foreign policy objectives and actions in North Africa during the 18th century.

Keywords: Russian Empire, North Africa, barbarian states, Egypt, reign of Catherine II, Russian-Turkish relations, trade in the Mediterranean Sea

About the author:

Andrei I. Berezhnov – Junior Research Fellow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. 123001, Russia, Moscow, st. Spiridonovka, 30/1. E-mail: a.i.berezhnov@my.mgimo.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Davis R.C. 2001. Counting European Slaves on the Barbary Coast. *Past & Present*. №172. P. 87–124. DOI:10.1093/past/172.1.87.
- Frumin M.D. 2004. Russian Navy Mapping Activities in the Eastern and Southern Mediterranean (Late. 18th Century). *The Portolan*. Vol. 60. P. 13–26.
- Hathaway J. 2008. *The Arab Lands under Ottoman Rule, 1516–1800*. Longman. 344 p.
- Wolf J.B. 1982. *The Barbary Coast: Algeria under the Turks*. New York: Norton. 364 p.
- Bulatov V.E. 2021. *Russkiye morskije karty XVIII veka* [Russian Nautical Charts of the 18th Century]. Moscow: State Historical Museum. 468 p. (In Russian).
- Davidson A.B., Filatova I.I. 2010. *Rossiya i Yuzhnaya Afrika: tri veka svyazei* [Russia and South Africa: three Centuries of Connections]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 331 p. (In Russian).

D'yakonov N.N. 2009. Rossiya i Magrib. Istoriya ustanovleniya otnoshenii. [Russia and the Maghreb. The History of Establishing Relationships]. *Vestnik SPbGU. Seriya 13. Vostokovedenie, afrikanistika*. №4. P. 3–13 (In Russian).

Frumin D.V. 2009. Missiya barona Tonusa. 225 let nazad v Egipt byl naznachен pervyi rossiiskii konsul. [Mission of Baron Tonus. 225 Years Ago the First Russian Consul Was Appointed to Egypt]. *Vostochnyi arkhiv*. P. 4–15 (In Russian).

Kazdagli N. 2018. Tunisko-rossiiskie otnosheniya ot Ekateriny II do Khamuda-pashi (konets XVIII – nachalo XIX veka). [Tunisian-Russian Relations from Catherine II to Hamoud Pasha (Late 18th – Early 19th Centuries)]. *Istoriya. Nauchnoe obozrenie OSTKRAFT*. №2. P. 32–55. DOI: 10.15688/jvolsu4.2017.2.12. (In Russian).

Kobishchanov T.Yu. 2009a. Krest nad Beirutom: rossiiskaya ehkspeditsiya v Vostochnoe Sredizemnomor'e 1769–1774 godax v vospriyatii siriiskikh sovremennikov. Chast' 1. Ot poyavleniya v Sredizemnomor'e rossiiskoi ehskadry do pervogo shurma Beirut. [Cross over Beirut: Russian Expedition to the Eastern Mediterranean in 1769–1774 in the Perception of Syrian Contemporaries. Part 1. From the Appearance of the Russian Squadron in the Mediterranean to the First Assault on Beirut]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*. №1. P. 3–22 (In Russian).

Kobishchanov T.Yu. 2009b. Krest nad Beirutom: rossiyskaya ehkspeditsiya v Vostochnoye Sredizemnomor'e 1769–1774 godax v vospriyatii siriiskikh sovremennikov. Chast' 2. Vtoraya osada i vzyatiye Beyruta rossiiskim flotom [Cross over Beirut: Russian Expedition to the Eastern Mediterranean 1769–1774. in the Perception of Syrian Contemporaries. Part 2. The Second Siege and Capture of Beirut by the Russian fleet]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*. №2. P. 3–20 (In Russian).

Kopelev D.N. 2017. Imperskaya geopolitika 1720-kh godov: sekretnaya ehkspeditsiya Petra Velikogo na Madagaskar. [Imperial Geopolitics of the 1720s: Peter the Great's Secret Expedition to Madagascar]. *Vestnik RFFI*. №2. P. 51–52 (In Russian).

Ragunstein A.G. 2013. Pozitsiya Rossii v otnoshenii bor'by s severoafrikanским piratstvom v nachale XIX veka. [Russia's Position Regarding the Fight against North African Piracy at the Beginning of the 19th Century]. *Istoriya, teoriya, praktika rossiiskogo prava: sbornik nauchnykh rabot*. Kursk: KGU. №9. P. 217–226 (In Russian).

Shkunov V.N. 2012. Torgovye svyazi Rossiiskoi Imperii s Afrikoi v XVIII – pervoi polovine XIX v. [Trade Relations of the Russian Empire with Africa in the 18th – First Half of the 19th Centuries]. *Vostok (Oriens)*. №4. P. 82–87 (In Russian).

Smilyanskaya I.M., Velizhev M.B., Smilyanskaya E.B. 2011. Rossiya v Sredizemnomor'e. Arkhipelagskaya ehkspeditsiya Ekateriny Velikoi. [Russia in the Mediterranean. Archipelago Expedition of Catherine the Great]. Moscow: Indrik. 840 p. (In Russian).

Zherlitsyna N.A. 2014. *Rossiisko-tunisskie otnosheniya 1780–1991*. [Russian-Tunisian Relations 1780–1991]. Moscow: Institute for African Studies of the RAS. 219 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Булатов В.Э. 2021. *Русские морские карты XVIII века*. Москва: Государственный исторический музей. 468 с.

Давидсон А.Б., Филатова И.И. 2010. *Россия и Южная Африка: три века связей*. Москва: Изд. дом Гос. ун-та ВШЭ. 331 с.

Дьяконов Н.Н. 2009. Россия и Магриб. История установления отношений. *Вестник СПбГУ. Серия 13. Востоковедение, африканистика*. №4. С. 3–13.

Жерлицына Н.А. 2014. *Российско-тунисские отношения 1780–1991*. Москва: ИАФР РАН. 219 с.

Каздагли Н. 2018. Тунисско-российские отношения от Екатерины II до Хамуда-паши (конец XVIII – начало XIX в.). *История. Научное обозрение OSTKRAFT*. №2. С. 32–55. DOI: 10.15688/jvolsu4.2017.2.12.

Кобищанов Т.Ю. 2009а. Крест над Бейрутом: российская экспедиция в Восточное Средиземноморье 1769–1774 гг. в восприятии сирийских современников. Часть 1. От появления в Средиземноморье российской эскадры до первого штурма Бейрута. *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*. № 1. С. 3–22.

Кобищанов Т.Ю. 2009b. Крест над Бейрутом: российская экспедиция в Восточное Средиземноморье 1769–1774 гг. в восприятии сирийских современников. Часть 2. Вторая осада и взятие Бейрута российским флотом. *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*. №2. С. 3–20.

Копелев Д.Н. 2017. Имперская геополитика 1720-х гг.: секретная экспедиция Петра Великого на Мадагаскар. *Вестник РФФИ*. №2. С. 51–52.

Рагунштейн А.Г. 2013. Позиция России в отношении борьбы с североафриканским пиратством в начале XIX века. *История, теория, практика российского права: сборник научных работ*. Курск: КГУ. №9. С. 217–226.

Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. 2011. *Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой*. Москва: Индрик. 840 с.

Фруммин Д.В. 2009. Миссия барона Тонуса. 225 лет назад в Египет был назначен первый российский консул. *Восточный архив*. С. 4–15.

Шкунов В.Н. 2012. Торговые связи Российской Империи с Африкой в XVIII – первой половине XIX вв. *Восток (Oriens)*. №4. С. 82–87.

Роль суеверий в управлении современным бизнесом

Ю.А. Ковальчук

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

Рецензия на книгу: Crossman J. 2024. *Superstition, Management and Organisations: Irrationality, Randomness, and Chaos in Decision Making. Palgrave Studies in Workplace Spirituality and Fulfillment*. Palgrave Macmillan, Cham. 267 p. DOI: 10.1007/978-3-031-59020-7.

Ключевые слова: управление, принятие решений, суеверие, неопределённость, иррациональность, искусственный интеллект

Суеверия и управление бизнесом – достаточно сложное, неоднозначное сочетание. Зачастую суеверия наиболее распространены именно в розничных продажах – когда первым покупателем с начала дня является мужчина, то точно день будет удачным, и многие убеждены в том, что это действительно работающее правило. Кто-то использует эзотерику и нумерологию и ведёт бизнес, учитывая фазы Луны, или проводит переговоры и заключает контракты исключительно за круглым столом и никогда в пятницу 13-го, или нанимает сотрудников в соответствии со знаками зодиака или по заключению экспертов-физиогномистов, – и это даёт свой гарантированный результат. Но как все эти суеверия следует воспринимать сейчас, когда мир настолько технологичен и рационален? И помогают ли суеверия, как и в прежние времена, переживать экономические кризисы? Ответ на этот вопрос можно попытаться найти в книге австралийского независимого исследователя Джоанны Кроссман под названием «Суеверие, управление и организации: иррациональность, случайность и хаос в процессе принятия решений», вышедшей в издательстве Palgrave Macmillan.

УДК 658:159.964.2

Поступила в редакцию: 11.02.2024 г.

Принята к публикации: 25.05.2024 г.

Общеизвестно, что суеверия – это некий предрассудок или верование (убеждение), которое основано больше на практике и имеет мало общего с научным обоснованием или законами природы. И действительно, наибольшее число научных публикаций за последние 30 лет, посвящённых феномену суеверий, издаётся по тематике философии и религии. Современные исследователи продолжают следовать позиции Цицерона о противопоставлении религии и суеверий (Брагова 2017), когда суеверия как «пустой страх перед богами» становятся препятствием к разумному познанию, а также обращаются к рассмотрению суеверий как фактора торможения экономического развития, наук и искусства в радикально религиозных странах (Назаров 2022). В то же время всё ещё сильна логическая и проверенная временем связь, когда суеверия являются неотъемлемой частью развития человечества – от магии и религии до философии и научного знания, т. е. суеверия не являются частью религии. Тем не менее, по мнению известного английского учёного в области физической химии и философии науки М. Поланьи, развитие наук снова вовлекает человечество в «новые системы заблуждений» (Polanyi 1958), что лишь подтверждает тезис не только о противоречивости восприятия суеверий, но также и об их определённой роли. С. Вайс, учёный-бихевиорист, чья книга о суевериях получила премию Американской психологической ассоциации и переведена на многие языки, отмечает, что хотя более склонны к суевериям люди определённых профессий (артисты, спортсмены, водители, продавцы и т. п.), но само мышление суеверия является нормальным для любого человека (Vyse 2014), поскольку в нашей жизни есть совпадения, которые подтверждают нашу убеждённость в правдивость суеверия. Управление бизнесом также не стало исключением для рассмотрения этого вопроса, ведь серия экономических шоков в последние пять лет нашей жизни снова сделала актуальным поиск решений выхода из сложившихся проблем, в том числе и на основе нерациональных убеждений, ведь люди очень часто обращаются к суевериям, когда им нужно достигнуть поставленных целей (Hamerman, Morewedge 2015).

Не следует забывать и о повсеместном распространении технологий искусственного интеллекта, что также акцентирует внимание к неопределённости последствий их использования и порождает не только позитивные ожидания, но и противодействующие процессы, которые могут стать основой для формирования новой системы предрассудков и суеверий.

Рецензируемая книга позиционируется как первая, которая рассматривает суеверия в бизнесе и конкретно в процессах управления организациями и процессах принятия решений. Такой тезис, с одной стороны, вызывает интерес, но, с другой стороны, предъявляет повышенные требования к объективности и убедительности аргументов автора. Поэтому в самой книге в качестве источников, обосновывающих суждения и особенности восприятия относительно суеверий в разных областях жизни человека – от философии, психологии, медицины, религии, культуры, экологии и вплоть до менеджмента, используются

около пятисот научных публикаций и отчётов о результатах прикладных исследований, что позволяет сформировать массив разноспециализированных и даже альтернативных тезисов о суевериях и аргументов об их роли в управлении современным бизнесом.

Поэтому вполне резонно, что в первых главах книги автор сосредоточился на том, как суеверия формировались в прошлом, и что влияет на их формирование в настоящее время. Причём, несмотря на множество выбранных научных источников в качестве аргументов, подтверждающих формирование суеверий и их связанность с поведением человека, тем не менее текст даёт чёткий сигнал читателю, что суеверия не подкрепляются научными данными и практически полностью иррациональны.

Вызывает интерес, как автор объясняет формирование и результативность суеверий на основе разных теорий и дисциплин. Так, приводя разные источники в доказательство, Дж. Кроссман отмечает, что в психологии стали более глубоко изучать суеверия с начала XIX века – это было вызвано интересом к спиритическим сеансам и в целом к паранормальным и сверхъестественным явлениям, а также к азартным играм. Апеллируя к работам известнейшего антрополога начала XX в. Б. Малиновского, автор делает акцент на том, что «суеверия, по-видимому, дают ощущение контроля над случайными событиями» (с. 8). В то же время объективность психологического подхода в исследовании суеверий уравновешивается тем, что такие патологии, как когнитивный дефицит, психоз, маниакальная депрессия сопровождаются симптомами склонности к суеверным убеждениям. При этом довольно спорным представляется утверждение, что женщины более склонны к суевериям (с. 164). Пусть в далёком прошлом преимущественно женщины в Европе занимались гаданием и магией, а в Азии они проводили различные ритуалы в домах и храмах, однако в истории остались имена известных прорицателей – мужчин – с разной степенью достоверности суждений. Поэтому выводы о гендерной предрасположенности сложно рассматривать как достаточно обоснованные, хотя и есть определённые эффективные практики внедрения суеверий в рекламный концепт товаров, предназначенных для использования женщинами.

Тем не менее, сильно не углубляясь сначала в психологическую (глава 2 «Суеверие: обзор ключевых дисциплинарных перспектив») и религиозную (глава 4 «Отношения между религией, суеверием и духовностью»), а далее в философскую (глава 6 «Суеверия и рациональность») составляющие идентификации суеверий, автор очень чётко определяет концепт исследований суеверий в бизнесе, отмечая научные публикации последних 20 лет и делая вывод, что такие исследования были своего рода признаком смелости со стороны исследователей. Признавая распространённость суеверий в обыденной жизни, достаточно сложно доказать влияние суеверий на управление бизнесом, хотя, например, в азиатских странах (Китай, Индия и др.) заметна роль суеверий как некоторого неформального явления в деловой среде, а в таких сферах как купля-продажа

недвижимости, страхование жизни, продажи, маркетинг и реклама, гостиничный бизнес и др. сформировались специфические иррациональные убеждения, помогающие вести бизнес успешно. Таким образом, оказалось, что аналитическое рациональное мышление может вполне балансировать с суевериями в бизнес-среде.

Согласно названию книги, отдельно отмечается, что принятие решений изначально рассматривается как рациональный процесс. Однако именно нарастание неопределённости и даже хаоса во внешней среде, непредсказуемость событий, ошибочность интерпретации результатов количественного анализа и невозможность применить стандартные алгоритмы приводит к обращению к иррациональным факторам – суеверным убеждениям, что позволяет определённым образом контролировать ситуацию и принять необходимое решение – «контекст принятия решений влияет на определение его характера» (с. 16). Признавая субъективность принятия решений, автор, приводя аргументы из научных публикаций и, прежде всего, положения теории ограниченной рациональности нобелевского лауреата по экономике Г. Саймона (о когнитивных, временных и ресурсных ограничениях), отмечает опять же склонность человека к суевериям, каким бы образованным и жёстким в принятии решений он ни был. Также вполне справедливо отмечается влияние интуиции в процессах принятия решений – и это особенно ярко проявляется в принятии финансовых и инвестиционных решений (Степнов, Ковальчук 2023). Но интуиция может трактоваться и как неосознанный процесс, и как результат аффективного поведения, и даже как результат излишней эмоциональности. Магия, колдовство, обряды и ритуалы, астрология – это то, что также в давние времена составляло обязательный элемент процессов принятия решений, и в книге это учтено и кратко проанализировано.

Одновременно с этим встраивание искусственного интеллекта в процессы принятия решений, которое происходит сейчас в корпоративных аналитических системах, порождает, по мнению автора, «прекогнитивное, бессознательное и нелогическое мышление» (с. 20), что формирует новое поле для исследований суеверного мышления. Все это ещё раз даёт возможность убедиться не в противоречивости, а именно в сложности и комплексности влияния самых разных факторов на процессы принятия решений в бизнесе.

В целом же, Дж. Кроссман отмечает, что использовала трансдисциплинарный подход к изучению суеверий в контексте бизнеса и менеджмента – и здесь снова актуальна позиция Цицерона, что суеверие может стать основой веры для человека или следованием определённой культуре. Это признание очень важно именно с позиции уважения к личности и понимания особенностей человеческой психологии.

Сильной стороной рецензируемой книги следует считать то, что методологически она достаточно правильно выстроена, чтобы раскрыть понимание роли суеверий в управлении бизнесом при всех их противоречиях и отсутствии

научности. Автор не только приводит разные аргументированные позиции исследователей о природе суеверий из разных сфер науки (психологов, антропологов, социологов, философов, теологов и др.), но и приводит примеры проявления суеверий в разных видах бизнеса (отраслях экономики) и типах компаний, учитывая современные нестабильные условия функционирования рынков, а иногда и условий хаоса, как, например, в период наибольших потерь при пандемии коронавируса и необходимости наращивать производство или вообще приостанавливать работу компаний. Тезис о том, что кризис для одних становится trampлином успеха для других (своеобразное «либо пан, либо пропал») как никогда сработал именно в период пандемии, когда компании смогли быстро перестроить свои бизнес-модели на цифровые решения, электронные расчёты и организованную логистику. Однако было бы интереснее представить эти примеры ещё и с привязкой к разным странам и, соответственно, разной культуре и религии, что позволило бы читателю не только погрузиться в исследовательский материал с массой научных источников, но и почувствовать действительную реальность того, что суеверия продолжают играть в управлении бизнесом свою особую роль.

Тем не менее в книге отдельная глава 9 посвящена влиянию нумерологии на ведение бизнеса и конкретно ценообразованию в сфере недвижимости. Интересно, что автор ссылается на российских исследователей в части констатации факта предубеждений покупки квартир на 13 этаже и соответствующих решений продавцов о предоставлении скидок. Вообще, тезисы про нумерологические суеверия о счастливых и несчастливых цифрах сформулированы с максимальной показательностью и аргументацией с использованием ссылок на множество научных источников, с разделением по национальным, религиозным и культурным особенностям – данная глава представляется наиболее интересной именно для выделения исторического контекста формирования влияния цифр на принятие решений в разных сферах как бизнеса, так и в личных решениях людей как потенциальных покупателей. В современном мире тезис о том, что «цифры не лгут» модифицировался в сторону возможностей манипулирования цифрами для получения выгоды в бизнесе (Damodaran 2017), поэтому автор, признавая, что «экономистов должно интересовать то, сколько люди готовы платить за счастливые числа» (с. 179), вполне справедливо отмечает этичность целенаправленного использования нумерологических суеверий.

Некоторым неявным подтекстом в этой книге можно увидеть даже констатацию вывода, что следование суевериям может стать специфическим бизнесом в сфере услуг, когда некоторые необоснованные убеждения становятся объектом управленческого консультирования для увеличения объёмов продаж в компании или управления персоналом с учётом культурных или религиозных факторов (глава 11 «Отрасли и организации, процветающие на основе суеверий и убеждений нью-эйджа»). Это подтверждается и результатами малайзийских исследователей (Lim, Wong, Hiau Abdullah 2023), которые, проводя оценку

ценности суеверий, пришли к выводу о том, что суеверия являются средством социального контроля, когда суеверия становятся инструментом приобщения к определённой целевой группе или сообществу. Совершенно неожиданным в этой связи стала представленная оценка автором в книге бизнес-модели цыганской диаспоры в США (с. 230), которая основана на гадании, предлагаемом в качестве платной услуги. Это служит примером коммодификации суеверий, подтверждая тезис и об их ценности, и о возможности встроить их в управление бизнесом, особенно в части маркетинга. Дж. Кроссман отмечает, что «потребителей интересуют суеверия, а маркетологов интересует как повлиять на решения в области продаж, чтобы их потребности были удовлетворены» (с. 236).

В общем, вполне резонно читатель может задаться вопросом: все-таки суеверие – это убеждение? Или может быть это заблуждение или даже глупость, которая основана на невежестве, незнании? Почему всё-таки суеверия сегодня продолжают действовать и им подвержены даже самые образованные люди и, тем более люди, занимающиеся бизнесом? Прямо автор не даёт ответа на этот вопрос, но косвенно его можно получить в главе 5 «Суеверные убеждения и поведение» и главе 7 «Ключевые предположения о природе суеверий». Здесь отмечается, что именно в периоды неопределённости сегодня возрастает интерес и одновременно давление со стороны конспирологических идей или, по-научному, теории заговора (с. 90) и осуществляются попытки снизить тревожность при случайных, трудно прогнозируемых событиях (с. 125). Рыночные шоки, санкционное давление, террористические атаки, политические события порождают большие информационные волны с не всегда объективными и противоречивыми данными, повышая таким образом уровень сомнений. Это влияет и на повседневную жизнь человека и, безусловно, на бизнес, который пытается адаптироваться к этим изменениям и найти возможности для развития. Теория заговора, с одной стороны, как правило, далека от рационализма и может успешно соседствовать с паранойей, но, с другой стороны, здоровый скептицизм позволяет лицу, принимающему решение, на индивидуальном или групповом уровне делать это с «холодной головой» и ощущением свободы действий, одновременно используя суеверный опыт для объективности своих решений и формирования иллюзии уверенности и понимания происходящих случайностей.

Целевой аудиторией данной книги, несмотря на использование в её названии управленческой терминологии, можно считать широкую аудиторию – ведь люди склонны и по жизни, и в своей профессиональной деятельности пытаться находить выход из своих страхов и ощущений тревоги через поиск случайных совпадений, которые облегчат их состояние. В бизнесе, который сейчас функционирует в условиях неопределённости (экономики, рынков, отраслей, конкурентного и потребительского поведения), суеверия могут стать определённым фактором обоснования и дополнения управленческого решения, которое нужно принять быстро и без колебаний. Суеверия позволяют в этих вариантах

условно перенести ответственность на дело случая и продолжать реализовывать управленческие процессы. Конечно, здесь есть большой минус в виде ошибок и неправильного истолкования сложившейся ситуации при принятии решений – поэтому книга и не даст читателю 100% вариант правильного понимания суеверий на благо бизнеса, а будет являться стимулом для осмысления влияния суеверий на человека и его поведение в условиях неопределённости ведения бизнеса и сформирует опору на рациональность убеждений и использование своих знаний и компетенций.

Представляется определённым упущением в данной книге то, что автор не раскрыл логическую связь суеверий и паттернов (шаблонов действий, возможно, ритуалов), которые реализуются при разработке и принятии решений в современных компаниях. Лидер компании (или руководитель среднего звена) может вполне обладать достаточной харизмой, но при этом его поведение, стиль одежды, манера разговора и риторика, скорее всего, сформированы под влиянием ему понятных правил и ритуалов, что в итоге формирует его образ успешного руководителя и уверенность в его действиях для сотрудников. Также вполне возможно у читателей этой книги возникнет вопрос о том, как сочетаются суеверия и удачливость в бизнесе (своеобразная вера в «подкову на счастье» или ангела-хранителя, ношение амулетов и талисманы, гороскопы), а также суеверия и уверенность в поведении руководителя или лица, принимающего решения. Интересно, что на практике, даже если руководитель склонен к суевериям, то он может опасаться, что его подчиненные могут воспринять это как проявление непрофессионализма, – поэтому открыто о своих убеждениях или ритуалах он может не распространяться.

С позиции анализа проявлений суеверий в разных сферах бизнеса можно считать недостатком отсутствие примеров, связанных с суевериями в частности в сфере финансовых решений, инвестиций и страхования – в книге в основном представлены примеры, связанные с куплей-продажей недвижимости и с позиции покупателя. Например, в биржевой торговле классическое суеверие о неудачном дне (пятница 13-е) наоборот показывает свою несостоятельность – так, исследователи из Австралии и США (Chung, Darrat, Li 2014) доказали на ретроспективных рыночных данных за более чем 10 лет в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, что доходность акций в этот день выше. Такие сравнительные примеры стали бы более убедительным основанием «живучести» и противоречивости суеверий в современном бизнесе.

Книга про суеверия в бизнесе, который реализуется в эпоху цифровых решений, конечно, является очень смелым заявлением автора, и судить объективно об их роли достаточно сложно – здесь имеет большое значение отношение потенциального читателя к этому спорному процессу, ведь для кого-то это следование религиозным убеждениям, философия жизни или просто навязчивые идеи. Однако сильной стороной этой книги нам представляется именно осознание последствий следования суевериям в управлении современным бизнесом.

Если даже лицо, принимающее решение в условиях неопределённости, будет опираться на рациональность в своих действиях, то это решение может быть направлено на субъектов (клиентов), чтобы использовать их веру в суеверия (т. е. иррациональную убеждённость), например, в рекламной кампании или упаковке продуктов, для повышения эффективности бизнеса. Как вариант, суеверия сегодня следует воспринимать как ещё один дополнительный источник информации для принятия решений.

Это поразительно, но многим суевериям сотни лет, и, похоже, использование самых прогрессивных технологий и в жизни, и в бизнесе не сможет их победить. Главное, чтобы человек определённо осознавал их ценность и пользу для себя, оставаясь рациональным, объективным и этичным.

Об авторе:

Юлия Александровна Ковальчук – доктор экономических наук, профессор, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет). Россия, 125993, Москва, Волоколамское шоссе, 4. E-mail: fm-science@inbox.ru
ORCID ID: 0000-0002-9959-3090

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Благодарность:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда №23-28-01233, <https://rscf.ru/project/23-28-01233/>. Исследование выполнено в Институте проблем рынка Российской академии наук.

UDC 658:159.964.2
Received: February 11, 2024
Accepted for publication: May 25, 2024

Superstition and Its Role in Modern Business Management

 J.A. Kovalchuk
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-2-95-228-237](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-2-95-228-237)

Moscow Aviation Institute (National Research University)

Book Review: Crossman J. 2024. *Superstition, Management and Organisations: Irrationality, Randomness, and Chaos in Decision Making. Palgrave Studies in Workplace Spirituality and Fulfillment*. Palgrave Macmillan, Cham, 267 p. DOI: 10.1007/978-3-031-59020-7.

Key words: management, decision-making, superstition, uncertainty, irrationality, artificial intelligence

About the author:

Julia A. Kovalchuk – Doctor of Economics, Professor of Moscow Aviation Institute (National Research University). 4 Volokolamskoe shosse, Moscow, Russian Federation, 125993.
E-mail: fm-science@inbox.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgments:

The reported study was funded by RSF (Russian Science Foundation), project number №23-28-01233, <https://rscf.ru/en/project/23-28-01233/>. The reported study was carried out at the Market Economy Institute of the Russian Academy of Sciences.

References:

- Chung R., Darrat A.F., Li B. 2014. Superstitions and Stock Trading: Some New Evidence. *Journal of the Asia Pacific Economy*. 19(4). P. 527–538. DOI: 10.1080/13547860.2014.920589.
- Damodaran A. 2017. *Narrative and Numbers: The Value of Stories in Business*. Columbia Business School Publishing. 296 p.
- Hamerman E.J., Morewedge C.K. 2015. Reliance on Luck: Identifying Which Achievement Goals Elicit Superstitious Behavior. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 41(3). P. 323–335. DOI: 10.1177/0146167214565055.
- Lim H.-E., Wong W.-C., Hiau Abdullah N.A. 2023. Estimating the Superstition Value: Why Not Decomposition Analysis? *Journal of the Asia Pacific Economy*. 28(2). P. 374–389. DOI: 10.1080/13547860.2021.1928406.
- Polanyi M. 1958. *Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy*. University of Chicago Press; First American edition. 428 p.
- Vyse S. 2014. *Believing in Magic: The Psychology of Superstition*. Oxford University Press. 328 p.
- Bragova A.M. 2017. Ciceron o sueverii [Cicero about Superstition]. *Juvenis Scientia*. №4. P. 39–41. DOI: 10.15643/jscientia.2017.4.010. (In Russian).
- Nazarov U.K. 2022. Sueverie i radikalizm, faktory tormozyashchie razvitiyu Afganistana [Superstition and Radicalism, Factors Hindering the Development of Afghanistan]. *Bulletin of the Pedagogical University*. 6–1(101). P. 312–319. (In Russian).
- Stepnov I.M., Kovalchuk J.A. 2023. Finansy biznes-ekosistem: sovremennaya povestka i vyzovy [Business Ecosystem Finance: Modern Agenda and Challenges]. *Finance: Theory and Practice*. 27(6). P. 89–100. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-6-89-100. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

- Брагова А.М. 2017. Цицерон о суеверии. *Juvenis Scientia*. №4. С. 39–41. DOI: 10.15643/jscientia.2017.4.010.

Назаров У.К. 2022. Суеверие и радикализм, факторы, тормозящие развитие Афганистана. *Вестник Педагогического университета*. 6–1(101). С. 312–319.

Степнов И.М., Ковальчук Ю.А. 2023. Финансы бизнес-экосистем: современная повестка и вызовы. *Финансы: теория и практика*. 27(6). С. 89–100. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-6-89-100.